

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

11-12

Пролетария всех стран, соединяйтесь!

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

11-12

С О Ц Э К Г И З

1940

Краткий курс истории ВКП(б) и экономическая наука

Товарищ Сталин на XVIII съезде партии подчеркивал огромное значение знания законов общественного развития для большевиков всех отраслей науки. Без глубокого знания законов общественного развития, без понимания конкретных вопросов экономики нельзя руководить революционным движением, нельзя осуществлять руководство строительством нового общественного строя. Тем, кто не усвоил этого, кто не работает над повышением своего политического уровня, грозит опасность заплесневеть, переродиться, скатиться в болото обывательщины.

Неисчерпаемый источник силы нашей партии коренится в том, что она создавалась и развивалась на гранитной основе единственно правильной марксистско-ленинской теории, испытанной в великих классовых боях в России и на международной арене. «Марксизм,— писал Ленин,— как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹.

Марксистско-ленинская теория не догма, а руководство к действию. Сущность творческого марксизма, передовым носителем и воплощением которого является партия Ленина—Сталина, ярко показал товарищ Сталин.

Марксистско-ленинская теория помогает правильно понять ход исторических событий, внутреннюю связь явлений, дает умение ориентироваться в конкретной обстановке, показывает перспективы движения. Марксистско-ленинская теория — острейшее оружие в революционной борьбе, овладение ею — главный залог победы.

Овладеть марксистско-ленинской теорией — значит познать законы развития общества, научиться пользоваться этой теорией при решении практических задач революционного движения в конкретной исторической обстановке, поставить теорию на службу революционному действию.

Выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» был крупнейшим событием в идейной жизни нашей партии. Эта книга, в которой сосредоточено огромное богатство теоретической мысли, явилась неоценимым вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма. Вписана новая глава в развитие марксистско-ленинской теории. «Краткий курс» стал могучим орудием коммунистического воспитания масс, наставником и руководителем миллионов. В этом труде обобщен весь многолетний гигантский опыт большевистской партии, дано подлинно научное объяснение всех сложнейших вопросов революционной борьбы рабочего класса. Огромная роль «Краткого курса» заключается в том, что он оказывает влияние на всю повседневную работу стро

¹ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 175.

ителей социалистического общества, на все области марксистско-ленинской науки, способствует идеологической и теоретической закалке большевистских кадров, учит по-большевистски решать стоящие перед страной задачи. Под влиянием изучения истории партии резко возросли идейные запросы масс. Давая глубокое теоретическое освещение исторических событий и подлинно научный анализ явлений, «Краткий курс» будит теоретическую мысль, прививает вкус к теории.

Историю Всесоюзной коммунистической партии большевиков «Краткий курс» излагает в неразрывной связи с развитием Лениным и Сталиным всей теории марксизма. В нем не только изложен ход революционных событий, но и даны основные положения марксистско-ленинской теории, марксистско-ленинской философии, диалектического и исторического материализма. В этой книге показано то новое, что внес ленинский гений в марксистскую теорию, показано, как создавались тактические и организационные основы партии, как Ленин и Сталин отстаивали идейное оружие партии — чистоту марксистско-ленинской теории. Перед читателем проходит титаническая деятельность Ленина и Сталина, их неустанная работа над дальнейшим развитием великого учения Маркса и применением его к новой исторической обстановке. Двигая вперед и обогащая марксистскую науку, Ленин и Сталин в соответствии с новыми условиями выдвигают новые положения и делают новые, смелые выводы.

Два года, прошедшие со дня выхода в свет «Краткого курса», — этого образца научной работы, были годами перестройки теоретической работы. Глубокая идейность, железная логика, внутренняя цельность, сочетание подлинной научности с предельной простотой и ясностью изложения — все это служит образцом для работников теоретического фронта. Вооружая знанием законов общественного развития и классовой борьбы, этот замечательный труд помогает научным работникам лучше овладеть большевизмом, дает толчок к расширению теоретического кругозора, к повышению политического и теоретического уровня научно-исследовательских работ.

Будучи направлен против подмены марксистско-ленинской теории заученными формулами и схемами и тощими абстракциями, он способствует подъему творческой работы в различных областях науки.

Огромна роль «Краткого курса» и для экономического участка теоретического фронта. Эта книга — яркий образец научного освещения экономических явлений. Она учит сочетать партийность и строго научный, объективный подход при исследовании происходящих в народном хозяйстве процессов. Она помогает сделать научное исследование полнокровным, жизненным и актуальным, отбросив бесплодное, никчемное социологизирование. Она призывает к более глубокому изучению целого ряда проблем, к более решительной постановке вопросов, вытекающих из исследований.

Влияние «Краткого курса» на развитие экономической мысли глубоко и всесторонне: можно с уверенностью сказать, что у нас нет ни одного серьезного экономического произведения, которое не отразило бы этого влияния.

«Краткий курс» поднял на новую ступень марксистско-ленинскую политическую экономию. Он указал пути ликвидации извращений в области преподавания экономических дисциплин, и политической экономии в частности. В этом труде, особенно в IV главе, блестяще показано, как надо связывать самые абстрактные теоретические проблемы с непосредственно практическими и политическими выводами. Этому должны учиться научные работники всех специальностей, и в первую очередь экономисты, которые работают над проблемами, непосредственно связанными с классовой борьбой.

В IV главе говорится: «...ключ к изучению законов истории общества нужно искать не в головах людей, не во взглядах и идеях общества, а в способе производства, практикуемом обществом в каждый данный исторический период,—в экономике общества»². Огромное значение для научной и педагогической работы имеет сталинская характеристика способа производства, производительных сил и производственных отношений и значения их в общественном развитии. Именно способ производства является главной и решающей силой, которая определяет характер общественного строя, смену одной общественно-экономической формации другой. Исключительное значение имеет классическая характеристика пяти основных типов производственных отношений. Она, в частности, по-новому освещает важнейшие проблемы, связанные с докапиталистическими формациями. По-новому поставлен вопрос о первобытно-общинном строе. Внесена полная ясность в вопрос об общественной и личной собственности при первобытно-общинном строе, о роли производственных и семейных отношений на этой стадии развития, о противоречиях рабовладельческого и феодального строя. Дано новое направление разработке проблем рабовладельческого строя. Очень важна сталинская трактовка сущности феодального строя. Все это позволило перестроить преподавание раздела политической экономии, посвященного докапиталистическим формациям.

Огромную помощь оказывает «Краткий курс» при изучении экономической мысли большевизма, а также истории политической экономии. Данные в I главе анализ и характеристика воззрений народников и «легальных марксистов», а также оценка роли Ленина и Плеханова в борьбе с ними по-новому ставят целый ряд важнейших вопросов. В трактовке их, как известно, до выхода «Краткого курса» существовала большая путаница. Сейчас положен конец вульгаризаторству в этой области.

Большую ценность при изучении ревизионизма в политической экономии имеет анализ причин перехода партий II Интернационала на сторону своих империалистических правительств. Для понимания эволюции II Интернационала весьма поучителен следующий вывод: «Придерживаясь примиренческой политики в отношении оппортунизма, II Интернационал сам стал оппортунистическим»³. Глубокий анализ начала второй империалистической войны, данный в XII главе, чрезвычайно важен для изучения общего кризиса капитализма. Последующие события подтвердили правильность этого анализа.

Большое значение для марксистско-ленинской теории имеет теоретическое обобщение и разработка того нового, что внес Ленин в теорию социалистической революции. В «Истории ВКП(б)» четко показано, как развивалось ленинское учение о победе социализма в одной стране применительно к особенностям отдельных этапов социалистической революции; показано, как надо подходить к изучению ленинско-сталинского этапа в политической экономии.

«Краткий курс» дает ключ к правильной разработке проблем политической экономии социализма. Для изучающих советскую экономику руководящим стало положение о полном соответствии характера производительных сил производственным отношениям в социалистическом обществе. Огромное значение имеет глубоко научная, экономическая периодизация всех этапов истории партии после Великой Октябрьской социалистической революции. В разработке истории советской экономики и проблем коллективизации сельского хозяйства

² История ВКП(б), стр. 116.

³ Там же, стр. 158—159.

большую роль сыграла формулировка о революционном перевороте в деревне в конце 1929 г. Наконец, глубокое влияние на разработку современных проблем политической экономии социализма оказала постановка вопроса о постепенном переходе от социализма к коммунизму, которая впервые была выдвинута в «Кратком курсе».

В постановлении о постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса» Центральный Комитет партии призывал бороться за ликвидацию теоретической отсталости, покончить с боязнью смелой постановки новых теоретических вопросов, искоренить вулгаризаторство и упрощенчество, начетничество и буквоедство.

Однако экономисты до сих пор не сделали необходимых выводов из этой суровой оценки.

Работники экономического фронта находятся в долгу перед страной: они резко запаздывают с постановкой и разрешением проблем политической экономии социализма. Экономическая научная мысль резко отстает от новых требований, выдвигаемых страной.

Ликвидация теоретической отсталости — главное условие движения вперед. Новая обстановка, новые процессы, происходящие в народном хозяйстве, требуют быстрого ответа на ряд жгучих вопросов.

По мере усиления роли руководства хозяйством неизмеримо возрастает и значение науки. Грандиозные новые задачи нашего развития не могут быть решены без непосредственного участия передовой науки.

В речи на первом всесоюзном совещании работников высшей школы т. Молотов говорил: «Размах нашего дела настолько велик, проводимое советской властью переустройство жизни вносит такие коренные изменения, что в наших условиях нельзя замыкаться только в повседневные дела и текущие нужды, а необходимо сознательно относиться к генеральному пути нашего развития, к историческим событиям, участниками которых мы являемся. Мы, большевики, считаем, что верным компасом в исторических событиях может служить ленинизм, раскрывающий их действительную сущность»⁴.

Возрастают требования и к экономической науке. В стране непрерывно происходят новые глубочайшие экономические процессы, требующие теоретического освещения. Изучение повседневной практики социалистического строительства должно сыграть огромную роль в постановке актуальных для народного хозяйства проблем. Тематика основных научно-исследовательских работ должна определяться конкретной исторической обстановкой, она вытекает из необходимости укрепить хозяйственную и оборонную мощь страны. Задача экономистов-теоретиков поэтому не ограничивается простым описанием и фиксацией фактов, повторением общих положений. Глубокое теоретическое обобщение фактов и анализ новых явлений из практики социалистического строительства — такова основная линия научного исследования. Без тесной, органической связи научных работников с повседневной жизнью социалистических предприятий не может быть движения вперед. Многогранная практика предприятий социалистической индустрии, транспорта и сельского хозяйства выдвигает перед научной мыслью огромный комплекс новых проблем глубокого принципиального значения. Научное обобщение передового опыта наших предприятий открывает богатейшие перспективы перед народным хозяйством.

Работы, выходящие из-под пера научных работников-экономистов, не соответствуют повышенным требованиям, которые предъявляют к ним партия и правительство. За последние годы в них не было вы-

⁴ Молотов, О высшей школе, Госполитиздат, 1938, стр. 13.

двинуто почти ни одной крупной народнохозяйственной проблемы, работы эти мало связаны с практикой социалистического строительства. Научные работники-экономисты во-время не подхватывают передовой почин, не обобщают новых явлений, которыми так богата советская экономика. Многие из них, лишь формально усвоив основы диалектического метода, не умеют творчески применять его в своей теоретической работе. Нередко наблюдается и крайняя узость кругозора научных работников-экономистов. Они мало занимаются самообразованием, не изучают историю, философию, литературу и искусство, ограничиваясь часто только своей областью научной работы.

Сейчас, в сложнейшей международной обстановке, когда весь советский народ с исключительным воодушевлением работает над укреплением хозяйственной и оборонной мощи своей страны, теоретическое отставание экономической мысли еще более нетерпимо.

Неотложной задачей является разработка ленинско-сталинского этапа в политической экономии. Необходимо показать развитие марксистской политической экономии в работах Ленина и Сталина и роль экономической теории — могучего рычага социалистического строительства. Развитие Лениным и Сталиным экономической теории Маркса, которое происходило в борьбе против ревизионистов всех мастей, должно быть показано исторически. Особого внимания заслуживает вопрос о роли Ленина и Сталина в создании политической экономии социализма. Внимание экономистов должно быть привлечено к таким проблемам, как учение Ленина и Сталина об экономической роли диктатуры пролетариата и хозяйственно-организаторской функции социалистического государства. На XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин, говоря о двух фазах развития нашего социалистического государства, указывал, что во второй фазе особую роль приобретает хозяйственно-организаторская функция. Необходимо показать весь механизм, при помощи которого Советское государство осуществляет руководство социалистическим строительством и отдельными отраслями народного хозяйства — промышленностью, сельским хозяйством, финансами, торговлей.

Успешное осуществление исторических задач, поставленных XVIII съездом партии перед народным хозяйством, выдвигает перед научной мыслью разработку теории экономического районирования страны, анализ межрайонных связей и характеристику районных комплексов. Без правильного экономического районирования невозможно разрешить поставленную партией задачу комплексного развития основных экономических районов, невозможно обеспечить, как указывал на XVIII съезде тов. Молотов, самые важные государственные интересы. Только правильное экономическое районирование может обеспечить наиболее рациональное использование местных сырьевых и топливных ресурсов, установление правильных пропорций между отраслями, устранение излишних дальних и встречных перевозок, рациональное использование трудовых ресурсов района. С проблемой экономического районирования переплетаются все коренные вопросы дальнейшего развития народного хозяйства, связанные с повышением производительности общественного труда.

Сталинские пятилетки внесли глубокие изменения в систему территориального разделения труда между республиками, между основными экономическими районами. Крупные сдвиги наблюдаются в области размещения промышленности, сельского хозяйства, транспорта. Серьезные перемены произошли в системе межрайонных экономических связей.

Но здесь далеко еще не использованы все таящиеся в нашем социалистическом хозяйстве возможности. Об этом свидетельствует

хотя бы наличие огромного количества дальних и нерациональных перевозок.

Правильное экономическое районирование должно поднять на новую ступень территориальное разделение труда. Рационализация территориального разделения труда должна обеспечить правильное решение проблемы рассредоточения нового промышленного строительства, широкий переход к строительству небольших и средних предприятий, максимальную рационализацию перевозок, наиболее полное использование всех возможностей экономических районов, создание в основных экономических очагах предприятий-дублеров по ряду отраслей машиностроения, нефтепереработки, химии и т. п. При всем этом нельзя забывать, что для обеспечения развития производительных сил центральной является проблема трудовых ресурсов. Чтобы освоить изученные богатства и поставить их на службу, нужны люди. Без правильного использования возможностей районов нельзя рационализировать систему межрайонных экономических связей. Огромные сдвиги в размещении, создание промышленных очагов в бывших аграрных районах и развитии сельского хозяйства в бывших промышленных районах по-новому поставили вопросы хозяйственного сотрудничества между районами. На новую ступень поднимается и специализация районов как крупных хозяйственных комплексов, построенных на основе наиболее целесообразного использования местных природных и трудовых ресурсов.

Все большее значение приобретают задачи теоретического изучения проблем труда, которые должны быть в центре внимания наших экономистов. Из всех теоретических проблем в области экономики проблемы труда должны быть сейчас выдвинуты на одно из первых мест.

Чтобы привести в движение все рычаги дальнейшего повышения производительности труда, надо глубже изучить опыт наших предприятий, учитывая, что опыт этот надо изучать не для абстрактных выводов, а для оперативных действий, для того, чтобы помочь практике. Вдумчивый анализ заводской и колхозной практики всегда дает возможность нащупать новые проблемы в области повышения производительности труда.

В настоящий момент острее, чем когда-либо, стоят вопросы использования всех резервов производства. Возросли требования к рабочим, усилился контроль над количеством и качеством труда. Вместе с тем резко возросла ответственность командиров производства и всех тех, кто должен обеспечить высокопроизводительную работу. Новые условия повышают ответственность кадров, требуют большей деловитости и резкого улучшения всей организационной работы. Пути повышения производительности труда—это слаженная, стахановская работа, борьба за график, работа без простоев, без брака. На наших предприятиях таятся огромные резервы. Одна лишь ликвидация простоев, тормозящих производство и наносящих огромный экономический ущерб, дает значительный прирост продукции. Простой—результат недочетов в организации труда и производства, слабости плановой работы, неслаженности отдельных производственных звеньев, неупорядоченности системы снабжения, недостаточного кооперирования отраслей и т. п.

Экономическая мысль должна работать в направлении ликвидации всех этих потерь. Но без овладения всей суммой вопросов экономики производства, учета повседневной практики его, изучения вопросов организации труда нельзя правильно нащупать все огромные резервы. Сейчас, как никогда, остро стоят проблемы правильной организации производства. На предприятиях должны быть созданы все

условия для высокопроизводительной и культурной работы. Необходимо организовать дело так, чтобы полностью ликвидировать все виды потерь: чтобы рабочий не терял ни одной минуты, механизмы и агрегаты работали бесперебойно, сырье и материалы использовались в полной мере, продукция была комплектной. Победа каждого производственного участка куется на рабочем месте. Для этого требуется такая организация труда и расстановка людей, которая обеспечивала бы четкую работу предприятий. Правильная организация труда — важнейшее условие успехов социалистического предприятия. Именно она способствует ликвидации простоев и уплотнению рабочего дня. Задача наших научных работников — на опыте передовых предприятий создать ряд монографий, раскрывающих конкретные методы рациональной организации производства и пути повышения производительности труда.

Дальнейшее развитие нашей индустрии немыслимо без устойчивой системы подготовки квалифицированных рабочих кадров. Расширенное социалистическое воспроизводство предполагает также и планомерно расширенное воспроизводство квалифицированной рабочей силы. В основе государственного разрешения проблемы трудовых резервов лежит сейчас осуществление Указа Президиума Верховного Совета о создании трудовых резервов. Новая система подготовки квалифицированной рабочей силы выдвигает ряд важнейших проблем, связанных с образованием трудовых резервов. Расширенное воспроизводство квалифицированных рабочих кадров для ведущих отраслей народного хозяйства — один из коренных вопросов социалистического хозяйства, и теоретическая мысль не вправе забывать о нем. Развитие нашей индустрии непрерывно предъявляет новые требования к системе подготовки кадров. Реорганизация ее по-новому ставит проблемы комплектования и размещения трудовых ресурсов, распределения и перераспределения их между отраслями. Механизация социалистического земледелия, неуклонный рост трудоспособного населения колхозов выдвигают задачу использования трудовых резервов колхозов в интересах всего народного хозяйства.

В непосредственной связи с проблемами труда стоят вопросы изучения опыта стахановцев. В условиях нашего социалистического хозяйства практический опыт передовых людей производства — огромная движущая сила. Опыт стахановцев указывает конкретные пути использования резервов, конкретные методы организации производства и труда, совершенствования технологии производства. Стахановское движение разрослось вширь и вглубь, охватив все участки народного хозяйства. Тысячи стахановцев — рабочих и инженерно-технических работников — решают сложные технические проблемы, добиваются не только максимального использования оборудования, но и усовершенствования его, повышают качество продукции. Стахановская работа неизбежно выдвигает ряд новых задач, требует перестройки форм и методов работы.

Нельзя поэтому понять пути правильной организации производства и труда, не изучив того нового, что вносят стахановцы, которые не мирятся с отсталостью и техническим консерватизмом. Ломя старые производственные нормы и навыки, стахановцы вместе с лучшими учеными нашей страны прокладывают новые пути технического развития, способствуют техническому прогрессу.

Конкретный анализ методов стахановской работы под углом зрения генеральных путей развития техники имеет огромный интерес для дальнейшего роста нашей индустрии и сельского хозяйства.

Основоположники марксизма-ленинизма постоянно уделяли исключительное внимание проблемам техники, глубоко изучали тенденции

и пути технического прогресса. Ленин не раз указывал на исключительную роль знания техники, без чего нельзя понять перспектив дальнейшего общественного развития. Он говорил: «...экономист всегда должен смотреть вперед, в сторону прогресса техники, иначе он немедленно окажется отставшим...»⁵.

Экономисты должны решительно повернуться лицом к узловым проблемам техники. Особенности развития социалистической техники, необходимость постоянно совершенствовать техническую базу социалистической индустрии и сельского хозяйства требуют постоянного напряженного внимания к вопросам технической политики. Экономисты должны быть борцами за технический прогресс. Вопрос о путях технического прогресса в области промышленности, сельского хозяйства и транспорта, вопросы практического освоения мирового технического опыта, задачи дальнейшего освоения передовой техники должны быть в центре внимания экономической мысли.

Большой комплекс неотложных вопросов стоит перед научными работниками-аграрниками. Внесенные решениями партии и правительства изменения в политику заготовок сельскохозяйственных продуктов по-новому ставят важнейшие вопросы колхозного производства. Эти решения создают условия для всестороннего комплексного развития всех отраслей общественного производства колхозов. Широкие возможности созданы в колхозах для рационального использования земли — этого важнейшего средства производства в земледелии. Предоставив колхозам землю в бесплатное и бессрочное пользование, государство требует рационального использования каждого гектара ее. Чтобы колхозное производство давало обильные плоды, надо взять от земли все, что она может дать, использовать все резервы увеличения колхозных доходов, сделать все колхозы рентабельными. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1940 г. показала, что главное средство обеспечения всестороннего развития общественного хозяйства колхозов — правильное сочетание отраслей сельскохозяйственного производства. Это — решающее условие дальнейшего расцвета колхозного строя. Вот почему к этому вопросу должно быть привлечено неослабное внимание научных работников-аграрников.

Велики и ответственны задачи, стоящие сейчас вплотную перед научными работниками-экономистами в области повышения уровня экономического образования. Знание основ экономической науки, экономического учения марксизма-ленинизма необходимо для наших молодых кадров, подготовляющихся в вузах и техникумах к активному творческому участию в социалистическом строительстве.

Огромное значение поэтому приобретает подготовка учебников, стоящих на высоком теоретическом и политическом уровне. Еще в 1898 г. Ленин в рецензии на «Краткий курс экономической науки» А. Богданова подчеркивал огромное значение, которое имеют учебники для понимания основ экономической науки: «...вся задача состоит в том, чтобы человек, усвоивший себе начальное руководство, имел в руках надежную путеводную нить для дальнейшего изучения этого предмета, чтобы он получил интерес к такому изучению, понимая, что с вопросами экономической науки самым непосредственным образом связаны важнейшие вопросы современной общественной жизни»⁶.

⁵ Ленин, Соч., т. IV, стр. 208.

⁶ Там же, т. II, стр. 372.

До последнего времени одним из крупнейших недостатков в работе наших экономических вузов является отсутствие хороших учебников. Некоторые горе-преподаватели преподносят студентам науку политической экономии как сумму оторванных от действительности абстрактных формул. Этим выхолащивается творческая суть науки. Не лучше поставлено и преподавание ряда других экономических дисциплин, задачей которых является изучение отдельных отраслей народного хозяйства. В этих условиях создание доброкачественных учебников является задачей исключительного государственного значения. Прямая обязанность научных работников-экономистов — восполнить этот пробел.

Нет более высокой чести для научного работника, чем служить своему народу, чем способствовать победе коммунизма. Стране нужны научные труды, стоящие на уровне гигантских задач эпохи. Сейчас экономисты еще отстают. Такое положение должно внушить тревогу, должно мобилизовать экономистов на решительное преодоление этого отставания.

Советская страна выступает перед всем миром как неумолимый поборник подлинной науки, как носитель прогресса. По самой природе своей социалистическому обществу присуще новаторство. Центральный Комитет партии обратил внимание научных работников на необходимость дерзания в науке, ибо «...чем смелее и решительнее выступает наука, тем более приходит она в соответствие с интересами и стремлениями рабочих»⁷.

Только в Советской стране, где научная мысль неразрывно связана с практикой, оплодотворяющей науку, перед каждым научным работником открыты необозримые горизонты.

Со всей страстностью и темпераментом большевиков надо бороться против косности, консерватизма и вредных традиций прошлого, надо решительно и смело развивать творческую научную мысль, помогающую практике в ее стремительном движении вперед.

⁷ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 677—678.

Э. БРЕГЕЛЬ

ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Вопросы методологии политической экономии в работах Энгельса

I. Вопросы методологии в «Очерках критики политической экономии»

В работах великого соратника Маркса, одного из основоположников научного социализма, Фридриха Энгельса видное место занимают проблемы методологии политической экономии.

Уже в своей ранней работе, написанной до знакомства с Марксом и напечатанной в «Немецко-французских ежегодниках» (в статье «Очерки критики политической экономии»), Энгельс дал гениальное предвосхищение некоторых основных методологических положений марксистской политической экономии.

Известно, что буржуазные экономисты рассматривали капиталистический способ производства как естественный и вечный, а его законы — как абсолютные и всеобщие. Энгельс с самого начала критически отнесся к этому превратившемуся в догму официальной науки взгляду буржуазных экономистов, выдвинув совершенно новый подход к экономическим явлениям. Он показал, что только буржуазная ограниченность позволяет видеть в частной собственности альфу и омегу всей истории человеческого общества и что в действительности частная собственность есть, напротив, категория историческая.

Развивая это положение, Энгельс, с одной стороны, указывает на то, что частная собственность появилась не с самого начала истории человечества, что «...еще раньше существовала общность владения»¹, с другой же стороны, он подчеркивает, что капиталистический строй порождает такие внутренние противоречия, которые делают необходимой его гибель, а вместе с тем уничтожение частной собственности на средства производства. Исторический, преходящий характер, по мнению Энгельса, имеют и те экономические категории, которые неразрывно связаны с частной собственностью и на ней покоятся. В частности, Энгельс указывал, что «...раз она будет уничтожена, не может быть больше и речи об обмене в том виде, как он ныне существует»². С уничтожением частной собственности, подчеркивает он далее, исчезнут и такие свойственные капитализму явления, как противоположность интересов, конкуренция, анархия производства и кризисы.

Вскрыв коренной порок буржуазной методологии — ее метафизичность, увековечение экономических категорий капитализма, — Энгельс показал, что с этим связана и узость самого содержания буржуазной политической экономии, которая даже не задавалась вопросом о возникновении частной собственности и об ее уничтожении.

Весьма интересно, что в своей критике методологии буржуазной политической экономии Энгельс в известной мере предвосхитил развитое впоследствии Марксом положение о превращении буржуазной

¹ Энгельс, Очерки критики политической экономии (Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 305).

² Там же, стр. 301.

политической экономии из научной в вульгарную. Энгельс обращает внимание на то, что современные ему буржуазные экономисты, которые уже имели перед своими глазами развитую капиталистическую систему с ясно выявившимися противоречиями и классовыми антагонизмами, подменяют научное исследование прямой апологетикой. «Чем больше приближаются экономисты к современности, тем дальше удаляются они от честности. С каждым прогрессом нашего времени необходимо усиливается софистическое мудрствование, чтобы удержать экономию на уровне века»³. Эти, написанные почти 100 лет тому назад, слова Энгельса звучат так, как будто они произнесены сейчас, когда буржуазная «экономическая наука» своей апологетикой и сикофантством затмила всех своих предшественников.

Подчеркивая узость буржуазной экономической мысли, Энгельс бросает глубокое замечание: «...противники частной собственности и с экономической точки зрения способны правильнее судить об экономических вопросах»⁴. Это значит, что объективная истина на стороне тех, кто представляет не прошлое общество, а будущее, что подлинно научной может быть лишь экономическая теория, сбросившая с себя шоры буржуазной ограниченности.

Уже в своей ранней работе Энгельс с помощью диалектического метода вскрывает внутренние противоречия буржуазного общества, движущие его развитие. Эти противоречия, показывает Энгельс, заложены еще в простейшем экономическом отношении буржуазного общества — обмене товаров, поскольку всякая купля и продажа означает столкновение людей с абсолютно противоположными интересами. Но решающее значение в капиталистическом обществе имеет не обнаруживающееся на поверхности явлений противоречие между продавцами и покупателями, а классовый антагонизм между буржуазией и пролетариатом. Отмечая, что капитал делится на первоначальный капитал и прибыль, а прибыль — на процент и собственно прибыль (под которой подразумевается предпринимательский доход), Энгельс писал: «Все эти мелкие раздвоения и деления возникают из первоначального отделения капитала от труда, завершаемого с раздвоением человечества на капиталистов и рабочих, раздвоением, которое обостряется с каждым днем и, как мы покажем, должно постоянно усиливаться»⁵.

Энгельс показывает далее, что результатом антагонистической природы капиталистического способа производства и ярким выражением его глубочайших противоречий являются безработица, обнищание рабочего класса и кризисы. В условиях капитализма, подчеркивает он, «...в развитии производства должна наступить стадия, на которой окажется так много избыточных производительных сил, что огромной массе народа нечем будет жить, что люди станут умирать с голоду от одного только избытка»⁶.

Мастерски применяя диалектический метод, Энгельс вскрывает несостоятельность метафизического метода мышления буржуазных экономистов, не видящих в наблюдаемой ими экономической действительности живого единства противоположностей. Особый интерес представляет его анализ единства конкуренции и монополии. Строки, посвященные этому вопросу, показывают, как блестяще владел Энгельс диалектическим методом уже в ранние годы его научной деятельности и как он умел применять этот метод к анализу экономических категорий. Вместе с тем развитое Энгельсом положение об

³ Там же, стр. 295.

⁴ Там же, стр. 296.

⁵ Там же, стр. 306.

⁶ Там же, стр. 311.

единстве монополии и конкуренции сохраняет всю свою актуальность и для современного капитализма, в котором конкуренция и монополия неразрывно переплетены друг с другом.

«Противоположность конкуренции является монополия. Монополия была боевым лозунгом меркантилистов, конкуренция же — боевым кличем либеральной экономии. Не трудно видеть, что эта противоположность, в свою очередь, совершенно лишена содержания. Всякий конкурент должен хотеть для себя монополии, будь то рабочий, капиталист или землевладелец. Всякая небольшая кучка конкурентов должна хотеть монополии для себя против всех других. Конкуренция покоится на интересе, а интерес снова создает монополию; коротко говоря, конкуренция переходит в монополию.

С другой стороны, монополия не может остановить поток конкуренции; мало того, она сама порождает конкуренцию, вроде того, как запрещение ввоза или высокие пошлины как раз порождают конкуренцию контрабанды»⁷.

Важно отметить, что, исследуя диалектику капиталистического способа производства, Энгельс показывает имманентность и исторический характер его противоречий. Как выясняет он на ряде примеров, единственно правильный метод исследования буржуазной экономики заключается в нахождении в ней внутренней ей присущих, а не внешних противоречий. С этой точки зрения весьма интересна его критика теории народонаселения Мальтуса, сводившего обнищание рабочего класса к несоответствию между ростом народонаселения и увеличением количества средств существования, т. е. к внешнему противоречию между обществом и природой.

Страстно полемизируя с мальтузианством и называя эту теорию «отвратительным издевательством над природой и человечеством», Энгельс вскрывает не только ее фактическую несостоятельность, но и методологическую порочность, заключающуюся в попытке сведения исторических экономических законов буржуазного общества к вечным законам природы. В противовес Мальтусу Энгельс показывает, что избыточное население и обнищание масс на одном полюсе происходит одновременно и в тесной связи с накоплением капитала и ростом богатства эксплуататорских классов на другом полюсе и, следовательно, выражает не вечные законы природы, а лишь внутренние противоречия буржуазного общества. «Со слиянием интересов, теперь противоположных, исчезнет противоположность между перенаселением в одном месте и избыточным богатством в другом, исчезнет удивительный факт, — удивительнее всех чудес, всех религий вместе взятых, — что народ должен умереть с голоду как раз от богатства и изобилия; исчезнет безумное утверждение, что у земли нет сил прокормить людей»⁸.

Мы сравнительно подробно остановились на рассмотрении первой теоретической работы Энгельса, являющейся, по выражению Маркса, гениальным очерком критики экономических категорий, чтобы показать, насколько близко Энгельс уже в то время, и притом вполне самостоятельно, подошел к применению диалектического метода в политической экономии. Было бы, однако, наивно думать, что в этой юношеской работе была создана законченная марксистская методология политической экономии. Подчеркивая то новое и ценное, что было дано Энгельсом в его «Очерках» в этой области, нельзя обойти молчанием и некоторые недостатки его ранней работы⁹. Вскрывая

⁷ Энгельс, Очерки критики политической экономии (Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 308).

⁸ Там же, стр. 315.

⁹ Характерно, что в 1871 г. Энгельс отклонил предложение В. Либкнехта перепечатать в журнале германской социал-демократии свои «Очерки», ссылаясь на

противоречия капиталистического хозяйства, Энгельс здесь еще в известной мере подходил к ним с критерием моральной оценки, а не исторической необходимости. Так, например, он говорил о безнравственности конкуренции, о бесчеловечной сущности торговли, порождающей отвратительную зависть и соперничество, об извращении при капитализме всех естественных и разумных отношений производства и т. д.

Следует, однако, отметить, что этический подход к экономическим явлениям был вскоре преодолен Энгельсом. Так, уже в 1845 г. в своих «Эльберфельдских речах» Энгельс подчеркивал, что необходимость перехода от капитализма к коммунизму вытекает не из абстрактных преимуществ последнего, а из хода развития всех цивилизованных наций, и что «...социальная революция и практический коммунизм являются необходимым результатом существующих у нас отношений...»¹⁰. В этом же году, в своей известной работе «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс подверг критике социалистов-утопистов за их абстрактные, метафизические принципы, за то, что они не признают исторического развития и не замечают прогрессивности капиталистического способа производства. А еще два года спустя, в 1847 г., в статье «Коммунисты и К. Гейнцен» Энгельс жестоко критиковал Гейнца за его мещанские, чисто умозрительные планы исправления мира и за то, что он превращал коммунизм в доктрину, имеющую своей основой лишь теоретические принципы. «Коммунизм,— говорил Энгельс,— не доктрина, а движение. Он исходит не из принципов, а из фактов. Коммунисты имеют своей предпосылкой не ту или другую философию, а весь исторический процесс и, в частности, его фактические результаты в современных цивилизованных странах. Коммунизм есть следствие крупной промышленности и ее неизбежных спутников: возникновения мирового рынка и обусловленной им безудержной конкуренции, все более расширяющихся, принимающих все более катастрофический характер торговых кризисов, ставших уже теперь вполне мировыми, возникновения пролетариата и концентрации капиталов, имеющих своим следствием классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией. Коммунизм, поскольку он является теорией, является теоретическим выражением положения пролетариата в этой борьбе и теоретическим суммированием условий освобождения пролетариата»¹¹. В этих словах дано гениально простое и правильное разрешение одного из важнейших вопросов марксистской методологии — вопроса о взаимоотношении теории и практики, на дальнейшей разработке которого Энгельсом мы остановимся ниже.

II. Энгельс о предмете политической экономии

Если уже в ранних работах Энгельса мы находим ряд исключительно ценных в методологическом отношении высказываний, то в последующих его произведениях проблемы методологии политической экономии подвергаются обстоятельному и всестороннему освещению. Не ставя своей задачей исчерпывающее изложение всех развитых Энгельсом в этой области идей, остановимся лишь на главнейших из них:

наличие в этой статье ряда неточностей и на то, что она «...написана еще целиком в гегелевской манере, которая тоже теперь уже абсолютно не подходит» (Энгельс, Письмо В. Либкнехту от 15 апреля 1871 г.— Там же, т. XXVI, стр. 107).

¹⁰ Энгельс, Эльберфельдские речи (Там же, т. III, стр. 291).

¹¹ Энгельс, Коммунисты и К. Гейнцен (Там же, т. V, стр. 194).

Одним из крупнейших методологических вопросов, подробно рассмотренных Энгельсом, является вопрос о предмете политической экономии. Исходным пунктом разработки этой проблемы Энгельсом является критика методологии буржуазной политической экономии. Буржуазные экономисты единственным объектом исследования считают экономику буржуазного общества, но при этом дают свою науку, являющуюся не более как политической экономией в узком смысле слова, за науку о всеобщих законах хозяйственной жизни. Метко критикуя это представление и отмечая, что за абстрактным «человеком», из «природы» которого пытаются вывести вечные естественные законы, скрывается по сути дела самый заурядный буржуа, Энгельс противопоставляет буржуазному, метафизическому пониманию политической экономии единственно правильное, марксистское понимание ее как науки исторической. Не существует абстрактного общества вне времени и пространства. Человеческое общество в своем историческом развитии последовательно проходит через ряд ступеней, каждой из которых соответствует особый тип производственных отношений. Базируясь на этих положениях Маркса, произведших, по меткому выражению Ленина, такой же переворот в области общественных наук, как учение Дарвина о развитии видов в области естествознания, Энгельс дал классическое определение предмета политической экономии в широком смысле слова: «Политическая экономия, в широком смысле слова, есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческих обществах»¹².

...Условия, при которых люди производят и обмениваются продуктами, не одинаковы для разных стран и изменяются в каждой стране из поколения в поколение. Политическая экономия поэтому не может быть тождественной для всех стран и всех исторических эпох. Таким образом, политическая экономия по самому существу своему историческая наука. Она имеет дело с исторически т. е. непрерывно изменяющимся материалом; она прежде всего исследует особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена и лишь в конце этого исследования может установить немногие, имеющие применение к производству и обмену, вполне общие законы»¹³.

Трудно переоценить все значение того широкого исторического подхода к предмету политической экономии, который выражен в этих словах. Заслуга Энгельса, конечно, не сводится только к тому, что он дал правильное определение предмета политической экономии, хотя самое наличие отточенного определения — дело отнюдь не маловажное. Но главное все же не в этом, а в том, что развитое Энгельсом понимание предмета политической экономии с самого начала ставит на правильные, исторические рельсы научное исследование и открывает перед ним широчайшие горизонты. В самом деле, если задача политической экономии не исчерпывается открытием законов капиталистического способа производства, если эта наука должна исследовать различные системы общественного хозяйства, то, значит, она должна подвергнуть анализу и теоретически обобщить огромный материал, относящийся ко всей экономической истории человечества.

Но заслуга Энгельса не ограничивается и тем, что данное им понимание предмета и задач политической экономии открыло новые

¹² В подготовляемом переводе ИМЭЛ читаем: «в человеческом обществе»; так написано в оригинале.

¹³ Энгельс, Анти-Дюринг (Там же, т. XIV, стр. 149—150).

оспективы для экономических исследований. Важно подчеркнуть, сам Энгельс внес ценнейший вклад в дело развития экономической науки и превращения ее из политической экономии капитализма в политическую экономию в широком смысле слова. В «Анти-Дюринг» Энгельс писал: «Политическая экономия,— как наука об условиях формах производства и обмена продуктов в различных человеческих обществах и о соответствующих способах распределения этих продуктов,— такая политическая экономия, в широком смысле слова, еще должна быть создана»¹⁴. И Энгельс первый после Маркса деятельно и плодотворно работал в этом направлении. Такие работы Энгельса, как «Марка» (1882 г.), оставшиеся в рукописях очерки по истории древних германцев, статья «О разложении феодализма и развитии буржуазии» (написаны до 1883 г.), а особенно его классическая работа «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.), содержат в себе разработку не только общей и экономической истории, но и анализ экономических законов и категорий первобытного, рабовладельческого и феодально-крепостнического общества.

Энгельс первый после Маркса двинул вперед разработку политической экономии в широком смысле слова — по линии исследования особенностей и законов докапиталистических формаций. Но путь от политической экономии капитализма к политической экономии в широком смысле слова идет не только назад — к пройденным этапам истории человечества, но и вперед — к коммунизму. Энгельс вместе с Марксом заложил первые камни в фундамент совершенно нового раздела в политической экономии, раздела «Социализм». Достаточно указать на «Анти-Дюринг» и другие работы Энгельса, в которых имеются чрезвычайно глубокие ценные высказывания о социалистической экономике и ее закономерностях. Однако ни Маркс ни Энгельс, естественно, не могли раскрыть эти закономерности полностью, как не могли они предвидеть и конкретные формы социалистического строительства. Великие продолжатели дела Маркса и Энгельса — Ленин и Сталин — обогатили марксистскую теорию новым опытом революционного движения и двинули марксистскую политическую экономию еще дальше, открыв законы построения социалистического общества и его дальнейшего развития от социализма к коммунизму.

Развитое Энгельсом понимание предмета политической экономии сыграло уже в наши дни огромную роль в деле преодоления антимарксистских взглядов по этому вопросу. Меньшевицкие и троцкистско-бухаринские враги народа, стремясь лишить социалистическое строительство такого мощного идейного оружия, каким является марксистско-ленинская экономическая теория, всячески пытались ограничить политическую экономию изучением капитализма и прямо выступали против теоретического анализа социалистической экономики. В наших вузах в течение ряда лет политическая экономия в широком смысле слова, о которой говорил Энгельс, подменялась политической экономией капитализма. Понадобилось извлечь из-под спуда замалчивавшиеся врагами народа положения Энгельса для того, чтобы развеять в прах вредительские «теории», сводившие политическую экономию только к науке о капиталистическом хозяйстве, к политической экономии в узком смысле слова, и поставить ее разработку и изучение на правильный путь.

¹⁴ Там же, стр. 152.

III. Энгельс о природе и характере экономических законов

Энгельс подробно исследовал тесно связанный с вопросом о предмете политической экономии вопрос о природе и характере экономических законов. Взгляд на политическую экономию как на науку историческую предполагает понимание специфически исторического характера экономических законов. Применяя к политической экономии диалектический метод, Энгельс, как и Маркс, видит в экономических законах не вечные и универсальные, одинаково годные для всех эпох и народов, а законы, специфические для каждой отдельной общественно-экономической формации.

Под углом зрения этого важнейшего методологического положения Энгельс подходит и к характеристике отдельных экономических категорий буржуазного общества. Так, например, Энгельс блестяще, и притом в исключительно простой и доступной для понимания форме, показывает исторический характер категории стоимости. Сравнивая товарное производство с производством первобытной общины, с одной стороны, и с производством социалистического общества, с другой, Энгельс вскрывает специфическое для товарного производства противоречие между частным и общественным трудом и дает предельно ясное определение стоимости как исторической категории, как выражения заключающегося в частных продуктах общественного труда.

Следует отметить, что Энгельс подверг решительной критике попытку Каутского изобразить стоимость как надисторическую категорию. Извращая учение Маркса, Каутский утверждал, что стоимость существует при любых исторических условиях, но что при этом она выступает в различных формах. На этом основании Каутский приходил к выводу, что и с уничтожением товарного производства стоимость как таковая остается, изменяя лишь форму своего проявления. Критикуя Каутского, Энгельс в письме к нему писал: «На самом же деле экономическая стоимость — категория, свойственная лишь товарному производству, и исчезнет вместе с нею... точно так же, как она не существовала и до нее. Отношение труда к продукту ни до товарного производства, ни после него не выражается в форме стоимости¹⁵. Эти слова Энгельса наголову опрокидывают и пресловутый «закон трудовых затрат», выдвинутый презренным реставратором капитализма Бухариным. Чтобы сорвать социалистическое строительство, правые реставраторы пытались навязать советскому хозяйству законы капитализма, объявляя свойственные последнему пропорции распределения общественного труда между различными отраслями производства «железными пропорциями» и утверждая, будто бы закон стоимости по своему содержанию является вечным, надисторическим, меняются же только формы его проявления. Как видно из сказанного, то же самое по существу утверждал задолго до них Каутский, и уже Энгельс со всей ясностью показал, что эта «теория» представляет собой явное извращение марксизма.

Энгельс подчеркивает историчность и всех других категорий капитализма. В противовес тому же Каутскому, пытавшемуся распространить категорию прибавочной стоимости также на докапиталистические классовые общества, Энгельс указывал на то, что в условиях рабовладельческого и феодально-крепостнического строя прибавочная стоимость является лишь исключением и что по отношению к этим формациям следует говорить о прибавочном продукте, а не

¹⁵ Энгельс, Письмо К. Каутскому от 20 сентября 1884 г. (Там же, т. XXVII, стр. 406).

о прибавочной стоимости. Отмечая заслугу Маркса, который впервые дал научное определение капитала как исторической категории буржуазного общества, Энгельс выясняет недопустимость смешения капитала со средствами производства как таковыми, отмечая между прочим, что самое слово «капитал» в его современном экономическом значении появилось вместе с зарождением капитализма в Италии XVI—XVII вв.

Энгельс вскрывает общественно исторический характер и самых средств производства. Отвергая попытку Каутского оторвать средства производства от исторически определенной ступени общественного развития и превратить их в явление несоциальное и неисторическое, Энгельс очень популярно разъяснял ему его ошибку. Указывая, что нельзя «...отрывать земледелие и технику от политической экономии...», Энгельс писал: «Плодосменное хозяйство, искусственные удобрения, паровая машина, ткацкий станок — неотделимы от капиталистического производства, как неотделимы орудия дикаря и варвара от его производства... Средства производства точно так же не существуют в себе, вне общества и без влияния на него, как не существует и капитал в себе»¹⁶. Приведенные слова Энгельса попадают не в бровь, а в глаз не только Каутскому, но и многочисленным последующим извратителям марксизма, механистам и идеалистам, пытавшимся вытравить социальное и историческое содержание из производительных сил и выкинуть их за борт политической экономии.

Неоднократно указывая на историчность экономических законов, Энгельс вместе с тем отмечал и общезначимость этих законов в рамках определенных экономических отношений. Это положение имеет очень большое значение для критики так называемой исторической школы буржуазной политической экономии, которая, злоупотребляя ложно понятым «историзмом», приходила либо к полному отрицанию экономических законов и к замене теоретического исследования простым описанием груды исторических фактов, либо же к признанию самих экономических законов только «эмпирическими законами» с чрезвычайно узкой сферой применения. Сторонники исторической школы доходили, например, до отрицания приложимости одних и тех же экономических законов к различным государствам и требовали превращения политической экономии в «национальную экономию», ограничивающую сферу действия своих положений рамками той или иной страны. В противовес этому буржуазному, псевдоисторическому методу Энгельс подчеркивал, что при наличии одних и тех же способов производства частные различия в экономике и формах государственного устройства не могут устранить общезначимости экономических законов. Он писал: «...само собой разумеется, что законы, имеющие силу для определенных способов производства и обмена, могут иметь значение для всех исторических периодов, в которых господствуют именно эти способы производства и обмена. Так, например, вместе с введением металлических денег приводится в действие ряд законов, имеющих силу для всех стран и исторических периодов, в которых металлические деньги являются средством обмена»¹⁷.

Правильный исторический подход к экономическим законам включает в себя признание их законами объективными, т. е. представляющими не порождение человеческого сознания и не этические постулаты, а выражение действительно существующих связей и зависимостей между различными экономическими явлениями.

¹⁶ Энгельс, Письмо К. Каутскому от 26 июня 1884 г. (Там же, стр. 391).

¹⁷ Энгельс, Анти-Дюринг (Там же, т. XIV, стр. 150).

Развивая положение об объективности экономических законов, Энгельс подвергал резкой критике попытки подменить законы экономической действительности умозрительными фикциями и моральными сентенциями. Возражая, например, Дюрингу, который переносил всю теорию распределения с экономической почвы на почву морали и права, Энгельс подчеркивал, что необходимо «...держаться действительных, объективных экономических законов, а не мимолетного, изменчивого, субъективного представления г. Дюринга о справедливости и несправедливости»¹⁸.

Известно, что никчемным, оторванным от реальной действительности морализированием мелкобуржуазные экономисты сплошь да рядом прикрывают свою полнейшую неспособность к подлинному научному исследованию. Иронически замечая, что для гнева было достаточно материала во все исторические эпохи, но что он не может служить каким бы то ни было доказательством, Энгельс с глубоким сарказмом бичевал Дюринга, Прудона, Родбертуса и им подобных, укравшихся под сенью этических разглагольствований от изучения действительных фактов. Так, например, в своих статьях по жилищному вопросу Энгельс высмеивает Прудона и прудониста Мюльбергера за их пустое морализирование и попытку вывести социализм не из объективных экономических законов развития капиталистического способа производства, а из правовых и этических идей.

В наиболее обобщенной форме неприменимость «этического метода» к политической экономии Энгельс показывает в предисловии к «Нищете философии», где он разбирает различные попытки социалистического применения теории трудовой стоимости Рикардо. Как известно, Грей, Прудон и Родбертус из объективного закона трудовой стоимости, установленного классической буржуазной политической экономией, делали этический вывод: продукт труда должен принадлежать рабочему. Критикуя мелкобуржуазных утопистов и развивая далее взгляды Маркса, Энгельс пишет: «...в формально-экономическом смысле этот вывод ложен, так как представляет простое применение морали к политической экономии. По законам буржуазной политической экономии наибольшая часть продукта не принадлежит рабочим, которые его произвели. Когда мы говорим: это несправедливо, этого не должно быть,—то это не дело политической экономии. Мы говорим лишь, что этот экономический факт противоречит нашему нравственному чувству. Поэтому Маркс никогда не основывал своих коммунистических требований на таких доводах, а основывал их на неизбежном, принимающем на наших глазах ежедневно все большие размеры крушении капиталистического способа производства; он только констатирует тот простой факт, что прибавочная стоимость состоит из неоплаченного труда»¹⁹.

Выясняя природу экономических законов и подчеркивая их объективность, Энгельс в ряде работ показывает, что эти законы вскрывают сущность экономических явлений. В своем конспекте книги Гегеля «Наука логики» Ленин, устанавливая связь между многообразием явлений действительности и их законами, пишет: «Закон есть прочное (остающееся) в явлении»; «Закон = спокойное отражение явлений»; «Закон есть существенное явление»²⁰. Этот характер законов в применении к области экономической жизни ярко выявлен Энгельсом на примере закона стоимости и цены про-

¹⁸ Энгельс, Анти-Дюринг (Там же, т. XIV, стр. 159).

¹⁹ Энгельс, Предисловие к первому немецкому изданию «Нищеты философии» (Там же, т. XVI, ч. I, стр. 177—178).

²⁰ Ленин, Философские тетради, Партиздат, 1936, стр. 147—148

изводства. Критикуя мелкобуржуазных утопистов, которые в отклонении рыночных цен от стоимости видели нарушение закона стоимости и изобретали чудодейственные рецепты его «восстановления» в виде, например, «рабочих денег», Энгельс показал, что закон стоимости, будучи прочным (остающимся) в явлениях, выражает существенное в движении рыночных цен и не только не нарушается отклонениями цен от стоимости, а, напротив, только и может реализоваться посредством этих отклонений. «И если при этом,— указывает он,— форма проявления стоимости — цена — обыкновенно выглядит несколько иначе, чем стоимость, которую она проявляет, то эту судьбу стоимость разделяет с большей частью общественных отношений»²¹.

Другой пример, на котором Энгельс показывает отличие сущности экономических отношений, вскрываемой теоретико-экономическим анализом, от многообразных конкретных форм проявления их,— отклонения норм прибыли отдельных предприятий и отраслей капиталистического производства от средней нормы прибыли и отклонения массы прибыли от массы прибавочной стоимости. Обращая внимание на то, что в конкретной действительности величина прибыли отдельных предприятий в каждый данный период времени зависит не только от суммы прибавочной стоимости, но и от изменений стоимости товарных запасов, колебаний товарных цен и даже от мошеннических махинаций капиталистов, Энгельс делает вывод о возможности лишь приблизительного совпадения прибыли и прибавочной стоимости. Подобное же соотношение существует между конкретными нормами прибыли и средней ее нормой. Получение двумя капиталистическими предприятиями в данном году абсолютно одинаковой нормы прибыли, указывает Энгельс, может иметь место лишь случайно, что, однако, вовсе не устраняет закономерного тяготения отдельных конкретных норм прибыли к всеобщей или средней норме. «Но если бы мы стали требовать, чтобы норма прибыли была скажем 14,876934... до самой мельчайшей доли в каждом предприятии, в каждом году, под угрозой [в противном случае] разжалования ее в фикции, то мы обнаружили бы полное забвение природы нормы прибыли и природы всех экономических законов вообще. Они все не имеют никакой иной реальности, как только в приближении (Annäherung), в стремлении (Tendenz), в среднем (Durchschnitt), но не в непосредственной действительности»²².

Будучи выражением того прочного, устойчивого и существенного, что имеется в многообразных и на первый взгляд случайных экономических явлениях, экономические законы вскрывают сущность одной определенной области явлений материальной жизни — производственных отношений людей, области, качественно отличающейся от явлений как неорганической природы, так и органического мира. В противоположность механическому материализму диалектический материализм не сводит явления одних областей материального мира к другим, а вскрывает качественное своеобразие и специфическую закономерность каждой сферы. В частности, метод диалектического материализма в применении к политической экономии включает принципиальный отказ от сведения экономических законов к законам биологии или механики. В работах Энгельса эта сторона методологии марксистской политической экономии также нашла свое развитие.

Подчеркивая качественное своеобразие экономиче-

²¹ Энгельс, Предисловие к первому немецкому изданию «Нищеты философии». (Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 183).

²² Энгельс, Письмо Конраду Шмидту от 12 марта 1895 г. (Маркс и Энгельс, Письма, М. 1922, стр. 319—320).

ских законов, Энгельс самым категорическим образом возражал против попыток «дарвинизирования» политической экономии, против перенесения в нее законов естественного подбора и борьбы за существование. Рассматривая этот вопрос в одном из своих писем к П. Л. Лаврову, Энгельс писал: «Самое существенное отличие человеческого общества от общества животных состоит в том, что животные в лучшем случае собирают, между тем как люди производят. Это единственное, но в то же время и основное различие делает невозможным простое перенесение законов животного общества в человеческое общество»²³. Вместе с тем Энгельс раскрыл и классовый смысл подмены экономических законов биологическими. Весь фокус, указывает он, заключается в том, что сперва переносят в область живой природы учение Гоббса о «войне всех против всех», буржуазно-экономическое учение о конкуренции и теорию народонаселения Мальтуса, а затем снова переносят те же самые теории из органической природы в историю и делают отсюда вывод, что они имеют силу вечных законов человеческого общества. Стремление увековечить законы капиталистического строя под видом провозглашения их биологическими законами — вот что, как показал Энгельс, скрывается за попытками «биологизирования» в политической экономии.

Не менее решительно Энгельс возражал и против попыток перенесения в политическую экономию физических законов и категорий. Так, в одном из писем Марксу Энгельс подвергает критическому разбору энергетическое истолкование теории стоимости и прибавочной стоимости украинским социалистом Подолинским, эмигрировавшим из России. Задавшись вопросом о том, как может определенное количество энергии, заключающееся в предметах питания рабочего, дать посредством труда большее количество энергии, Подолинский пытался выразить продукты труда в единицах тепла, а рабочую силу уподобить термодинамической машине, превращающей тепловую энергию в движение. Давая отрицательную оценку этим попыткам, Энгельс писал: «По моему мнению, нет никакой возможности выразить экономические отношения в физических мерах»²⁴. Столь же определенно высказывается Энгельс по этому вопросу и в «Диалектике природы». Даже простую физическую работу, например поднятие тяжестей, нельзя — указывает он — выразить в килограммометрах. Человеческий организм нельзя отождествить с паровой машиной, испытывающей только трение и изнашивание, так как в нем одновременно с физиологической затратой энергии совершается внутренняя работа, не проявляющаяся в каком-либо внешнем результате. Тем более невозможно энергетическое измерение сложного труда. «Кажется, — говорит Энгельс, — некоторые ученые были бы не прочь перенести термодинамическую категорию работы обратно в политическую экономию, — как это сделано в дарвиновской борьбе за существование, — причем в итоге получилась бы только чепуха. Пусть попробуют выразить какую-нибудь *skilled labour* в килограммометрах и попытаются определить на основании этого заработную плату!»²⁵.

Развитые Энгельсом положения о несводимости экономических категорий и законов к биологическим, энергетическим и т. п. имеют огромное актуальное значение, давая острое оружие в борьбе против

²³ Энгельс. Письмо П. Л. Лаврову от 12 ноября 1875 г. (Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 409).

²⁴ Энгельс. Письмо Марксу от 19 декабря 1882 г. (Там же, т. XXIV, стр. 604).

²⁵ Энгельс. Диалектика природы (Там же, т. XIV, стр. 437); *skilled labour* — квалифицированный труд.

современных попыток извращения марксизма. Известно, например, какое применение в политической экономии пытались дать махист Богданов и враг народа Бухарин понятию «энергетический баланс» и в какой связи с этим находится контрреволюционная «теория равновесия».

Качественно отличаясь от законов биологических, физических и т. п., экономические законы носят существенно различный характер в разных общественно-экономических формациях, и притом не только по своему содержанию, о чем мы уже говорили, но и с точки зрения самого типа закономерности, т. е. специфического механизма ее действия. И этот вопрос был подробно исследован Энгельсом.

Специфический тип экономической закономерности, свойственный товарно-капиталистическому производству, заключается в стихийном характере действия его законов, в том, что они выступают по отношению к людям как навязанная им, внешняя, принудительная сила, совершенно не зависящая от их воли. Отмечая в своей работе «Людвиг Фейербах», что хотя в обществе действуют люди, одаренные сознанием и ставящие себе определенные цели, Энгельс вместе с тем показывает, что объективные общественные результаты действий людей и их цели отнюдь не совпадают друг с другом. «Столкновение бесчисленных отдельных стремлений и отдельных действий приводят в области истории к состоянию, совершенно подобному тому, которое господствует в бессознательной природе. Действия имеют известную желательную цель; но результаты, вытекающие из этих действий, часто вовсе не желательны»²⁶. Это положение Энгельса очень важно для критики субъективной школы буржуазной политической экономии, которая, извращая действительность и не видя ни объективной обусловленности индивидуальных мотивов ни несовпадения с этими мотивами общественных результатов действий людей, пытается вывести законы капиталистической экономики из мотивации «хозяйствующих субъектов».

Классическую характеристику своеобразной природы экономических законов товарного производства, при котором производители утрачивают власть над своими общественными отношениями, Энгельс дает в следующих словах: «В общественном производстве господствует анархия. Но товарное производство, как и всякая другая форма производства, имеет свои, присущие ему и неотделимые от него законы, которые проявляются, несмотря на анархию, в анархии и посредством анархии. Эти законы проявляются в единственно сохранившейся форме общественной связи — в обмене, и подчиняют себе производителей как принудительные законы конкуренции. Они не известны вначале самим производителям и открываются ими лишь постепенно, путем долгого опыта. Следовательно, они действуют без участия производителей и против них столь же неотразимо и слепо, как законы природы. Продукт господствует над производителем»²⁷.

Этим стихийным, принудительным законам, по отношению к которым люди бессильны и которые в этом смысле (т. е. по своей форме, по характеру своего действия, но отнюдь не по своему содержанию) подобны естественным законам, Энгельс противопоставляет экономические законы социалистического общества. С переходом от капитализма к социализму вместе с изменением самой экономической основы общества — уничтожением частной собственности и утверждением общественной собственности на орудия и средства производства, в корне изменяется и характер экономиче-

²⁶ Энгельс, Людвиг Фейербах (Там же, стр. 667).

²⁷ Энгельс, Анти-Дюринг (Там же, стр. 275).

ских законов как по содержанию, так и по форме. В социалистическом обществе средства производства и продукты труда превращаются, по образному выражению Энгельса, из демонических повелителей в покорных слуг. Вместе с тем принципиально изменяется и самый тип экономической закономерности. Характеризуя законы развития социалистического общества, Энгельс писал: «Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут тогда вполне сознательно применяться ими и, следовательно, подчиняться их господству. Общественный строй, до сих пор являющийся людям как бы дарованным свыше природой и историей, будет тогда их собственным, свободным делом. Объективные, внешние силы, господствовавшие над историей, поступят под контроль человека. И только тогда люди начнут вполне сознательно сами создавать свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени желаемые действия. И это будет скачком человечества из царства необходимости в царство свободы»²⁸.

Из приведенных слов Энгельса следует тот важный вывод, что экономическая жизнь и при социализме протекает по определенным законам, которые должны быть вскрыты теоретическим исследованием, политической экономией социализма. Следовательно, в корне неверны и вредны антимарксистские утверждения Гильфердинга и троцкистско-бухаринских врагов народа о том, будто при социализме не существует никаких экономических законов, а потому вместе с гибелью капитализма приходит конец и политической экономии.

Блестящие образцы теоретического анализа и обобщения опыта социалистического строительства, вскрытия специфических закономерностей развития социалистической экономики и ее преимуществ перед капиталистической экономикой даны в гениальных работах вождей мирового пролетариата Ленина и Сталина. Задача работников экономического фронта состоит в том, чтобы, следуя этим образцам, не ограничиваться простым описанием (чем все еще нередко грешит у нас преподавание раздела «Социализм» курса политической экономии), но теоретически обобщать новые явления экономической жизни СССР.

IV. Энгельс об экономике и политике

Среди проблем методологии политической экономии, разрабатывавшихся Энгельсом, важное место занимает вопрос о взаимоотношении экономики и политики.

Если в первой половине XIX в. либеральная буржуазная политическая экономия не уделяла серьезного внимания государству и при рассмотрении экономических законов большей частью совершенно абстрагировалась от политических факторов, то во второй половине XIX в. в этой области появляются «новые веяния». Такие направления буржуазной экономической мысли, как историческая школа и катедер-социализм, всячески подчеркивают роль государства в хозяйственной жизни. Огромной заслугой Энгельса является то, что он вслед за Марксом правильно установил взаимоотношение экономики и политики и подверг критике как взгляды Дюринга, придававшего решающее значение политическому фактору, насилию, так и взгляды тех псевдомарксистов, которые отрицали всякое влияние политической надстройки на экономический базис.

²⁸ Энгельс, Анти-Дюринг (Там же, стр. 286—287).

Развивая основное положение материалистического понимания истории о производственных отношениях, как о реальном базисе всей общественной жизни, на котором покоятся политические, юридические и прочие надстройки, Энгельс на конкретных примерах доказывает, что «...государство, политический порядок, является подчиненным, а гражданское общество, царство экономических отношений, главным элементом»²⁹. Одним из таких примеров является вопрос о возникновении эксплуатации. В противовес Дюрингу, объяснявшему происхождение классов и эксплуатации из голого акта насилия, Энгельс вскрывает их экономическую основу. Особенно ярко вскрыта Энгельсом подчиненная роль насилия при рассмотрении вопроса о появлении рабства. На первый взгляд порабощение человека человеком представляется только актом насилия. На самом деле, подчеркивает Энгельс, в основе этого насилия лежат экономические причины. Для того, чтобы стало возможным, например, воспользоваться трудом побежденного на войне неприятеля, во-первых, нужно обладать средствами производства, к которым этот труд может быть приложен, а во-вторых, необходимо, чтобы производительность труда достигла такого уровня, при котором производитель может дать известный излишек сверх необходимых ему средств существования, или прибавочный продукт. Оба эти условия появляются лишь на определенной ступени экономического развития общества и связаны с первым крупным общественным разделением труда — отделением скотоводства от земледелия. «Таким образом, насилие, вместо того чтобы господствовать над экономическим положением, служило хозяйственным целям. Рабство было найдено»³⁰.

Другой пример, на котором Энгельс показывает производное значение насилия по отношению к экономике, это — возникновение и развитие частной собственности. Первобытная общинная форма собственности лишь тогда уступает место частной собственности, когда она становится тормозом экономического развития общества. Переход от естественного разделения труда внутри общины к общественному разделению труда, развитие земледелия и скотоводства и на этой основе обмена между общинами, превращение части продуктов труда в товары — таковы исторические условия первоначального возникновения и развития частной собственности. «Частная собственность всегда образуется лишь там, где вследствие изменившихся условий производства и обмена введение ее нужно для усиления производства и расширения торговых сношений; следовательно, она создается экономическими причинами. Насилие не играет тут никакой роли»³¹.

Наконец, и по отношению к капиталистической эксплуатации насилия, как подчеркивает Энгельс, ни в коем случае не может быть признано чем-то первичным. Дюринг пытался вывести прибыль на капитал из насилия. Убедительным доказательством несостоятельности такого объяснения является указание Энгельса на то, что насилие не создает никакой стоимости, а может в лучшем случае лишь переместить, перераспределить уже созданную стоимость.

Из анализа взаимоотношения экономики и политики Энгельс делает тот важный вывод, что при исследовании экономических явлений методологически порочно прибегать для объяснения их конечных причин к политическим факторам. Отмечая, что Дюринг целый ряд важнейших экономических явлений сводит к насилию, Энгельс пишет: «...ссылка на насилие представляет жалкую увертку, удаление

²⁹ Энгельс, Людвиг Фейербах (Там же, стр. 671).

³⁰ Энгельс, Анти-Дюринг (Там же, стр. 183).

³¹ Там же, стр. 165.

из экономической области в политическую, которое не в состоянии объяснить ни одного экономического факта»³².

В корне неправильно методу Дюринга Энгельс противопоставляет марксистский метод. Маркс в своем анализе превращения закона собственности товарного производства в закон капиталистического присвоения доказал, что это превращение происходит в силу внутренней неизбежной диалектики развития самого этого производства. Этот анализ Энгельс приводит в качестве наглядного примера того, как развитие капиталистического способа производства может быть объяснено причинами чисто экономическими, без каких бы то ни было ссылок на грабёж, насилие или государственное вмешательство.

Из всего сказанного было бы, однако, совершенно неверно делать вывод, что Энгельс отрицал всякое влияние политики на экономику. Напротив, он самым решительным образом возражал против такого примитивного и пошлого понимания взаимоотношения политики и экономики, ничего общего не имеющего с марксизмом. При этом Энгельс обращал особое внимание на то, что понимание политики как пассивного рефлекса экономических отношений, неспособного никоим образом воздействовать на них, характерно не для диалектического, а для метафизического метода мышления, изолирующего явления действительности друг от друга, не видящего их живого взаимодействия и не могущего понять, как следствие может, в свою очередь, стать причиной. Однако взаимодействие политики и экономики вовсе не означает их равнозначности, но представляет собой «взаимодействие двух неравных сил», в котором решающее значение принадлежит экономике. «Экономическое движение,— говорит Энгельс в письме к Конраду Шмидту,— в общем проложит себе путь, но оно должно испытывать на себе так же и обратное действие от политического движения, которое оно само для себя создало и которое обладает относительной самостоятельностью»³³.

Но если это так, то и политическая экономия не вправе совершенно абстрагироваться от рассмотрения политических факторов. И это нисколько не противоречит сказанному выше. Нельзя сводить возникновение основных экономических явлений к политике, но вместе с тем необходимо исследовать действительное влияние последней как фактора, способствующего экономическому развитию или тормозящего его. Именно в этом Энгельс и видит активное воздействие политики на экономику. «Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть тройкого рода. Она может действовать в том же направлении, тогда дело идет быстрее, она может действовать напротив, тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит в течение более или менее продолжительного периода крушение, или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать вперед в других направлениях. Этот случай сводится в конце-концов к одному из предыдущих»³⁴.

Энгельс не только признает возможным и необходимым, в указанных выше границах, включать в область экономического исследования действие политических факторов, но и иллюстрирует это на работах Маркса. В частности, он ссылается на VIII главу I тома «Капитала» о рабочем дне, в которой большое внимание уделяется фабричному законодательству, и на XXIV главу того же тома о первоначальном накоплении капитала, в которой специально рассматри-

³² Энгельс, Анти-Дюринг (Там же, стр. 220).

³³ Энгельс, Письмо Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г. (Маркс и Энгельс, Письма, стр. 282).

³⁴ Там же, стр. 283.

ваются различные насильственные методы и другие формы государственного вмешательства, ускорившие возникновение капитализма.

Вопрос о взаимоотношении экономики и политики Энгельс подробно рассматривал применительно к капитализму и докапиталистическим формациям. Но мы находим у него также и следующее исключительно интересное и важное высказывание, относящееся к социализму: «К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Сила (т. е. государственная власть) это есть точно также экономическое могущество»³⁵. Эти слова дают ключ к пониманию специфического взаимоотношения политики и экономики в условиях диктатуры рабочего класса, являющейся главнейшей движущей силой революционного преобразования капиталистического общества в коммунистическое.

Исследуя взаимоотношение политики и экономики в новых исторических условиях, в эпоху диктатуры рабочего класса и строительства коммунистического общества в СССР, Ленин и Сталин показали, что роль государства в хозяйственной жизни в этих условиях коренным образом изменяется. В буржуазном обществе орудия и средства производства являются частной собственностью капиталистов, а государство не только не владеет рычагами управления капиталистическим хозяйством, но, напротив, само «...находится в руках капиталистического хозяйства»³⁶. Поэтому его влияние на экономику ограничивается тем, что оно либо ускоряет ход экономического развития общества, либо же задерживает его. Совершенно иначе обстоит дело в условиях диктатуры рабочего класса. Социалистическое государство является собственником главнейших орудий и средств производства, в его руках находятся командные экономические высоты и, опираясь на свою экономическую мощь, оно планомерно руководит всей хозяйственной жизнью. Поэтому его влияние на экономику не ограничивается только способствованием экономическому развитию общества: диктатура рабочего класса движет это развитие, она является организатором социалистического хозяйства. После пролетарской революции и установления диктатуры рабочего класса, указывает товарищ Сталин, «...власть используется как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой»³⁷. При этом само собою разумеется, что политика социалистического государства может определять развитие всего народного хозяйства лишь на основе правильного учета и знания потребностей и законов экономического развития, так что положение Маркса и Энгельса об экономике как базисе политики полностью сохраняет свое значение и при социализме. Двигая вперед марксистскую теорию, Ленин и Сталин вскрыли то новое, что имеется во взаимоотношении политики и экономики в эпоху диктатуры пролетариата. Учение Ленина о первенстве в эту эпоху политики над экономикой, учение товарища Сталина о хозяйственно-организаторской функции социалистического государства представляют собой теоретическое обобщение всей практики социалистического строительства рабочего класса СССР.

V. Энгельс о производстве, распределении и обращении

Крупнейшее методологическое значение имеют высказывания Энгельса по вопросу о взаимоотношении между производством, обменом и распределением, представляющие даль-

³⁵ Там же, стр. 287.

³⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 602.

³⁷ Там же, изд. 11-е, стр. 111.

нейшее развитие взглядов, изложенных Марксом во «Введении к критике политической экономии» и в «Капитале».

В «Анти-Дюринге» Энгельс уделяет особое внимание рассмотрению связи между производством и распределением. Это объясняется тем, что ему нужно было дать критику взглядов Дюринга, который совершенно отрывал эти две стороны экономики друг от друга. Высмеивая Дюринга, Энгельс коротко и метко сводит всю его «экономическую мудрость» к двум положениям: 1) труд производит, 2) насилие распределяет. Для Дюринга характерно то, что он не только отрывал распределение от производства, но и приписывал распределению главенствующую роль; это находилось в тесной связи с его теорией насилия как якобы решающего фактора исторического развития. Поэтому в своей критике Дюринга Энгельс прежде всего вскрывает примат производства над распределением.

Основное положение Энгельса по этому вопросу гласит: «...распределение в главных своих чертах всегда является необходимым результатом существующих способов производства и обмена в данном обществе, а также и исторических предпосылок данного общества; зная последние, можно с достоверностью предугадать и характер господствующего в данном обществе способа распределения»³⁸. Это положение Энгельс доказывает многочисленными конкретными примерами. Так, он отмечает тот факт, что коллективная собственность на землю в родовой или сельской общине обуславливала довольно равномерное распределение продуктов, а появление неравенства в этом распределении явилось результатом разложения свойственного первобытно-общинному строю способа производства. В качестве другого примера зависимости распределения от производства Энгельс ссылается на мелкое ремесленное производство средневековья, при котором невозможно было резкое неравенство в распределении, и на капиталистическую крупную промышленность, порождающую вместе с антагонизмом между трудом и капиталом накопление богатства на одном полюсе и нищеты на другом. При этом Энгельс подчеркивает, что крайнее неравенство в распределении продуктов при капитализме неизбежно вытекает из основного противоречия самого капиталистического способа производства — противоречия между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения.

Энгельс отмечает, что зависимость распределения от производства сохранится и при социализме, причем способ распределения будет регулироваться интересами производства и приравниваться к потребностям его развития. Рассматривая в одном из писем к Конраду Шмидту вопрос о производстве и распределении при социализме, Энгельс подчеркивает, что в социалистическом обществе способ распределения не будет оставаться неизменным, но будет изменяться в зависимости от развития самого производства, причем «...способ распределения существенным образом зависит от количества вещей, подлежащих распределению и... это количество, конечно, меняется вместе с прогрессом производства и общественной организации...»³⁹.

Установление неразрывной связи между способом распределения и способом производства и зависимости первого от последнего имело для Энгельса не только теоретическое значение. Оно было необходимо для критики тех социально-политических взглядов и проектов, которые ставили во главу угла изменения в способе распределения, достаточные якобы для социалистического преобразования общества.

³⁸ Энгельс, Анти-Дюринг (Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 155—156).

³⁹ Энгельс, Письмо Конраду Шмидту от 5 августа 1890 г. (Маркс и Энгельс, Письма, стр. 274).

Всякие идеи о возможности преобразования капиталистического общества в социалистическое путем изменения способа распределения при сохранении прежнего способа производства в корне ошибочны и политически вредны — таков общий вывод, вытекающий из изложенных положений Энгельса. А что этот вывод далеко не лишен актуальности и в наши дни — видно из того факта, что не столь давно социал-демократические «теоретики» (например, Тарнов в брошюре «Зачем быть бедными?») проповедывали возможность устранения нищеты и кризисов и разрешения социального вопроса путем простого изменения в распределении общественного дохода. Ироническое замечание Энгельса — «...дюрингова экономия сводится к положению: капиталистический способ производства вполне хорош и может остаться непоколебленным, но капиталистический способ распределения является злом и должен быть уничтожен»⁴⁰ — вполне может быть направлено и по адресу современных социал-демократических лакеев буржуазии.

Подчеркивая примат производства, Энгельс в то же время отмечает и обратное влияние распределения на производство. «Однако распределение, — указывает он, — не является простым пассивным результатом производства и обмена; оно, в свою очередь, влияет обратно на производство и обмен»⁴¹. Эту мысль Энгельс разъясняет на примере первобытной общины и капиталистического общества. Для того чтобы внутри первобытной общины возникли имущественные различия, необходимо было известное развитие общественного разделения труда и обмена. Но раз возникнув, имущественные различия, в свою очередь, становились фактором дальнейшего разложения первобытно-общинного строя. Подобным же образом неравенство в распределении продуктов при капитализме есть необходимый результат капиталистического способа производства, но вместе с тем это неравенство, будучи необходимым моментом в воспроизводстве капиталистических производственных отношений, ведет к обострению классовой борьбы и гибели капитализма.

Энгельс развил и конкретизировал учение Маркса также и по вопросу о производстве и обращении. При этом он обращает внимание на следующие основные моменты: 1) примат производства над обращением, 2) относительная самостоятельность сферы обращения и 3) обратное влияние обращения на производство.

В наиболее развернутой и конкретной форме Энгельс рассматривает вопрос о взаимоотношении между производством и обращением в одном из писем к Конраду Шмидту. Примат производства над обращением, говорит он здесь, вовсе не означает, что обращение представляет собой пассивный рефлекс производства, не оказывающий на него никакого влияния; напротив, обращение активно воздействует на производство. Это положение Энгельс иллюстрирует конкретными примерами, относящимися к торговле и банковому делу. Так, он указывает, что увеличившаяся потребность в орудиях обмена, обусловленная значительным ростом европейской промышленности в XIV—XV вв., вызвала открытие Америки, а интересы ввоза — завоевание Индии, и что эти открытия и завоевания, вызванные чисто торговыми интересами, оказали колоссальное обратное действие на производство, явившись активным фактором быстрого развития крупной промышленности в Европе. Обобщающая формулировка взаимоотношения между производством и торговлей дана Энгельсом в следующих словах: «Производство является в последнем счете решаю-

⁴⁰ Энгельс, Анти-Дюринг (Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 304).

⁴¹ Там же, стр. 151.

щим. Но как только торговля продуктами обособляется от производства в собственном смысле, она следует своему собственному движению, над которым в общем и целом господствует производство, но в отдельных частностях и внутри этой общей зависимости, она, торговля, все же следует своим собственным законам, которые присущи природе этого нового фактора. У этого движения торговли есть свои собственные фазы, и в свою очередь оно оказывает обратное действие на движение производства»⁴².

Далее, рассматривая банковое дело, Энгельс показывает, что и оно находится в органической взаимосвязи с производством, что в основном оно зависит от него, но в то же время «...приобретает свое собственное развитие (при известных условиях, поставленных производством и торговлей товарами, и внутри этих границ), имеет особые законы, определяющиеся его собственной природой, и имеет особые фазы»⁴³. При этом Энгельс отмечает, что взаимодействие банкового дела и производства еще более усложняется в связи с развитием торговли ценными бумагами. Особый интерес представляет указание Энгельса на тот факт, что посредством покупки акций железных дорог, рудников, шахт и т. д. банкиры становятся собственниками части средств производства, в результате чего ход производства оказывается во многих случаях зависящим не от интересов самого производства, а от биржевых операций крупнейших денежных капиталистов и банкиров. Это означает, что «...банковое дело таким образом завоевывает прямое господство над частью производства, которое в общем и целом все же господствует над банковым делом»⁴⁴. Эти положения Энгельса нашли блестящее подтверждение в ходе дальнейшего развития капитализма, когда на основе концентрации производства и монополий происходит сращивание банкового капитала с промышленным. Ленин в своем гениальном труде «Империализм, как высшая стадия капитализма», вскрыв все особенности монополистического капитализма, дал, в частности, учение о новой роли банков при империализме и показал реальное взаимодействие производства и банкового дела в новых исторических условиях.

VI. Энгельс о конкретном и абстрактном, историческом и логическом

Одним из важнейших вопросов методологии политической экономии является вопрос о соотношении конкретного и абстрактного, исторического и логического.

Этой проблеме Энгельс также уделял немалое внимание.

Прежде всего он подчеркивал, что экономическая теория не может сводиться к чисто умозрительному конструированию абстрактных принципов, но должна покоиться на твердом фундаменте фактов. Именно поэтому, указывает Энгельс, идеалистический гегелевский метод, рациональное зерно которого — диалектика — было скрыто под идеалистической шелухой, не мог быть непосредственно применен к разработке политической экономии. «Он исходил из чистого мышления, а здесь надо было исходить из самых упрямых фактов»⁴⁵.

Величайшей заслугой Маркса было то, что он, по собственному его выражению, поставил гегелевскую диалектику с головы на ноги и применил к исследованию всех общественных явлений, в первую очередь — явлений экономической жизни, метод диалектического ма-

⁴² Энгельс, Письмо Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г. (Маркс и Энгельс, Письма, стр. 280—281).

⁴³ Там же, стр. 281.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Энгельс, Рецензия на книгу: К. Маркс, Критика политической экономии (Маркс и Энгельс, Соч., т. XI, ч. II, стр. 358).

териализма. В своей рецензии на работу Маркса «К критике политической экономии» Энгельс обращает особое внимание на то, что «...при этом методе логическое развитие вовсе не обязано держаться только в чисто отвлеченной области. Наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью»⁴⁶.

Исходя из этих положений, Энгельс подвергает уничтожающей критике всякого рода попытки подменить исследование конкретной экономической действительности абстрактными и оторванными от фактов логическими схемами. «Ведь первый шаг,— говорит он,— при подходе к определенным конкретным общественным отношениям состоит в том, что их изучают, что исследуют их действительную экономическую связь»⁴⁷. Между тем буржуазные и мелкобуржуазные экономисты сплошь да рядом не исходят из фактов, а, напротив, пытаются последние под предвзятые априорные понятия и схемы. И Энгельс беспощадно высмеивает их за это. Так, например, он не оставляет камня на камне от выдвинутого Дюрингом положения, будто бы господство человека над природой предполагает предварительное господство человека над человеком.

Характерно, что Дюринг, сваливая с больной головы на здоровую, обвинял Маркса в применении к политической экономии априорных логических схем. Так, он утверждал, будто положение, что сумма стоимости для превращения в капитал должна достигнуть известной величины, было просто выведено Марксом из гегелевского закона перехода количества в качество, а необходимость социалистической революции и замены частной собственности на орудия и средства производства общественной собственностью якобы выводилась Марксом из гегелевского закона отрицания отрицания. Энгельс блестяще доказал, что все эти утверждения покоились на фальсификации Дюрингом действительного метода исследования Маркса и что диалектика экономических категорий есть лишь отражение диалектики экономической действительности.

Беря пример с превращением денег в капитал, Энгельс просто и ясно показывает подлинный смысл положений Маркса. Дело заключается в том, что не всякая сумма стоимости может быть использована как капитал, так как капиталист может не принимать участия в производстве лишь при том условии, если число эксплуатируемых им рабочих достаточно для создания массы прибавочной стоимости, обеспечивающей не только его личное потребление, но и накопление капитала. «Маркс говорит: тот факт, что сумма стоимости может превратиться в капитал лишь тогда, когда достигнет известной, хотя и различной в зависимости от обстоятельств, но в каждом данном случае определенной минимальной величины,— этот факт является доказательством правильности гегелевского закона. Дюринг же навязывает Марксу следующее утверждение: так как, согласно закону Гегеля, количество переходит в качество, то «поэтому известная сумма денег, достигнув определенной границы, становится... капиталом». Следовательно, как раз наоборот»⁴⁸.

Подобным же образом Энгельс разъясняет действительный метод Маркса на примере с переходом от частной собственности к общественной. Этот переход, указывает Энгельс, выводится Марксом вовсе не из гегелевского закона отрицания отрицания, а из анализа всего развития капиталистического способа производства, который неизбежно порождает концентрацию и централизацию капитала на одном

⁴⁶ Там же, стр. 362.

⁴⁷ Энгельс, К жилищному вопросу (Там же, т. XV, стр. 79).

⁴⁸ Энгельс, Анти-Дюринг (Там же, т. XIV, стр. 125).

полюсе и обнищание рабочего класса на другом, обобществляет труд и создает как материальные предпосылки для перехода средств производства из частной собственности в общественную, так и могильщика буржуазного общества в лице пролетариата. «Итак, если Маркс называет этот процесс отрицанием отрицания, он вовсе не думает о том, чтобы доказать этим историческую необходимость процесса. Напротив того, после того как он исторически доказал, что этот процесс частью уже совершился и частью еще должен совершиться,— только после этого он характеризует его еще как процесс, совершающийся согласно известному диалектическому закону»⁴⁹.

Подчеркивая, что марксистская экономическая теория покоится на анализе конкретных исторических фактов, Энгельс при этом отнюдь не принижает значения абстракции. Но он проводит четкий водораздел между истинной и ложной абстракцией. Критерий истинности абстракции он видит в соответствии ее с существенными сторонами самой действительности, тогда как ложная абстракция представляет собой логическое построение, которое отвлекается от самого существенного в явлениях действительности и под которое затем эти явления искусственно подгоняются. Эта мысль ярко выражена Энгельсом при противопоставлении им метода Маркса методу Родбертуса в следующих словах: «Маркс охватывает путем обобщенного логического выражения то общее содержание, которое заключается в самих вещах и отношениях. Его абстракция, следовательно, только отражает в логической форме содержание, уже заключенное в вещах.

Родбертус, наоборот, устанавливает некое более или менее несовершенное логическое выражение и измеряет вещи этим понятием, по которому они должны равняться»⁵⁰.

Проводя это различие, Энгельс показывает, что ложная, не соответствующая самой природе изучаемых экономических явлений абстракция может привести только к извращению действительных отношений. Примером такой ложной абстракции могут служить отвергнутые Энгельсом критике определения капитала Родбертуса и Дюринга. Не понимая самой сущности капитала как выражения исторически определенных, буржуазных производственных отношений, Родбертус отыскивал такое логическое определение капитала, которое было бы пригодно для любых исторических условий. В результате этого он пришел к отрыву капитала от капиталистической эксплуатации, от производства и присвоения прибавочной стоимости и к типичному для вульгарных экономистов отождествлению капитала со средствами производства. Отмечая, что таким образом «...из капитала устранены все дурные, т. е. все действительные его свойства», Энгельс в следующих словах вскрыл ошибочность родбертусовской абстракции: «Он ищет первичного, вечного содержания вещей и общественных отношений, содержание которых по существу преходяще»⁵¹.

Что касается Дюринга, то его определение капитала отличается от определения Родбертуса тем, что он включал в капитал не всякие средства производства, а только такие, которые служат средством присвоения прибавочного труда. Поскольку, однако, речь у него шла именно о прибавочном труде, а не о прибавочной стоимости, постольку и это определение смешивало различные исторические явления, различные формы эксплуатации, и потому представля-

⁴⁹ Энгельс, Анти-Дюринг (Там же, стр. 134).

⁵⁰ Энгельс, Письмо К. Каутскому от 20 сентября 1884 г. (Там же, т. XXVII, стр. 406).

⁵¹ Там же.

до собой ложную абстракцию. Высмеивая Дюринга, который подводил под понятие «капитал» движимое и недвижимое богатство коринфских и афинских рабовладельцев, римских крупных землевладельцев и феодальных баронов средневековья, Энгельс остроумно замечает, что с равным основанием можно было бы подводить под понятие «локомотив» лошадей, волов, ослов и собак.

Разграничение истинной и ложной абстракции имеет огромное методологическое значение. Излагая положения Энгельса об абстракции, нельзя не вспомнить следующее глубокое определение ее, данное Лениным и представляющее собой развитие взглядов основоположников марксизма: «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное...* — от истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»⁵².

К сожалению, и до сих пор можно встретиться с путаницей, с искажением марксизма, с такого рода абстрактно-логическим толкованием понятий, при котором они отрываются от действительности и превращаются в пустые, ложные абстракции. Известны, например, попытки давать такие определения понятия противоречия между производительными силами и производственными отношениями, которые позволили бы распространить это противоречие и на социализм. Товарищ Сталин, развив учение о полном соответствии производственных отношений производительным силам при социализме, показал образец правильной, научной абстракции.

Исключительную ценность имеют высказывания Энгельса по вопросу об историческом и логическом. Энгельс показал, с одной стороны, неправильность простого отождествления логического развития категорий с историческим процессом развития, а с другой, — полнейшую несостоятельность отрыва логического развития от исторического. Логическое развитие категорий не должно слепо копировать ход исторического развития, так как это неизбежно привело бы к смешению существенного и второстепенного, необходимого и случайного и к подмене теоретического исследования голым эмпиризмом. «История идет часто скачками и зигзагами, и если бы обязательно было следовать за нею повсюду, то благодаря этому не только пришлось бы принимать во внимание много менее ценного материала, но и пришлось бы часто прерывать ход мыслей»⁵³. Однако это вовсе не означает, что логическое развитие должно быть оторвано от исторического развития. Напротив, оно должно отражать все существенное и закономерное в последнем. Характеризуя логический метод, Энгельс говорит: «...в сущности это тот же исторический способ, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих случайностей. С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять не что иное, как зеркальное отражение исторического процесса, принимающее отвлеченную и теоретически последовательную форму; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент можно рассматривать на высшей точке его развития, в его полной зрелости и совершенстве»⁵⁴.

⁵² Ленин, *Философские тетради*, Партиздат, 1936, стр. 166.

⁵³ Энгельс, Рецензия на книгу: К. Маркс, *Критика политической экономии* (Маркс и Энгельс, Соч., т. XI, ч. II, стр. 360).

⁵⁴ Там же.

Это положение Энгельс разъясняет на примере перехода от товара к деньгам и капиталу,—перехода, при котором развитие экономических категорий представляет собой не абстрактное логическое построение, а правильное отражение действительного процесса экономического развития общества⁵⁵.

Не ограничиваясь иллюстрациями на материале I тома «Капитала», Энгельс дал блестящую разработку вопроса об единстве логического и исторического развития применительно к проблеме средней нормы прибыли и цены производства. Известно, что после опубликования III тома «Капитала» наряду с открытыми «критиками» Маркса (вроде Лориа и Бем-Баверка), нашедшими «противоречие» между I и III томами «Капитала», появились и такие «интерпретаторы» марксовской теории стоимости, как Зомбарт и Конрад Шмидт. Последние пытались изобразить стоимость как логическое понятие, необходимое для познания капиталистической действительности, но не имеющее за собой реального исторического содержания. При таком толковании учения Маркса переход от стоимости к цене производства изображался исключительно как логическое развитие категорий, не имеющее ничего общего с историческим процессом развития товарного хозяйства. Энгельс дал решительный отпор этим попыткам оторвать логическое развитие от исторического. В своей статье «Закон стоимости и норма прибыли» Энгельс показал, что стоимость являлась историческим предшественником цены производства и что закон трудовой стоимости не только лежит в основе движения капиталистического производства, но и имеет экономически всеобщую силу со времени возникновения обмена и вплоть до XV в. Подробно проанализировав исторический процесс превращения стоимости в цену производства, Энгельс доказал, что всякого рода попытки истолковать стоимость как «мысленный, логический факт» (Зомбарт) или даже как «теоретически необходимую фикцию» (К. Шмидт), совершенно не состоятельны, ибо при этом «...не обращают должного внимания на то, что здесь дело идет не только о чисто логическом процессе, но и об историческом процессе и его отражении в сознании, логическом исследовании его внутренних связей»⁵⁶.

VII. Энгельс о теории и практике

Развивая диалектический материализм, Энгельс всесторонне исследовал отношение теории к практике, показав, что критерием истинности познания является проверка этого познания живой деятельностью человечества. Марксистская политическая экономия неразрывно связана с революционной борьбой рабочего класса; истинность ее положений проверяется практикой, а самая теория представляет собой не догму, а руководство к действию.

Основоположники марксизма всегда рассматривали экономическую теорию как мощный прожектор, освещающий путь рабочему классу, как боевое оружие в его борьбе за революционное свержение капитализма и построение бесклассового коммунистического общества. В частности, Энгельс в своих работах неоднократно подчеркивал

⁵⁵ «Сравните хотя бы развитие у Маркса от товара к капиталу с развитием у Гегеля от бытия к небытию и у Вас будет прекрасная параллель для конкретного развития, как оно происходит из фактов, с одной стороны, и с другой стороны,— абстрактная конструкция, в которой в высшей степени гениальные мысли и местами очень важные переходы, как напр. качество в количество и обратно, перерабатываются в кажущееся саморазвитие идеи из одной в другую» (Энгельс, Письмо Конраду Шмидту от 1 ноября 1891 г.—Маркс и Энгельс, Письма, стр. 295).

⁵⁶ Энгельс, Закон стоимости и норма прибыли (Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 496).

практическое, действенное значение марксистской политической экономии, ее роль в революционном движении пролетариата, ее партийность. Пролетарская партия, говорит Энгельс, нуждается в экономической теории и не может существовать и развиваться без нее: «Все ее теоретическое существование возникло из изучения политической экономии...»⁵⁷.

До тех пор, пока идея социалистического преобразования общества была лишь уделом кабинетных мыслителей, а доказательства необходимости этого преобразования черпались из этических оценок и осуждения капиталистического строя, социализм оставался утопией. Для того, чтобы он превратился из утопии в науку, необходимо было открыть законы общественного развития, исследовать внутренние противоречия капиталистического способа производства и теоретически обосновать неизбежность его гибели. Вот почему Энгельс называет теорию прибавочной стоимости Маркса, наряду с материалистическим пониманием истории, великим открытием, благодаря которому социализм стал наукой. Подчеркивая практическое значение экономической теории для рабочего класса, Энгельс указывал, что ее задачей «является показать, что проявившиеся недостатки общественного строя представляют необходимые следствия существующего способа производства, но в то же время и признаки наступающего его разложения, и открыть внутри разлагающейся экономической формы движения элементы будущей, могущей уничтожить эти недостатки, новой организации производства...»⁵⁸. Уверенность рабочего класса в предстоящем торжестве социализма, подчеркивает Энгельс, покоится на понимании объективных законов движения капиталистического способа производства. «Новые производительные силы переросли буржуазные формы их эксплуатации. Это противоречие между производительными силами и способом производства не выдуманно людьми, ...а существует в действительности, объективно, вне нас, независимо от воли и поведения даже тех людей, деятельностью которых оно создано. Современный социализм есть не что иное, как умственное отражение этого фактического противоречия, идеальное отражение его в головах, прежде всего класса, страдающего от него непосредственно, т. е. класса рабочих»⁵⁹.

Прошло 120 лет со дня рождения и 45 лет со дня смерти великого борца и учителя пролетариата Фридриха Энгельса. Созданная Марксом и Энгельсом научная теория проверена и подтверждена громадным опытом международного рабочего движения и строительства социализма в СССР. Социализм, превращенный основоположниками марксизма из утопии в науку, не является уже только научным предвидением и претворен рабочим классом нашей страны под руководством партии Ленина — Сталина в живую действительность. В новых исторических условиях, когда наша страна вступила в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму, а в капиталистическом мире бушует пожар второй империалистической войны, марксистско-ленинская теория служит могучим оружием мирового пролетариата в его борьбе за освобождение и озаряет ярким светом путь дальнейших побед социализма в СССР.

⁵⁷ Энгельс, Рецензия на книгу: К. Маркс, Критика политической экономии (Там же, т. XI, ч. II, стр. 354).

⁵⁸ Энгельс, Анти-Дюринг (Там же, т. XIV, стр. 152).

⁵⁹ Там же, стр. 271.

Энгельс и „Капитал“ Маркса

1867 год вошел в историю освободительной борьбы международного пролетариата как дата исключительной важности. В этом году вышло в свет гениальное творение революционного марксизма — «Капитал» Маркса, являющийся дальнейшим развитием опубликованного в 1859 г. экономического труда Маркса «К критике политической экономии».

Этот бессмертный труд, где Маркс применил свой метод диалектического материализма, совершил переворот в экономической науке. В «Капитале» Маркс дал блестящий анализ законов возникновения, развития и неизбежной гибели капиталистического строя, вскрыл тайну капиталистической эксплуатации, обосновал всемирно-историческую роль пролетариата как могильщика буржуазии, разгромил буржуазных экономистов-апологетов капитализма. Недаром Ленин оценивал «Капитал» как «величайшее политико-экономическое произведение нашего (XIX.— М. Р.) века»¹, а Энгельс называл его «теоретической библией» международного пролетариата.

Чрезвычайно ярко подчеркивает революционную роль «Капитала» сам Маркс. В своих письмах Маркс говорит о первом томе «Капитала»: «Это, бесспорно, самый страшный снаряд, который когда-либо был пущен в голову буржуа (включая и земельных собственников)»². И далее: «То, что я дам этой своей работой, я считаю гораздо более важным для рабочего класса, чем все, что я мог бы сделать лично на каком бы то ни было конгрессе»³. О революционном действии «Капитала» свидетельствует следующий интересный факт, сообщенный Марксом в письме к Мейеру: в выходящем в Петербурге «Архиве судебной медицины» была помещена статья «О гигиенических условиях, в которых живет западно-европейский пролетариат», где автор главным образом цитировал «Капитал»; в результате — цензор получил сильный нагоняй от министра внутренних дел, главный редактор журнала был смещен, а самый номер журнала сожжен.

Известно, что «Капитал» рождался в необычайных муках, выход его все оттягивался. Это объяснялось исключительной добросовестностью Маркса, который считал возможным печатать свои произведения лишь после окончательного разрешения всех теоретических трудностей. Причиной задержки была также невероятная нужда, в которой приходилось жить величайшему гению человечества. Маркс, всю свою жизнь выдерживавший осаду многочисленных кредиторов, вынужден был отказывать себе в самом необходимом. Его могучий организм был подорван болезнями, и это тормозило его творческую работу. В письме к Кугельману Маркс сообщал: «И вот, как и раньше, я принужден брать массу мелких работ, чтобы не очутиться со своей семьей в буквальном смысле слова на улице. Я даже решился

¹ Ленин, Соч., т. I, стр. 414.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 484.

³ Маркс, Письма к Л. Кугельману, Гиз, 1920, стр. 29.

сделаться практиком и поступить с начала нового года на службу в управление железной дороги. Не знаю уж, считать это счастьем или несчастьем? Но благодаря своему плохому почерку я не получил этого места. Итак, вы видите, что мне оставалось мало времени и спокойствия для теоретических работ»⁴. В другом письме к Кугельману Маркс сообщал: «Я плачу теперь 20—50% за маленькие суммы, которые я занимаю, но при всем том я не могу отсрочить дольше требования моих кредиторов и предвижу вследствие этого полный крах»⁵.

В такой обстановке безысходной нищеты лишь самоотверженная материальная помощь и моральная поддержка великого друга и сподвижника Маркса — Энгельса — дали возможность Марксу закончить первый том и подготовить вчерне второй и третий томы «Капитала». В письме к Энгельсу Маркс заверял: «Без тебя я никогда не мог бы довести до конца этого сочинения и — уверяю тебя — мою совесть постоянно, точно кошмар, давила мысль, что ты тратишь свои исключительные способности на торговлю и даешь им ржаветь главным образом из-за меня...»⁶.

Выход работы Маркса «К критике политической экономии» буржуазия встретила гробовым молчанием. Такая же участь угрожала и «Капиталу» при появлении его в свет. И действительно, на первых порах «Капитал» также замалчивался. Вся энергия Энгельса была направлена на то, чтобы взорвать этот заговор молчания. В момент выхода «Капитала» печать в основном находилась в руках буржуазии, рабочая же печать была еще чрезвычайно слабо развита. Энгельс считал необходимым всемерно использовать и буржуазную печать для популяризации «Капитала». «Главное, — писал он Кугельману, — чтобы о книге все время давались отзывы, а так как у Маркса тут руки связаны и он стесняется, как молодая девушка, то мы, остальные, должны действовать за него»⁷. В письмах к Марксу Энгельс высказывался даже за то, чтобы под каким-либо псевдонимом помещать в буржуазной печати рецензии, критикующие «Капитал» с буржуазной или реакционной точки зрения, ибо основная задача заключалась в том, чтобы заставить заговорить о нем. Маркс одобрительно отнесся к этому предложению: «Твой план раскритиковать книгу с буржуазной точки зрения — лучшее военное средство»⁸. В осуществление своего плана Энгельс послал в буржуазные органы печати целый ряд рецензий на «Капитал», которые он вынужден был писать эзоповским языком: критикуя, но вместе с тем подчеркивая всю значительность этого произведения. Одни из этих рецензий вовсе не были напечатаны, другие были исковерканы цензурой, но все же рецензии в целом выполнили свою роль.

После смерти Маркса Энгельс считал своим первейшим долгом подготовить к изданию II и III томы «Капитала», рукописи которых были еще в значительной мере сырыми и необработанными. Для осуществления поставленной задачи Энгельс временно оставил свои научные труды. В письме к Бебелю он сообщал: «...я засяду за второй том, а это каторжный труд. Наряду с совершенно законченными частями — многие только в набросках, все в черновом виде, за исключением, примерно, двух глав. Цитаты в беспорядке, записаны все вместе, как попало, собраны только для того, чтобы позже сделать из них выборки. К тому же — почерк, в котором могу разо-

⁴ Там же, стр. 22.

⁵ Там же, стр. 34.

⁶ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 409.

⁷ Там же, т. XXV, стр. 501—502.

⁸ Там же, т. XXIII, стр. 445.

браться один только я, да и то с трудом. Ты спрашиваешь: как могло случиться, что Маркс именно от меня скрывал, в какой мере закончена работа? Очень просто: если бы я об этом знал, то днем и ночью не давал бы ему покоя, пока книга не была бы закончена и напечатана. Это Маркс знал лучше, чем кто бы то ни было; но он знал и то, что в худшем случае, который сейчас как раз и произошел, рукопись издам я, всецело в его духе,— об этом он говорил и Тусси»⁹.

Энгельс приложил все усилия к тому, чтобы точно передать мысли Маркса, и действительно подготовил II и III томы «Капитала» в духе Маркса. Для этого ему пришлось проделать поистине титаническую работу. Достаточно сказать, что по одному только II тому «Капитала» переработки и вставки Энгельса составили около 10 печатных страниц, а по III тому — в несколько раз больше. В предисловии к III тому Энгельс указывает, что труд редактирования III тома «существенно отличался от редактирования второй книги. Для третьей книги имелся только один первоначальный набросок, притом с величайшими пробелами. Обыкновенно начало каждого особого отдела было довольно тщательно обработано, даже в большинстве случаев отделано стилистически. Но чем далее от начала, тем более эскизной и частичной становилась обработка, тем более она содержала отступлений по поводу побочных вопросов, встречающихся в ходе исследования, причем обработка решительно-важного пункта оставлялась до позднейшего времени, тем длиннее и запутаннее становились периоды, в которых выражались мысли, записанные *in statu nascendi*. Во многих местах почерк и изложение слишком ясно выдают вторжение и постепенное развитие тех вызванных чрезмерным трудом приступов болезни, которые сначала все более и более затрудняли для автора самостоятельную работу и, наконец, временно делали ее совершенно невозможной»¹⁰.

Благодаря гигантской работе, проделанной Энгельсом, II том «Капитала» вышел в свет в 1885 г., а III том — в 1894 г. Одновременно Энгельс много работал над третьим и четвертым изданиями I тома «Капитала», над изданием его на английском языке, а также над переизданием других работ Маркса. Энгельс намеревался также обработать и издать в виде IV тома «Капитала» большую рукопись Маркса «Теории прибавочной стоимости». Смерть помешала ему осуществить этот замысел. Изданием II и III томов «Капитала» Энгельс «соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя. Действительно, эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса»¹¹.

Многочисленные редакционные вставки и примечания Энгельса ко II и III томам «Капитала», уточняющие ряд вопросов, углубляющие и развивающие экономическое учение Маркса, имеют громадное значение.

Во II томе в пятнадцатой главе — «Влияние времени оборота на величину авансированного капитала» — Энгельс дает вставку (стр. 243—245), где указывает на исправление им арифметических ошибок Маркса в цифровых данных таблиц. Эти ошибки не влияют на основные выводы Маркса. «Главное в тексте — указание на то, что, с одной стороны, значительная часть промышленного капитала постоянно должна существовать в денежной форме, с другой стороны — еще более значительная часть должна время от времени прини-

⁹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 328.

¹⁰ Маркс, Капитал, Партиздат, 1936, т. III, стр. 6.

¹¹ Ленин, Соч., т. I, стр. 414.

мать денежную форму. Мои дополнительные замечания служат не более как подкреплением этого указания»¹².

В III томе перу Энгельса принадлежит вся четвертая глава — «Влияние оборота на норму прибыли», значительная часть тридцать четвертой главы — «Currency principle и английское банковое законодательство 1844 г.» (стр. 484—487, 491—492, 493, 499—500), часть сорок третьей главы — о дифференциальной ренте II (стр. 625—641) — и ряд редакционных вставок: о кредите и фиктивном капитале (стр. 363—365), о вексельном курсе (стр. 508—509), о ссуде денег (стр. 404—405) и др. Особенно большое значение в смысле творческого развития Энгельсом учения Маркса, как будет показано ниже, имеет его вставка к двадцать седьмой главе — «Роль кредита в капиталистическом производстве» (стр. 389—390). В главе «Влияние оборота на норму прибыли» Энгельс указывает на повышение производительности труда, как на решающий фактор сокращения времени производства, и на революцию в области транспорта, приводящую к сокращению времени обращения. Он формулирует положение о том, что нормы прибыли двух капиталов при одинаковом их органическом составе, одинаковом рабочем дне и одинаковой норме прибавочной стоимости находятся в обратном отношении ко времени их оборотов. Раздел о третьем случае дифференциальной ренты II (повышающаяся цена производства), который в рукописи Маркса был лишь намечен, был разработан Энгельсом; последний иллюстрировал свои выводы рядом таблиц. В тридцать четвертой главе III тома Энгельс показывает, как ложная теория Рикардо (о том, что золото — только монета, и поэтому всякий импорт золота увеличивает массу денег в обращении и влечет за собой повышение цен, а всякий экспорт золота приводит к обратному), превращенная школой «Currency principle» в практическую попытку оставлять в обращении столько монет, сколько имеется в наличности золота (банковские акты Роберта Пиля 1844 и 1845 гг.), потерпела крах. Во вставке к двадцать пятой главе Энгельс (стр. 363—365) показывает на примере Англии, как развитие кредита приводит к искусственному разбуханию производства и делает промышленный кризис более острым.

Чрезвычайно важное значение имеют и многочисленные примечания Энгельса. Так, например, к анализу Маркса о простом воспроизводстве Энгельс делает примечание о том, что в рукописи не показан обмен вновь произведенного золота, совершающийся в пределах постоянного капитала подразделения I¹³. В примечании к главе шестой III тома — «Влияние изменения цен» — Энгельс указывает, что после 1865 г. конкуренция на мировом рынке значительно усилилась благодаря быстрому развитию промышленности, особенно в Америке и Германии. Производительные силы перерастают законы капиталистического товарообмена, что проявляется, с одной стороны, в установлении охранительных пошлин («охраняющих» главным образом предметы экспорта), а с другой — в попытках картелей регулировать производство, цены и прибыль. «Само собой разумеется, — говорит Энгельс, — что эти эксперименты осуществимы лишь при сравнительно благоприятной экономической погоде. Первая же буря должна разрушить их и доказать, что, хотя производство и нуждается в регулировании, но, несомненно, не капиталистический класс призван осуществить его на деле. Пока что картели эти имеют своей целью позаботиться лишь о том, чтобы мелкие капиталисты пожирались крупными еще быстрее, чем это было раньше»¹⁴. В другом примеча-

¹² Маркс, Капитал, Партиздат, 1936, т. II, стр. 244—245.

¹³ Там же, стр. 411.

¹⁴ Там же, т. III, стр. 109.

нии¹⁵ Энгельс дает анализ капиталистических кризисов: в период слабого развития мировой торговли (1815—1847 гг.) промежутки между двумя последовательными кризисами измерялись пятью годами; с 1847 по 1867 г. кризисы повторяются через 10 лет, а после 1867 г. они принимают более затяжной, острый, всеобщий характер, причем в промышленном цикле фаза оживления имеет тенденцию к сокращению, а фаза угнетения — к удлинению. В главе двадцать девятой — «Составные части банкового капитала» — Энгельс иллюстрирует новейшими данными положение Маркса о том, что запасные фонды частных банков растворяются в запасном фонде Английского банка, и указывает, что в ноябре 1892 г. из 28 млн. ф. ст. наличных резервов 25 млн. были помещены вкладом в Английский банк¹⁶. Подобный же иллюстративно-фактический материал приведен Энгельсом по вопросу о различиях в норме процента на лондонском денежном рынке в декабре 1889 г.¹⁷ Как указывает Энгельс в главе о дифференциальной ренте, быстрота, «с которой все новые пространства таких прерий и степных местностей превращаются в пашни, как раз низвела в последнее время до уровня детской шутки знаменитое положение Мальтуса: «население давит на средства существования», и в противоположность этому вызвала жалобы аграриев на то, что земледелие, а вместе с тем и Германия должны будут погибнуть, если насильственными мерами не устранить средств существования, которые дают на население. Но обработка этих степей, прерий, пампасов, льяносов и т. д. едва лишь начинается; поэтому ее революционизирующее влияние на европейское сельское хозяйство будет со временем несравненно ощутительнее, чем оно было до сих пор»¹⁸. В главе двадцатой — «Из истории купеческого капитала» — Энгельс, рассматривая положение Маркса о том, что в России торговля не затрагивает экономической основы азиатского производства, подчеркивает, что это положение уже не соответствует новым условиям, когда в России развивается собственное капиталистическое производство, рассчитанное на внутренний рынок и на пограничный азиатский рынок¹⁹.

Хотя Энгельс всегда скромно, и в общем правильно, подчеркивал, что при Марксе он играл вторую скрипку в вопросах теории, тем не менее нельзя недооценивать огромной роли Энгельса в обогащении экономического учения Маркса.

Перебравшись в 1842 г. в Манчестер, Энгельс ходил по грязным рабочим кварталам, наблюдая нищенскую жизнь английских пролетариев. Это побудило его написать свой знаменитый труд «Положение рабочего класса в Англии», вышедший в 1845 г. Еще до этого, в 1844 г., вышли его «Очерки критики политической экономии». Работа Энгельса над экономическими проблемами дала толчок Марксу после его встречи с Энгельсом в 1844 г. к тому, чтобы углубленно заняться политической экономией.

В своих «Очерках» Энгельс дает анализ капиталистических кризисов, приводящих к увеличению массы нуждающихся в заработке рабочих и вызывающих социальную революцию. Он показывает здесь, как конкуренция между капиталистами приводит к гибели мелких капиталистов, к централизации собственности и капитала.

Оценивая работу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», Ленин говорил: «Энгельс первый сказал, что пролетариат не

¹⁵ Маркс, Капитал, Партиздат, 1936, т. II, стр. 434.

¹⁶ Там же, стр. 420.

¹⁷ Там же, стр. 327.

¹⁸ Там же, стр. 591—592.

¹⁹ Там же, стр. 300.

только страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат сам поможет себе. Политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма. С другой стороны, социализм будет только тогда силой, когда он станет целью политической борьбы рабочего класса. Вот основные мысли книги Энгельса о положении рабочего класса в Англии, мысли, теперь усвоенные всем мыслящим и борющимся пролетариатом, но тогда совершенно новые. Эти мысли были изложены в книге, увлекательно написанной, полной самых достоверных потрясающих картин бедствий английского пролетариата. Книга эта была ужасным обвинением капитализма и буржуазии. Впечатление, произведенное ею, было очень велико. На книгу Энгельса стали всюду ссылаться как на лучшую картину положения современного пролетариата. И действительно, ни до 1845 года, ни позже не появлялось ни одного столь яркого и правдивого изображения бедствий рабочего класса»²⁰. В этой книге Энгельс дальше развивает учение о кризисе, о его периодичности, о фазах промышленного цикла; он показывает, что в капиталистических условиях все большие массы пролетариата становятся «излишними» и что пролетариат стоит перед альтернативой: либо умереть с голода, либо совершить революцию. Мирный выход из создавшегося положения невозможен.

Таким образом, уже в ранних экономических работах Энгельса содержались в зародыше идеи, которые нашли свое полное развитие и завершение в «Капитале», представляющем собою стройное экономическое учение. Эти работы написаны страстным революционером, и они проникнуты духом революционной борьбы за свержение капитализма.

Маркс в «Капитале» широко использовал работу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (особенно в главе «Рабочий день»), цитируя наиболее яркие места и часто ссылаясь на нее. Рекомендую читателю эту работу Энгельса, Маркс говорил: «Насколько глубоко понял Энгельс дух капиталистического способа производства, показывают отчеты фабричных инспекторов, горных инспекторов и т. д., которые появились после 1845 г.; а как поразительно обрисовал он детали положения рабочего класса, показывает самое поверхностное сравнение его работы с официальными отчетами «Children's Employment Commission 1863—67» (комиссии для изучения труда детей), появившимися на 18—20 лет позже»²¹.

Следует подчеркнуть ту колоссальную помощь, которую оказал Энгельс Марксу в процессе создания «Капитала». Маркс чрезвычайно высоко ценил Энгельса как экономиста, как человека огромной и разносторонней эрудиции. Мнение Энгельса было для Маркса весьма авторитетно. «Твое одобрение до сих пор мне важнее, чем то, что *may say of it* весь остальной мир», — пишет Маркс²².

В процессе творческой работы над «Капиталом» Маркс непрерывно советовался с Энгельсом по теоретическим вопросам, и особенно по вопросам, связанным с практикой капиталистической экономики. Так, подвергнув критике теорию земельной ренты Рикардо и изложив свою теорию ренты, Маркс просит Энгельса высказаться по этому вопросу. Энгельс признал правильным его разрешение вопроса. Маркс

²⁰ Ленин, Соч., т. I, стр. 412.

²¹ Маркс, Капитал, т. I, Партиздат, 1935, стр. 169—170.

²² Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 416 (*may say of it* — может сказать об этом).

излагает Энгельсу свою теорию денежного обращения, теорию воспроизводства и схемы воспроизводства (в противовес экономической таблице Кенэ), теорию средней нормы прибыли и т. п. и всегда получает от Энгельса исчерпывающий ответ, сопровождающийся анализом конкретного материала.

Особенно часто прибегает Маркс к помощи Энгельса в практических вопросах, используя громадные познания Энгельса в области конкретной капиталистической экономики. «В моей экономической работе я подошел теперь к вопросу, по которому хотел бы получить от тебя фактические указания, так как в теоретических сочинениях об этом ничего нельзя найти,—пишет ему Маркс.— Дело идет об обороте капитала—его различии в разного рода предприятиях; его влиянии на прибыль и цену. Будет очень хорошо, если ты сможешь сообщить мне что-нибудь об этом»²³. В другом письме Маркс запрашивает Энгельса: «Не можешь ли ты написать мне обо всех категориях рабочих (except the warehouse), занятых, напр., на вашей фабрике, с указанием их взаимной пропорции? Мне для моей книги необходим пример, показывающий, что в механических заведениях не существует разделения труда в том виде, в каком оно является основой мануфактуры и описано А. Смитом»²⁴. В целом ряде писем Маркс задает Энгельсу вопросы: как поступают капиталисты с амортизационными отчислениями, как исчисляется оборот оборотной части капитала и т. п. Энгельс обстоятельно отвечает на эти вопросы, привлекая большой фактический материал, таблицы, иллюстрирующие основные положения, и т. п.

Маркс направлял корректурные листы «Капитала» на просмотр Энгельсу, внимательно прислушивался к его критическим замечаниям и старался на ходу исправлять отмеченные Энгельсом недостатки.

Энгельс дал блестящий отзыв о I томе «Капитала». Особенно высоко оценивал Энгельс с точки зрения изложения и содержания главы о превращении денег в капитал и о возникновении прибавочной стоимости, резюме об экспроприации экспроприаторов и т. п. Наряду с этим он отмечал необходимость доказать более пространно и доступным пониманию историческим путем ряд положений в книге, ввести подзаголовки и т. п. «Что касается развития формы стоимости,—писал Маркс Энгельсу,—то я и последовал твоему совету и не последовал ему, желая и в этом отношении остаться диалектиком. Это значит, во-первых, что я написал приложение, в котором излагаю тот же вопрос в столь простом и «школьном» виде, как только возможно, и, во-вторых, что я по твоему совету выделил каждый этап развития в параграф с собственным подзаголовком»²⁵. Энгельс ставил перед Марксом вопрос о необходимости издания популярного краткого изложения «Капитала», а также популярной брошюры, где разъяснялось бы различие между учениями Маркса и Лассалля.

О II томе «Капитала» Энгельс говорил, что «это чудесные исследования, из которых люди впервые поймут, что такое деньги, и капитал, и многое другое»²⁶. Но с наибольшим восхищением Энгельс отзывался о III томе «Капитала», который, по его мнению, превзошел даже I том. В письме к Бебелю Энгельс говорил: «Третья книга... превосходна, блестяща. Это поистине неслыханная ломка старой экономической науки. Лишь теперь наша теория приобретает несокрушимый фундамент, и мы получаем возможность победоносно бо-

²³ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 296.

²⁴ Там же, т. XXIII, стр. 63 (except the warehouse — исключая рабочих склада).

²⁵ Там же, стр. 416.

²⁶ Там же, т. XXVII, стр. 388.

роться с любым врагом. Как только книга появится, обывательщина в партии тоже получит снова такой удар, о котором долго будет помнить, потому что с появлением книги в дискуссии снова выступят на первый план основные экономические вопросы»²⁷. Энгельс подчеркивал, что с выходом III тома официальная буржуазная политическая экономия будет разбита в пух и прах, что в этом томе, содержащем конечные выводы, распутаны самые сложные вопросы и изложение настолько ясно и убедительно, что несогласие с автором делается невозможным.

Энгельс сделал очень много для популяризации «Капитала», написав ряд рецензий.

В рецензии на I том «Капитала», помещенной в «Die Zukunft»²⁸, Энгельс указывал, что официальная политическая экономия не сумела ничего противопоставить работе Маркса «К критике политической экономии»; точно так же вряд ли найдется среди экономистов хоть один, кто был бы в состоянии опровергнуть выводы «Капитала». «Капитал», противопоставляя вульгарной политической экономии классическую школу, вскрывает также и ошибки классиков, всегда оставаясь на почве строго научного исследования. Энгельс подчеркивает громадное значение марксова анализа прибавочной стоимости и рабочей силы как товара. Он указывает на ценность исторического подхода Маркса при изучении проблем политической экономии, рассмотрении им экономических законов не как «вечных», а как специфических для данной общественно-экономической формации».

В другой рецензии, предназначенной для «Rheinische Zeitung», Энгельс указывает, что автор «Капитала» «...с бесспорно редкой ученостью рассматривает все отношение между капиталом и трудом в его связи со всей экономической наукой, ставит себе конечной целью «раскрыть экономический закон движения современного общества» и на основании безусловно добросовестных исследований, сделанных с несомненным знанием предмета, приходит к заключению, что весь «капиталистический способ производства» должен быть уничтожен»²⁹. Энгельс отмечает громадное значение теории прибавочной стоимости Маркса и исследования последнего о накоплении капитала. «Самое замечательное здесь — это попытка доказать, что наряду с концентрацией и накоплением капитала и в ногу с ними идет накопление избыточного рабочего населения и что оба эти процесса в конце концов делают, с одной стороны, необходимым, а с другой стороны, возможным социальный переворот»³⁰. Рецензия эта не была помещена.

Среди многочисленных рецензий Энгельса, помещенных в «Elberfelder Zeitung», «Düsseldorfer Zeitung», «Der Beobachter», «Gewerbeblatt aus Württemberg», «Neue Badische Landeszeitung», «Demokratisches Wochenblatt», особого внимания заслуживает большая рецензия, предназначенная для английского органа «Fortnightly Review» (написана в июне 1868 г.). Рецензия эта должна была ознакомить с «Капиталом» английскую интеллигенцию, которая кичилась своей образованностью, но в экономических вопросах была невежественна и находилась под влиянием вульгарных экономистов. Энгельс решил начать рецензию с популярного изложения процесса превращения денег в капитал и сделать упор на выяснение марксовой теории прибавочной стоимости, оставив в стороне изложение наиболее трудного I отдела «Капитала», где трактуется теория стоимости и денег. Маркс

²⁷ Там же, стр. 459.

²⁸ 30 октября 1867 г.

²⁹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 210.

³⁰ Там же, стр. 213.

считал, что эта рецензия должна быть такой, будто ее написал англичанин; он даже набросал сам начало рецензии. Первая часть ее была подписана именем друга Энгельса — Самюэля Мура. Но рецензия не была напечатана, так как, по мнению редакции, она «слишком научна» для читателя «Fortnightly Review».

Наиболее развернутое и блестящее освещение важнейших моментов «Капитала» дано Энгельсом в его знаменитом «Конспекте первого тома «Капитала» К. Маркса». «Конспектирование твоей книги,— писал он Марксу,— при моем ограниченном времени, требует больше труда, чем я думал; *sauf enfin*, раз уже взялся за эту работу, надо ее делать, как следует, и не только специально для данной цели (очевидно, имеется в виду написание развернутой рецензии для «Fortnightly Review». — *M. P.*)»³¹. «Конспект» Энгельса, охватывающий первые четыре отдела I тома «Капитала», глубоко раскрывает его содержание и фиксирует внимание читателя на самом главном. «Конспект» дает прекрасные образцы применения материалистической диалектики к изучению общественных явлений, показывает историческую определенность экономических категорий, их обусловленность определенным способом производства. Центральное место в «Конспекте» занимает изложение марксовской теории прибавочной стоимости — этого краеугольного камня экономического учения Маркса. Энгельс констатирует «...общее распространение фабричного производства и вместе с ним классической формы капиталистического производства, обострение присущих ему противоречий, созревание элементов ниспровержения старого и элементов образования нового общества»³². Характеризуя капиталистическое земледелие, Энгельс говорит: «Сельские рабочие разьединены и слабы, в то время как городские рабочие концентрируются; поэтому плата земледельческих рабочих падает до минимума. Вместе с тем хищническая обработка земли — венец капиталистического способа производства, подтачивание самого источника всякого богатства; земли и рабочего»³³. «Конспект» Энгельса — неоценимое пособие для углубленного изучения «Капитала».

В своей большой работе «Анти-Дюринг», написанной в 1878 г., Энгельс творчески развивает ряд важнейших положений экономического учения Маркса. В отделе «Политическая экономия» он дает характеристику политической экономии в широком и в узком смысле слова. Он показывает, что если политическая экономия в узком смысле слова, изучающая капиталистический способ производства, является детищем XVIII века и получила свое блестящее завершение в учении Маркса, то политическая экономия в широком смысле, как «наука об условиях и формах производства и обмена продуктов в различных человеческих обществах и о соответствующих способах распределения этих продуктов (основы которой были заложены Марксом и Энгельсом.— *M. P.*)... еще должна быть создана»³⁴.

Критикуя дюрингову теорию насилия, согласно которой насилие является решающим фактором исторического процесса, а политические отношения определяют экономический строй, Энгельс на конкретном историческом материале показывает, что «...насилие, вместо того чтобы господствовать над экономическим положением, служило хозяйственным целям»³⁵, что политические надстройки являются лишь

³¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 40 (*sauf enfin* — потому что в конце концов).

³² Энгельс, О «Капитале» Маркса, Партиздат, 1933, стр. 94.

³³ Там же.

³⁴ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 152.

³⁵ Там же, стр. 183.

орудием в руках стоящего у власти класса и определяются данным экономическим положением, господствующим способом производства. В этом отделе Энгельс блестяще развивает учение Маркса о теории стоимости, простом и сложном труде, капитале и прибавочной стоимости, земельной ренте. В отделе «Социализм» Энгельс дает глубокий анализ социалистического общества, где уничтожены эксплуататорские классы и частная собственность, где ведется плановое хозяйство. Он подчеркивает, что в противоположность капитализму с его противоречием между частным и общественным трудом, «когда скоро общество вступает во владение средствами производства и применяет их в непосредственно обобществленном производстве, — труд каждого отдельного лица, как бы ни был различен его специфически полезный характер, становится сам по себе и непосредственно общественным трудом»³⁶. Энгельс развил учение Маркса об уничтожении противоположности между городом и деревней, подчеркнув громадную роль социалистического размещения производительных сил в разрешении этой проблемы. «Только общество, способное гармонически приводить в движение свои производительные силы, согласно единому общему плану, в состоянии организовать их так, что будет возможно равномерно распределить крупное производство по всей стране, в полном соответствии с его собственным развитием и сохранением и развитием прочих элементов производства. Таким образом, устранение противоречия между городом и деревней не только возможно, но оно стало просто необходимым в интересах индустриального и земледельческого производства, а также в целях общественной гигиены. Только с соединением города и деревни в одно целое возможно устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы, и только при этом хилые городские массы населения смогут добиться такого положения, что их отбросы, вместо того чтобы порождать между ними болезни, станут полезным материалом, содействуя успеху сельского хозяйства»³⁷. В «Анти-Дюринге» Энгельс развил марксово учение о государстве, показав, что при коммунизме государство не «отменяется», а «отмирает».

В другом своем произведении «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.) Энгельс блестяще развивает учение Маркса о докапиталистических общественно-экономических формациях и о возникновении капиталистического способа производства. Он анализирует три исторические стадии общественного разделения труда: возникновение обмена, частной собственности и классов, возникновение и развитие государства. Энгельс характеризует первобытно-общинный, рабовладельческий и феодальный способы производства, показывает разложение натурального хозяйства и возникновение капиталистического производства. Обе эти работы Энгельса являются ценным дополнением к «Капиталу», разъясняющим его основные идеи, развивающим созданную Марксом политическую экономия в широком смысле.

Еще при жизни Маркса, когда попытки буржуазии замолчать «Капитал» не удалось, некоторые буржуазные экономисты выступили с критикой «Капитала», хотя этот замечательный труд остался для них книгой за семью печатями. Так, например, парижская «Revue Positiviste» обвиняла Маркса в том, что он рассматривает политическую экономия... метафизически. Немецкие рецензенты упрекали Маркса в гегельянской софистике и т. п. Энгельс в письме к Р. Штегеману говорит: «...Вы правы в том, что критика и так называемая «наука» об-

³⁶ Там же, стр. 315.

³⁷ Там же, стр. 301.

наружили до сих пор только «всеобщую неспособность что-либо понять», и больше всех это забавляло самого Маркса. Никогда не забуду, как он смеялся над жалобами г. Шефле (немецкий буржуазный профессор-социолог, катедер-социалист, ярый враг марксизма.— М. Р.) на то, что он вот уже десять лет как изучает «Капитал» и все еще его не понял»³⁸.

После смерти Маркса и появления в свет II и III томов «Капитала» нападки буржуазных экономистов на «Капитал» еще более усилились. Вновь были вытащены на свет уже однажды провалившиеся клеветнические обвинения в научной недобросовестности по адресу Маркса. Буржуазия и ее подпевалы не брезгали никакими средствами, чтобы опорочить гениальное творение Маркса. Энгельс разгромил эти злостные попытки апологетов капитализма и, отстаивая учение Маркса, глубоко осветил ряд существенных проблем его. Немецкие катедер-социалисты и их приверженцы обвинили Маркса в том, что он будто совершил плагиат у Родбертуса в вопросе о происхождении прибавочной стоимости капиталиста. Энгельс разъясняет, что Маркс ничего не знал об этих обвинениях, и доказывает всю их абсурдность, ибо еще в 1861 г. Маркс отмечал, что о происхождении прибавочной стоимости капиталиста знал уже А. Смит; но поскольку Смит не отделял ее как особую категорию от ее превращенных форм — прибыли и земельной ренты, это повлекло за собой ошибки классической английской школы политической экономии. Энгельс отмечает, что Родбертус в исследовании прибавочной стоимости не сделал ни шага вперед по сравнению с классической школой, повторив ее ошибки. Он показывает, что нового внес в эту проблему Маркс и почему теория прибавочной стоимости Маркса произвела на всех впечатление грома среди ясного неба, тогда как теории его предшественников не оказали никакого действия. Энгельс подчеркивает, что существование прибавочной стоимости как продукта неоплаченного труда было известно задолго до Маркса, но дальше этого не шли. Маркс видел в прибавочной стоимости краеугольный камень своего экономического учения. Но правильная теория прибавочной стоимости могла базироваться лишь на правильной теории стоимости. Поэтому Маркс анализирует двойственный характер товара как потребительной стоимости и стоимости, двойственный характер труда, заключенного в товаре, как труда конкретного, создающего потребительную стоимость, и труда абстрактного, создающего стоимость. Маркс показывает, как противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью находит свое выражение в противоположности товара и денег.

Как указывает Энгельс в предисловии ко II тому «Капитала», Маркс «исследовал превращение денег в капитал и доказал, что оно основывается на купле и продаже рабочей силы. Поставив на место труда рабочую силу, свойство создавать стоимость, он разом разрешил одно из затруднений, о которые разбилась школа Рикардо: невозможность согласовать взаимный обмен капитала и труда с рикардовским законом определения стоимости трудом»³⁹. Избежав ошибок своих предшественников, Маркс впервые дал анализ прибавочной стоимости как всеобщей формы стоимости, безвозмездно присваиваемой капиталистом, независимо от ее превращенных форм — прибыли и ренты, и показал, на основе каких законов происходит распадение прибавочной стоимости на предпринимательский доход, торговую прибыль, ссудный процент, ренту. В этом же предисловии Энгельс отметил следующее противоречие рикардианской школы: неправиль-

³⁸ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 455.

³⁹ Маркс, Капитал, т. II, стр. 17.

но отождествляя прибавочную стоимость с ее превращенной формой — прибылью, Рикардо пришел к выводу, что равные капиталы, применяющие различное количество живого труда, должны давать различную прибыль, тогда как в действительности они дают одинаковую прибыль. Энгельс указал, что это противоречие Маркс разрешил в рукописи «Zur Kritik» и решение его будет дано в III томе «Капитала». При этом Энгельс призывал Родбертуса и других буржуазных экономистов, обвинявших Маркса в плагиате, показать, на что они способны, каким образом, не нарушая закона стоимости, а на его основе, капиталисты могут получить равную норму прибыли.

Призыв Энгельса остался безрезультатным: «великие критики» Маркса проявили полнейшую несостоятельность, там где дело касалось положительной разработки проблем. Зато после выхода II и III томов «Капитала» в критиках положительного построения экономического учения Маркса недостатка не оказалось. Центральным пунктом их нападок оказалось пресловутое «противоречие» между I и III томами «Капитала» — между законом стоимости и равной средней нормой прибыли. В предисловии к III тому «Капитала» Энгельс бичует итальянского вульгарного экономиста Ахилла Лориа. Последний сперва заявил, что противоречие между теорией прибавочной стоимости Маркса и средней нормой прибыли неразрешимо, что Маркс, обещающий разрешить это противоречие в следующих томах «Капитала», этих томов не напишет; когда же вышел II том и Энгельс бросил вызов буржуазным экономистам, Лориа решил превзойти самого себя и разрешить это противоречие публично. О том, как он «справился» со своей задачей, свидетельствуют следующие слова Энгельса: «...только литературный авантюрист, который в глубине души плюет на всю политическую экономию, может позволить себе утверждение, что торговый капитал обладает волшебной силой поглощать всю избыточную прибавочную стоимость, превышающую общую норму прибыли, притом поглощать прежде, чем последняя установлена, — и превращать ее в земельную ренту для себя самого, притом еще так, что для этого ему не требуется никакой земельной собственности»⁴⁰.

В своей исключительно важной работе «Дополнение к третьему тому «Капитала» Энгельс в первом разделе («Закон стоимости и норма прибыли») разоблачает тупоумие и шарлатанство того же Лориа. После выхода в свет III тома «Капитала», где Маркс с предельной ясностью и последовательностью разрешил мнимое противоречие между законом стоимости и средней нормой прибыли, Лориа снова выступил против Маркса. Энгельс показывает, что абсурдный тезис Лориа, будто самое понятие совокупной стоимости товаров есть бессмыслица, будто эта совокупная стоимость равна нулю, является достойным завершением вульгарной экономики.

Энгельс разоблачает здесь также и экономистов, которые, заигрывая с марксизмом, пытались контрабандой протащить ревизию Маркса, подрвать значение закона стоимости как основного закона движения капиталистической экономики, а, следовательно, и значение всего экономического учения Маркса, базирующегося на законе стоимости. Так, например, Зомбарт развивал тезис о том, что стоимость — не эмпирический, а мысленный, логический факт. Шмидт рассматривал закон стоимости лишь как научную гипотезу, как теоретический исходный пункт для объяснения явлений капиталистического хозяйства. Зомбарт и Шмидт в данном вопросе не блистали оригинальностью и лишь перепевали тезис Лориа, что товары никогда не продавались и не могут продаваться по их стоимости, определяемой трудом. Кри-

⁴⁰ Там же, т. III, стр. 19.

тикуя этих экономистов, Энгельс говорил: «...Шмидт прямо объявляет закон стоимости в пределах капиталистической формы производства фикцией, хотя и теоретически-необходимой. Но это понимание, по моему мнению, совершенно не верно. Закон стоимости и для капиталистического производства имеет гораздо большее и более определенное значение, чем значение простой гипотезы, не говоря уже о фикции, хотя бы и необходимой.

Как Зомбарт, так и Шмидт,—знаменитого Лориа я упоминаю при этом лишь мимоходом в качестве забавного экземпляра вульгарной экономии,—не обращают должного внимания на то, что здесь дело идет не о чисто логическом лишь процессе, но об историческом процессе и объясняющем его отражении в понятии, логическом прослеживании его внутренних связей»⁴¹.

Энгельс вслед за Марксом показывает, что обмен товаров по стоимости или приблизительно по их стоимостям происходил на более низкой ступени общественного развития, чем обмен по ценам производства, что стоимость товаров выступает не только теоретически, но и исторически, как *præius* цены производства. Энгельс подчеркивает, что закон стоимости исторически существовал на протяжении всего периода простого товарного хозяйства, господствуя в течение пяти-семи тысяч лет. С развитием капитализма закон стоимости модифицируется в цену производства.

Глубокий исторический анализ Энгельса в области развития простого товарного хозяйства, обмена и стоимости и разгром «теорий» Зомбарта, Шмидта, Лориа имели огромное теоретическое и политическое значение. Они означали сокрушительный удар по попыткам протащить идеалистическую контрабанду в политическую экономию (идеалистический отрыв категории стоимости и процесса превращения стоимости в цену производства от обусловившей их конкретной исторической обстановки). Они помогли развитию марксистского учения о мелкотоварном производстве, о крестьянстве как союзнике пролетариата в революции. Учение Маркса—Энгельса о простом товарном хозяйстве, творчески развитое Лениным и Сталиным, идейно вооружило коммунистическую партию в СССР для разгрома контрреволюционных теорий троцкистов, провоцировавших разрыв союза рабочего класса с крестьянством, и бухаринцев, проповедывавших мирное вращение кулака в социализм.

Все попытки буржуазной вульгарной экономии противопоставить I том «Капитала» III тому исходили из стремления найти хоть какую-нибудь брешь в стройном и последовательном экономическом учении Маркса, опорочить это учение в целях апологетики капитализма. Эти попытки базировались на ложной предпосылке, будто законы капитализма должны в точности совпадать с формой проявления этих законов. Критика Энгельса, разоблачившего шарлатанские уловки, тупоумие и недомыслие вульгарных экономистов типа Лориа, полностью сохранила свою сокрушительную силу и в отношении их последователей. Она была по позиции Бем-Баверка, главы так называемой «австрийской школы» в политэкономии, который продолжал жевать жвачку о «противоречии» между I и III томами «Капитала» и предлагал подменить марксову теорию трудовой стоимости теорией «предельной полезности». Она разоблачала предательство ренегатов, которые, прикрываясь флагом марксизма, стремились подорвать это великое учение, пытаясь «подправить» Маркса: ревизионист Бернштейн предлагал «примирить» теорию стоимости Маркса с теорией предельной полезности Бем-Баверка; легальные марксисты типа Туган-Барановского в России стремились «примирить» Маркса с Кантом и т. п.

⁴¹ Энгельс, О «Капитале» Маркса, стр. 103.

Колоссальная заслуга Энгельса заключается, наконец, в том, что он, наблюдая после смерти Маркса некоторые новые явления в капиталистической экономике, творчески развил учение Маркса применительно к этим новым явлениям.

В редакционной вставке Энгельса к двадцать седьмой главе III тома «Капитала» отмечается, что после того как Маркс писал о роли акционерных обществ и их распространении, в промышленном производстве произошли крупные сдвиги, характеризующиеся более интенсивным ростом акционерных обществ, более крупным масштабом и высшим типом их. Производство становится более крупным, растет гораздо быстрее, чем рынки для сбыта товаров. Отсюда — перепроизводство, низкие цены на товары, падение нормы прибыли. В борьбе за расширение рынков сбыта буржуазные правительства осуществляют политику охранительных пошлин, стремясь отгородиться высоким таможенным барьером от конкуренции иностранных, особенно английских товаров. Принцип свободной конкуренции терпит банкротство. Предприятия объединяются в монопольные организации (картели и др.), устанавливающие количество товаров, производимых каждым предприятием, и распределяющие заказы. Возникают международные монополии, объединяющие, например, английскую и германскую железную промышленность. Рост концентрации производства в отраслях промышленности приводит к образованию более высокой, чем картель, формы монополий — мощных трестов, где осуществлено слияние предприятий. Энгельс приводит пример английского калийного треста, захватившего в свои руки все английское производство калия; общий капитал треста составлял 6 млн. ф. ст.; объединял трест свыше 30 заводов. Говоря о монополизации промышленности, Энгельс подчеркивал, что тем самым подготавливается будущая экспроприация английской промышленности всем обществом, нацией.

Во втором разделе «Дополнения к третьему тому «Капитала» помещен план-конспект работы Энгельса под названием «Биржа»⁴². В этом конспекте Энгельс говорит, что «...с 1865 г., когда книга (имеется в виду III том «Капитала». — М. Р.) была написана, наступило изменение, которое придает бирже значительно возросшую и все растущую роль и которое в своем дальнейшем развитии имеет тенденцию концентрировать в руках биржевиков (Borsianer) все производство как промышленное, так и сельскохозяйственное и все обращение — как средства связи, так и функцию обмена; таким образом биржа становится самой выдающейся представительницей капиталистического производства»⁴³. Энгельс указывает, что до 1865 г. биржа играла второстепенную роль в капиталистической системе, акционерных предприятий было мало. Но в дальнейшем картина резко изменилась. С 1866 г. накопление капитала происходит быстрыми темпами и обгоняет производство. Вырастает слой рантье. Происходит процесс превращения промышленности в акционерные предприятия, охватывающие железодельную, химическую, машиностроительную, а затем и текстильную промышленность. Организуются тресты, создающие гигантские предприятия. Акционерная форма распространяется в торговле, охватывает банки; через посредство ипотечных банков земельная собственность также подпадает под влияние биржи. Энгельс берет здесь понятие биржи в широком смысле слова, в смысле установления господства акционерной формы капитала. Энгельс подчеркивает большое значение вывоза капитала за границу и роль в этом деле акционерной формы капитала: «Приложение капитала за границей — все в акциях.

⁴² Впервые он был опубликован ИМЭЛ в 1932 г. (см. «Большевик» № 23—24).

⁴³ Энгельс, О «Капитале» Маркса, стр. 119.

Говоря только об Англии: американские дороги, северные и южные (справиться по биржевому бюллетеню, Гольдбергер и т. д.)»⁴⁴. Энгельс указывает на захватническую роль биржи в борьбе за колонии и территориальный раздел мира: «Затем колонизация. Последняя ныне простое отделение биржи, в интересах которой европейские державы несколько лет тому назад поделили Африку, французы завоевали Тунис и Тонкин.

Африка прямо сдана в аренду компаниям (Нигер, Южная Африка, Германская Юго-Западная и Восточная Африка). Машоналэнд и Наталь взяты во владение для биржи Родсом»⁴⁵.

* * *

В письме к Беккеру Энгельс говорил: «Всю свою жизнь я делал то, к чему я был предназначен,— я играл вторую скрипку,— и думаю, что делал свое дело довольно сносно. Я рад был, что у меня такая великолепная первая скрипка, как Маркс. Когда же мне вдруг в вопросах теории приходится занимать место Маркса и играть первую скрипку, то дело не обходится без промахов, и никто этого не ощущает сильнее, чем я сам»⁴⁶.

Вся деятельность Энгельса после смерти Маркса показывает, что он с честью держал в своих руках знамя революционного марксизма, отстаивая и развивая дальше учение Маркса.

«Дополнение к третьему тому «Капитала» — один из блестящих образцов творческого развития Энгельсом экономического учения Маркса. В этой работе уже проглядывают отдельные гениальные догадки Энгельса о характерных чертах новейшего этапа капитализма — империализма.

Однако учение об империализме, о законе неравномерного развития капитализма в эпоху империализма, о возможности победы социализма в одной стране было создано и разработано лишь Лениным и Сталиным на базе творческого развития ими марксизма применительно к этому новейшему этапу капитализма.

«Капитал» Маркса призывал рабочий класс к свержению капитализма, к установлению диктатуры пролетариата, к борьбе за социализм. Победа социализма в СССР является блестящим подтверждением на практике правильности гениальных идей «Капитала», на создание которого положили столько трудов величайшие умы человечества — Маркс и Энгельс.

⁴⁴ Энгельс, О «Капитале» Маркса, стр. 121.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 415.

К вопросу о полном соответствии производственных отношений характеру производительных сил при социализме¹

В своей выдающейся работе «О диалектическом и историческом материализме» товарищ Сталин указывает, что при социалистическом строе «...производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил, ибо общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства»².

Полное соответствие производственных отношений социалистического общества характеру производительных сил обеспечивает невиданные темпы развития последних, является могущественным двигателем развития социалистического общества.

Общественная собственность на средства производства создает необходимый простор для роста производительных сил прежде всего тем, что превращает рабочий класс из класса, лишенного средств производства и эксплуатируемого капиталистами, в класс, который через свое государство распоряжается основными общественными средствами производства и работает не на эксплуататоров, а на себя, на свое советское общество. Благодаря этому в корне изменяется отношение рабочих к труду, открывается возможность полного и всестороннего роста производительности общественного труда. Общественная собственность на средства производства обеспечивает бурное развитие производительных сил и потому, что уничтожает паразитическое потребление, создавая тем самым новые возможности для расширения производства и потребления. Наконец, общественная собственность делает возможным плановое ведение хозяйства, уничтожает анархию производства, кризисы и связанную с ними громадную растрату производительных сил.

Полное соответствие социалистических производственных отношений характеру производительных сил является, таким образом, основной движущей силой нашего социалистического общества.

Встает вопрос: означает ли полное соответствие производственных отношений характеру производительных сил социалистического общества, что дальнейшее развитие последних не будет более вызывать никаких изменений в производственных отношениях?

Для правильного ответа на этот вопрос нужно иметь в виду, что социалистические производственные отношения не складываются сразу целиком и в окончательной форме; они проходят большой путь развития. Нужно помнить также, что социализм — только первая, низшая фаза коммунизма, и переход от этой низшей фазы к

¹ Печатается в порядке обсуждения (см. «Проблемы экономики» №№ 3 и 5—6). — Р е д.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 558.

высшей связан с дальнейшим развитием общественных производственных отношений, в то время как основа социалистических производственных отношений — общественный характер собственности на средства производства — остается незабываемой.

После Великой Октябрьской социалистической революции и победы диктатуры пролетариата установилось полное соответствие производственных отношений характеру производительных сил в социалистическом секторе нашего народного хозяйства. Но не было еще такого соответствия во всем народном хозяйстве, ибо существовало 5 разных укладов хозяйства, а социалистический сектор, будучи с самого начала ведущим в народном хозяйстве страны, занимал тогда далеко не преобладающее место во всем народном хозяйстве. Многоукладность хозяйства, молодость, относительная слабость социалистического хозяйства свидетельствовали о сравнительно низком уровне развития социалистических производственных отношений.

Развитие социалистических производственных отношений, знаменующее собой процесс становления социалистического общества, а затем постепенного перехода от социализма к коммунизму, состоит в непрерывном повышении удельного веса социалистического сектора во всем народном хозяйстве и в росте зрелости самих социалистических отношений. Этот процесс совершается на основе развития общественных производительных сил. Таким образом в социалистическом обществе развитие производительных сил сопровождается развитием производственных отношений, ростом и укреплением основы этих отношений — общественной собственности на средства производства. А отсюда следует, что по мере развития производительных сил социалистического общества достигнутый ранее уровень обобществления средств производства становится уже недостаточным, т. е. приходит в противоречие с производительными силами.

С другой стороны, так как цепь мирового империализма была прорвана впервые в отсталой царской России и новые социалистические отношения сложились в стране с относительно отсталым уровнем развития производительных сил, то в СССР долгое время существовало и другое противоречие — противоречие между передовыми социалистическими производственными отношениями и сравнительно отсталым уровнем развития производительных сил.

Во всех до сих пор существовавших антагонистических общественно-экономических формациях производительные силы рано или поздно вступали в непримиримые противоречия с самим характером производственных отношений, и эти противоречия не могли быть разрешены на базе сохранения данной системы производственных отношений.

Иное дело при социализме. Здесь нет противоречий между характером производительных сил и производственных отношений. Противоречия являются здесь трудностями роста и развития самого социалистического способа производства. Следовательно, возможности преодоления этих противоречий и тем самым дальнейшего укрепления и расширения социалистических производственных отношений заложены в самой системе социализма, т. е. в полном соответствии между общественным производством и общественной собственностью на средства производства. В социалистическом обществе будет и в дальнейшем происходить борьба старого и нового, нарождающегося и умирающего. Эта борьба — абсолютный закон

всякого развития. В наших условиях эта борьба нового со старым осложняется двумя обстоятельствами: 1) тем фактом, что наша страна живет в капиталистическом окружении и происходит самая ожесточенная борьба между миром социализма и миром капитализма по принципу «кто кого»; это не может не наложить своего отпечатка на характер, темпы и методы социалистического строительства; 2) наличием пережитков капитализма в экономике и сознании людей, пережитков, которые поддерживаются и оживляются капиталистическим окружением.

Самый факт наличия пережитков капитализма в экономике и сознании людей есть показатель определенного уровня развития социалистических производственных отношений, который будет в дальнейшем повышаться, и в первую очередь под влиянием непрерывно и бурно развивающихся производительных сил социалистического общества.

Встает вопрос: могут ли быть отнесены указанные выше противоречия к противоречиям между производительными силами и производственными отношениями социализма? Если под противоречием между производительными силами и производственными отношениями иметь в виду противоречие между характером производительных сил и производственных отношений, что было свойственно всем существовавшим до сих пор классовым антагонистическим формациям, тогда, конечно, ответ должен быть дан категорически отрицательный. Между общественным производством и общественной социалистической собственностью на средства производства нет и не может быть никаких противоречий.

Но неправильно было бы к характеристике взаимосвязи производительных сил и производственных отношений социализма подходить с меркой, пригодной для антагонистических обществ. Противоречие между ростом производительных сил и той или другой стороной социалистических производственных отношений, выражающей уровень их развития, есть своеобразное, преходящее противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Оно принципиально отличается от тех противоречий, с которыми мы обычно встречаемся при изучении антагонистических обществ. Указанное противоречие социалистического общества не подрывает полного соответствия между общественным характером производительных сил и общественным характером собственности на средства производства. Более того, общество черпает в этом соответствии силы и средства для разрешения данного противоречия.

В свою очередь разрешение этих противоречий еще больше укрепляет полное соответствие между производительными силами и производственными отношениями социализма.

Разберем этот вопрос несколько подробнее.

Каждая общественно-экономическая формация представляет собой целую систему производственных отношений определенного типа³.

³ Маркс чаще всего употребляет термин «совокупность производственных отношений», а Ленин в своих работах почти всегда пользуется термином «система производственных отношений». В замечаниях по поводу второго проекта программы партии, представленного Плехановым, Владимир Ильич пишет: «Термин «капиталистические производственные отношения» в проекте не выдержан. Иногда его заменяет термин: «капиталистический способ производства» (§ XI). По-моему, в интересах уменьшения трудностей понимания программы надо было бы держаться одного термина и именно последнего, ибо первый более теоретичен и без добавления слов «система»

В основе всякой системы производственных отношений лежит тот или иной способ соединения средств производства и рабочей силы или, употребляя юридический термин,— имущественные отношения.

В капиталистическом обществе, например, противоречие между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения получает свое выражение во все обостряющейся борьбе между рабочими и капиталистами, в типично капиталистических формах организации производства и разделения труда на фабрике и в анархии производства в обществе в целом, в том, что «...способ производства восстает против способа обмена» (Энгельс).

Социалистическая же система производственных, экономических отношений характеризуется следующими основными моментами:

1) Социалистической собственностью на средства производства. Для правильного понимания социалистических производственных отношений надо иметь в виду, что в нашем хозяйстве существуют две формы социалистической собственности — государственная (все-народная) и колхозно-кооперативная. Взаимоотношения между этими двумя формами социалистической собственности, иначе говоря — между рабочим классом как руководящей силой социалистического общества и колхозным крестьянством — важнейший момент социалистических производственных отношений.

2) Отсутствием эксплуатации.

3) Особыми отношениями людей в процессе производства — отношениями товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников.

4) Плановым ведением народного хозяйства.

5) Социалистической организацией труда (единоначалие, социалистическое соревнование, социалистическая дисциплина труда и пр.).

6) Социалистическим принципом распределения: «кто не работает, тот не ест», оплатой по количеству и качеству труда.

В ходе развития социалистических производственных отношений неизбежной остается их основа, т. е. общественная собственность на средства производства. В связи с этим целиком сохраняются плановое хозяйство, товарищеское сотрудничество и взаимопомощь тружеников социалистического общества; навсегда исключается эксплуатация человека человеком. Но это отнюдь не означает, что остаются неизменными уровень и формы социалистического обобществления средств производства, что не меняются и не будут меняться объем, формы и методы планирования и руководства народным хозяйством, что не меняются и не будут меняться система организации труда, формы и даже принцип распределения продуктов.

Отсюда следует, что при социализме могут быть, есть и будут своеобразные, неантагонистические противоречия между развитием производительных сил и той или другой стороной, чертой или моментом системы производственных отношений, выражающими определенный, уже недостаточный, пройденный уровень развития. Характер этих противоречий, самая необходимость их разрешения и форма их разрешения диктуются и определяются полным

и т. п. (отношений) не указывает на нечто законченное и цельное» (Ленин, Соч., т. V, стр. 24; подчеркнуто нами. — Г. З.).

соответствием общественной формы производства и общественной социалистической собственности на средства производства.

Если та или иная сторона (черта) системы производственных отношений так или иначе перестала соответствовать развившимся производительным силам, потому что она выражала определенный, уже превзойденный уровень социалистического обобществления труда, производства и т. п., то она перестает также соответствовать и основе производственных отношений, т. е. потребностям развития общественной собственности.

Для примера возьмем такой момент производственных отношений, как система организации труда. Маркс в письме к Энгельсу от 7/VII 1866 г., ссылаясь на организацию труда в армии, писал: «Возможно ли лучшее подтверждение нашей теории, что организация труда определяется средствами производства, чем развитие промышленности, направленной на истребление людей?»⁴.

Однако нельзя понять систему организации труда, ее природу и истинный характер, если взять ее оторванно от производственных отношений в целом. В техническом отношении организация труда может быть более или менее одинаковой и у нас и на каком-нибудь американском предприятии, система же организации труда у нас принципиально иная. На капиталистическом предприятии организация труда является всегда ярким выражением капиталистической системы господства и подчинения. При социализме же организация труда на предприятии и во всем обществе построена на основах товарищеского сотрудничества и взаимопомощи свободных от эксплуатации тружеников. Каждый серьезный шаг в развитии производительных сил приводит всегда к изменениям в системе организации и разделения труда и на предприятии и во всем обществе в целом. Маркс прекрасно показал это на примере капитализма в главах о кооперации, мануфактуре и машинном производстве.

Но при всех изменениях организации труда при капитализме основной характер всей системы производственных отношений не меняется. Свойственные капитализму противоречия между производительными силами и производственными отношениями только углубляются в результате этих изменений. Углубляются потому, что выросшие производительные силы требуют качественно новой системы организации труда, которая, однако, несовместима с сохранением существа капиталистических производственных отношений. Например, широко развитая автоматизация производства (автоматическая система машин) требует такой организации производства и труда и такой квалификации рабочего, которые несовместимы с капиталистическими производственными отношениями. Вот почему, между прочим, в капиталистических условиях автоматизация производства так и не получила необходимого развития.

Система организации труда в условиях социализма под влиянием бурного развития производительных сил претерпевает ряд изменений. В определенные периоды и на определенных участках социалистической экономики выросшие производительные силы вступают в противоречие со старой системой организации труда и требуют ее изменения. Последняя становится тормозом развития не только производительных сил, но и социалистических производственных отношений. Противоречие между выросшими производительными силами и отставшей организацией труда становится также противоречием между отставшей организацией труда и требованиями развиваю-

⁴ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 363.

щейся системы социалистических производственных отношений. Социалистическое государство, направляя развитие советской экономики, преодолевает такого рода противоречия, приводя систему организации труда в соответствие с новым уровнем развития производительных сил. Примерами этого могут служить перестройка организации труда на основе шести условий товарища Сталина, постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о мерах усиления добычи угля в Донбассе, ряд мероприятий по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и т. д.

Не вдаваясь здесь в подробное рассмотрение громаднейшего, поистине исторического значения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и условий, вызвавших его появление, можно, однако, с уверенностью сказать, что подъем нашего хозяйства, выросшие благодаря новой, наиболее передовой в мире технике и широкому развитию стахановского движения возможности повышения производительности труда тормозились в последнее время недостаточной дисциплиной на наших предприятиях. Отсутствие безработицы, постоянный недостаток рабочей силы, зачастую неправильная организация труда использовались отсталыми элементами в среде рабочих, подавляющее большинство которых самоотверженно трудится на благо своей родины. Это приводило к текучести рабочей силы, прогулам, подрыву дисциплины. Все это наносило громаднейший ущерб производству. Достижения передовых людей — стахановцев — сводились часто на-нет дезорганизаторами производства, что тормозило дальнейший рост и развитие стахановского движения.

Обнаружилось явное противоречие между потребностями развития производительных сил и уровнем дисциплины труда, которая является одним из элементов производственных отношений. Партия, товарищ Сталин вскрыли это противоречие и приняли меры к его разрешению. Возможности же для этого открывала самая система социалистических производственных отношений, ибо только опираясь на передовых людей производства, на социалистическое отношение к труду большинства рабочих и служащих, можно решительными мерами в кратчайший срок покончить с мелкобуржуазной разболтанностью, недисциплинированностью и разгильдяйством отсталой части рабочего класса. Укрепление и подъем на новую, более высокую ступень социалистической дисциплины труда на основе неуклонного выполнения Указа дают новый толчок росту стахановского движения, открывают новые возможности для развития производительных сил.

То же можно сказать относительно решений партии и правительства об изменениях в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов.

Необходимость в изменении политики заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов была вызвана тем, что старая политика обязательных поставок перестала соответствовать новому уровню развития колхозного строя, потребностям дальнейшего роста социалистических производительных сил сельского хозяйства и народного хозяйства в целом. Новая же политика заготовок стимулирует быстрый рост колхозного производства, всестороннее развитие артельного хозяйства, укрепляет и умножает социалистическую колхозную собственность и богатства страны в целом.

Возьмем, наконец, еще один пример из области экономических отношений — характер распределения при социализме и коммунизме.

Социализм, как известно, покоится на принципе: «кто не работает, тот не ест». Каждый член социалистического общества получает из общественных богатств по количеству и качеству затраченного им труда. Этот принцип соответствует уровню развития производительных сил при социализме; еще нет такого изобилия продуктов, при котором можно было бы перейти к распределению по принципу: «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Распределение при социализме по количеству и качеству труда стимулирует развитие производительных сил народного хозяйства, повышение квалификации рабочего. Осуществление этого принципа делает труд обязательным для каждого гражданина социалистического общества и тем самым искореняет тунеядство, лодырничество — это отвратительное наследие проклятого прошлого. Социалистический принцип распределения воспитывает в членах социалистического общества любовь к труду, который превращается поистине в дело чести, доблести и геройства. При социалистическом принципе распределения прекрасно сочетаются личные и общественные интересы, а это воспитывает граждан в духе глубокого понимания того, что личные интересы неотделимы от интересов всего общества, подчинены им.

Быстрое развитие производительных сил социалистического общества приближает нас к коммунизму. Товарищ Сталин в речи на XVIII съезде ВКП(б) при единодушной и горячей поддержке всей партии и всего нашего многомиллионного народа наметил такую программу развития производительных сил в нашей стране в ближайшие 10—15 лет, выполнение которой создаст материальную основу для перехода от первой фазы коммунизма ко второй его фазе. А это значит, что на определенном этапе развития производительных сил социализма социалистический принцип распределения начнет постепенно стареть, отживать свой век. Постепенно будет обнаруживаться противоречие между развившимися производительными силами, степенью коммунистической сознательности тружеников советского общества и старым социалистическим принципом распределения. Наступит такой момент, когда не будет даже смысла задалживать сотни тысяч людей для ведения учета и контроля над мерой труда и потребления, которые сейчас надо обязательно вести. Принцип распределения по труду устареет к тому времени и вступит в противоречие, таким образом, не только с выросшими производительными силами, но и с потребностями развития общественной собственности на этом новом этапе. Старая система распределения будет заменена новой, коммунистической системой.

Замена старой системы распределения новой, замена устаревших форм организации труда новыми, и т. д., — все это и есть процесс развития и укрепления общественной собственности, т. е. процесс укрепления полного соответствия производительных сил и производственных отношений социализма. И чем дальше и глубже развивается соответствие производительных сил и производственных отношений социализма, тем большее значение оно приобретает, получая вместе с тем все более многообразное выражение.

Главнейшим орудием, через которое реализуются огромные преимущества полного соответствия производственных отношений производительным силам социализма, является диктатура рабочего класса и ее направляющая сила — коммунистическая партия Ленина — Сталина. Величайшее значение этого орудия состоит, во-первых, в том, что партия, вооруженная знанием законов развития общества, во-время и глубоко раскрывает и выражает потребности, внутренние

тенденции развития производительных сил и производственных отношений социализма; во-вторых, система диктатуры рабочего класса владеет мощными экономическими и политическими рычагами, которые дают возможность мобилизовать самые широкие массы на реализацию назревших задач социалистического развития. Обладая такими мощными рычагами, система диктатуры рабочего класса способна преодолеть все препятствия, стоящие на пути нарождающегося, нового, тем более, что внутри страны уничтожены эксплуататорские классы, которые были заинтересованы в сохранении старого, отжившего.

Так выглядит «механизм» развития производительных сил и производственных отношений при социализме.

* * *

Откликаясь настоящей статьей на дискуссию о полном соответствии производственных отношений характеру производительных сил в условиях социализма, мы хотели бы раньше всего сказать несколько слов относительно самого подхода к решению вопроса.

Никак нельзя, например, согласиться с методом т. Власова⁵. Он рассуждает приблизительно по следующей схеме.

Движущей силой социализма должно быть какое-то противоречие. Исходя из этого, т. Власов перебирает ряд противоречий, отвергает их одно за другим как неподходящие и, наконец, формулирует «свое» противоречие. Такой подход к решению вопроса порочен, ибо он формалистичен.

Важнейшим правилом материалистической диалектики является положение о том, что нет абстрактных истин, истина всегда конкретна. Своеобразие диалектики каждого явления можно познать не схоластическими рассуждениями, а глубоким изучением самой действительности. Между тем т. Власов даже не считает необходимым оперировать конкретным материалом той эпохи, закономерности которой он собирается вскрыть. Свою главную задачу он видит в том, чтобы как-нибудь примирить гениальное и неоспоримое сталинское положение о полном соответствии производственных отношений характеру производительных сил в условиях социализма с заученной им (т. Власовым) догмой, что основной движущей силой любого общества, а следовательно и социализма, должно быть противоречие между характером производственных отношений и производительных сил. «Выход» он находит в том, что объявляет самое соответствие противоречием. Для достижения этой своей цели т. Власов фактически отождествил полное соответствие между производительными силами и производственными отношениями социализма с относительным, на антагонистической базе построенным, соответствием между производственными отношениями и производительными силами, характерным для эпохи раннего развития капитализма. Как бы т. Власов ни отрещивался на словах от этого отождествления, оно фактически у него получается, ибо он видит между тем и другим только количественную разницу. Тов. Власов сам это высказал следующим образом: «Если в антагонистических формациях это противоречие выражается в том, что производственные отношения сначала соответствуют уровню развития производительных сил и способствуют их росту, а потом перестают соответствовать и тормозят их развитие, то при социализме развитие противоречия проходит только первую стадию (здесь раз-

⁵ «К вопросу о движущем противоречии социалистического общества», «Под знаменем марксизма» № 3—4 за 1940 г.

рядка моя.— Г. З.) и производственные отношения дают производительным силам полный простор для их роста» (стр. 115).

Вместо того, чтобы показать, что относительное соответствие между производительными силами и производственными отношениями на определенной ступени развития капитализма базируется на антагонистической основе, и тем самым определить специфический характер этого соответствия в отличие от полного соответствия при социализме, т. Власов пытается доказать, что соответствие и есть противоречие, для того чтобы потом распространить это положение и на социализм. А вместе с тем противоречием является не самое соответствие. Относительное соответствие между производительными силами и производственными отношениями на определенной ступени развития капитализма существует, можно сказать, несмотря на противоречивый антагонистический характер производственных отношений, потому что в тех условиях иначе как на капиталистической, антагонистической основе невозможно было бы дальнейшее развитие производительных сил.

Тов. Дворкин⁶, споря с т. Власовым, также не видит качественной разницы между полным соответствием производственных отношений характеру производительных сил при социализме и относительным соответствием, свойственным ранней ступени развития капитализма. Только вывод он делает прямо противоположный тому, к какому приходит т. Власов.

Тов. Власов пытается доказать, что на определенной ступени развития капитализма соответствие между производительными силами и производственными отношениями было противоречием, для того чтобы это положение распространить и на характеристику соответствия при социализме. Тов. Дворкин, наоборот, для того чтобы доказать, что полное соответствие между производительными силами и производственными отношениями в социалистическом обществе исключает противоречия между ними, утверждает (здравому смыслу и фактам вопреки), что наличие относительного соответствия производственных отношений и производительных сил на определенной ступени развития капитализма также исключает противоречие между ними. Для этого т. Дворкин «изобретает» даже капитализм без основного капиталистического противоречия. Он пишет: «Противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения, являющееся формой существования противоречия между производительными силами и производственными отношениями при капитализме, появляется, таким образом, не сразу с возникновением капиталистических производственных отношений» (стр. 50).

Тов. Дворкин утверждает, что это противоречие складывается только в эпоху машинного производства. Таким образом получается, по утверждениям т. Дворкина (см. стр. 49), что в течение двух столетий — с XVI до XVIII — существовали капиталистические отношения без капиталистических противоречий, без противоречия между общественным производством и частным присвоением, следовательно без эксплуатации, словом какой-то «гармоничный капитализм». Это ли не открытие? Кому нужна такая, с позволения сказать, «теория»?

Неужели надо еще доказывать, что капитализм даже в лучшие для него годы развивался на основе глубоких антагонистических

⁶ «О законах развития социалистического общества», «Под знаменем марксизма» № 6 за 1940 г.

противоречий? Другое дело, что в тех конкретных исторических условиях, о каких идет речь, капиталистические производственные отношения были единственно возможной формой развития производительных сил, переросших феодальные отношения. «Рассматриваемое исторически, это превращение (т. е. превращение производителя в объект капиталистической эксплуатации, который не заинтересован в производстве, а средств производства — в средства его эксплуатации.— Г. З.) является необходимым этапом для того, чтобы насильственно добиться за счет большинства создания богатства, как такового, т. е. создания неограниченных производительных сил общественного труда, которые одни могут образовать материальный базис свободного человеческого общества»⁷. Поэтому мы и говорим, что на определенном этапе капиталистические производственные отношения, несмотря на все присущие им противоречия, в основном соответствовали производительным силам.

Немало правильных возражений против положений т. Власова мы находим в статье т. Залкинда⁸. Однако ряд его возражений бьет мимо цели и, как бумеранг, возвращаясь, поражает того, кто их послал, обнаруживая порочность позиции т. Залкинда.

Тов. Залкинд, так же как и т. Власов, смешивает в одну кучу противоречия разного типа. Одно дело признать, что социализму присуще противоречие между общественным характером производства и общественным характером собственности на средства производства, а другое дело — не видеть, что при социализме могут быть противоречия между ростом производительных сил и той или другой стороной системы социалистических производственных отношений. Первого противоречия нет и быть не может, второе противоречие есть и будет. Игнорировать его было бы политически неправильно, ибо такая позиция может привести к самотеку в практике социалистического строительства.

Ошибка т. Власова состоит в том, что, исходя из заученной им догмы, он скатывается к признанию первого типа противоречий между производительными силами и производственными отношениями в условиях социализма. И это совершенно неправильно. Ошибка т. Залкинда заключается в обратном. Правильно отрицая наличие первого типа противоречий в наших условиях, он вместе с тем совершенно неправильно утверждает, что у нас отсутствуют противоречия второго типа, и тем самым фактически льет воду на мельницу т. Власова.

Однако, зная, что вообще отрицать наличие противоречий в условиях социализма было бы неправильно, тт. Залкинд и Дворкин переносят противоречия в сферу самих производительных сил и ими (противоречиями внутри производительных сил) пытаются объяснить развитие нашей экономики. Это не оригинальная точка зрения тт. Залкинда и Дворкина. Теперь развелось немало охотников искать движущие силы развития социализма в противоречии между обществом и природой, или внутри производительных сил. Это — совершенно неправильный путь, и на разъяснении его ошибочности полезно, нам кажется, остановиться несколько подробнее. Разберем сначала вопрос о противоречии между обществом и природой.

Противоречие между обществом и природой, т. е. обмен веществ между обществом и природой, или, проще говоря, производство, всегда существовало и будет существовать; но самое это положение

⁷ Архив Маркса и Энгельса, Партиздат, 1933, т. II (VII), стр. 35.

⁸ «О действительных и мнимых противоречиях при социализме», «Под знаменем марксизма» № 6 за 1940 г.

ни на гран не увеличивает наших познаний о движущих силах развития того или другого конкретного общества, если не разобраться в том, каков данный способ производства. А ответить на этот вопрос можно только поняв характер производительных сил и производственных отношений данного общества и тип их взаимосвязи, ибо «...только через посредство этих общественных связей и отношений существует их (людей — Г. З.) отношение к природе, имеет место производство»⁹. Таким образом, те, кто ищет движущие силы социализма в противоречии между природой и обществом вообще, уходят от конкретного решения вопроса в область пустых и бесплодных абстракций.

Теперь по поводу положения о противоречиях внутри производительных сил. Да, они безусловно имелись и имеются. В качестве примера такого рода противоречия в нашем обществе можно привести разрыв между передовой техникой, выросшей за годы первой пятилетки, и недостаточной квалификацией наших кадров, разрыв, который особенно почувствовался к началу второй пятилетки. Но каковы бы ни были противоречия внутри производительных сил, ясно одно: они не возникают вне определенной системы производственных отношений и не могут быть разрешены без людей, связанных этими отношениями, ибо всякое производство, говорит Маркс, «есть присвоение индивидом предметов природы внутри и посредством определенной общественной формы»¹⁰.

В самом деле, что такое противоречие внутри производительных сил? Не означает ли это, что какой-то элемент производительных сил ушел вперед, а другой отстал, что здесь происходит борьба между старым и новым? Если производственные отношения соответствуют развивающимся производительным силам, то они (производственные отношения) вступают в противоречия с отжившими, устаревшими, тормозящими развитие элементами этих производительных сил. Если же производственные отношения перестали соответствовать развивающимся производительным силам, они цепляются за старое, вступают в противоречие и тормозят развитие нового в этих производительных силах.

В условиях современного капитализма каждый шаг в развитии производительных сил углубляет противоречия между ними и производственными отношениями, а капиталистические производственные отношения (переставшие соответствовать характеру производительных сил) обостряют до крайности противоречия внутри производительных сил. В современном капиталистическом обществе образцы технического совершенства существуют рядом с самыми примитивными, прадедовскими формами труда не только в разных странах, но и в одной и той же стране, часто даже в одной отрасли. Ведь факт, что в США наряду с существованием шедевров автоматической техники свыше 40% рабочих заняты ручным трудом.

При социализме каждое противоречие внутри производительных сил, каждое отставание, задержка в развитии того или иного их элемента противоречит, и не может не противоречить, общественным интересам, а следовательно и социалистическим производственным отношениям. В том, между прочим, и заключается прогрессивный характер социалистических производственных отношений, что они, позволяя легко выявить всякое противоречие в развитии про-

⁹ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 429.

¹⁰ Маркс, Введение к «Критике политической экономии», Партиздат, 1933, стр. 13.

изводительных сил, дают также средства для его разрешения; производственные отношения сами вступают в противоречие с любым фактором, задерживающим развитие производительных сил, и, наоборот, способствуют развитию передовых производительных сил.

Социалистические производственные отношения никак не могут мириться, например, с ручным трудом. Они требуют быстрой механизации всех трудоемких работ.

Тов. Дворкин в названной выше статье пишет: «Противоречие между производством и потребностями (или потреблением) в социалистическом обществе есть противоречие не между общественной формой и материальным процессом производства, а противоречие внутри самого процесса производства, т. е. внутри производительных сил, которым целиком и полностью соответствуют социалистические производственные отношения. В этом суть» (стр. 64).

Оставим в стороне вопрос, насколько прав т. Дворкин по существу, формулируя таким образом основное, как он выражается, противоречие социализма. Остановимся на другом: прав ли т. Дворкин, утверждая, что это — только противоречие внутри производительных сил социализма и никакого отношения не имеет к социалистическим производственным отношениям? Несомненно, что он абсолютно неправ.

Тов. Дворкин рассуждает очень просто: раз при социализме производственные отношения полностью соответствуют производительным силам и между ними противоречий нет и быть не может, остаются только противоречия внутри производительных сил. Но оказывается, что не всякая простота хороша. Остается все-таки вопрос: каким же элементам производительных сил, находящихся между собой в противоречии, соответствуют полностью социалистические производственные отношения? Или социалистические производственные отношения вообще никакой роли не играют в развитии социалистического производства? А ведь такой нелепый и вредный вывод напрашивается из позиции тт. Дворкина, Залкина и их с ними.

Ошибочность всей концепции т. Дворкина станет еще яснее, если рассмотреть сформулированное им противоречие между производством и потребностями более конкретно.

Тов. Дворкин перечисляет 5 пунктов (стр. 62), в которых расширяет понятие «потребности социалистического общества». Стоит присмотреться к этим пунктам, чтобы понять, что т. Дворкину при всем желании не удалось свести все только к производительным силам и отделаться от производственных отношений, ибо характер, направление и масштаб расширенного воспроизводства, объем и характер резервов и страховых фондов, размер и характер удовлетворения потребностей в обобществленном и личном потреблении и, наконец, потребности обороны социалистической родины — все это в нашей стране выражает социалистическую систему производственных отношений и в то же время определяется ею.

Таким образом получается, что т. Дворкин доказал обратное тому, что хотел доказать. В чем же дело? Чем это объяснить? Объяснить это можно только одним — порочностью логики его рассуждений, абстрактностью и схематизмом в самом подходе к решению вопроса.

Главное — социалистические производственные отношения остаются вне поля зрения т. Дворкина и др. Они не интересуются, как

и каким образом эти отношения развиваются, приспособляясь к растущим производительным силам и двигая их, и таким образом лишают себя возможности проникнуть в «механизм» развития социалистического общества. Тт. Дворкин и Залкинд не догадываются, что полное соответствие и, следовательно, отсутствие противоречий между характером производительных сил и производственных отношений при социализме отнюдь не снимает вопроса о развитии социалистических производственных отношений в соответствии с производительными силами, а следовательно, о наличии переходящих противоречий между непрерывно растущими производительными силами социализма и отдельными сторонами системы социалистических производственных отношений.

Социалистические производственные отношения, изменяясь в соответствии с потребностями развития производительных сил, сами вступают в противоречие с отставшими элементами производительных сил, преодолевают их отсталость, ускоряя тем самым развитие последних.

Таким образом, попытка свести все к противоречиям только внутри производительных сил есть желание уйти в сторону от конкретного анализа «механизма» развития производительных сил и производственных отношений социализма.

В интересной статье т. Островитянова¹¹ его собственная позиция не доведена до конца и логически не завершена. Так, т. Островитянов показывает, что партия, страна в 1932 и в последующие годы разрешали противоречие между требованиями развившихся производительных сил социализма и отставшими формами организационного руководства хозяйством. Тов. Островитянов заявляет (и безусловно правильно): «Организационные формы руководства производством являются одним из важнейших моментов производственных отношений в социалистическом обществе» (стр. 23). Значит, т. Островитянов тем самым считает, что на определенном этапе развития нашего хозяйства производительные силы социализма вступили в противоречие с одним из моментов производственных отношений. Однако он почему-то не решается об этом заявить прямо.

Тов. Островитянов даже не пытается поставить вопрос, какова взаимосвязь между данным, отставшим от требований производительных сил, моментом производственных отношений и всей системой социалистических производственных отношений. Он ограничивается выводом: «Таким образом, благодаря сознательному плано-вому руководству социалистическим строительством противоречия, возникавшие в отдельных отраслях нашего хозяйства между ростом производства и старыми организационными формами управления промышленностью, быстро устранялись социалистическим государством, в силу чего они не могли перерасти в противоречие между производительными силами и производственными отношениями».

Такая постановка вопроса создает впечатление, что возможность противоречия между производственными отношениями и характером производительных сил социализма, абстрактно говоря, имеется, но она устраняется благодаря плано-вому характеру хозяйства. В действительности же дело не в том, что противоречия «не могли перерасти», а в том, что в социалистическом обществе исключается возможность существования противоречия между общественным производством и общественной собственностью на средства производства. Противоречия же между растущими произ-

¹¹ «О полном соответствии производственных отношений производительным силам в социалистическом обществе», ж. «Проблемы экономики» № 3 за 1940 г.

водительными силами и той или другой стороной системы социалистических производственных отношений могут существовать и существуют, и о них надо сказать полным голосом, ибо на преодоление этих противоречий должны быть мобилизованы наше внимание и силы.

* * *

Сталинская работа «О диалектическом и историческом материализме» вооружила нас неоценимым теоретическим оружием для дальнейшей разработки вопроса о закономерностях социализма. Только коллективная мысль и коллективный труд всех теоретиков — экономистов и философов — могут решить эту почетную и важную задачу.

За творческую дискуссию, против схоластики!¹

Плодотворная разработка принципиальных проблем марксистско-ленинской экономической теории невозможна без всестороннего анализа хозяйственной практики Советского государства и экономической политики большевистской партии, без анализа трудностей, выступающих в процессе решения основной экономической задачи СССР, без изучения путей преодоления этих трудностей.

На страницах журналов «Проблемы экономики» и «Под знаменем марксизма» развернулось обсуждение вопросов о полном соответствии производственных отношений состоянию производительных сил в социалистическом обществе. Но, к сожалению, и в журнале «Проблемы экономики» и в журнале «Под знаменем марксизма» самая постановка этих вопросов у ряда товарищей грешит серьезными недостатками.

Вместо исследования того, как в процессе развития социалистической экономики проявляется полное соответствие производительных сил и производственных отношений, какие новые, невиданные в истории возможности открывает оно для роста социалистической страны, какие трудности возникают в ходе осуществления этих возможностей, каковы научные основы экономической политики партии и Советского государства, направленной на завершение строительства социализма и постепенный переход к коммунизму,— вместо всего этого обсуждение свелось преимущественно к абстрактной постановке вопроса: исключает ли полное соответствие производственных отношений производительным силам противоречие между ними или не исключает? Есть ли ведущее, движущее противоречие в социалистической экономике или такого противоречия нет?

Товарищ Сталин открыл новый закон движения, свойственный общественной формации, не знающей антагонистических классов, отношений эксплуатации,— закон развития социалистического общества на основе полного соответствия производственных отношений состоянию производительных сил. Это открытие вошло в сокровищницу марксизма-ленинизма в качестве одного из коренных законов общественного развития.

Учителям рабочего класса, создателям научного коммунизма Марксу, Энгельсу, Ленину и Сталину чужд даже намек на схематический подход к анализу исторического развития. В их работах не найти внеисторических законов или законов, открытых с помощью простых логических построений. Законы общественного развития открыты классиками марксизма путем глубокого, всестороннего изучения исторической действительности. «У Маркса нет и капельки утопизма,— говорил Ленин,— в том смысле, чтобы он сочинял, фантазировал «новое общество». Нет, он изучает, как естественно-исто-

¹ Печатается в порядке обсуждения.— Р е д.

рический процесс, рождение нового общества из старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки»².

Вспомним рассмотренные Лениным этапы образования марксистского учения о диктатуре пролетариата. Уже в «Коммунистическом манифесте» Маркс формулирует общий тезис о диктатуре пролетариата. Однако лишь опыт революции 1848 г. показывает, что для завоевания диктатуры пролетариата необходимо разбить, сломать старую, буржуазную государственную машину. Но исторический опыт все еще не давал ответа — какие конкретные государственные формы должны прийти на смену разбитой государственной буржуазной машине? Парижская Коммуна дала Марксу ответ на этот вопрос.

Развивая марксистское учение о диктатуре пролетариата, Ленин на основе опыта русской революции открыл Советы как государственную форму пролетарской диктатуры.

Пролетарская революция и победоносное социалистическое строительство позволяют товарищу Сталину развернуть ленинское учение о трех сторонах диктатуры пролетариата, о всемерном укреплении Советского государства. Однако до построения в основном социалистического общества в СССР товарищ Сталин еще не пересматривает старой марксистской формулы об отмирании государства при коммунизме. Лишь этап завершения построения социализма и постепенного перехода к коммунизму дает необходимый исторический материал для гениального вывода о двух фазах развития социалистического государства, о сохранении государства в период коммунизма, если победа коммунизма будет осуществлена в условиях капиталистического окружения.

Только строго придерживаясь исторического подхода классиков марксизма к анализу законов и форм общественного развития, можно понять действительное содержание открытой товарищем Сталиным закономерности движения социалистической общественной формации на основе полного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Победа социализма в СССР, упрочение нового строя производственных отношений, накопившийся опыт развития производительных сил социализма дали товарищу Сталину тот исторический материал, обобщив который он пришел к выводу о законе движения социализма. Всякая попытка отвлеченного, априорного, схематического подхода к уяснению содержания полного соответствия производственных отношений производительным силам является нарушением первого требования марксистской диалектики — требования конкретности.

Не схоластическое противопоставление противоречий между производительными силами и производственными отношениями полному их соответствию или отождествление противоречий и соответствия открывает путь к действительному пониманию закономерностей социализма. Оно достигается лишь всесторонним изучением содержания полного соответствия во всей системе отношений социалистического производства.

Антагонистическая природа рабовладельческого строя, феодализма и капитализма предполагала развитие путем жесточайшей, постоянно обостряющейся борьбы классов. Кучка угнетателей, высасывающая прибавочный труд из широчайших масс, огромное расточение сил живого труда, море народной крови, разрушительные, кровавые, несправедливые войны — такова картина антагонистического разви-

² Ленин, Соч., т. XXI, стр. 402.

тия общества от рабовладельческой формации до последней, империалистической фазы умирающего капитализма.

В чем же источник движения классовых обществ? Не является ли господство антагонистических противоречий лишь тормозом общественного развития, а не внутренним источником его движения, самодвижения?

Вряд ли марксистам следует доказывать, что антагонистические противоречия и вырастающая на их основе классовая борьба во всех антагонистических классовых формациях были действительным источником исторически прогрессивного развития общества. Тот, кто сомневается в этом, рвет с марксизмом-ленинизмом.

Величайшее общественное противоречие, несоответствие между общественной природой производительных сил и частным характером присвоения, потрясает все более разрушительными конфликтами капиталистический способ производства. «Это значит, что капиталистические производственные отношения перестали соответствовать состоянию производительных сил общества и стали в неприемлимое противоречие с ними»³.

Социализм уничтожил антагонистическое противоречие между производственными отношениями и производительными силами. Полное их соответствие как закон развития нового общества заступает место антагонистических противоречий как основы развития классовых обществ.

В чем же содержание полного соответствия социалистических производственных отношений состоянию производительных сил? Эта величайшая движущая сила социалистического развития заключается, во-первых, в том, что общественный характер производительных сил полностью соответствует общественному характеру собственности на средства производства; во-вторых, отсутствует эксплуатация, отношения людей в процессе общественного производства характеризуются товарищеским сотрудничеством и социалистической взаимопомощью; в-третьих, производимые продукты распределяются по труду. Вот почему на основе полного соответствия производственных отношений характеру развития производительных сил разворачиваются новые, доселе не известные силы общественного развития.

Сознательное, социалистическое отношение к труду, нашедшее свое воплощение в социалистическом соревновании, охватило все классы и группы советского общества и несет в себе зерно коммунизма. Это — великая сила, движущая социализм.

Сложившееся на основе побед социализма морально-политическое единство советского народа — еще одна великая движущая сила нового общества.

Советский патриотизм, давший незабываемые подвиги на фронте и в тылу, в боях за защиту границ Советской страны, за освобождение братских народов, — это ли не великая движущая сила социализма!

Диктатура пролетариата, постоянно укрепляющееся социалистическое государство, — такова главная движущая сила советского общества; она определяет и направляет действие всех остальных его сил.

Роль диктатуры пролетариата как основной движущей пружины экономического развития социализма получает новое содержание с победой социализма, с установлением полного соответствия производительных сил и производственных отношений. На этой новой основе социалистическое государство разворачивает заключенные в

³ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 557.

нем великие потенции экономического созидания. Экономическое творчество диктатуры пролетариата есть адекватное выражение полного соответствия формы и содержания социалистического способа производства. Изучение хозяйственно-организаторской роли социалистического государства — необходимое и главное условие правильного понимания законов развития социализма.

Новые источники общественного развития раскрывают конкретное содержание полного соответствия производственных отношений и производительных сил, взятого в качестве движущей силы социалистической общественно-экономической формации.

Механизм движения социалистического способа производства познается при помощи конкретного анализа развития производственных отношений. Иными словами, содержание полного соответствия производственных отношений характеру производительных сил социалистического общества вскрывается по мере анализа постоянно возникающих и разрешаемых в самом соответствии и на его основе неантагонистических противоречий между производительными силами и производственными отношениями.

Схоластикой худшего сорта являлось бы изображение полного соответствия производительных сил и производственных отношений (исторически определенной формы их единства) как единства, лишённого внутренних противоречий и исключающего всякую возможность появления относительных противоречий. В качестве решающего довода, как увидим ниже, в пользу «изгнания» из социалистического способа производства всяческих противоречий выставляется общественный характер и производственных отношений и производительных сил. Полагают, что общественный характер и формы и содержания социалистического способа производства исключает противоречие между ними. Но такое представление необходимо приводит к изображению совокупности производственных отношений, как неразвивающейся, достигшей пределов своего развития, общественной формы. Однако производственные отношения, вопреки схоластическим «теориям», постоянно развиваются, растут, углубляются, меняются, отражая в своем прогрессивном изменении рост производительных сил социализма и, в свою очередь, обуславливая этот рост. Развиваясь, производительные силы социализма требуют развития социалистической собственности и вместе с нею всей системы производственных отношений в широком смысле слова — всех форм организации производства и труда, обмена и распределения.

Анализ законов развития социализма в отрыве от конкретной социалистической действительности противоречил бы самому духу марксистско-ленинской науки.

Возьмем проблему дисциплины социалистического труда. Повидимому, не может вызывать сомнений то, что дисциплина труда есть одна из сторон общественных отношений людей в процессе производства. На разных этапах социалистического строительства проблема дисциплины выдвигается каждый раз по-новому. В настоящее время страна решает основную экономическую задачу — догнать и перегнать в экономическом отношении в исторически кратчайший срок (10—15 лет) передовые капиталистические страны. Промышленность, сельское хозяйство и другие отрасли народного хозяйства СССР обладают передовой техникой. С другой стороны, обостренная внешняя обстановка особенно настойчиво диктует ускоренные темпы развития и максимальное укрепление оборонной и хозяйственной мощи СССР. Нетерпимы поэтому какая бы то ни было расхлябанность, недисциплинированность, проявление мелкобуржуазной распу-

ценности. Эти пережитки старого несовместимы с успешным развитием социалистических производительных сил, они стали тормозом развития последних. Социалистическая дисциплина труда требует применения мер принудительного воздействия в отношении лодырей, прогульчиков, летунов, всех тех, кто норовит урвать себе побольше у государства.

Нарушения социалистической дисциплины труда находятся в противоречии с новыми экономическими и политическими задачами страны социализма, с потребностями развития производительных сил, и диктатура рабочего класса планомерно и сознательно изменяет прежние формы воспитания и внедрения дисциплины. Указ Президиума Верховного Совета от 26 июня 1940 г. выражает это сознательное укрепление дисциплины социалистического труда в соответствии с ростом социалистических производительных сил. Дисциплина труда завоевывается в ожесточенной борьбе с мелкобуржуазными привычками, разгильдяйством, косностью и т. д.

Разве это не яркий пример того, как при полном соответствии производственных отношений и производительных сил возникло и разрешается противоречие между одной из сторон этих производственных отношений и развивающимися производительными силами?

Возьмем другой пример. Страна социализма не знает стихийного образования резервной рабочей армии. Общество должно планомерно воспроизводить трудовые резервы. Именно в эпоху завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму недостаток квалифицированных рабочих кадров особенно остро ощущается как противоречие внутри общественного, социалистического способа производства. Большая часть наших трудностей восходит к этому противоречию. В чем его существо?

Расширенное воспроизводство материальной основы социализма — орудий и средств труда — требует соответственного расширенного воспроизводства квалифицированных рабочих кадров, ибо рабочий класс, трудящиеся — первая и важнейшая производительная сила. Однако планомерное, организованное воспроизводство кадров недопустимо отстало от воспроизводства орудий и средств труда. Уничтожение этого противоречия требует перераспределения рабочих сил между разными отраслями производства, между сельским хозяйством и индустрией, оно требует создания обученных резервов рабочей силы, требует новых методов воспроизводства кадров (широкая, планомерная государственная подготовка квалифицированных кадров из подрастающего поколения). Следовательно, эта сторона в системе производственных отношений должна быть изменена. Целой системой мероприятий партии и правительства, направленной к созданию трудовых резервов, и разрешается ныне эта задача. Перед нами, таким образом, еще один яркий пример противоречий в самом социалистическом способе производства и особых, плановых методов его разрешения.

Возьмем категорию «социалистический товар».

Социалистический товар — специфическая экономическая форма общественного продукта. Это означает, по крайней мере, что общественное социалистическое производство организовано на началах хозяйственного расчета, т. е. общественные средства производства закреплены за отдельными социалистическими хозяйственными предприятиями, действующими на основе единого народнохозяйственного плана. В силу этого возмещение средств производства (основных и оборотных) происходит в каждом отдельном

хозяйственном предприятии лишь в меру действительно общественно-рационального потребления этих средств, в меру, предусмотренную народнохозяйственным планом. Возмещение средств необходимо происходит в социалистическом обмене продуктов, так как и средства производства и продукт закреплены за отдельными хозяйствующими предприятиями. В силу специфической формы организации социалистического производства (хозрасчет), каждый продукт, будучи непосредственной частью совокупного общественного продукта, закрепленной за отдельным хозяйствующим предприятием, в обмене должен подтвердить свою действительно общественную природу.

Между общественным характером материализованного в товаре труда и конкретной формой этого труда нет противоречий. Непосредственный характер труда определяет природу товара в социалистическом обществе.

Но социалистический обмен протекает не автоматически, отнюдь не совпадая с распределением. Товар реализуется лишь в том случае, если доставляется на рынок хозяйствующими предприятиями в соответствии с требованиями плана в отношении качества, стандартов, районов сбыта и т. д. При нарушении этих требований может произойти затоваривание, что повлечет омертвление части общественных средств. Понадобятся специальные меры, чтобы наладить нормальное функционирование предприятия, нарушившего план. Товарная форма в этом случае выступает как орудие выявления нарушений предприятиями требований социалистического плана.

Итак, товарная форма общественного продукта обусловлена специфической организацией социалистического производства, иными словами—социалистическая товарная форма выражает специфический характер производственных отношений, присущий первой, социалистической фазе коммунизма. Товар это — продукт, принадлежащий обществу, но закрепленный в хозяйственном обороте за отдельными общественными предприятиями. Именно поэтому продукт труда получает особую, товарную форму. «Тайну» товарной формы в социалистическом обществе необходимо искать в самой природе социалистического производства.

С развитием коммунизма относительные противоречия, заложенные в товарной форме, будут разрешены на основе устранения ее вообще, т. е. товарная форма в целом вступит в противоречие с развившимися производительными силами. Иначе говоря, закрепление средств производства и результатов производства за отдельными хозяйственными предприятиями как форма организации общественного производства исчерпает себя, товарный обмен уступит место прямому распределению продукта. Товарная форма будет отменена. Значит ли это, что продукт труда останется «просто» продуктом, вещью? Повидимому, при коммунистических производственных отношениях разовьется особая экономическая форма продукта.

Таков еще один пример существования и развития относительных противоречий между производственными отношениями и производительными силами в самом соответствии и социалистического способа разрешения этих противоречий.

Отрицая относительные, неантагонистические противоречия в самом способе производства, невозможно понять развитие социалистической собственности. Общественная собственность не есть некая раз навсегда данная, неизменная, неподвижная сущность. Взять хотя бы колхозно-кооперативную форму социалистической собственности.

На данном этапе сельскохозяйственная артель является формой, наиболее соответствующей развитию производительных сил в сельском хозяйстве. Но со временем постепенно развивающиеся производительные силы потребуют иной, более высокой формы собственности. Наступит время, когда все орудия и средства производства в социалистическом обществе станут целиком всенародной собственностью.

Разве можно считать, что переход от социализма к коммунизму равнозначен лишь изменению распределительного принципа? Будет развиваться общественная собственность, приобретая новые формы, адекватные развитому коммунистическому способу производства. Забывать об изменении форм общественной собственности, игнорировать стадии ее развития — все равно, что считать, будто до социализма существовала частная собственность вообще, и упустить исторические стадии ее развития. Было бы излишней затеей гадать, каковы будут формы собственности при развитом коммунизме. Одно ясно — прогрессивное изменение форм общественной собственности безгранично; постоянным источником этого изменения будет развитие производительных сил коммунистического общества.

* * *

Сделаем некоторые выводы из только что рассмотренного изменения различных сторон и форм производственных отношений социализма под влиянием развития производительных сил.

Товарищ Сталин показал, как антагонистические противоречия, свойственные капитализму, уничтожаются социалистической революцией. Но значит ли это, что уничтожаются в с я к и е противоречия в самом социалистическом способе производства, или, иначе говоря, означает ли это, что полное соответствие производственных отношений производительным силам и с к л ю ч а е т всякие противоречия между ними? Мы видели, что конкретный процесс развития социалистических производственных отношений несовместим с такой чисто механической альтернативой.

Разоблачая всяческое проявление механистичности, Ленин показал недопустимость смешения противоречий и антагонизма. Он установил, что в социалистическом обществе антагонизма не существует, а противоречия остаются.

Товарищ Сталин говорит: «...борьба ...противоположностей, борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся, составляет внутреннее содержание процесса развития, внутреннее содержание превращения количественных изменений в качественные»⁴. Полное соответствие производственных отношений производительным силам не исключает противоречий между ними; но соответствие и не тождественно противоречиям. В самом соответствии производственных отношений и производительных сил постоянно что-то отмирает и что-то нарождается, развитие совершается «в порядке раскрытия внутренних противоречий» (Сталин).

Итак, отдельные стороны производственных отношений приходят в противоречие с развивающимися производительными силами. Общество, сознательно изменяя формы сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации людей, приспособляет эти формы к развивающимся производственным отношениям.

⁴ Там же, стр. 539.

Означает ли это, однако, в какой-нибудь мере нарушение полного соответствия производственных отношений производительным силам как основы движения способа производства? Нет. Ибо общественные отношения в целом дают простор развитию производительных сил, служат основой для разрешения противоречий, возникающих в самом соответствии. Недопустимо также объявлять соответствие производственных отношений и производительных сил простой формой их противоречия. Разве не ясно, что такого рода ухищрения в сущности сводятся к отрицанию основы движения социалистического способа производства, открытой товарищем Сталиным. От признания возможности относительных, неантагонистических противоречий между производственными отношениями и производительными силами до объявления соответствия простой формой противоречий, отождествления его с противоречиями — дистанция огромного размера.

Против развиваемой нами точки зрения можно выдвинуть на первый взгляд убедительное возражение: ведь противоречие между производственными отношениями и производительными силами есть реальное общественное противоречие, т. е. противоречие между людьми. Как же рабочий класс — величайшая производительная сила — может вступать в противоречие с самим собой как носителем социалистических производственных отношений? ⁵ Но именно в такого рода возражении предельно отчетливо выступит отождествление, смешение антагонистических противоречий с неантагонистическими. Действительно, антагонистическое общественное противоречие есть всегда противоречие между людьми — между классами. Неантагонистическое противоречие — далеко не всегда противоречие между классами. Однако оно не теряет из-за этого своего общественного характера. Если отдельные стороны производственных отношений (например, старые формы организации труда или дисциплины труда) устарели, не соответствуют развившимся производительным силам, то здесь перед нами: а) общественное противоречие, б) неантагонистическое противоречие, в) противоречие, устраняемое на основе дальнейшего развития социалистического способа производства, т. е. полного соответствия производственных отношений производительным силам.

Нельзя ли, по крайней мере, предъявить нам упрек в недооценке сознательного управления со стороны общества его развитием? Раз источник развития — в производительных силах, то не означает ли это соскальзывания на рельсы признания стихийности в развитии социалистического общества? Трудно было бы придумать что-либо искусственное и неправильное упрека подобного рода.

Социалистическое общество сознательно воздействует на развитие своих производительных сил, и в этом немаловажное качественное историческое отличие социализма от всех досоциалистических формаций. Но это воздействие не означает, что устраняется объективная необходимость в развитии производительных сил. Общественное воздействие заключается в том, что общество познает эту необходимость и сознательно ее выражает, создавая новые экономические формы. Поэтому-то производственные отношения социализма и открывают небывалый простор развитию производительных сил. Поэтому на основе полного соответствия и разрешаются в определенные моменты развития неантагонистические противоречия между неуклонно идущими вперед производительными силами и устаре-

⁵ Такого взгляда придерживается, например, г. Кашенко (см. «Под знаменем марксизма» № 8 за 1940 г., стр. 48).

вающими формами производственных отношений. «Но как скоро пойдет это развитие (производительных сил.— Я. К.) дальше,— говорит Ленин,— как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до превращения труда в «первую жизненную потребность», этого мы не знаем...»⁶.

Признание зависимости развития социалистических производственных отношений от развития производительных сил — краеугольный камень материализма в марксистском учении об общественном развитии. Вот почему характеристику основных черт общественно-экономических формаций, в том числе и социалистической, товарищ Сталин в труде «О диалектическом и историческом материализме» заключает следующим: «Такова зависимость развития производственных отношений от развития производительных сил общества, прежде всего — от развития орудий производства, в силу которой изменения и развитие производительных сил приводят рано или поздно к соответствующим изменениям и развитию производственных отношений»⁷.

На путь отрицания этой зависимости фактически стали те, кто исключает всякую возможность противоречий внутри социалистического способа производства, отрицает изменения социалистических производственных отношений под воздействием развивающихся производительных сил, изображая единство и соответствие производственных отношений и производительных сил социализма как метафизическое тождество, лишенное внутренних противоречий. Все это равнозначно забвению элементарных основ марксизма.

* * *

Вместо конкретного изучения производственных отношений социализма некоторые участники дискуссии уходят в область чисто абстрактных построений, пытаются анализировать закономерности социализма посредством логических извлечений из общих законов диалектики. При этом они забывают, что «...материалистический метод,— как говорит Энгельс,— превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты»⁸.

Такой подход неизбежно приводит к тому, что существо вопроса нередко подменяется чисто внешними, словесными разногласиями спорящих сторон. В самом деле, одна сторона — гг. Островитянов, Горохов, Дворкин и др.— полагает, что полное соответствие производственных отношений производительным силам несовместимо с противоречиями, исключает противоречия между ними. Тов. Островитянов, например, пишет: «Полное соответствие производственных отношений производительным силам и сознательное, плановое руководство со стороны диктатуры рабочего класса экономическим развитием исключают возможность возникновения противоречия между производительными силами и производственными отношениями»⁹. В обзоре статей по этому вопросу, помещенному в № 8 журнала «Под знаменем марксизма», читаем: «Полное со-

⁶ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 436 (подчеркнуто нами.— Я. К.).

⁷ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 558 (подчеркнуто нами.— Я. К.).

⁸ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 73.

⁹ «Проблемы экономики» № 3 за 1940 г., стр. 23.

ответствие между производительными силами и производственными отношениями социализма не предполагает, а исключает противоречия между ними, ибо общественный характер производства не может противоречить, а целиком и полностью соответствует общественной собственности на средства производства»¹⁰.

Тов. Власов, представляющий другую сторону, полагает, что противоречие между производственными отношениями и производительными силами существует и в социалистическом обществе. Однако это — особого рода противоречие. Тов. Власов пишет: «Производительные силы здесь (в социалистическом обществе — Я. К.) никогда не могут перерасти производственные отношения, и последние никогда не могут превратиться в оковы для первых. Производственные отношения как бы идут впереди производительных сил и, определяя их развитие, дают этому развитию полный простор»¹¹.

Следовательно, одни утверждают, что так как производственные отношения всегда дают простор развитию производительных сил, то соответствие исключает противоречия. Другие же говорят: нет, самое соответствие, всегда дающее простор развитию производительных сил, и есть противоречие. Содержания и форм соответствия и противоречия ни одни ни другие не раскрывают. Поэтому разногласие обеих сторон получается чисто словесным.

Совершенно справедливо критике подверглись в ряде статей изобретенные т. Власовым «универсальные», «всеобщие», «абсолютные» законы общественного развития, его неверный взгляд на законы диалектики как на некий шаблон, под который следует подгонять действительность. С помощью такого шаблона и открыт т. Власовым «всеобщий закон исторического развития» — противоречие между производственными отношениями и производительными силами. Так как позиция т. Власова уже подверглась всесторонней критике, можно на этом далее не останавливаться.

Существенно грешат против диалектического метода и другие участники дискуссии.

Если т. Власов впадает в механицизм, выставляя формулу: «противоречие равно соответствию», то другие впадают в тот же механицизм, выставляя формулу: «или противоречие или соответствие».

Ни отождествление соответствия производственных отношений производительным силам и противоречий между ними ни абсолютное противопоставление их недопустимо. Некоторые забыли об относительности, заключенной в самих противоположностях, абсолютизировали противоположности. И это не могло не повести к ошибочным выводам.

Так, например, т. Островитянов, изгнав из социалистического способа производства внутренние противоречия, приходит к выводу, что при социализме «...переход количественных изменений в качественные, переход от одного уровня производительных сил к другому и вытекающие отсюда изменения в производственных отношениях совершаются эволюционным путем» (стр. 23).

Неправильно было бы утверждать, что социализм развивается плавно, постепенно, без скачков. Исчезновение на основе социалистического способа производства политических революций, эволюционный характер развития совсем не равнозначны господству не-

¹⁰ «Под знаменем марксизма» № 8 за 1940 г., стр. 57—58.

¹¹ Там же, № 3—4 за 1940 г., стр. 115 (подчеркнуто нами.— Я. К.).

коей серой, количественной эволюции. Приведем в качестве примера хотя бы возникновение и распространение стахановского движения. Оно дает образец скачкообразного изменения, скачкообразного перехода из одного качественного состояния в другое.

Тов. Островитянов неправильно представляет себе природу эволюционного развития. У него получается, что отсутствие противоречий характеризует эволюционный тип развития. Эволюция, по т. Островитянову, лишена всех черт диалектического процесса развития.

Ленин, характеризуя марксистскую идею развития, эволюции, в противовес «ходячей» идее эволюции, писал: «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества...»¹².

Тов. Островитянов фактически принимает «ходячую» теорию эволюции. Развитие социализма у него совершается без противоречий, революционных, скачкообразных изменений. Но было бы непростительной ошибкой политические революции смешивать с революционным характером развития вообще: если политические революции как форма общественного развития не свойственны новому обществу, то диалектический характер движения путем скачков, перерывов постепенности есть вечная абсолютная черта общественной жизни.

Вырывая пропасть между соответствием и противоречием, некоторые товарищи приходят также к ложной трактовке известного положения Энгельса о переходе из «царства необходимости» в «царство свободы». Отсутствие противоречий и выдается за «царство свободы». Но такое толкование этого тезиса, в сущности, извращает его ясный смысл: вместо правильного понимания свободы как познанной необходимости ее трактуют как свободу от противоречий, как свободу от необходимых закономерностей развития, незаметно впадая в чистейший волюнтаризм.

Такого рода ошибки — результат абстрактного подхода к изучению закономерностей социализма. Содержание закономерностей хотят установить, не прибегая к конкретному изучению всего многообразия хозяйственной жизни СССР, связей и пропорций в народном хозяйстве, фаз его воспроизводства, трудностей, преодолеваемых на пути неуклонного движения вперед. Напротив, отказавшись от конкретного анализа, пытаются из нескольких тощих абстракций вывести законы движения живого социализма. И этот «метод» исследования — достояние вовсе не одного только т. Власова. Приведем как пример и некоторые теоретические построения тов. Горохова (см. журн. «Под знаменем марксизма» № 3—4 за 1940 г.). Он, разумеется, далек от мысли, что достигнут или может быть достигнут предел развития производственных отношений социализма. Однако т. Горохов и не пробует рассмотреть конкретно процесс развития, противоречия и трудности, связанные с ним, но декларирует: поскольку развивается общественная собственность на общественные средства производства, то из этого следует, что возникновение противоречий между производственными отношениями и

¹² Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 11—12 (подчеркнуто нами.—Я. К.).

производительными силами невозможно. Перед нами чисто априорный подход к анализу развития социализма.

Еще более отчетливо абстрактность, априорность подхода выступает в упоминавшемся выше «Обзоре». В нем мы находим следующее недвусмысленное положение: «В самом деле, откуда это следует, что при социализме движущей силой развития является якобы «противоречие между производительными силами и производственными отношениями»? Ниоткуда. Ведь в СССР общественному характеру производства соответствует общественная собственность на средства производства, и именно поэтому в СССР имеет место не противоречие, а полное соответствие между производительными силами и производственными отношениями»¹³.

Вряд ли словечком «ниоткуда» или простой ссылкой на общественный характер социалистического способа производства может быть разрешена проблема.

Все спорящие упорно ищут движущие противоречия в советском обществе. Тов. Власов, отождествив соответствие производительных сил и производственных отношений с противоречием между ними, объявил это последнее универсальным движущим общественным противоречием и «открыл» даже особую форму его проявления: «Движущим противоречием при социализме будет противоречие между возможностями общественного производства и общественными потребностями»¹⁴. Более того, отставание производства от общественных потребностей он выдает за некий, также универсальный, закон социализма.

Неслучайно, конечно, и у противников т. Власова — т. Дворкина и других — противоречие между общественными потребностями и общественным производством рассматривается в качестве решающего движущего противоречия социализма. Это лишний раз обнаруживает внешний, словесный характер расхождения обеих сторон.

Присмотримся несколько ближе к взглядам, развиваемым т. Дворкиным. Он полагает, что в противоречии между производством и общественными потребностями «заключается центральный пункт проблемы», и относит это противоречие к «противоречию внутри самих производительных сил». При этом т. Дворкин решительно отгораживается от возможных упреков в лассальянстве, утверждая, что, якобы, потребности, о которых он говорит, не совпадают с личным потреблением.

Тов. Дворкин не только указывает на противоречие между производством и потреблением как на движущую силу социализма. Он старается конкретно изобразить развитие и действие этого противоречия. «Непрерывный рост, — пишет он, — потребностей трудящихся масс — источник развития производительных сил, расширения производства. Уровень потребностей масс, потребностей производства, государственных потребностей в своей совокупности, находясь в противоречии с достигнутым уровнем развития производительных сил, — могучий источник бесконечного и безостановочного движения производства вперед»¹⁵.

Найдено, наконец, «противоречие», ничего общего не имеющее с противоречием между производственными отношениями и производительными силами, заключенное в самих производительных си-

¹³ «Под знаменем марксизма» № 8 за 1940 г., стр. 57.

¹⁴ Там же, № 3—4 за 1940 г., стр. 117.

¹⁵ Там же, № 6 за 1940 г., стр. 63.

лах! Рассмотрим шаг за шагом выдвинутую т. Дворкиным аргументацию.

Прежде всего потребности, на его взгляд, суть потребности расширенного воспроизводства. Выходит, стало быть, что достаточно расширенное воспроизводство объявить «потребностями», чтобы найти противоречие между расширенным воспроизводством (которое является законом социализма) и потребностями. Итак, если отбросить словесные ухищрения, то никак не удастся найти противоречия производства с... самим собой.

Далее т. Дворкин правильно перечисляет как общественные потребности — потребности, вызываемые существованием капиталистического окружения. Но, по видимому, их никак нельзя рассматривать как потребности, порождающие противоречия внутри производительных сил. Наконец, третья группа — потребности, вызываемые индивидуальным и совместным непроизводительным потреблением. Тов. Дворкин справедливо утверждает, что потребители в социалистическом обществе являются производителями — важнейшей производительной силой общества. Однако неправильно объявлять на этом основании рост личного потребления основным движущим противоречием внутри производительных сил.

Это означает не только отождествление производства и личного потребления (заблуждение, давно вскрытое Марксом), но и изображение социализма — хочет или не хочет того автор — как «потребительного социализма».

При анализе развития социалистического способа производства нельзя забывать указания тов. Молотова: «...мы должны вместе с тем дать отпор рассуждениям вроде того, что «социализм — производство для потребления». Однобокость и неправильность этой формулировки очевидны... Узкопотребительский подход к социализму не отвечает интересам социалистического государства и теории ленинизма»¹⁶.

Тов. Дворкин старается подкрепить свои взгляды экскурсами в историю капитализма и попадает из огня в полымя. Утверждая, что противоречие между производственными отношениями и производительными силами не есть движущая сила при социализме, он пытается доказать, что и при капитализме источник движения не в антагонистическом противоречии между общественным характером производства и частным характером присвоения: «...не противоречие между производительными силами и производственными отношениями является движущей силой развития в досоциалистических обществах» (стр. 53). Противопоставляя противоречие и движение, тов. Дворкин усматривает в первом тормоз движения. Он рисует капитализм вообще без основного противоречия: «Противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения... появляется не сразу с возникновением капиталистических производственных отношений» (стр. 50). По т. Дворкину, капиталистические производственные отношения в целом превратились в оковы развития производительных сил лишь в империалистической стадии развития капитализма. Таким образом, весь марксов анализ противоречий, исторической ограниченности «классического» капитализма т. Дворкин ничтоже сумняшеся зачеркнул одним росчерком пера.

Многие участники дискуссии усердно разыскивали различные противоречия в советском хозяйстве. Здесь и действительные противоречия — между старым и новым, между ростом производства и

¹⁶ Молотов, «В борьбе за социализм», Сборник, Партиздат, 1934, стр. 296—297.

развитием организационно-хозяйственных форм руководства, здесь и нарушение внутривозможных пропорций, противоположность между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, здесь и мнимое противоречие между развитием производства и государственными задачами, выдвигаемыми перед производством на каждом новом этапе развития, и т. д. Этот перечень противоречий социалистического общества, названных в дискуссии, можно было бы еще и еще расширить. Но, к сожалению, обширность затронутых проблем отнюдь не свидетельствует о глубине анализа экономических отношений, проведенного диспутантами. Напротив, нанизывание противоречий, даже изобретение несуществующих противоречий, было вызвано неверным подходом к раскрытию содержания полного соответствия производственных отношений состоянию производительных сил социализма. Некоторые не поняли смысла и значения постоянного появления и разрешения неантагонистических противоречий между производственными отношениями и производительными силами на основе полного их соответствия. Поэтому эти товарищи и старались найти противоречия, лежащие вне социалистического способа производства, и, естественно, не сумели правильно раскрыть содержание каждого из названных противоречий. Так, качество перешло в... количество, действительный анализ подменен нанизыванием дефиниций.

Вот, например, противоречие, которое возникает между производительными силами и организационно-хозяйственными формами руководства. Оно дает прекрасную иллюстрацию того, как наряду с полным соответствием общественных отношений производства общественному характеру производительных сил может появиться относительное, неантагонистическое противоречие между ними. Развивающиеся производительные силы требуют дальнейшего совершенствования организационно-хозяйственных форм. Развитие последних, проводимое по плану, установленному партией и Советской властью, выражает дальнейшее развитие социалистических производственных отношений. Здесь перед нами и возникшее неантагонистическое противоречие и неантагонистический, социалистический способ его разрешения.

Поэтому было бы совершенно ошибочно утверждать, как это делают т. Островитянов и другие, что такого рода явления не имеют ничего общего с противоречиями в самом способе производства. Эта ошибка, как и многие другие, допущенные в ходе дискуссии, возникла в результате попытки втиснуть конкретное содержание противоречий в прокрустово ложе надуманной абстрактной схемы, которая исключает всякие противоречия между производственными отношениями и производительными силами.

В поисках движущего противоречия социалистического общества усиленно выдвигают идею о противоречии между обществом и природой (т. Горохов и др.). Спора нет. Это — одно из противоречий, свойственных всякой ступени общественного развития человечества, и социалистической общественно-экономической формации в частности. Но выдвигать противоречие между природой и обществом как одно из ведущих, движущих противоречий общественного развития совсем неправильно. Подобного рода утверждение восходит к теории примата географического фактора, которая разоблачена и отброшена марксистско-ленинской исторической наукой. После выхода в свет гениальной работы товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме», где с классической ясностью определено действительное место географической среды в общественном развитии, воскрешение теории преобладающего зна-

чения естественно-географического фактора, в прямом или завуалированном виде, есть совершенно недопустимый анахронизм, еще и еще раз убеждающий, что в развернувшейся дискуссии были забыты некоторые элементарные основы марксизма.

Несостоятельны и поиски какого-то универсального, единого, вечного движущего противоречия в социалистическом обществе. Такого универсального противоречия не существует именно потому, что движение социалистического способа производства происходит на основе полного соответствия производственных отношений производительным силам. Относительные, неантагонистические противоречия между отдельными сторонами производственных отношений и производительными силами постоянно возникают и разрешаются, образуя источник развития социализма. Характер, формы этих противоречий так же многообразны, как многообразны формы производственных отношений социализма.

Нельзя, наконец, отвлекаться, без риска извратить действительную картину развития социализма, от существования антагонистических противоречий между СССР и капиталистическим миром. Борьба между социализмом и капитализмом на мировой арене, порождаемая наличием антагонистических противоречий между двумя системами, постоянно влияет на ход социалистического строительства. И тот, кто рисует мирную идиллию эволюции без противоречий, никак не может быть марксистом-ленинцем. Всесторонний учет влияния антагонистической группы противоречий — неперемнное условие всякого действительно научного анализа развития социализма.

Тезис, который изгоняет какие бы то ни было противоречия из самого способа социалистического производства, политически неверен, порочен. Он ведет к самоуспокоению, упованию на самотек, забвению того, что победы социализма одерживаются в ожесточенной классовой борьбе за преодоление трудностей, за разрешение противоречий. Этот тезис ведет к забвению коренного вывода, сделанного товарищем Сталиным на основе марксистско-ленинской науки: «Значит, чтобы не ошибиться в политике, партия пролетариата должна исходить как в построении своей программы, так и в своей практической деятельности, прежде всего, из законов развития производства, из законов экономического развития общества»¹⁷.

Общий, необходимо складывающийся из хода дискуссии вывод заключается в следующем: для правильного понимания содержания великой движущей силы развития социалистического общества, которой и является полное соответствие производственных отношений состоянию производительных сил, необходимо конкретное рассмотрение всех сторон процесса социалистического воспроизводства, всего многообразия явлений народнохозяйственного процесса. Тогда и только тогда дискуссия будет плодотворна, будет покончено со всякой схоластикой.

¹⁷ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 552.

Соотношение средств производства и предметов потребления

(О к о н ч а н и е)¹⁹

В первой части статьи мы показали, что границы накопления при данном уровне производительных сил весьма эластичны. Следовательно, задача планирования заключается в том, чтобы найти оптимальную норму накопления, при которой может быть преодолено в исторически короткий срок наше отставание от главных капиталистических стран по душевым нормам производства средств производства и предметов потребления.

Не является ли такая задача внутренне противоречивой? Не является ли более высокая норма накопления оптимальной только для роста I подразделения, а более низкая норма накопления — оптимальной для роста потребления?

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим три варианта расширенного воспроизводства (иллюстрацией к ним служат схемы 1, 2 и 3), а именно расширенное воспроизводство в условиях: 1) более высокой и при том систематически повышающейся нормы накопления средств производства; 2) более низкой, но также систематически повышающейся нормы накопления средств производства и 3) более высокой, но систематически понижающейся нормы накопления средств производства.

Несколько замечаний о принципах построения прилагаемых схем. 1) Известно, что марковские схемы воспроизводства должны были иллюстрировать процесс реализации составных частей капиталистически произведенного общественного продукта по стоимости. Самый характер задачи, поставленной Марксом, обуславливался классовой природой капиталистического общества, движущими силами и мотивами производства в этом обществе. Соотношение различных вещественных частей общественного продукта определяется в процессе капиталистического воспроизводства стихийно, на основе законов стоимости и цены производства. В социалистическом обществе пропорции между различными частями общественного продукта устанавливаются непосредственно и не подчинены стоимостной эквивалентности. Поэтому, строя схемы, иллюстрирующие те или другие моменты социалистического воспроизводства, мы можем анализировать движение объема I и II подразделений и их соотношение не по стоимости, а непосредственно в неизменных ценах или в других условных единицах; 2) движение всех элементов II подразделения выступает как производное от движения элементов I подразделения, создающего производственную (техническую, энергетическую и сырьевую) основу возобновления и роста всех частей общественного продукта; 3) поскольку задачей схем является показ того, как складываются соотношения между фондом производства и фондом потребления при планировании той или иной нормы накопления в I подразделении, мы выделяем в схемах лишь накопление средств произ-

¹⁹ См. журн. «Проблемы экономики» № 10 за 1940 г.

Схема 1

Физический объем и структура расширенного воспроизводства в условиях более высокой и систематически повышающейся нормы накопления средств производства

Период воспроизводства	Подразделение		Составные части произведенного в данном периоде продукта				Темпы роста продукции (в % к предыдущему периоду)	Удельный вес I и II по-казателей (в % к итогу)	Распределение для производства и потребления в следующем периоде				Фонды потребле-ния (во всех формах)		
	3	4	5 (=3+4)	6	7	8 (=3)			9	10	11 (=8+10)	12 (=4-10)			
1	В неизменных ценах (в млн. руб.)		В неизменных ценах (в млн. руб.)		В неизменных ценах (в млн. руб.)		В неизменных ценах (в млн. руб.)		В неизменных ценах (в млн. руб.)		В неизменных ценах (в млн. руб.)		В неизменных ценах (в млн. руб.)		
	Затраты прошлого труда	Чистая продукция	Итого	Затраты прошлого труда	Чистая продукция	Итого	В % к чистой продукции	Накопленные средства производства	Итого	В % к чистой продукции	Накопленные средства производства	Итого	В % к чистой продукции	Накопленные средства производства	Итого
1-й	49 500	24 750	74 250	75,0	49 500	24 750	25,0	49 500	6 188	25,0	6 188	55 688	25,0	6 188	55 688
II	16 500	8 250	24 750	25,0	16 500	8 250	25,0	16 500	2 062	25,0	2 062	18 562	25,0	2 062	18 562
Всего	66 000	33 000	99 000	100,0	66 000	33 000	100,0	66 000	8 250	25,0	8 250	74 250	25,0	8 250	74 250
2-й	55 688	27 844	83 532	112,5	55 688	27 844	26,0	55 688	7 239	26,0	7 239	62 927	26,0	7 239	62 927
I	18 562	9 281	27 843	25,0	18 562	9 281	25,0	18 562	2 643	25,0	2 643	20 635	25,0	2 643	20 635
II	37 125	18 563	55 688	112,5	37 125	18 563	27,0	37 125	4 590	27,0	4 590	32 345	27,0	4 590	32 345
Всего	55 688	27 844	83 532	100	55 688	27 844	100	55 688	7 239	26,0	7 239	62 927	26,0	7 239	62 927
3-й	62 927	31 463	94 390	113,0	62 927	31 463	27,0	62 927	8 495	27,0	8 495	71 422	27,0	8 495	71 422
I	20 605	10 303	30 908	111,0	20 605	10 303	22,9	20 605	2 863	22,9	2 863	22 968	22,9	2 863	22 968
II	42 322	21 160	63 482	112,5	42 322	21 160	28,0	42 322	5 632	28,0	5 632	58 454	28,0	5 632	58 454
Всего	71 422	35 711	107 133	113,5	71 422	35 711	75,7	71 422	8 532	26,0	8 532	94 390	26,0	8 532	94 390
4-й	72 968	34 452	107 420	111,5	72 968	34 452	24,3	72 968	9 599	24,3	9 599	91 421	24,3	9 599	91 421
I	24 368	12 184	36 552	113,0	24 368	12 184	27,0	24 368	2 744	27,0	2 744	27 112	27,0	2 744	27 112
II	48 600	22 268	70 868	114,0	48 600	22 268	29,0	48 600	6 855	29,0	6 855	74 267	29,0	6 855	74 267
Всего	72 968	34 452	107 420	100	72 968	34 452	100	72 968	9 599	24,3	9 599	91 421	24,3	9 599	91 421
5-й	81 421	40 711	122 132	111,9	81 421	40 711	24,0	81 421	10 822	24,0	10 822	92 243	24,0	10 822	92 243
I	25 712	12 856	38 568	113,5	25 712	12 856	28,0	25 712	3 193	28,0	3 193	33 905	28,0	3 193	33 905
II	55 709	27 855	83 564	114,5	55 709	27 855	29,0	55 709	7 629	29,0	7 629	88 338	29,0	7 629	88 338
Всего	81 421	40 711	122 132	100	81 421	40 711	100	81 421	10 822	24,0	10 822	92 243	24,0	10 822	92 243
6-й	83 227	46 613	129 840	114,5	83 227	46 613	23,7	83 227	12 212	23,7	12 212	104 439	23,7	12 212	104 439
I	28 905	14 453	43 358	112,4	28 905	14 453	25,8	28 905	3 724	25,8	3 724	32 629	25,8	3 724	32 629
II	54 322	32 160	86 482	114,0	54 322	32 160	29,0	54 322	8 488	29,0	8 488	90 815	29,0	8 488	90 815
Всего	83 227	46 613	129 840	100	83 227	46 613	100	83 227	12 212	23,7	12 212	104 439	23,7	12 212	104 439
7-й	107 211	58 006	165 217	115,0	107 211	58 006	23,3	107 211	13 840	23,3	13 840	121 057	23,3	13 840	121 057
I	32 629	16 314	48 943	112,9	32 629	16 314	30,0	32 629	4 359	30,0	4 359	38 988	30,0	4 359	38 988
II	74 582	41 692	116 274	114,5	74 582	41 692	32,0	74 582	9 481	32,0	9 481	82 069	32,0	9 481	82 069
Всего	107 211	58 006	165 217	100	107 211	58 006	100	107 211	13 840	23,3	13 840	121 057	23,3	13 840	121 057
8-й	123 829	61 915	185 744	113,4	123 829	61 915	27,7	123 829	15 114	27,7	15 114	140 713	27,7	15 114	140 713
I	36 988	18 494	55 482	115,0	36 988	18 494	31,0	36 988	4 677	31,0	4 677	41 665	31,0	4 677	41 665
II	86 841	43 421	130 262	116,0	86 841	43 421	33,0	86 841	10 437	33,0	10 437	99 048	33,0	10 437	99 048
Всего	123 829	61 915	185 744	100	123 829	61 915	100	123 829	15 114	27,7	15 114	140 713	27,7	15 114	140 713
9-й	143 642	71 821	215 463	113,8	143 642	71 821	22,7	143 642	16 574	22,7	16 574	160 066	22,7	16 574	160 066
I	42 102	21 051	63 153	116,5	42 102	21 051	28,6	42 102	6 018	28,6	6 018	48 170	28,6	6 018	48 170
II	101 540	50 770	152 313	114,3	101 540	50 770	32,0	101 540	10 556	32,0	10 556	111 896	32,0	10 556	111 896
Всего	143 642	71 821	215 463	100	143 642	71 821	100	143 642	16 574	22,7	16 574	160 066	22,7	16 574	160 066
10-й	167 343	83 671	251 014	114,3	167 343	83 671	22,3	167 343	18 574	22,3	18 574	185 718	22,3	18 574	185 718
I	48 120	24 060	72 180	116,0	48 120	24 060	28,3	48 120	6 714	28,3	6 714	54 834	28,3	6 714	54 834
II	119 223	59 611	178 834	116,0	119 223	59 611	32,0	119 223	11 860	32,0	11 860	130 884	32,0	11 860	130 884
Всего	167 343	83 671	251 014	100	167 343	83 671	100	167 343	18 574	22,3	18 574	185 718	22,3	18 574	185 718

водства. Весь фонд потребления учитывается в одной графе, независимо от того, идет ли часть его на потребление дополнительных рабочих, либо служит росту потребления наличных рабочих, либо изымается для целей общегосударственного и коллективного потребления и т. д.; 4) фонд потребления в схемах не разветвляется между I и II подразделениями. Известно, что фонд потребления поступает в распоряжение сферы материального производства не целиком. С другой стороны, в социалистическом обществе, поскольку здесь не действует закон эквивалентного обмена, нет прямой зависимости между количеством средств производства, предоставляемых I подразделением II, и количеством предметов потребления, получаемых работниками I подразделения. Эта зависимость имеет производный характер. Предоставление II подразделению большего количества средств производства повышает общий объем фонда потребления, вследствие чего увеличивается также потребление работников I подразделения. Несомненно, в частности эту связь имел в виду Ленин, указывая на зависимость и при коммунизме между $v + m$ I и II с; 5) в приводимых схемах оставляется в стороне неизношенная часть основных фондов производства и фондов потребления, поскольку введение ее в анализ в данном случае не изменило бы принципиальной стороны дела и лишь излишне осложнило бы этот анализ; 6) в схемах предполагается, что общий рост продукции происходит как за счет повышения производительности труда, так и за счет увеличения числа занятых. Соотношение частей чистой продукции (фонда оплаты труда и прибавочного продукта) не вводится в схемы, ибо это излишне для наших целей. Оставляется также пока в стороне повышение коэффициента использования средств производства, в силу чего рост физического объема производства, затрат средств производства и увеличение чистой продукции в каждом подразделении и в народном хозяйстве в целом осуществляется одинаковыми темпами; 7) норма накопления средств производства исчисляется (как это делается в плановых документах) по отношению ко всей чистой продукции, а не к прибавочному продукту.

Несмотря на все неизбежные условности, приведенные схемы дают полную возможность показать: в о-п е р в ы х, как в I подразделении в зависимости от нормы накопления средств производства изменяются физический объем общественного фонда производства и распределение этого фонда между I и II подразделениями; во-в т о р ы х, как это распределение фонда производства воздействует на размеры производства и потребления и их соотношение. Иными словами, схемы позволяют иллюстрировать экономическую эффективность той или иной нормы накопления, а именно эта задача и ставится перед ними.

В целях сопоставимости экономического результата различных норм накопления во всех трех схемах предположены одинаковые исходные позиции в первом периоде воспроизводства, а в первых двух схемах — также технически интенсивно прогрессирующее расширенное воспроизводство с повышающейся от одного периода к другому нормой накопления. Однако в схеме I в качестве исходной нормы накопления в I подразделении принимается 25%, а в схеме 2 — 10%. Сопоставим сначала результаты воспроизводства в этих двух схемах (табл. 7).

Переход в схеме 2 от структуры общественного производства, в которой норма накопления средств производства в I подразделении составляет 25%, к структуре с 10%-ной нормой приводит во второй период воспроизводства к резкому повышению нормы накопления во II подразделении, большому росту удельного веса и абсолютных

Таблица 7

Рост физического объема продукции и структура производства в схемах 1 и 2

Период воспроизводства	В схеме 1				В схеме 2			
	объем всей продукции	объем I подразделения	объем II подразделения	удельный вес I подразделения (в %)	объем всей продукции	объем I подразделения	объем II подразделения	удельный вес I подразделения (в %)
1-й	100	100	100	75,0	100	100	100	75,0
2-й	112,5	112,5	112,5	75,0	112,5	105,0	135,0	70,0
3-й	126,6	127,1	124,9	75,3	118,1	110,8	140,2	70,3
4-й	143,0	144,3	139,2	75,7	124,6	117,4	146,2	70,7
5-й	162,3	164,5	155,8	76,0	132,1	125,0	153,2	71,0
6-й	185,1	188,4	175,2	76,3	140,7	133,8	161,3	71,3
7-й	211,9	216,6	197,7	76,7	150,5	143,8	170,6	71,7
8-й	243,7	250,2	224,2	77,0	161,8	155,4	181,2	72,0
9-й	281,4	290,2	255,2	77,3	174,7	168,6	193,4	72,3
10-й	326,5	338,1	291,6	77,7	189,6	183,7	207,3	72,7

размеров этого подразделения. Происходит перераспределение ресурсов накопления в пользу II подразделения. Благодаря этому до пятого периода производства абсолютные размеры ежегодно производимого фонда потребления оказываются в схеме 2 большими, чем в схеме 1. Но вследствие более медленного роста I подразделения при втором варианте воспроизводства (схема 2) ресурсы накопления и возможности роста II подразделения в дальнейшем оказываются ограниченными. Поэтому уже через сравнительно короткое время первый вариант народнохозяйственного развития (схема 1) оказывается экономически более эффективным, чем второй, во многих отношениях: 1) достигается гораздо больший объем всей продукции народного хозяйства (323 194 млн. руб. в десятый период схемы 1 против 187 728 млн. руб. в этот же период схемы 2); 2) достигается почти в 2 раза больший объем производства средств производства (251 014 млн. руб. против 136 416 млн. руб.), благодаря чему могут быть достигнуты техническое перевооружение всего народного хозяйства и экономия живого труда в несравненно более крупных масштабах, чем при втором варианте; 3) достигается, несмотря на более низкий удельный вес II подразделения, почти в 1½ раза больший объем производства предметов потребления и вообще конечной продукции, не идущей в дальнейший процесс производства (72 180 млн. руб. против 51 312 млн. руб.).

Сопоставим теперь первый (схема 1) и третий (схема 3) варианты народнохозяйственного развития, т. е. расширенное воспроизводство в условиях систематически повышающейся и в условиях систематически понижающейся нормы накопления средств производства в I подразделении (табл. 8).

В схеме 2 дана была картина резкого перехода к более низкой норме накопления в I подразделении. Однако этот переход и перераспределение ресурсов накопления в пользу II подразделения были произведены однократно (во второй период воспроизводства). В дальнейшем норма накопления растет, и удельный вес I подразделения повышается. В схеме же 3 расширенное воспроизводство происходит в условиях, казалось бы, наиболее благоприятных для второго подразделения. Норма накопления средств производства

Таблица 8

Рост физического объема продукции и структура производства в схемах 1 и 3

Период воспроизводства	В схеме 1				В схеме 3			
	объем всей продукции	объем I подразделения	объем II подразделения	удельный вес I подразделения (в %)	объем всей продукции	объем I подразделения	объем II подразделения	удельный вес I подразделения (в %)
1-й	100	100	100	75,0	100	100	100	75,0
2-й	112,5	112,5	112,5	75,0	112,5	112,5	112,5	75,0
3-й	126,6	127,1	124,9	75,3	126,7	126,0	128,2	74,7
4-й	143,0	144,3	139,2	75,7	141,8	140,5	145,5	74,3
5-й	162,3	164,5	155,8	76,0	158,1	155,9	164,4	74,0
6-й	185,1	188,4	175,2	76,3	175,4	172,3	184,8	73,7
7-й	211,9	216,6	197,7	76,7	193,9	189,6	206,8	73,3
8-й	243,7	250,2	224,2	77,0	213,2	207,6	230,3	73,0
9-й	281,4	290,2	255,2	77,3	233,5	226,2	255,3	72,7
10-й	326,5	338,1	291,6	77,7	254,5	245,5	281,7	72,3

в I подразделении снижается систематически. В силу этого происходит столь же систематическое (из года в год) перераспределение вновь создаваемых ресурсов накопления в пользу II подразделения. Темпы роста II подразделения оказываются более высокими, нежели темпы роста I подразделения. Удельный вес предметов потребления в общественном продукте неуклонно растет, а удельный вес средств производства столь же неуклонно падает. Тем не менее первый (а не третий) вариант оказывается в конечном счете экономически более эффективным для роста продукции, в том числе для роста II подразделения: 1) благодаря повышению нормы накопления в I подразделении систематически, из года в год, достигается более высокий объем всей народнохозяйственной продукции по сравнению с третьим вариантом; в десятый период воспроизводства объем продукции в схеме 1 определяется в 323 194 млн. руб. против 251 977 млн. руб. в схеме 3; 2) достигается почти в 1½ раза больший объем средств производства (251 014 млн. руб. против 182 263 млн. руб. в схеме 3 в десятый период воспроизводства); 3) на определенном этапе, несмотря на несравненно более низкий удельный вес II подразделения (в десятый период воспроизводства 22,3% против 27,7%), достигается больший объем производства предметов потребления (в десятый период воспроизводства — 72 180 млн. руб. против 69 714 млн. руб.).

Таким образом, при третьем варианте лишь до поры до времени имеется возможность производить больше предметов потребления. Первый же вариант позволяет все время максимально расширять производственный аппарат, вооружать труд современной техникой, а в дальнейшем и производить гораздо больше предметов потребления. Более высокая эффективность первого варианта не представляет, разумеется, результата случайного либо нарочитого подбора цифр в схемах. Не требует никаких дальнейших доказательств то, что объем продукции I подразделения растет тем больше, чем большая часть производимой в нем чистой продукции (в виде машин, строительных материалов, сырья, топлива и т. д.) идет на расширенное воспроизводство I же подразделения. Однако темпы роста и объем II подразделения, в конечном счете, также тем выше, чем

выше темпы роста и объем производства I подразделения, ибо в этом последнем создаются элементы увеличения продукции во всем народном хозяйстве. Систематически снижающаяся норма накопления в I подразделении (в схеме 3) увлекает за собой вниз также норму накопления во II подразделении, приводит к замедлению темпов роста производства не только средств производства, но и предметов потребления, и на определенной ступени вообще ставит под угрозу расширенное воспроизводство. Напротив, постепенно повышающаяся норма накопления средств производства в I подразделении (схема 1) приводит на определенном этапе к увеличению нормы накопления и темпов расширенного воспроизводства также во II подразделении, хотя удельный вес последнего и снижается. Рост удельного веса средств производства без увеличения абсолютных размеров II подразделения может происходить лишь постольку, поскольку замещается живой труд и прогрессирует разделение труда. Однако рост производства средств производства, как правило, связан не только с замещением живого труда и прогрессом в разделении труда, но и с увеличением абсолютных размеров всего народного хозяйства, и в том числе II подразделения. Поэтому, чем выше в нашем хозяйстве норма накопления и удельный вес I подразделения, тем более велик, в конечном счете, объем продукции II подразделения.

Конечно, возможен ряд случаев, когда временно повышается удельный вес II подразделения в общественном продукте. Рассмотрим два наиболее характерных из этих случаев.

Первый случай. Вполне реален такой тип воспроизводства, когда взаимоприспособление всех элементов народнохозяйственного развития происходит не в рамках данного периода, а в сменяющие друг друга периоды времени. В первый из таких периодов основной упор может делаться на развитие отраслей, обслуживающих главным образом и в первую очередь развитие I подразделения. Во второй период в гораздо большей мере, чем раньше, развиваются те отрасли I подразделения, которые поставляют оборудование и сырье II подразделению, и ускоренно развиваются отрасли II подразделения. Конечно, эти периоды не отделены друг от друга китайской стеной. Речь идет о преобладающей линии развития в каждый из этих периодов. Однако налицо незавершенность всего круга воспроизводства в первый период. В силу этого вполне возможно, что во второй период II подразделение опережает I, ибо факторы этого опережения подготовлялись в предшествующий период. В I подразделении создан соответственный производственный аппарат, и его освоение уже достигло известной степени зрелости, в силу чего развитие II подразделения может опереться на достигнутый уровень I подразделения. Однако это повышение удельного веса II подразделения может иметь только временный характер. Если же два указанных периода рассматривать как единый круг воспроизводства, то движение I и II подразделений вполне подчинено показанным в схемах закономерностям. Такой вариант развития, по сути дела, был положен в основу расчетов второго пятилетнего плана.

Второй случай дан в схемах 2 и 3. При переходе к 10%-ной норме накопления средств производства уже не 75%, а 90% чистой продукции I подразделения, воплощенной в машинах и других средствах производства, может быть отпущено II подразделению. Поэтому во второй период воспроизводства удельный вес II подразделения резко возрастает (в схеме 2 — с 25 до 30%). Объем продукции II подразделения до пятого периода производства оказывается

большим, чем в схеме 1. В схеме 3 систематическое снижение нормы накопления в I подразделении и перераспределение ресурсов накопления из года в год в пользу II подразделения приводит к повышению доли предметов потребления в общественном продукте с 25% в первый период воспроизводства до 27,7% в десятый период. Однако, как показано выше, возможности роста II подразделения оказываются при втором и третьем вариантах более ограниченными, нежели при первом варианте, именно благодаря относительно низкой или систематически снижающейся норме накопления в I подразделении.

Совершенно очевидно, что воспроизводство на основе низкой либо систематически снижающейся нормы накопления не свойственно социалистическому хозяйству. В нашем хозяйстве в тот или иной период возможен указанный выше первый случай «ступенчатого» воспроизводства: вначале берется упор на развитие отраслей тяжелой промышленности, а затем развиваются отрасли, производящие предметы потребления. Следовательно, временно удельный вес II подразделения может повышаться. Однако лишь временно. Генеральная линия развития материально-технической базы социалистического общества — повышение удельного веса средств производства на основе высокой нормы накопления. Социалистическое общество решает проблему потребления не путем ослабления темпов накопления, а, наоборот, путем невиданного при капитализме повышения этих темпов. Конечно, высокая норма накопления может быть оптимальной для производства и потребления лишь в том случае, если ее рост в I подразделении не ослабляет, а повышает темпы накопления во II подразделении.

Коль скоро экономически наиболее эффективным является воспроизводство на основе высокой нормы накопления и высокого удельного веса средств производства, то естественно возникает вопрос: где граница повышения нормы накопления и удельного веса средств производства? Это повышение имеет свои исторические этапы, в зависимости от достигаемого объема производительных сил. Так, например, при объеме производства в 1 000 000 единиц и удельном весе средств производства в 50% фонд потребления составляет 500 000 единиц; дальнейшее повышение удельного веса средств производства при сохранении прежнего объема производства или незначительном увеличении этого объема могло бы произойти лишь за счет потребления. Но при увеличении производства до 2 000 000 единиц повышение удельного веса средств производства с 50 до 60% происходит не за счет абсолютных размеров фонда потребления, а, наоборот, сопровождается ростом последнего с 500 000 единиц до 800 000 единиц. Таким образом, норма накопления и удельный вес средств производства, будучи факторами расширенного воспроизводства, в своих верхнем и нижнем пределах функционально связаны с данным объемом расширенного воспроизводства. Интенсивный рост объема производства есть не только результат, но и предпосылка повышения нормы накопления и удельного веса средств производства.

Как показано выше, социалистическое государство в гораздо большей мере использует возможности накопления, заключенные в данном объеме производительных сил, нежели капитализм с его антагонистическими противоречиями и стихийной организацией хозяйства. Вместе с тем социалистическое государство постоянно считается в своей политике накопления с достигаемым уровнем и объемом производительных сил. На это обстоятельство указывал товарищ Сталин в отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б): «Некоторые работники

Госплана старого состава предлагали при составлении второго пятилетнего плана запланировать производство чугуна к концу второй пятилетки в размере 60 миллионов тонн. Это значит, что они исходили из возможности среднегодового прироста выплавки чугуна в размере 10 миллионов тонн. Это была, конечно, фантастика, если не хуже»²⁰.

При маневрировании материальными ресурсами накопления и определении удельного веса средств производства необходимо считаться с объемом народного дохода, уровнем развития производительных сил, нуждами обороны и задачами удовлетворения потребностей населения в каждый данный период. Не существует какой-то идеальной, заранее данной оптимальной нормы накопления. Та или другая норма накопления оптимальна в данных конкретных условиях, которые постоянно меняются. Резкое повышение нормы накопления означает, что при данном объеме народного дохода в данном году резко снижается относительно, а иногда и абсолютно, удовлетворение других, непроектных нужд. Между тем эти нужды также должны удовлетворяться во все растущих масштабах в каждом данном году. Поэтому социалистическое государство распределяет народный доход таким образом, чтобы длительные интересы расширенного воспроизводства сочетать не только в более или менее отдаленной перспективе, но и в каждый данный период, с удовлетворением первостепенных нужд обороны страны социализма и с удовлетворением потребностей населения города и деревни. Социалистическое государство постоянно учитывает, что укрепление обороноспособности СССР требует перераспределения ресурсов как внутри фонда накопления, так и между накоплением и различными формами потребления. Поэтому оптимальной является норма накопления, обеспечивающая при данном уровне производительных сил и объеме народного дохода правильное сочетание интересов расширенного воспроизводства в обоих подразделениях общественного производства с полным удовлетворением всех нужд обороны.

Схема 1 показывает, что достаточно при заданных условиях постепенно повысить норму накопления во всем народном хозяйстве с 25 до 32%, а удельный вес средств производства — с 75 до 77,7%, чтобы увеличить объем продукции более чем в 3 раза. Социалистическая реконструкция народного хозяйства СССР и коренная ломка старых пропорций, проведенные диктатурой рабочего класса в годы первой пятилетки, потребовали относительно резкого повышения нормы накопления (с учетом прироста резервов) — с 19,5% в 1927/28 г. до 26,9% в 1932 г. (без резервов — до 24,2%). Но уже в годы второй пятилетки производственные и строительные задачи огромных масштабов решаются, особенно благодаря процессу освоения новой техники, при сохранении прежней нормы накопления (до 26,4% в 1937 г.). Наконец, в третьем пятилетнем плане запроектировано повышение нормы накопления вместе с ростом резервов до 28,8%, что должно привести к росту производства индустриальных средств производства на 107% и индустриальных предметов потребления на 72%, т. е. к дальнейшему повышению удельного веса I подразделения в промышленности и во всем народном хозяйстве. Решению этой задачи должны содействовать также увеличение рабочего дня и числа рабочих дней в году, борьба за укрепление социалистической дисциплины труда.

²⁰ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 579.

Концентрация крупнейшего строительства во времени, необходимая для решения основной экономической задачи в краткий исторический срок, несомненно, должна повести к дальнейшему постепенному повышению нормы накопления. Товарищ Сталин говорил на XVIII съезде партии: «Что требуется для того, чтобы перегнать экономически главные капиталистические страны? Для этого требуется, прежде всего, серьезное и неукротимое желание идти вперед и готовность пойти на жертвы, пойти на серьезные капитальные вложения для всемерного расширения нашей социалистической промышленности»²¹.

Повышение нормы накопления, в свою очередь, означает необходимость роста удельного веса I подразделения. При объеме производства, который будет достигнут в результате выполнения третьего пятилетнего плана, постепенное повышение нормы накопления явится, как показано в схемах, оптимальным и экономически наиболее эффективным путем решения основной экономической задачи не только в части средств производства, но и в части предметов потребления. Вместе с тем постепенное повышение нормы накопления обеспечивает систематическое укрепление производственной базы обороны нашей страны.

III. Использование средств производства и структура общественного продукта

Выше указывалось, что рост удельного веса средств производства в общественном продукте капиталистических стран был предпосылкой и результатом замещения ручного труда, прогрессирующего разделения и технического вооружения труда. Однако эта, так сказать, «вековая» тенденция развития капиталистического производства отнюдь не исчерпывает проблемы соотношения средств производства и предметов потребления в капиталистическом общественном продукте.

Более быстрые темпы роста средств производства сами по себе являются условием пропорциональности технически прогрессирующего расширенного воспроизводства (при соответственных масштабах этого последнего). Между тем для капитализма на определенном этапе его развития характерен не просто более быстрый рост средств производства по сравнению с предметами потребления, но также гипертрофия, раздувание этого роста, диспропорциональность в движении средств производства и предметов потребления.

Противоречие между тенденцией к абсолютному развитию производительных сил и самовозрастанием капитала принимает различные формы в разных фазах промышленного цикла. В годы подъема и расцвета интересы самовозрастания капитала гонят развитие производительных сил вперед. Предпосылкой этого развития является накопление капитала, наличие вещественных элементов постоянного капитала и рабочих сил. Усиленный спрос на средства производства приводит к форсированию их выпуска. И так как производство средств производства наиболее отдалено от конечного их потребления, то в известные периоды это производство приобретает самодовлеющий, самостоятельный характер, чему немало содействует обособление производительного и торгового капитала и прежде всего кредитная система. Отрыв производства средств производства от производства предметов потребления, в силу анархии производства, оказывается, как правило, гораздо большим, чем отрыв произ-

²¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 579.

водства предметов потребления от платежеспособного спроса. При капитализме более быстрые темпы роста средств производства по сравнению с предметами потребления в периоды подъема вытекают, следовательно, не только из прогресса производительных сил, но и из внутренних противоречий капитализма.

Кризисы, представляя форму временного насильственного разрешения противоречий капиталистического воспроизводства, временно устраняют также диспропорцию между средствами производства и предметами потребления. Однако при этом происходит не только обесценение наличного основного и оборотного капиталов, но и резко усиливается прямое недоиспользование их вещественных элементов, а также вновь произведенных средств производства, большая часть которых переходит в запасы. Следовательно, в силу циклической формы и неравномерности воспроизводства капиталистическое общество всегда должно обладать большим количеством средств производства, чем это требуется технически для производства данного количества предметов потребления на протяжении каждого промышленного цикла.

В эпоху империализма производство средств производства в промышленности монополизирована в первую очередь и в наибольшей мере. На первый взгляд может показаться, что разрыв между производством средств производства и предметов потребления при империализме должен сокращаться, так как монополии часто добиваются повышения нормы прибыли путем сокращения производства, дальнейшей монополизации производства и сбыта, централизации капитала и т. д. Однако сокращение производства при каждом данном уровне монопольных цен имеет свои пределы: повышая норму прибыли, это сокращение в известный момент вступает в конфликт с увеличением массы прибыли. С другой стороны, монополии обладают такими средствами огромного расширения массового производства, какими не обладало ни одно предприятие XIX века, и в периоды «высокой конъюнктуры» они не могут не использовать эти средства для увеличения массы прибыли. В эти же периоды сплошь и рядом вводятся в строй законсервированные предприятия и законсервированные производственные мощности работающих предприятий. Наконец, наступающее повышение нормы прибыли в монополизированных отраслях вызывает прилив огромных капиталов в эти отрасли или отрасли, производящие субституты, в силу чего чрезвычайно обостряется конкуренция. В результате разрыв между производством средств производства и предметов потребления в эпоху империализма не только не уменьшается, но даже увеличивается по сравнению с эпохой домонополистического капитализма. Более того, именно в эпоху империализма фабричное производство предметов потребления окончательно теряет свою былую роль в движении промышленного цикла. Индустриальное производство средств производства выдвигается на первое место, и гипертрофия средств производства выступает в отчетливой форме.

К сожалению, не имеется сопоставимых индексов средств производства и предметов потребления в целом для всех капиталистических стран. Мы приводим здесь такие индексы промышленного производства Англии и Германии (табл. 9)²².

²² Динамика индексов средств производства, предметов потребления и отдельных продуктов исчислена на основе данных W. Hoffmann'a «Wachstum und Wachstumsformen der englischen Industriewirtschaft von 1700 bis zur Gegenwart (Jena, S. 285) и сборника «Мировые экономические кризисы» (т. I). Так как высшие и низшие точки производства всех групп продуктов не всегда совпадают во времени, то брались высшие и низшие точки производства данной группы продуктов или данного продукта.

Таблица 9

Движение индексов промышленного производства Англии и Германии
(в %) от высшей точки перед кризисом к низшей точке кризиса:

	А Н Г Л И Я									
	1857—1858	1865—1867	1877—1879	1883—1885	1889—1893	1899—1901	1907—1908	1920—1921	1929—1932	1937—1938
Средства производства	—3,9	—3,1	—7,6	—3,8	—11,9	—2,5	—8,2	—40,3	—25,5	—10,5
Предметы потребления	—8,2	—1,4	—11,1	—12,8	—6,1	—2,6	—2,0	—35,2	—4,2	—3,5
Выплавка чугуна	—5,5	—6,1	—9,3	—18,4	—19,4	—15,8	—11,1	—67,4	—52,9	—20,3
Потребление хлопка	—4,5	—8,1	—7,0	—19,7	—28,3	—22,8	—14,1	—42,9	—27,5	—20,2

	Г Е Р М А Н И Я					
	1873—1874	1885—1886	1891—1892	1900—1901	1906—1908	1929—1932
Средства производства	—4,0	—	—4,8	—1,6	—8,3	—53,0
Предметы потребления	—9,7	—	—0,5	—3,7	—2,5	—25,3
Выплавка чугуна	—17,6	—4,3	—	—7,5	—8,3	—70,3
Потребление хлопка	—9,9	—7,4	—6,3	—10,5	—5,4	—21,4

Конечно, нельзя придавать этим данным абсолютное значение. Методология составления индексов средств производства и предметов потребления имеет ряд недочетов²³. На движение того или иного продукта или группы продуктов часто влияет ряд привходящих обстоятельств, связанных с конкретными условиями развития капитализма в данной стране, с наличием внешних рынков, степенью развития капитализма и т. д. Тем не менее огромный рост перепроизводства средств производства в Англии и Германии в эпоху империализма (а особенно в эпоху общего кризиса капитализма) выявляется в приведенных данных весьма отчетливо. Если мы проследим динамику производства чугуна и потребления хлопка от высшей точки перед кризисом к низшей точке кризиса в США, то перед нами предстанет еще более яркая картина (табл. 10).

Приводимые ниже данные о производстве чугуна и хлопка в США говорят также о том, что разрыв в циклическом движении средств производства и предметов потребления особенно увеличивается в эпоху общего кризиса капитализма. Для характеристики обострения циклической диспропорциональности общественного воспроизводства в эпоху общего кризиса капитализма можно привести и более суммарные данные по главным капиталистическим странам (табл. 11).

²³ Так, между движением индексов английского индустриального производства, исчисленных W. Hoffmann'ом (см. табл. 9), и соответственных индексов Лиги Наций (см. табл. 11) в период после первой империалистической войны имеется весьма существенное количественное различие в силу того, что охват продуктов в этих индексах различный.

Таблица 10

Динамика производства чугуна и потребления хлопка в США
(% снижения от высшей точки перед кризисом к низшей точке кризиса)

	1856—1858	1864—1865	1873—1876	1882—1885	1892—1894	1903—1904	1907—1908	1920—1921	1929—1932	1937—1938
Выплавка чугуна	—20,2	—17,9	—27,0	—12,5	—27,3	—8,4	—38,2	—54,8	—79,4	—48,7
Потребление хлопка	—27,4	—	—9,0	—15,4	—19,8	—3,9	—8,9	—20,0	—31,0	—20,5

Наиболее велика циклическая диспропорциональность в производстве средств производства и предметов потребления в самой развитой капиталистической стране — США. Здесь темпы падения или роста производства средств производства превышают темпы падения или роста производства предметов потребления в 3—4—9 раз. Таким образом, в стране наиболее мощных монополий, в стране, которую пытались превратить в «опытное поле» капиталистического планирования, анархия производства находит наибольшее раздолье.

Менее велик по сравнению с другими главными капиталистическими странами разрыв между производством средств производства и предметов потребления во Франции и Японии. В экономике этих стран крупную роль играют экспортные отрасли, вывозящие предметы потребления, причем в Японии многие средства производства ввозятся из-за границы. Но и в этих странах, по мере развития в них тяжелой промышленности, циклическая диспропорциональность в движении средств производства и предметов потребления все более увеличивается.

Приведенные выше данные относятся к обрабатывающей промышленности. Поскольку подавляющая часть продукции добывающей промышленности и сельского хозяйства в главных капиталистических странах поступает в дальнейшую промышленную переработку, структура обрабатывающей промышленности в этих странах воспроизводит в весьма большой степени структуру всего народного хозяйства. Индекс Federal Reserve Board, суммирующий добычу минералов в США, снизился в 1932 г. на 32,3% по сравнению с 1929 г., в 1937 г. поднялся на 62% по сравнению с 1932 г., а в 1938 г. опустился на 14,8% против 1937 г. Для Соединенного Королевства соответственные цифры динамики индекса добывающей промышленности (Board of Trade): —41,4%, +122,7% и —21%²⁴. Во всех главных капиталистических странах, за исключением Франции, падение или рост добычи ископаемого сырья превышает соответственно падение или рост производства предметов потребления. С другой стороны, производство сельскохозяйственной продукции, идущей в личное потребление, более устойчиво по сравнению с продукцией промышленности на протяжении всего промышленного цикла²⁵.

Следовательно, с некоторыми количественными коррективами наш вывод об усилении и циклической диспропорциональности между

²⁴ Statistical Year-Book of the League of Nations, 1938/39, Geneva, 1939, pp. 183—196.

²⁵ Так, динамика индекса мирового производства первичных пищевых продуктов в необработанном виде, суммирующего пищевые культуры, мясо, мороженую рыбу, молоко, вино, кофе, чай, какао, табак, на протяжении 1923—1937 гг. была следующая: 1929 г.—100; 1930 г.—102; 1931 г.—100; 1932 г.—100; 1933 г.—101; 1935 г.—101; 1936 г.—103; 1937 г.—106 (без СССР); см. World Production and prices, 1937/38, Geneva, 1938.

Таблица 11

Прирост (+) или снижение (—) производства средств производства и предметов потребления в высшей и низшей точках промышленного цикла в эпоху общего кризиса капитализма (в %) ²⁶

Страны	Средства производства	Автомобили	Строительство	Предметы текущего потребления
С Ш А				
1921 к 1920 г.	— 30,8	—	—	— 8,9
1929 к 1921 г.	+101,9	—	—	+ 26,8
1932 к 1929 г.	— 72,8	— 74,1	— 81,0	— 24,8
1937 к 1932 г.	+221,3	+242,1	+267,5	+ 25,0
1938 к 1937 г.	— 37,8	— 47,9	+ 1,8	+ 9,0
Германия				
1929 к 1927 г.	+137,2	—	—	+ 71,9
1932 к 1929 г.	— 64,7	— 68,6	— 65,7	— 22,3
1937 к 1932 г.	+261,2	+519,2	+182,2	+ 38,0
Соединенное Королевство				
1921 к 1920 г.	— 37,7	—	—	— 17,2
1929 к 1921 г.	+ 64,8	—	—	+ 31,2
1932 к 1929 г.	— 30,4	— 22,2	— 8,5	— 8,7
1937 к 1932 г.	+ 92,1	+137,1	— 66,1	+ 39,4
1938 к 1937 г.	— 10,5	— 10,1	— 10,7	— 3,5
Франция				
1921 к 1920 г.	— 12,0	—	—	— 12,5
1929 к 1921 г.	+154,5	—	—	+159,5
1932 к 1929 г.	— 39,1	— 28,3	— 21,4	— 22,6
1937 к 1932 г.	+ 32,2	+ 10,9	— 33,4	+ 23,1
1938 к 1937 г.	— 15,2	+ 8,2	— 7,6	— 5,9
Япония				
1921 к 1920 г.	— 9,1	—	—	— 10,0
1929 к 1921 г.	+ 90,0	—	—	+ 55,1
1932 к 1929 г.	— 8,7	—	—	0
1937 к 1932 г.	+187,2	—	—	+ 54,9

²⁶ Расчеты произведены на основе данных «Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung», Sonderheft 31 (Die Industriegewirtschaft), SS. 64—67; World Production and Prices 1938/39, pp. 104, 105; Statistical Year-Book of the League of Nations 1938/39, Geneva, 1939, pp. 183—196; Simon Kuznetz, Gross Capital Formation, United States, 1919—1933», Nat. Bureau of Economic Research Bulletin № 52, Nov. 15, 1934; H. G. Moulton, The Formation of Capital, Washington, D. C. The Brookings Institution, 1935, p. 193.

По США в основу расчетов положена динамика индекса Federal Reserve Board; по Германии — индекса Institut für Konjunkturforschung; по Соединенному Королевству — Board of Trade; по Франции — Statistique générale; по Японии — Ministry of Commerce and Industry. Между различными источниками имеются расхождения, в зависимости от методов исчисления индексов, круга отраслей и т. д. Так, снижение индекса предметов и фондов длительного и текущего потребления, включая жилищное строительство, в США составляло в 1932 г. 26% по сравнению с 1929 г., а если исключить жилищное строительство — 22,8% (ср. данные S. Kuznetz и H. G. Moulton в указанн. сочин.). «World Production and Prices» приводит суммарный расчет индекса строительства, не выделяя строительства жилищ. Однако все источники дают одинаковую картину резкой диспропорциональности циклического движения I и II подразделений.

Низшие и высшие точки соответственных промышленных циклов не всегда тождественны во всех странах и группах продукции. Поскольку задача состоит в выявлении закономерностей промышленного цикла, в расчет принимались эти низшие и высшие точки, а не общие календарные сроки.

производством средств производства и предметов потребления в эпоху общего кризиса капитализма относится ко всему народному хозяйству соответственных капиталистических стран. Огромный рост монополистических объединений, обладающих крупнейшими «резервами» производственных мощностей и невиданной в прежние времена способностью быстро расширять производство, чрезвычайно усиливает конвульсивный характер капиталистического развития. В целом темпы экономического развития главных капиталистических стран замедляются по сравнению с империалистическим периодом до первой мировой империалистической войны. Но даже эти замедленные темпы достигаются ценой резкого обострения циклической диспропорциональности общественного воспроизводства и исключительного усиления скачкообразности промышленного производства в целом, и прежде и больше всего производства средств производства.

Отсюда должен быть сделан следующий вывод по интересующему нас вопросу: сопоставляя производственную структуру народного хозяйства или промышленности СССР и капиталистических стран, мы всегда должны иметь в виду, что высшая точка капиталистического промышленного цикла и — в меньшей мере — весь промышленный цикл в целом таят в себе преувеличенное производство средств производства по отношению к данному объему производства предметов потребления. Иными словами, производственная структура капиталистического хозяйства всегда включает в себе диспропорции, обусловленные специфически капиталистическим характером общественного воспроизводства. Она не может рассматриваться просто как система производственно-отраслевого разделения труда, в которой количественные пропорции между отраслями определяются только достигнутым уровнем техники и производительных сил вообще. Весьма значительная часть произведенных средств производства при капитализме не реализуется ни в средствах производства ни в предметах потребления, либо реализуется в них лишь частично.

В социалистическом обществе отсутствует гипертрофия производства средств производства. Социалистическое общество имеет возможность использовать их (благодаря общественной собственности на средства производства и плановому руководству народнохозяйственным развитием) неизмеримо полнее, нежели капитализм. Известно, что среднегодовая выработка на один 15-сильный трактор составляла в 1937 г. в СССР 488 га, а в США — 90—100 га. Среднегодовая выработка на один комбайн составляла в 1937 г. в СССР (по МТС) 317 га, а в США — 230 га. Следовательно, чтобы увеличить площадь посева и уборки в одинаковой мере, в СССР надо дать сельскому хозяйству гораздо меньше тракторов и комбайнов, чем в США. Известно, что среднегодовая густота движения грузов на железных дорогах СССР (в тонно-километрах на 1 км эксплуатационного пути) в 1937 г. была почти в три раза больше, нежели в США. Известно, что в СССР, благодаря большей сменности и вообще гораздо большему количеству часов работы оборудования, каждый агрегат промышленного аппарата дает в среднем больше продукции, нежели в капиталистических странах (особенно если учесть огромное количество бездействующих агрегатов в этих последних). Так, например, СССР, обладая лишь 18% производственной мощности электростанций США, 50% — Германии и 66% — Англии, производит 24,2%, 72,2% и 122,3% количества электроэнергии, производимой в соответственных капиталистических странах. Следовательно, чтобы увеличить количество производимой и перевозимой продук-

ции в одинаковой мере, в СССР требуется меньше новых орудий производства и средств транспорта, нежели в странах капитала. Правда, в использовании сырья, топлива и электроэнергии мы на некоторых участках еще отстаем от капиталистических стран. Но и здесь преимущества социалистической системы хозяйства оказывают свое воздействие в форме большей среднегодовой скорости оборота, отсутствия кризисных запасов и т. д. Именно в силу несравненно лучшего использования средств производства наша страна решит основную экономическую задачу при относительно меньшем производственном аппарате, нежели в США. Чтобы дать промышленную продукцию, в 1½ раза превышающую промышленную продукцию США, нам нет нужды иметь в 1½ раза больший производственный аппарат. Еще не добившись такой металлонасыщенности народного хозяйства, как в США, мы опередим Америку по экономической мощности промышленности, транспорта и сельского хозяйства. И так как вся цепь воспроизводства замыкается выходом конечной продукции, не идущей в дальнейший процесс труда, то для одинакового роста последней в СССР требуется меньшее количество средств производства, чем в капиталистических странах. Нельзя ли отсюда сделать вывод, что более высокий коэффициент использования средств производства представляет силу, противостоящую общему удельному весу средств производства в социалистическом общественном продукте?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся прежде всего к фактам. Выше мы пришли к выводу, что ежегодное насыщение народного хозяйства СССР средствами производства по отношению к объему всей народнохозяйственной продукции в СССР ниже, чем в главных капиталистических странах. Однако этот меньший удельный вес индустриальных средств производства во всей народнохозяйственной продукции не может быть приписан исключительно лучшему их использованию. Мы уже указывали, что крупную роль в соотношении средств производства и предметов потребления во всем народном хозяйстве СССР играет тот факт, что в СССР более высок удельный вес переработки сельскохозяйственной продукции в домашнем хозяйстве. Чтобы элиминировать этот факт, рассмотрим структуру машинного промышленного производства в СССР и капиталистических странах.

Сопоставление структуры промышленного производства в СССР и капиталистических странах наталкивается на большие трудности. Только отдельные продукты могут быть сопоставлены в натуральной форме. При этом часто существуют большие различия в качестве и полезных свойствах одного и того же по наименованию продукта. Еще труднее сопоставлять структуру воспроизводства в стоимостной форме. Тем не менее это — единственный метод сопоставления структуры в целом. Корректирование «стоимостной» структуры путем учета распределения рабочих сил по сферам производства, а также отдельными натуральными показателями дает дополнительную ориентировку в правильности расчетов. Сопоставление исчисленной ЦУНХУ структуры крупной промышленности СССР с соответственной структурой США показывает, что удельный вес производства средств производства в промышленности СССР в 1934 г. составлял 58,57%, а в США в 1929 г. — 52,22%²⁷. Другие расчеты дают следующий результат: удельный вес средств производства в промышленной продукции СССР в 1938 г. составлял 58,5%, в США

²⁷ «СССР и капиталистические страны», стр. 139.

(1929 г.) — 55,8%, в Германии (1929 г.) — 50,7%, в Великобритании (1930 г.) — 47,7%²⁸.

В целях проверки этих данных, мы также сопоставляли структуру воспроизводства в СССР, США и Германии не только путем исчисления удельного веса данной группы продуктов в продукции промышленности (добывающей и обрабатывающей), с учетом их преимущественного назначения, но также путем учета числа занятых по отраслям промышленности. Приведем некоторые результаты наших исчислений (табл. 12).

Таблица 12

Сопоставление структуры промышленного производства в СССР, США и Германии, с учетом преимущественного назначения продукции (в %)

Страны	Валовая продукция в ценах данной страны		Число занятых рабочих	
	I подразделение	II подразделение	I подразделение	II подразделение
СССР (1937 г.)	60	40	70	30
США (1929 г.) ²⁹	60	40	65	35
Германия (1936 г.) ³⁰	65	35	68	32

Итак, сопоставление структуры промышленного производства СССР, США и Германии, с учетом преимущественного назначения продукции, говорит о том, что удельный вес I подразделения в промышленности СССР во всяком случае не ниже, чем в США и Германии.

Если сопоставлять структуру промышленного производства в СССР и капиталистических странах не по преимущественному, а по реальному назначению продукции данной отрасли, то соотношение между I и II подразделениями примет во всех странах другой вид. Удельный вес I подразделения, т. е. производств, изготавливающих продукты, которые служат дальнейшему процессу труда, окажется меньшим, чем показывают статистические данные. Можно привести две основные причины этого обстоятельства:

1. В XX в. происходит значительное перемещение производства предметов широкого потребления в такие отрасли, как металлообрабатывающая, химическая и энергетическая. Этот процесс достиг особого развития в США. Производство автомобилей личного пользования, бытовых электроприборов, радиоаппаратуры, электрических лампочек, оборудования для кондиционирования воздуха, пишущих и счетных машин, домашних холодильников, бензина для автомобилей личного пользования, заводского и природного газа для домашнего хозяйства, изделий из пластических масс, применение металла в мебельном производстве, потребительское использование электроэнергии — все это приняло в США крупные масштабы. Имеется также тенденция к превращению части предметов потребления в средства производства (применение тканей для обивки автомобилей и т. д.). Но тенденция ко все большему усилению произ-

²⁸ «Социалистическое строительство Союза ССР», 1939, стр. 34 и 36.

²⁹ Исчислено на основе данных американских цензов обрабатывающей и горной промышленности за 1929 г.

³⁰ Исчислено на основе данных «Официального учета продукции в германской промышленности за 1936 г.» («Die deutsche Industrie», 1939 г.).

водства предметов широкого потребления в отраслях, обычно относимых к I подразделению, явно превалирует.

2. В эпоху империализма, в связи с интенсивнейшим развитием военной техники, резко повышается удельный вес военных производств, которые принадлежат, главным образом, к металлообрабатывающей и химической промышленности и вместе с этими отраслями относятся к I подразделению. Однако эти отрасли не производят продуктов, которые служат дальнейшему процессу труда.

Отсутствие учета реального назначения продукции вело к тому, что, по сути дела, производившиеся сопоставления не давали правильного представления о количестве средств производства, необходимом для роста производства конечной продукции в каждой данной стране.

Так как при всех стоимостных сопоставлениях по необходимости приходится иметь дело с большим количеством условностей, сопоставим для их проверки соотношение производства отдельных массовых видов средств производства и предметов потребления в СССР и США в натуральном выражении (табл. 13).

Таблица 13

Соотношение производства важнейших видов средств производства и предметов потребления в СССР и США в 1937 г. (в натуре) ³¹

Средства производства и средства транспорта		Предметы потребления	
Наименование	СССР в % к США	Наименование	СССР в % к США
Паровозы	213	Хлопчатобумажные ткани . .	48
Товарные вагоны	42	Шерстяные ткани	26
Грузовые автомобили	19	Искусственный шелк	5
Тракторы	42	Обувь	51
Электричество	24	Швейные машины	65
Уголь	28	Грамофоны	89
Кокс	18	Радиоприемники	13
Нефть	18	Легковые автомобили	меньше I
Железная руда	38	Спички	115
Чугун и ферросплавы	38	Мыло	33
Сталь	34	Бумага	13
Прокат черных металлов . . .	36	Сахар (свекловичный и тростниковый)	150
Медная руда (по содержанию металла)	12	Пшеничная мука	90
Медь черновая	12	Мясо	60
Алюминий	34	Масло коровье	20
Серная кислота	33	Сыр	10—15
Суперфосфаты	36	Морской улов рыбы	90
Калий	91	Табак	38
Цемент	27		
Пиломатериалы	55		
Камеры	7		
Пневматические покрышки . .	6		
Древесная масса	28		
Целлюлоза	10		

Если принять во внимание значимость и удельный вес в народном хозяйстве приведенных в табл. 13 продуктов, то удельный вес средств

³¹ Исчислено по данным статистических сборников «Социалистическое строительство Союза ССР» (1933—1938 гг.), «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР», 1939 г., «СССР и капиталистические страны», 1939, «Statistical Year-Book of the League of Nations 1938/39», Geneva, 1939, pp. 126—169.

производства в промышленной продукции СССР окажется менее велик, чем в США. Производя примерно четвертую часть электроэнергии, четвертую часть топлива, немногим более одной трети черных металлов, одну седьмую часть цветных металлов, треть серной кислоты, треть строительных материалов США, наша страна выпускает примерно половину хлопчатобумажных тканей, половину обуви, 150% сахара, 90% пшеничной муки, 60% мяса, производимых в США.

Однако сопоставление отдельных продуктов, даже играющих крупнейшую роль в производстве и потреблении, не позволяет сделать решительного вывода о различиях структуры промышленного производства в СССР и США. Известно, что американцы производят в больших масштабах предметы и фонды потребления, которые у нас изготавливаются пока в относительно небольших размерах (легковые автомобили, холодильники, установки для кондиционирования воздуха, электробытовые приборы и т. д.). С другой стороны, производство ряда машин в СССР развито относительно больше, чем производство других изделий. Сопоставление также и этих продуктов должно, естественно, изменить указанное выше соотношение объемов производства средств производства и предметов потребления в СССР и США. Но если даже считать, что приведенные выше цифры хотя бы в известной мере выражают действительное положение вещей, то и в этом случае нельзя сделать вывод, что более низкий удельный вес средств производства в СССР есть закон социалистического воспроизводства.

Использование производственного аппарата и вообще средств производства оказывает огромное влияние на размеры производства, но оно не является фактором, самостоятельно воздействующим на структуру этого производства в каком-либо определенном направлении.

В период до первой империалистической войны в очень многих странах средства производства использовались хуже, и одновременно удельный вес I подразделения в общественном продукте был ниже, чем в США. Напротив, страны с высоким удельным весом средств производства в промышленной и народнохозяйственной продукции были в то же время странами, гораздо лучше использующими свои средства производства. После первой империалистической войны положение существенно изменилось ввиду сильнеешего перенакопления капитала как раз в наиболее развитых капиталистических странах. Тем не менее очевидно, что в стране, где производственные ресурсы используются лучше, вовсе не обязательно должен быть более низкий удельный вес средств производства. На это могут возразить, что экономия средств производства в этих странах не могла противостоять силам, гнавшим удельный вес средств производства вверх. Конечно, в СССР экономия производственных ресурсов в общественном масштабе несравненно более велика, чем в любой капиталистической стране. Однако эта экономия в равной мере может быть фактором роста и средств производства и предметов потребления. Если экономится металл, то этот металл может быть, как правило, использован не только для производства конечной продукции, но и для повышения технического уровня народного хозяйства, для увеличения нормы накопления и, следовательно, для роста удельного веса средств производства. В большинстве же случаев (особенно если иметь в виду внешнюю торговлю) экономия средств производства может быть использована и для повышения нормы накопления и для роста производства предметов потребления.

Выше было показано, что экономически наиболее эффективным вариантом, одновременно решающим проблему интенсивного роста технической мощи народного хозяйства и проблему потребления, является воспроизводство на основе более высокой нормы накопления. Поэтому и экономия средств производства должна быть направлена на повышение нормы накопления. Конечно, частично эта экономия может использоваться, и фактически используется, и для роста потребления. Однако в достижении объема производства предметов потребления, необходимого для решения основной экономической задачи и постепенного перехода к коммунизму, экономия средств производства может сыграть наибольшую роль не непосредственно, а через усиление темпов накопления во всем народном хозяйстве и обеспечение на этой основе длительного подъема потребления.

Более высокая норма накопления в СССР означает, что нам нужно отвлекать относительно больше, чем в капиталистических странах, средств производства на строительство и производство, которые в каждом данном году не дают конечной продукции. Поэтому, даже затрачивая меньше средств производства на отдельно взятую единицу конечной продукции, мы в конце периода решения основной экономической задачи должны будем иметь все же более высокий удельный вес I подразделения.

Итак, если повышение уровня индустриального развития и нормы накопления неизбежно ведет к росту удельного веса средств производства в общественном продукте, то увеличение коэффициента использования средства производства влияет на соотношение средств производства и предметов потребления не непосредственно, а через норму накопления. Иными словами, в зависимости от политики накопления увеличение коэффициента использования средств производства может содействовать росту удельного веса либо средств производства, либо предметов потребления.

Но если дело обстоит таким образом, то возникают два вопроса: во-первых, каким образом реализуется преимущество социализма, не знающего гипертрофии производства средств производства?

во-вторых, почему в СССР, где народное хозяйство уже в настоящее время развивается на основе гораздо более высокой нормы накопления, нежели в капиталистических странах, удельный вес средств производства в общественном продукте всего народного хозяйства ниже?

Гипертрофия средств производства в капиталистическом общественном продукте не есть гипертрофия их удельного веса. При других общественных условиях все произведенные средства производства реализовались бы либо в сфере производства средств производства, либо в сфере производства предметов потребления. Это — гипертрофия, вызванная тем, что невозможно при данных условиях накопления дальше повышать удельный вес средств производства. Их производится слишком много по отношению к капиталистическим возможностям накопления при данных условиях производства и потребления. Понижение удельного веса средств производства в период кризисов выражает именно этот факт ограниченности капиталистического накопления. Граница самовозрастания капитала, как указывал Маркс, заключена в самом капитале. Поэтому и выход из кризиса происходит прежде всего за счет изменения условий накопления капитала (перевод воспроизводства на более высокую техническую основу, снижение заработной платы, повышение нормы эксплуатации другими методами и т. д.), а не за счет повышения платежеспособного спроса

населения, который в начале нового промышленного цикла, как правило, ниже, чем в фазе подъема в предыдущем цикле.

Преимущество социализма в этой связи заключается в том, что социалистическое государство все время ведет воспроизводство на базе более высокой нормы накопления и беспрепятственно повышает удельный вес I подразделения там, где капитализм наталкивается на границы капиталистического накопления. Преимущество социализма в том, что, уничтожив капиталистические границы накопления и систематически повышая удельный вес средств производства, он создает также основу интенсивнейшего роста производства предметов потребления, не ограниченного ни законом стоимости рабочей силы ни законом прибыли. Таким образом, социализм ликвидирует гипертрофию производства путем полного их использования для роста производства средств производства и предметов потребления, для повышения нормы накопления, т. е. путем повышения удельного веса I подразделения и интенсивного роста объема II подразделения.

Достижение в СССР более высокого удельного веса средств производства, чем в главных капиталистических странах, есть результат не одноактного действия, а длительного процесса социалистической индустриализации. Гораздо более высокая норма накопления — рычаг, при помощи которого социалистическое государство форсирует этот процесс, начавшийся в условиях экономически отсталой страны. Поэтому на определенных исторических этапах нашего экономического развития неизбежно существование более высокой нормы накопления и меньшего удельного веса средств производства, чем в главных капиталистических странах. Лишь в ходе этого процесса, на определенной стадии его, гораздо более высокая норма накопления, присущая социалистическому способу производства, приводится в соответствие с более высоким, чем при капитализме, удельным весом средств производства не только в промышленной, но и во всей народнохозяйственной продукции.

С. ХЕЙНМАН

КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Об излишках рабочей силы и о производительности труда

«Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих».

(Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 342)

Социалистическая революция беспощадно сметает все старое, гнилое, отжившее. Она разрушает буржуазный государственный аппарат, уничтожает господствовавшую до этого систему организованного насилия и человеконенавистничества. Социалистическая революция не только разрушает, но и созидает, и в созидании нового — главная задача великой армии бойцов за социализм. «Во всякой социалистической революции,—учил Ленин,—после того как решена задача завоевания власти пролетариатом и по мере того, как решается в главном и основном задача: — экспроприировать экспроприаторов, выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация»¹.

Задача эта не решается самотеком. Утверждение социалистической собственности еще не порождает само по себе новой трудовой дисциплины, нового отношения к труду, новой организации труда. Создание всего этого есть длительный процесс, процесс борьбы, которую ведет передовая часть рабочего класса против традиций капитализма, борьбы с пережитками капитализма в сознании людей. Эту задачу Ленин считал более трудной, чем свержение буржуазии и подавление ее сопротивления. Более трудной, ибо она решается не героизмом отдельного порыва, а требует «самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и будничной работы»².

* * *

Учение Ленина — Сталина о создании более высокой, чем при капитализме, производительности труда, о социалистической организации труда является руководством к действию.

В «Очередных задачах Советской власти» Ленин указал условия, обеспечивающие подъем производительности труда. Это, во-первых, создание материальной основы — крупной индустрии: развитие производства топлива и железа, машиностроения, химической промышленности. Это, во-вторых, образовательный и культурный подъем массы населения. Это, в-третьих, улучшение организации труда, повышение умения работать, спорости, интенсивности труда. Это, наконец, создание новой, социалистической дисциплины труда. В этой

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 453.

² Там же, т. XXIV, стр. 339.

связи Ленин отмечал необходимость «...идя к повышению производительности труда, учесть особенности переходного от капитализма к социализму времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были заложены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны требуют применения принуждения, так чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти»³.

Из этих ленинских указаний следует также, что задача подъема производительности труда в СССР ни в коей мере не является только технической. Невиданное в истории человечества развертывание творческой инициативы трудящихся масс приводит к тому, что социализм может дать более высокие образцы труда. Вот почему, говоря об условиях роста производительности труда, товарищ Сталин указывал как на одно из важнейших условий — на развитие творческой инициативы и трудового подъема рабочих масс: «...только трудовой подъем и трудовой энтузиазм миллионных масс может обеспечить тот поступательный рост производительности труда, без которого немислима окончательная победа социализма над капитализмом»⁴.

Как же реализованы факторы подъема производительности труда, гениально намеченные Лениным? Каких успехов достигла наша страна в деле создания предпосылок подъема производительности труда? Каковы резервы дальнейшего ее повышения?

* * *

Начнем с материальной основы, о которой говорил Ленин. За годы Советской власти продукция всей промышленности СССР выросла в 6,5 раза, достигнув 106,1 млрд. в 1938 г. против 16,2 млрд. в 1913 г.⁵. Производство электроэнергии выросло в 20 раз (с 2 млрд. до 40 млрд. квтч).

Особо следует подчеркнуть громадный подъем машиностроения — этой, по выражению товарища Сталина, сердцевины тяжелой индустрии. Реконструируя все отрасли народного хозяйства, вооружая рабочих всех отраслей мощной техникой, машиностроение в наибольшей степени способствует повышению производительности труда. Продукция машиностроения (включая ремонтные заводы) увеличилась больше чем в 30 раз — с 919 млн. руб. в 1913 г. до 28 079 млн. руб. в 1938 г. (в ценах 1926/27 г.)⁶. Это означает, что социалистические предприятия получили высокопроизводительное оборудование для металлургического производства, для самого машиностроения и для различных отраслей промышленности, транспорта, сельского хозяйства.

В настоящее время промышленность СССР по удельному весу машиностроения во всей продукции занимает первое место в мире. Доля машиностроения во всей продукции крупной промышленности СССР в 1937 г. составляла 25,5%, в то время как в США в 1935 г. она равнялась 17,6%, в Великобритании — 16,2%, в Германии — 14,6%, во Франции — 7,4%. По оснащенности предприятий передовой техникой, по производительности оборудования СССР не отстает от передовых капиталистических стран.

³ Там же, т. XXII, стр. 455 (Подчеркнуто мною — С. Х.).

⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 265.

⁵ «Социалистическое строительство Союза ССР», Госпланиздат, 1939, стр. 34.

⁶ Там же, стр. 63.

* * *

Второе условие подъема производительности труда — рост образовательного и культурного уровня масс населения. Известно, как широко осуществляется в СССР право на образование, каков размах культурной революции, произошедшей за годы Советской власти. Так, грамотность населения в возрасте старше 9 лет с 24% в царской России достигла в 1926 г. 51,1%, а к 1939 г. составила 81,2%⁷. Эти гигантские сдвиги в грамотности населения страны Советов неразрывно связаны с ростом всеобщего начального и среднего обучения: число учащихся во всех видах школ с 8 млн. в 1914/15 г.⁸ увеличилось до 38 млн. в 1940 г. (не считая новых республик)⁹, т. е. почти в 5 раз. СССР перегнал передовые капиталистические страны не только по абсолютному количеству учащихся, но и по числу учащихся на 1000 душ населения. В 1913 г. это число равнялось в России 56, в Англии — 182, во Франции — 139, в Германии — 169¹⁰. К началу третьей пятилетки соотношение изменилось: в 1939 г. число учащихся на 1000 душ населения составило в СССР 182 человека, в Англии (1935—36) — 145, в Германии (1937—38) — 128 и во Франции (1936—37) — 136¹¹. Это один из существеннейших показателей соревнования двух систем, еще раз подтверждающий торжество социализма.

Помимо стационарных школ, в СССР существует громадная сеть внешкольного обучения: курсы технической учебы (курсы стахановцев, мастеров социалистического труда, техминимума и т. п.). Так, например, на Московском заводе «Серп и молот», как и на ряде других, существуют все виды обучения — от ликбеза до металлургического втуза. Внешкольное обучение в СССР охватывало в 1938/39 г. свыше 13 млн. человек, т. е. больше, чем все виды школ Англии и Франции, взятых вместе. Расходы на просвещение занимают громадное место в государственном бюджете страны Советов: только в 1940 г. на просвещение ассигновано 23 млрд. руб.

Все это говорит о том, что по культурному уровню рабочего, являющемуся важнейшей предпосылкой подъема производительности труда, СССР, несмотря на наличие весьма серьезных недостатков в этой области, успешно догоняет капиталистические страны.

Реализация поставленной товарищем Сталиным задачи подъема культурно-технического уровня рабочих до уровня инженерно-технических работников знаменует собою новый этап в деле роста культуры трудящихся и производительности труда.

* * *

Важнейшим условием подъема производительности труда Ленин и Сталин считают воспитание нового, коммунистического отношения к труду. И в этой области у нас достигнуты крупные успехи. Если в годы, предшествовавшие сталинским пятилеткам, только передовая часть рабочих активно боролась за новые, социалистические формы труда, то в годы пятилеток наступил перелом в сознании широчайших масс. Волна социалистического соревнования и его высшая форма — стахановское движение — захватили миллионы трудящихся.

Однако здесь еще существуют огромные недостатки и ряд нерешенных задач. Еще имеются отдельные слои рабочих и служащих,

⁷ «Большевик», № 10, 1940, стр. 20.

⁸ «Социалистическое строительство Союза ССР», стр. 116.

⁹ «Правда» от 2 сентября 1940 г., передовая.

¹⁰ «СССР и капиталистические страны», стр. 104.

¹¹ «Большевик», № 10, 1940, стр. 21.

по-старому относящихся к труду. Об этом говорят факты прогулов и текучести рабочей силы.

Серьезные предпосылки для дальнейшего роста производительности труда созданы Указом Президиума Верховного Совета от 26 июня 1940 г. Осуществление Указа дает дополнительный, восьмой час работы и большее число дней работы в году, что соответственно увеличивает годовую выработку каждого рабочего. Однако этим далеко не исчерпывается экономический эффект Указа. Проведение в жизнь Указа положит конец текучести и прогулам, обеспечит создание постоянных, устойчивых рабочих кадров, укрепит трудовую дисциплину.

Текучесть рабочей силы, результатом которой являлись пониженная производительность труда, брак, порча инструмента и оборудования, срыв производственного обучения, наносила громадный ущерб производству. Значительный урон влекли за собой и потери рабочего времени, связанные с прогулами. Прогулы нарушали нормальный режим работы предприятий.

Значение Указа как мощного орудия в борьбе за подъем производительности труда трудно переоценить.

Весьма важным фактором подъема производительности труда является новая система массовой подготовки квалифицированных кадров, которая декретирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября с. г. о Государственных Трудовых Резервах.

Школы ФЗУ обеспечивали лишь небольшую часть потребной промышленности рабочей силы. В последние годы даже наблюдалась тенденция к некоторому сокращению числа обучающихся в школах ФЗУ. Так, число учащихся в школах ФЗУ и типа ФЗУ и в профшколах с 975 тыс. в 1931/32 г. сократилось до 242,2 тыс. в 1938/39 г. В результате работник — главная производительная сила — поступал на предприятие необученным и неподготовленным. Процесс его первоначального обучения и приобретения квалификации осуществлялся в ходе самого производства. Это, конечно, отрицательно влияло на производство.

Известно, что первые полгода новый рабочий на Московском автозаводе им. Сталина вырабатывает на 40% меньше, чем кадровый рабочий той же специальности. На Подольском заводе, в 9-м механическом цехе, при среднем проценте брака, равном 0,74, рабочие со стажем меньше 6 месяцев давали 4—5 и больше процентов брака. На Московском заводе «Красный пролетарий» ломка инструментов и порча материалов каждым новым рабочим за первые полгода обходилась производству в среднем в 850 руб.

В итоге наша промышленность получала полноценных работников только через год (а то и позже) после начала работы их на предприятии. Это сильно тормозило процесс повышения производительности труда.

Указ от 2 октября, решая громадной важности задачу образования государственных трудовых резервов, кладет конец такому положению и обеспечивает получение рабочими серьезной квалификации в основном до поступления на предприятие. Наша растущая промышленность будет пополняться из ремесленных и железнодорожных училищ, из школ ФЗО уже квалифицированными молодыми рабочими.

Создаваемая в соответствии с Указом система массовой подготовки квалифицированной рабочей силы явится базой для значительного подъема производительности труда.

* * *

За годы социалистического строительства СССР, в силу величайших преимуществ социалистической системы производства, добился больших успехов в деле подъема производительности труда. К 1938 г. производительность труда в промышленности выросла в 3,7 раза (по сравнению с 1913 г.), а в металлопромышленности — в 4,4 раза.

По темпам роста производительности труда мы значительно обгоняем главные капиталистические страны: в 1937 г. производительность труда у нас увеличилась на 103% по сравнению с 1929 г., а во всем капиталистическом мире за этот же период — всего на 4%¹².

В течение первых пятилеток план подъема производительности труда был перевыполнен. Во втором пятилетии, например, производительность труда увеличилась на 82%¹³, вместо 63% по плану. По плану третьего пятилетия намечено увеличение производительности труда на 65%. В течение первых двух лет производительность труда росла более быстрыми темпами: в 1938 г. она увеличилась на 11%, в 1939 г. — на 16,7%¹⁴, т. е. за 2 года увеличилась на 29,5%. Следовательно, для выполнения третьего пятилетнего плана по росту производительности труда необходимо за оставшиеся 3 года поднять ее на 27%, т. е. в среднем за год, примерно, на 8%. Совершенно очевидно, что выдвинутая на ряде предприятий задача досрочного выполнения третьего пятилетнего плана по производительности труда имеет вполне реальные основания.

Нужно, однако, со всей ясностью подчеркнуть, что мы еще отстаем по уровню производительности труда во всей промышленности от США (примерно, в 2—2,5 раза), а в ряде отраслей — и от Германии.

Таблица 1
Уровень производительности труда в промышленности СССР в процентах к уровню производительности труда в США и Германии¹⁵

Г о д ы	В % к уровню США		В % к уровню Германии	
	годовая выработка	часовая выработка	годовая выработка	часовая выработка
1928	16,2	19,6	44,5	52,2
1932	26,1	24,9	60,4	62,4
1937	40,5	43,6	97,0	107,6

Так, например, производительность труда в угольной промышленности СССР (на одного эксплуатационного рабочего) составляла в 1937 г. в среднем по СССР 370 т, по Кузбассу в 1936 г. — 517 т. В то же время производительность труда в угольной промышленности Англии составляла 311 т, в Германии — 435 т, в США — 844 т (по уровню 1929 г.). Выплавка чугуна на одного рабочего доменного производства в год составила в 1937 г. в СССР 756 т, в Англии — 530 т, в Германии — 612 т (по уровню 1929 г.) и в США — 1620 т. В хлопчатобумажной промышленности выпущено на одного рабочего тканей: в СССР — 8 200 м, в США — 16 800 м (по уровню 1929 г.)¹⁶.

При сравнении уровней производительности труда в СССР и капиталистических странах необходимо учесть также и то, что капи-

¹² «Социалистическое строительство Союза ССР», стр. 38.

¹³ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР, стр. 37.

¹⁴ «Правда» от 9 сентября 1940 г.

¹⁵ «СССР и капиталистические страны», стр. 77.

¹⁶ Там же, стр. 78.

тализм, используя громадную хроническую безработицу, оставляет на производстве наиболее квалифицированных и опытных рабочих, производительность труда которых более высока.

* * *

Анализ производительности труда в ряде отраслей промышленности показывает, что производительность агрегатов (доменной, мартеновской печи и т. п.) в СССР часто более высока, чем в США и других странах, т. е. что кадры работников советских предприятий осваивают самые сложные агрегаты. Многие стахановцы перекрывают нормы производительности капиталистических стран.

Однако, как это видно в частности из приведенных выше цифр, в среднем производительность труда одного рабочего на этих агрегатах у нас ниже.

Это несоответствие объясняется, главным образом, серьезными недостатками организации труда и производства, приводящими к тому, что на однотипных агрегатах, цехах и предприятиях в СССР работает значительно большее число людей, чем в США и Германии.

В СССР уничтожено безмерное расточение общественных средств производства и рабочих сил (паразитические классы, армия лакеев, безработных), которое присуще капиталистической системе хозяйства и о котором писал Маркс в «Капитале». Но в то же время капиталистический способ производства путем бешеной конкуренции, угрозы разорения и т. д. принуждает к экономии в каждом отдельном предприятии.

Эти стимулы заменяются у нас сознательностью работников, новым, социалистическим отношением к труду, бережным отношением к социалистической собственности и т. д. Однако бесспорно, что на каждом нашем предприятии имеются еще огромные резервы экономии. Сравнение штатов наших и американских предприятий в ряде отраслей промышленности позволяет выявить масштабы и характер этих резервов.

Возьмем штаты электростанций. Американская электростанция Саут-Эмбой и Кемеровская электростанция в СССР имеют, примерно, одинаковую мощность (американская даже на 2 тыс. квт больше). Обе станции имеют по три котла и сжигают пылевидное топливо¹⁷. Весь штат американской электростанции состоит из 51 человека, из них дежурный персонал — 34 человека; управление станции и обслуживающий персонал — 17 человек: главный инженер, главный электрик, инженер по лаборатории, техник, табельщик, делопроизводитель, 2 рабочих угольного склада, 6 ремонтных рабочих, дворник и 2 уборщицы. На Кемеровской электростанции работают 480 человек, т. е. в 9,5 раза больше. В управлении станции (дирекция, отделы снабжения, административно-хозяйственный, технический, плановый и др.) работает 91 человек; в топливно-транспортном хозяйстве — 106, в котельном цехе — 98 (дежурный персонал — 49, ремонтный — 24, уборщиц — 15, ИТР и служащих — 10); в машинном цехе — 65 (дежурный персонал — 39, ремонтный — 18, уборщиц — 5, ИТР и служащих — 3); в электроцехе — 70 (в том числе дежурных 24) и на подсобно-производственных участках (теплоизмерительная и химическая лаборатории, мастерская и др.) — 50 человек.

Такие же соотношения получаются и при сопоставлении сводных данных по электростанциям. Штатный коэффициент (количество персонала на 1 000 квт установленной мощности) всех тепловых электростанций

¹⁷ Материалы опубликованы зам. нач. Технического отдела Теплоэлектропроекта «Илж. Райотом (газ. «Индустрия» от 24 марта 1939 г.).

тростанций Главэнерго составил в 1939 г. около 11 человек. Даже если выделить только крупные электростанции, мощностью от 44 до 250 мвт, то средний штатный коэффициент составит около 8 человек. Между тем по подсчетам, произведенным Теплоэнергопроектом, средний штатный коэффициент 35 европейских и американских электростанций составляет 1,3 человека, т. е. в 6 раз меньше, чем на наших крупных станциях. Даже если внести поправки на специфические условия советских электростанций (высокое число часов использования установленной мощности, широкое применение многозольных и малокалорийных топлив, более короткий рабочий день), и тогда средний штатный коэффициент заграничных станций составит 2 человека, т. е. в 4 раза меньше, чем на наших крупных станциях. Несомненно, что известную роль здесь играет разный уровень автоматизации. Однако во много раз большая численность ремонтных рабочих и служащих на нашей станции показывает, что дело не только в автоматизации.

Рассмотрим штаты двух угольных шахт: шахты Питсбургской угольной компании в Пенсильвании (США) и шахты им. Ленина «Кизелугля» на Урале¹⁸. На американской шахте добыча угля в 3 раза, а производительность труда в 4 раза выше, чем на шахте им. Ленина. Сопоставление структуры рабочей силы на обеих шахтах наглядно показывает, где кроются источники повышения производительности труда. Число рабочих на отбойке, навалке и креплении составляет на питсбургской шахте 49,6% всего штата, а на шахте им. Ленина — 27,2%; число работников подземного транспорта — соответственно 17,5% и 13,8%. Таким образом, на этих двух основных участках занято 67,1% работников на американской шахте и только 41% работников на советской шахте. Иначе обстоит на других участках работы шахт. На обслуживании механизмов на питсбургской шахте занято 4,8% рабочих, на шахте им. Ленина — 11%. Всего на обслуживающих и вспомогательных работах (ремонт механизмов, выработок и т. п.) занято на питсбургской шахте 21,6%, на шахте им. Ленина — 28,9%. Наконец, что особенно важно, на поверхностных работах и в конторе занято на питсбургской шахте 11,3% работников, а на шахте им. Ленина — 30,1%.

Рассмотрение структуры рабочей силы на обеих шахтах обнаруживает большие резервы рабочей силы, освобождение от которых (с использованием на других участках социалистического строительства будет означать резкое повышение производительности труда.

На шахте им. Ленина 15 тяжелых врубковых машин, 17 электровозов и примерно 20 конвейерных приводов на промежуточных штреках обслуживаются 145 слесарями, 29 монтажниками и 16 электрослесарями, т. е. 190 чел. Между тем на шахте 39 помощников машинистов врубковых машин, которые обязаны уметь производить текущий ремонт. В конторе шахты им. Ленина заняты 67 человек, в конторе американской шахты — 8 человек. Эти 8 человек (при втрое большей продукции шахты) ведут все личные счета рабочих, материальный баланс у них в ажуре, включая истекшие сутки, они же исчисляют производственную себестоимость. Возглавляющий контору старший конторщик непосредственно участвует в текущей работе. Технический персонал американской шахты (включая заведующего) состоит из 15 человек (в это число входят и 6 сменных участков мастеров). Особо следует подчеркнуть, что десятников, которые сами не участвуют в технологическом процессе, на американской шахте нет. На шахте им. Ленина работает

¹⁸ См. статью инж. Васева в газ. «Индустрия» от 18 июля 1940 г.

43 инженерно-технических работника: 6 — руководство шахты, 8 — работают на поверхности и 29 — на добычных участках. Кроме того, на шахте имеются 122 десятника, занимающихся только надзором и не участвующих в производстве. В итоге соотношение численности технического персонала — 15 и 165, т. е. на шахте им. Ленина в 11 раз больше технического персонала.

Такое же положение существует и в черной металлургии.

Большую доменную печь на Магнитогорском заводе обслуживают 150 человек, на Кузнецком и Макеевском им. Кирова заводах у аналогичных печей работают 195 человек. В США такую же по объему печь обслуживают 93 человека. 150-тонную мартеновскую печь на Кузнецком заводе обслуживают 95 человек, на Магнитогорском и Макеевском — 100 человек. В США такую же печь обслуживают 32 человека¹⁹. О том же говорят сводные данные по цехам и заводам. В мартеновском цехе завода Юнгстаун Шит энд Тюб К⁰ в Индиана Харбор (около Чикаго) у семи 150-тонных печей работают 260 человек²⁰. В новомартеновском цехе Макеевского завода на шести таких же печах в 1939 г. работало 798 человек²¹.

Один из пяти крупнейших заводов США (Инлэнд Стил К⁰) выплавляет 1,5 млн. т стали в год при полном цикле производства — от коксовых печей и до очень трудоемкой холодной прокатки. На этом заводе занято всего 9 200 рабочих и служащих²². На нашем заводе им. Дзержинского, дающем стали примерно 1,2 млн. т, в 1939 г. было занято 20 тыс. рабочих и служащих²³. Излишние и параллельные функции, недостаточное использование возможностей совмещения ряда профессий, раздутые штаты далеко не загруженных ремонтных рабочих и т. п. — таковы основные причины этих различий.

Чтобы отчетливо представить себе причины различия численности работников на однородных агрегатах в одинаковых цехах в США и СССР, рассмотрим детально штаты двух металлургических заводов.

Американский завод в районе г. Питсбурга (входящий в Американскую стальную корпорацию) выпускает 1,5 млн. т чугуна, 2,5 млн. т стали и 1,7 млн. т проката. На заводе 7 домен, 64 мартена и 12 прокатных станов (блюминг, 2 слябинга, обжимный стан, 2 сортовых, 4 заготовочно-листовых и 2 универсально-листовых стана). Из советских заводов мы взяли один из новых, хорошо работающих, который выпускает 1,5 млн. т чугуна, 1,7 млн. т стали и 1,2 млн. т проката (при 4 доменных печах, 13 крупных мартеновских печах и 5 прокатных станах)²⁴. Таким образом, американский завод раза в полтора крупнее нашего. Чтобы иметь сравнимые данные о численности работников обоих заводов, нам пришлось провести ряд уточнений, после чего были установлены следующие показатели²⁵.

¹⁹ Из речи т. Меркулова на XVIII съезде ВКП(б), Стенограф. отчет, стр. 358.

²⁰ «Плановое хозяйство», № 9—10, 1936, стр. 39.

²¹ Данные НКЧермета.

²² «Плановое хозяйство», № 9—10, 1936, стр. 39.

²³ Данные НКЧермета.

²⁴ Данные о штатах американского завода за 1935/36 г. взяты из материалов вернувшихся из зарубежной командировки работников НКТяжпрома; данные о штатах советского завода за 1940 г. — из материалов отдела труда НКЧермета СССР.

²⁵ Американский завод получает электроэнергию, кокс и коксовый газ, как и руду и огнеупоры, со стороны. В связи с этим мы исключили из данных по советскому заводу соответствующие цехи и отделы с общим количеством 8 635 работников. Далее мы исключили из штатов советского завода работников жилищно-коммунального хозяйства, рабочих цехов ширпотреба и некоторые мелкие единицы, аналогов которым мы не нашли на американском заводе, — всего 1 988 человек. Далее, учитывая, что в штаты американского завода не вошла контора фирмы с отделами торговли, снабжения, закупки оборудования и т. п., мы из числа работников нашего

Таблица 2

Продукция и численность работников

Название цехов	Американский завод в 1935—1933 г.			Советский завод в 1940 г.		
	продукция (в млн. т)	рабочие	рабочие и служащие	продукция (в млн. т)	рабочие	рабочие и служащие
Все цехи и отделы	2,5 (сталь)	5 234	5 979	1,7	11 580	13 508
Доменный	1,5	376	448	1,5	498	560
Мартеновские	2,5	1 495	1 694	1,7	1 474	1 636
Прокатные	1,7	2 058	2 354	1,2	2 692	2 944

Таким образом, при продукции примерно в 1,5 раза меньшей на нашем заводе работников в 2,3 раза больше. Выработка на одного рабочего в год (без поправки на разную продолжительность рабочего дня) у нас ниже в 3,3 раза.

Для сопоставления уровня производительности труда нужно, однако, учесть и разную продолжительность рабочего дня. На американском заводе рабочий день (в цехах) при одно- и двухсменной работе (и в конторе) равняется 10 часам, при трехсменной работе — 8 часам (см. табл. 3)²⁶.

Производительность труда в основных металлургических цехах американского завода выше, чем на нашем заводе, на 20—60%. Производительность труда в целом по заводу в США выше в 2,7 раза. Эти два коэффициента показывают громадное различие в соотношении численности работников основных вспомогательных и обслуживающих цехов у нас и в США.

В основных металлургических цехах на американском заводе занято до 75% всех работников, на нашем — около 40%. Рабочие ремонтных цехов и транспорта на американском заводе составляют 18—19% всех работников, т. е. примерно в 4 раза меньше, чем работники основных металлургических цехов. На нашем заводе в ремонтных цехах и на транспорте занято 42—44% всех работников, т. е. больше, чем в основных металлургических цехах. Работники инженерного отдела и заводоуправлений составляют 2,2% работников на американском заводе и 5% — на нашем.

Первое резкое различие в численности работников и соответственно в уровне производительности труда в среднем по заводу обусловлено значительно большим у нас количеством ремонтных рабочих. В ремонтных цехах американского завода работает 298 человек, а с поправкой на продолжительность рабочего дня — 426 человек, на на-

завода исключили соответственные отделы с 277 работниками. Исключение аппарата этих отделов бесспорно преуменьшает наши штаты, так как в них насчитывается 163 рабочих и 39 человек младшего обслуживающего персонала, занятых в основном на складах. Между тем в штатах американского завода имеются и складские работники.

Так как в штатах американского завода не значится литейная (очевидно, завод получает изложницы и т. п. со стороны), мы исключили из штатов советского завода литейный цех, в котором работает 671 человек. Всего мы исключили из штатов советского завода 11 571 человек. Для большей сравнимости мы также отнесли к категории рабочих на американском заводе десятников, которые в СССР, по действующим инструкциям ЦУНХУ, относятся к рабочим-металлургам.

²⁶ Для сравнимости мы на американском заводе число рабочих и инженерно-технических работников в доменном, мартеновских и прокатных цехах (работающих в три смены) условно увеличили на 14,3%, т. е. на одну седьмую, а число служащих в этих цехах и число работников во всех остальных цехах и отделах увеличили на 42,9%, т. е. на три седьмых.

Таблица 3

Уровни производительности труда

Название цехов	Американский завод				Советский завод				Производительность труда на американском заводе в % к производительности труда на советском заводе			
	продукция (в млн. т)	численность с поправкой на длительность рабочего дня		продукция в среднем на		продукция (в млн. т)	численность	продукция в среднем на				
		рабочих	всех работников	одного рабочего (в т)	одного работника (в т)			рабочих	всех работников	одного рабочего (в т)	одного работника (в т)	
Все цехи и отделы	2,5 (сталь)	6 324	7 311	395	342	1,7 (сталь)	11 580	13 508	147	126	268,7	271,4
Доменный цех	1,5	430	514	3 488	2 918	1,5	498	560	3 012	2 679	115,8	108,9
Мартеновские цехи	2,5	1 710	1 870	1 462	1 337	1,7	1 474	1 636	1 153	1 039	126,8	128,7
Прокатные цехи	1,7	2 353	2 669	722	633	1,2	2 692	2 944	446	408	161,9	155,1

Таблица 4

Структура штатов в процентах к общей численности работников

Цехи и отделы	Американский завод		Советский завод	
	рабочие	работники	рабочие	работники
Основные металлургические цехи ²⁷	75,1	73,1	40,3	38,0
Ремонтные цехи	5,2	5,0	11,8	11,3
Энергетические цехи и отделы	3,5	3,6	6,0	6,2
Лаборатории и отдел технического контроля	0,8	1,7	3,6	4,8
Техника безопасности	0,0	0,2	0,6	0,6
Транспорт ²⁷	13,7	12,7	32,7	30,9
Охрана	1,6	1,5	3,7	3,2
Инженерный отдел	0,1	0,5	0,1	1,2
Заводууправление	—	1,7	1,2	3,8
Всего	100	100	100	100

шем заводе — 1519 человек. Одной из существенных причин такого резкого различия является то, что ремонтные и механические цехи наших металлургических заводов сами занимаются производством целого ряда деталей, запасных частей и других изделий, которые американские заводы получают со стороны в готовом виде.

Недостатки материально-технического снабжения приводят к созданию собственных производств, часто кустарных по уровню организации и техники. Так, например, на одном из крупных южных металлургических заводов, помимо механических и всякого рода ремонтных мастерских при основных цехах, имеются: механический цех, в котором занято 418 рабочих и 53 служащих, кузнечный — 157 рабочих и 13 служащих, литейный — 177 рабочих и 18 служащих, ремонтно-монтажный — 279 рабочих и 24 служащих и т. д., т. е. немаленький машиностроительный завод. Такие заводы неизбежно несут

²⁷ Часть машинистов паровозов и сцепщиков (120 человек) показана на американском заводе в штатах мартеновских и прокатных цехов. Для сравнимости с нашим заводом мы в табл. 2, 3 и 4 перенесли их в штаты «транспорта».

на себе печать «вспомогательных» производств, в них нет массового стандартного производства, соответственно понижена производительность труда и т. д. В таких крупных центрах металлургического производства, как Урал и Западная Сибирь, нет специализированных ремонтно-механических предприятий, обслуживающих металлургию, которые изготовляли бы в порядке массового производства необходимые детали и части, а возможно проводили бы и ремонт агрегатов.

Американский опыт в этом отношении безусловно должен быть разумно использован. Очевидно, целесообразно создание специализированных ремонтных заводов в районах, где размещены металлургические заводы, с тем, чтобы эти ремонтные заводы обслуживали группу металлургических заводов.

Не менее резко различается и численность ремонтных рабочих в основных цехах. Так, в доменном цехе американского завода работают 21 слесарь и 12 электромонтеров, всего 33 человека. В том же цехе советского завода — 114 человек: 39 электриков и дежурных слесарей, 28 слесарей по ремонту и 47 рабочих механической мастерской. В мартеновском цехе американского завода занято 92 человека: 15 слесарей, 33 подручных слесаря, 11 электромонтеров, 33 рабочих-электриков; в том же цехе советского завода — 198 человек: 76 дежурных по механическому оборудованию, 59 человек в ремонтной бригаде по механическому оборудованию, 19 — в электрогруппе и 44 — в механической мастерской. В прокатных цехах американского завода работает 251 человек — 143 слесаря и 108 электриков и электромонтеров, в том числе: на слябингах — 30, на обжимных и сортовых станах — 65, на заготовительных — 54, на универсально-заготовительных — 24, на резке, правке и отгрузке — 78. В прокатных же цехах советского завода занято 490 человек, из них: а) в обжимном цехе 159 человек: дежурный ремонтный персонал — 118 и дежурный ремонтный персонал по электрооборудованию — 41; б) в рельсо-балочном — 140 человек: дежурная механическая группа — 40, дежурная электрогруппа — 21, ремонтно-механическая — 22, электро-механическая — 10, ремонтно-производственная — 9, дежурная электромеханическая — 24, ремонтно-механическая мастерская — 14; в) в цехе рельсовых скреплений, в механической мастерской — 39 человек; г) в листопрокатном цехе — 19 человек: ремонтно-механическая группа — 14, ремонтно-электрическая группа — 5; д) в среднесортном цехе — 133 человека: дежурно-электрическая группа — 32, ремонтно-электрическая — 6, дежурно-механическая — 26, ремонтно-механическая — 13, токарная мастерская — 56.

О том, какое влияние оказывают различия в штатах ремонтных рабочих на показатели производительности труда по цеху в целом, говорят следующие данные.

† Таблица 5

Производительность труда в тоннах продукции в среднем на одного рабочего

Цехи	Без ремонтных рабочих			Включая ремонтных рабочих		
	американский завод	советский завод	американский в % к советскому	американский завод	советский завод	американский в % к советскому
Доменный	3 827	3 906	98,0	3 488	3 012	115,8
Мартеновские	1 557	1 332	116,9	1 462	1 153	126,8
Прокатные	823	545	151,0	722	446	161,9

Производительность труда основных рабочих (без ремонтных) доменного цеха американского завода ниже, чем на нашем заводе, на 2%, а всех рабочих, включая ремонтных, выше на 15,8%.

Чем объясняется это различие в количестве ремонтных рабочих? Во-первых, централизацией ремонтного хозяйства в американской металлургии (в пределах завода, а часто и ряда заводов). «Группы заводов,— пишет акад. Бардин,— объединены и обслуживаются ремонтом центральными мастерскими, механическими и электроремонтными. В результате заводы получают возможность держать у себя для ремонта сравнительно небольшое количество людей и, кроме того, создают большую ответственность в деле ремонта и снабжения всякого рода материалами и изделиями со стороны. Та часть работ, которая должна и может быть выполнена машиностроительными заводами, всегда исполняется этими заводами... Цехи заводов заняты производством лишь небольшого количества тех деталей, которые не могут быть получены со стороны... Большие цехи, состоящие из 6 доменных печей (например, завод «Лакавала Стил Компани»), имеют для работ по ремонту всего 4—6 человек. Все остальные работы по ремонту цехов производит отделение главного механика»²⁸.

На наших заводах функции ремонтных рабочих чрезмерно раздроблены. В доменных цехах южных заводов до последнего времени существовали специализированные бригады по ремонту отдельно ковшей, отдельно вагон-весов, отдельно разливочных машин и т. д. Внутри этих бригад также проводится специализация: механики, электрики, автогенные сварщики, электросварщики и т. д. В результате загрузка ремонтных рабочих крайне незначительна. Между тем в США одни и те же рабочие ремонтируют и механическое и электрическое оборудование, сварщики проводят и автогенную и электрическую сварку и т. д. Наконец, что особенно важно, в США на многих предприятиях рабочий, работающий на механизме (кран, лебедка, вагон-весы и т. д.), сам же производит и текущий ремонт. Подобное совмещение профессий на наших предприятиях развито в совершенно недостаточных масштабах.

Сильно различаются по численности работников и транспортные хозяйства сопоставляемых заводов. На американском заводе в транспортных цехах занято 1 051 человек, или 12,7% всех работников²⁹, на наших заводах — 4 182 человека, или 30,9%. Фактически разница еще больше, так как в цехе внутризаводского транспорта и общих дворовых работ на американском заводе занято 314 человек: 4 старших мастера, 25 десятников и 285 рабочих на так называемых разных работах (см. табл. 6 на стр. 114).

Мы не располагаем данными о транспортных средствах и ином оборудовании транспортных цехов сравниваемых заводов. Резервы в деле механизации транспортно-погрузочных работ у нас бесспорно очень велики. Тем не менее резкое расхождение в численности работников, занятых на транспорте, объясняется не только разным уровнем механизации. Особенно отчетливо это видно по штатам служащих. На американском заводе во всем транспортном хозяйстве на 732 рабочих приходится 27 инженерно-технических работников и служащих, т. е. в среднем 4 человека на 100 рабочих. На нашем заводе на 3 788 рабочих приходится 394 служащих и инженерно-технических работников, т. е. 10 человек на каждые 100 рабочих. Следовательно, абсолютная численность служащих заводского транспорта в 15 раз больше, а в относительном выражении — в 2,5 раза больше, чем на американском заводе.

²⁸ «Известия» от 3 сентября 1936 г.

²⁹ С поправкой на продолжительность рабочего дня.

Таблица 6

Сравнительная структура транспортного хозяйства обоих заводов

Американский завод		Советский завод			
	рабочие и служащие ³⁰		рабочие	служащие и ИТР	всего
Руководство	4	Железнодорожный цех . .	2 605	318	2 923
На железнодорожном транспорте	270	Цех безрельсового транспорта	852	61	913
На автотранспорте	16	Весовой отдел	61	4	65
На гужевом транспорте	8	Крановое хозяйство	172	10	182
На разных работах	314	Погрузбюро	58	—	58
Вагонетки	15	Экскаваторы	16	—	16
На складах, включая отметчиков вагонов и весовщиков	32	Участок связи	12	1	13
На дорожных работах и на работах по ремонту путей	35	Отгрузка колошиковой пыли	12	—	12
Прочие работники	42				
Цех узкоколейного транспорта	23				
Итого	759	Итого	3 788	394	4 182

Это делается особенно наглядным при рассмотрении той громоздкой системы секторов, бюро и групп, которая характерна для штатов транспортного хозяйства нашего завода. Так, управленческий аппарат нашего железнодорожного цеха состоит из 41 инженерно-технического работника и 57 служащих: управление цехом — 5 инженерно-технических работников и 3 служащих, инспекторская группа — 4 инженерно-технических работника, техническое бюро в аппарате управления — 3 инженерно-технических работника и 1 служащий, плановая группа — 3 инженерно-технических работника, группа нормирования и организации труда — 4 инженерно-технических работника и 1 служащий, бухгалтерия — 35 служащих, диспетчерская группа — 10 и 8, техническое бюро — 8 инженерно-технических работников, коммерческий отдел — 4 и 9.

Помимо этих 98 человек в железнодорожном цехе насчитывается еще свыше 200 инженерно-технических работников и служащих в различных службах (в паровозной — 40, в службе пути — 26, в цеховых железнодорожных постах — 64 и т. д.).

В этой же связи следует остановиться на крупном различии в штатах служащих и инженерно-технических работников в целом по заводам (см. табл. 7 на стр. 115).

Первый общий вывод из приведенных данных — это то, что на нашем заводе при меньшем (примерно, в 1½ раза) объеме продукции численность инженерно-технических работников и служащих в 2 раза большая. При этом следует оговориться, что соотношение инженерно-технических работников и служащих в приведенных данных весьма условно. На американском заводе в число инженерно-технических работников входят только руководители цехов, инженеры и мастера. На нашем заводе в эту категорию включаются также экономисты и ряд других работников.

³⁰ Без поправки на продолжительность рабочего дня.

Таблица 7

Сравнительная численность ИТР и служащих

Название цехов	Американский завод ³¹			Советский завод		
	ИТР	служащие	всего	ИТР	служащие	всего
Основные металлургические цехи	312	248	560	336	140	476
Ремонтные цехи	33	7	40	108	50	158
Энергетические цехи и отделы	39	6	45	110	32	142
Лаборатории и отдел технического контроля	70	16	86	212	18	230
Техника безопасности	10	—	10	7	3	10
Транспорт	31	29	60	210	184	394
Охрана	—	6	6	—	—	—
Инженерный отдел и заводоуправление (на американском заводе включены 43 табельщика и работника склада)	30	150	180	229	289	518
Всего	525	462	987	1 211	716	1 928

Второй вывод заключается в том, что в основных металлургических цехах американского завода инженерно-технических работников и служащих относительно больше, чем на нашем заводе. На американском заводе на 1 000 рабочих их приходится 115, на нашем — 101. В остальных цехах соотношение обратное; на американском заводе — 132, на нашем — 146 на 1 000 рабочих. 60% инженерно-технических работников американского завода работает в основных металлургических цехах; на нашем заводе — только 28%.

Третий вывод заключается в том, что на нашем заводе значительно больше, абсолютно и относительно, штаты заводоуправления (включая инженерный отдел). За вычетом табельщиков, числящихся в цехах, и работников склада соответственные цифры штатов заводоуправления на американском заводе (с поправкой на продолжительность рабочего дня, т. е. фактическое количество людей увеличено на 42,9%) и на нашем — 137 и 518. Число инженерно-технических работников и служащих заводоуправления составляет на американском заводе 21,7 человека на 1 000 рабочих, у нас — 44,7, т. е. в 2 раза больше. Из всего числа инженерно-технических работников и служащих, работающих на американском заводе, в заводоуправлении занято 13,9%, на нашем — 26%, т. е. почти вдвое больше.

101 и 785 человек — таковы масштабы различия (см. табл. 8 на стр. 116).

При рассмотрении этих цифр следует учитывать, что некоторые заминки в области производственно-технического снабжения у нас приводят зачастую к необходимости держать дополнительный штат людей. Но если мы исключим, как указывалось выше, из аппарата нашего завода отделы снабжения, сбыта, оборудования и топливно-сырьевой, то остается соотношение 95 и 508 (аппарат этих исключенных нами отделов мог бы быть бесспорно сокращен).

Резкое различие степени автоматизации влечет за собой увеличение штата работников связи у нас. Если мы исключим и эту группу работников, то остается соотношение 88 и 380.

Могут сказать, что у нас должна быть более сложная система учета и должен быть значительный аппарат плановых работников. Бесспорно, однако, что система учета у нас может быть существенно сокра-

³¹ С поправкой на продолжительность рабочего дня.

Таблица 8

Сопоставление аппарата главной конторы американского завода и заводоуправления советского завода

Контора американского завода ³²			Заводоуправление советского завода		
	рабочие	ИТР и служащие		рабочие ³³	ИТР и служащие
Заводоуправление	—	7/10	Управление комбината	—	10
Главный конторщик и помощник	—	2/3	Общий отдел	61	25
Стенографистки и машинистки	—	6/9	Договорно-правовой отдел	—	12
Курьеры	—	2/3	Отдел кадров	7	16
Швейцары и сторожа	—	3/4	Отдел технического обучения	4	15
Рабочие	2/3	—	Контрольно-инженерный отдел	—	3
			Прочие отделы общего характера	2	16
Общие отделы	2/3	13/19	Общие отделы	74	87
Зав. столом учета и помощник	—	2/3	Планово - производственный отдел	—	26
Бухгалтерский персонал	—	37/53	Отдел организации труда	—	44
			Финансовый отдел	1	20
			Бухгалтерия	3	115
			Бухгалтерия	4	135
Столы заказов и снабжения	—	4/6	Отделы снабжения, сбыта, оборудования и топливно-сырьевой	(202)	(75)
Телефонисты	—	5/7	Цех связи и сигнализации	64	64

цена и упрощена. Бесспорно также и то, что необходимость для капиталистического предприятия быстро приспособляться к меняющемуся спросу (Форд, например, ежегодно меняет модель автомобиля) с своей стороны требует значительного людского состава. Но даже если исключить у нас планово-производственный отдел, мы получаем соотношение 88 и 354, т. е. 1:4.

Мы не имеем возможности из-за недостатка места продолжить сравнение по остальным звеньям заводского аппарата. Приведенные факты показывают, что и по энергетическим цехам, и по лабораториям, и по отделу технического контроля на нашем заводе штаты значительно больше и, следовательно, детальный анализ может вскрыть существенные резервы рабочей силы. Наконец, надо подчеркнуть, что штат рабочих основных металлургических цехов (кроме доменного) у нас тоже относительно больше и, следовательно, здесь также имеются резервы рабочей силы.

Задача прямого повышения производительности труда основных производственных рабочих имеет попрежнему огромное значение.

Итог сопоставления производительности труда обоих этих заводов (с учетом разной продолжительности рабочего дня) наиболее отчетливо подводит ряд цифр, выражающих производительность труда на

³² В знаменателе даны цифры с поправкой на продолжительность рабочего дня.

³³ К рабочим отнесен младший обслуживающий персонал, т. е. курьеры, уборщицы, швейцары, сторожа и т. п.

американском заводе в процентах к производительности труда на советском заводе:

На 1 рабочего доменного цеха без ремонтных рабочих	98,0%
» маргеновских цехов » » »	116,9%
» прокатных цехов » » »	151,0%
» доменного цеха, включая ремонтных рабочих	115,8%
» маргеновских цехов » » »	126,8%
» прокатных цехов » » »	161,9%
» всех цехов и отделов	268,7%
На 1 работника всех цехов и отделов	271,4%

* О значительных излишках рабочей силы на ремонтных работах и на внутризаводском транспорте говорят также материалы химической промышленности³⁴.

В каждой смене преципитатного цеха Актюбинского химкомбината на 10—12 аппаратчиков приходится 5 дежурных слесарей, 2 шорника, 3 электромонтера и 1 мастер-механик, всего 11 человек; в цехе имеется еще дневная ремонтная бригада, в которой насчитывается свыше 30 человек. Вследствие такой организации ремонта основные рабочие занимаются только пуском и остановкой оборудования. Во все время работы насоса насосчик бездействует; бездействует он и тогда, когда насос останавливается потому, что насос ремонтируют слесари (часто даже не дежурные, ибо они выполняют только мелкие ремонтные работы, а слесари специальной ремонтной бригады). Выходом из такого положения является обучение основного производственного персонала основным текущим ремонтным работам. Аппаратчики, особенно насосчики, дробилщики, мельники, печники и рабочие других профессий, могут выполнять работу дежурных слесарей; времени на это у них хватит с избытком. Только это совмещение профессий позволит, по расчетам Главхимпрома³⁵, уменьшить штаты ремонтных рабочих на 10—15%.

Практика заводов, где основной производственный персонал обучен ремонтному делу, показывает резкое сокращение количества работников. В суперфосфатном цехе Воскресенского завода, где выгрузчики вагонов Бескова знают слесарное дело, количество ремонтных работ и ремонтных рабочих в связи с этим резко уменьшилось.

На работах по транспортировке, погрузке и выгрузке различных материалов также занято огромное количество рабочих. На химических предприятиях около 30% общего числа рабочих занято на транспорте. Помимо возможности механизации погрузочно-разгрузочных работ, громадную роль должно сыграть улучшение организации транспортировки. Как правило, сырье (колчедан, апатитовый концентрат), прибывающее на сернокислотные и суперфосфатные заводы, попадает в производство после 3—4 перевалок. Так, например, фосфоритовый рудник Актюбинского химкомбината находится в 18 км от комбината. Фосфориты, прежде чем попасть в цех, выдерживают на протяжении этих 18 км 11 перевалок. Сначала фосфориты складываются у карьера, потом фосфоритную руду на автомашинах отвозят к узкоколейке, после разгрузки ее наваливают на вагонетки. Затем она перевозится к месту, где находится небогатенная руда, и опять складывается. Отсюда руда грузится в вагонетки и отвозится к месту обогащения. Здесь происходит выгрузка и подача руды в бутару. Из бутары она перегружается в вагонетки, затем складывается в штабеля и только из штабелей попадает в дробилки. Рациональнее было бы поставить эту бутару у самого рудника с тем,

³⁴ Материалы эти опубликованы руководителем исследовательской группы Главхимпрома (газ. «Индустрия» от 23 марта 1939 г.).

³⁵ Там же.

чтобы обогащать руду на месте и не перевозить отходы, а узкоколейку проложить от карьера непосредственно до цеха. На Щелковском заводе продукцию солевого цеха, до того как она проходит на железнодорожную платформу, переваливают 4—5 раз.

Материалы по машиностроительным заводам иллюстрируют те же положения, которые мы выдвинули при анализе других отраслей: разбухшие штаты ремонтных рабочих и непомерно большие штаты людей, занятых только надзором и руководством и лично в производственном процессе не участвующих. Так, в чугунолитейном цехе Коломенского завода им. Кирова налицо 137 слесарей по ремонту оборудования, 39 электромонтеров, 3 кузнеца, 4 молотобойца, 12 печников, 16 смазчиков, 8 сварщиков, 7 трубопроводчиков, 6 шорников — всего 232 человека. Так как цех работает в три смены, то большая часть этих рабочих занята в основном в выходные дни, а в рабочие дни загружена весьма мало. На заводе «Фрезер» на ремонтной работе в цехах разверток и метчиков, фрезеров и плашек, сборного инструмента, резьбонарезных головок, а также в термическом цехе заняты 87 ремонтных слесарей, 33 электромонтера и 11 рабочих на станочных ремонтных работах — всего 131 человек. На заводах комбината «Красный Профинтерн» к началу апреля 1940 г. было 455 электромонтеров, электрослесарей и мотористов. В каждом цехе была организована специальная ячейка рабочих-электриков, которые наблюдали за состоянием энергооборудования и за его ремонтом. Одна лишь централизация плано-предупредительного ремонта и обслуживания энергооборудования с организацией на каждом заводе специальной группы монтеров и мотористов³⁶ позволила высвободить 121 рабочего, или 26,6% общего наличия рабочих. В целом по заводам Наркомата тяжелого машиностроения вспомогательные рабочие составляют 48% от общей численности рабочих. Иначе говоря, на каждого производственного рабочего приходится 1 вспомогательный рабочий. Как было заявлено на VI сессии Верховного Совета СССР, изучение этого вопроса позволит наркомату в течение 1—2 месяцев сократить 10 тыс. вспомогательных рабочих, которых можно будет переквалифицировать в слесарей, токарей и т. п. Одно это мероприятие обеспечит увеличение производительности труда в целом по наркомату на 5—5,5%. Одним из важнейших условий этого сокращения вспомогательных рабочих является совмещение профессий.

На ряде машиностроительных предприятий имеется также чрезмерное количество работников, занятых инструктажем (инструкторы и так называемые освобожденные бригадиры), обслуживанием кладовых и т. п. Так, например, на заводе «Красный пролетарий» в 1-м и 2-м механических цехах при наличии 460 станков работают 33 мастера и 64 инструктора, которые выполняют по существу функции сменных мастеров. Поскольку станки, как правило, работают в две смены, оказывается, что 97 мастеров и инструкторов обслуживают 920 станко-смен, т. е. 1 инструктор или мастер обслуживает всего 9,5 станко-смен. На Кировском и Новокраматорском заводах число приемщиков и браковщиков превышает 1 000 человек. Самая предварительная работа по уточнению функций этих работников на заводе «Калибр» привела к тому, что число их уменьшено на 12%³⁷.

Приведенные факты позволяют классифицировать основные причины, порождающие излишки рабочей силы в самых разнообразных отраслях промышленности.

Во-первых, это — недостаточная механизация разного рода вспомо-

³⁶ «Плановое хозяйство» № 6, 1940, стр. 34.

³⁷ Там же, стр. 34.

гательных и особенно транспортно-погрузочных работ. На разнообразнейших работах по транспортировке, переноске, погрузке и разгрузке занято огромное количество людей. До опубликования профессионального состава населения (по данным переписи 1939 г.) нельзя установить долю работников, занятых на этих работах, во всей массе рабочих и служащих. Бесспорно, однако, что количество их измеряется в целом по стране миллионами людей. Интенсивное осуществление большой и малой механизации, рационализация транспортно-погрузочных работ должны резко сократить численность этих категорий работников.

Во-вторых, наличие многочисленных кадров ремонтных рабочих, и в частности занятых текущим ремонтом, и неумение значительного количества работающих на механизмах производить текущий ремонт. Широкое развитие совмещения профессий и прежде всего обучение рабочих производству текущего ремонта оборудования, на котором они работают, устранение в ряде случаев чрезмерной децентрализации ремонтных работ и чрезмерной специализации ремонтных бригад и ремонтных рабочих позволят значительно уменьшить численность этих категорий работников.

В-третьих, это — чрезмерное развитие на ряде предприятий снабженческих аппаратов и вспомогательных и обслуживающих производств, уровень которых зачастую почти кустарный. Обрастание современных промышленных гигантов множеством подсобных, часто мелких производств приводит к сравнительно низкой производительности рабочих, высокой себестоимости и отрицательно влияет на производительность труда и себестоимость продукции предприятия в целом. Причина развития этих вспомогательных и подсобных производств, а также раздувания снабженческих аппаратов коренится в большой мере в боязни недоснабжения, в неуверенности предприятий и цехов в аккуратности и точности их контрагентов и поставщиков.

Культура производства тесно связана с культурой в деле снабжения и кооперирования предприятий, с обеспечением четкого и аккуратного выполнения взятых обязательств.

В-четвертых, значительные излишки рабочей силы в первичных звеньях предприятий создаются из-за слишком большого числа наблюдающих и руководящих работников, которые сами непосредственно производством не занимаются. На многих предприятиях капиталистических стран функции наблюдения за работой группы рабочих выполняет наиболее опытный и квалифицированный из этой группы, без отрыва от производства. Применение такой практики у нас не только позволит сократить число работников и тем самым повысить производительность труда, но и вернет на производство наиболее квалифицированных, дающих значительно более высокую выработку рабочих, поскольку освобожденные от личного участия в производстве десятники, мастера, инструкторы выдвинуты, как правило, из числа наиболее опытных и лучших рабочих.

В-пятых, значительным резервом рабочей силы в промышленности являются большие штаты обслуживающего персонала. Раздутые штаты служащих и других категорий обслуживающего персонала увеличивают фонды заработной платы, удорожают себестоимость и одновременно снижают производительность труда в широком смысле слова. Производительность труда необходимо исчислять не только на рабочего, но и на все категории работников предприятий. Это, между прочим, практикуется в угольной промышленности. Сравнение этих двух показателей позволяет вскрыть достижения и недостатки в отношении численности и удельного веса различных категорий работников. Такого рода двойные подсчеты должны проводиться

во всех отраслях промышленности. Это лишило возможности укрывать за благополучными показателями средней выработки рабочего раздутые штаты служащих, канцелярских и обслуживающих работников. А в этой области далеко не все обстоит благополучно по всей промышленности в целом.

По последним опубликованным ЦУНХУ данным, численность рабочих крупной промышленности с 1932 по 1936 гг. увеличилась на 17%, а численность служащих и всех других категорий работников за тот же период возросла на 25%. Соответственно и число этих работников на 100 рабочих выросло за этот же период с 20,0 до 21,4 человека³⁸.

Как сообщил на VI сессии Верховного Совета СССР т. Малышев, на предприятиях Наркомата тяжелого машиностроения количество рабочих с 1937 по 1939 гг. уменьшилось на 5%, а количество служащих за тот же период увеличилось на 13,1%. Даже самые маленькие заводы, отметил т. Малышев в своей речи, копируют большие заводы в построении своих управленческих аппаратов: «Все обзаводились большим количеством отделов, секторов, бюро, и поэтому значительное количество инженеров и техников сидело в заводоуправлениях и канцеляриях вместо того, чтобы работать в цехах»³⁹. На заводе «Русский дизель» 78% всех инженерно-технических работников и служащих работают в аппарате заводоуправления; на заводе шлифовальных станков (Москва) — 68%; на Перовском заводе — 63%. В системе управления заводом появилось в ряде случаев много лишних звеньев. Между главным инженером и мастером имеется 6—7 промежуточных звеньев. Созданы десятки мелких карликовых цехов, по 20—30 рабочих в каждом. Отсюда рост управленческого и обслуживающего персонала. По подсчетам Наркомтяжмаша, наведение элементарного порядка в заводоуправлениях позволит уменьшить аппарат заводоуправлений по предприятиям наркомата на 3,5—4 тыс. человек. Как сообщил на VI сессии Верховного Совета СССР Наркомхимпром т. Денисов, некоторое упрощение органов управления химической промышленностью позволило сократить аппарат заводоуправлений на 3,5 тыс. человек.

Такое абсолютное и относительное увеличение штатов служащих означает, что продукция в среднем на 1 работника (включая служащих и обслуживающий персонал) росла за эти годы медленнее, чем производительность труда на 1 рабочего.

Возможности сокращения штатов служащих и обслуживающего персонала на наших предприятиях весьма велики. Немало имеется явно лишних должностей и незагруженных людей, немало может дать и здесь совмещение профессий. Громадную роль могут сыграть дальнейшее сокращение и упрощение учета и отчетности и более простая и экономичная структура аппарата.

Вот характерный пример работы капиталистического предприятия. Наш хозяйственник посетил заводоуправление электростанции в Швейцарии. На одной из дверей он увидел надпись «Директор». В комнате за столом сидел человек, по предположению нашего хозяйственника, — секретарь директора. Оказалось, что это сам директор. Последовал примерно такой диалог:

- Где у вас главный инженер?
- Я одновременно и главный инженер.
- А где ваш секретарь?
- У меня нет секретаря.

³⁸ «Труд в СССР», ЦУНХУ, 1936, стр. 91.

³⁹ Шестая сессия Верховного Совета СССР, Стенограф. отчет, 1940, стр. 12.

— Но у кого концентрируются графики работы, ежедневные сменные рапорты и т. п.?

Вместо ответа директор раскрыл один из шкафов, стоящих в комнате, и объяснил, что сменные дежурные сдают все эти материалы ему и они концентрируются на соответствующих полках шкафа.

— Кто же ведет у вас переписку?

— Мне приходится писать очень мало писем.

— Но все же, если вам приходится писать, как вы поступаете?

— Если изредка нужно написать, то я пишу,— и директор выдвинул ящик письменного стола, в котором оказалась портативная пишущая машинка.

Нужно сказать, что одна лишняя функция тянет за собой другую. Если есть секретарь, понадобится и курьер и т. д.

Разгрузка командиров производства от канцелярской работы часто понимается у нас не как сокращение канцелярщины и повышение оперативности в работе, а как окружение этого командира кучей канцелярских работников.

Таким образом, крупнейшим резервом повышения производительности труда является устранение лишних работников и функций, резкое уменьшение (абсолютное и относительное) вспомогательных, обслуживающих и ремонтных рабочих, сильное сокращение штатов служащих, широкое применение практики совмещения профессий.

Таков важнейший источник приведения в соответствие производительности труда работников с той высокой производительностью агрегатов и оборудования, которая достигнута стахановцами, передовыми цехами и заводами.

В борьбе за подъем производительности труда намечаются, таким образом, две основные линии.

Первая охватывает весь комплекс вопросов, связанных с увеличением производительности труда основных производственных, а также вспомогательных рабочих (в чем мы тоже отстаем от США по ряду отраслей). И здесь решающее значение имеют вопросы организации труда.

Вторая линия охватывает все вопросы организации труда и управления, связанные с максимальным сокращением численности работников в обслуживающих, вспомогательных и управленческих звеньях наших предприятий и на основе этого — с повышением производительности труда в целом по предприятию.

* * *

Важнейшим условием дальнейшего подъема производительности труда является, следовательно, улучшение организации труда и производства. «Мало добиться уничтожения текучести,— говорил товарищ Сталин на совещании хозяйственников.— Нужно еще поставить рабочих в такие условия труда, которые бы давали им возможность работать с толком, поднимать производительность, улучшать качество продукции. Нужно, стало быть, организовать труд на предприятиях таким образом, чтобы производительность подымалась из месяца в месяц, из квартала в квартал»⁴⁰. Шесть условий товарища Сталина были и остаются решающими вехами в организации труда на социалистических предприятиях. На каждом новом этапе социалистического строительства все более глубоко раскрывается содержание этих условий, обогащенное опытом социалистического строительства.

Первое условие — механизация труда. За истекшие годы в деле механизации труда в СССР достигнуты большие успехи. Механизация

⁴⁰ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 337.

добычи угля с 1,7% в 1913 г. и с 16,5% в 1927/28 г. увеличилась до 89,6% в 1937 г.⁴¹; механизация вывозки в лесной промышленности — с 4% в 1932 г. до 32% в 1937 г. Доля полностью механизированных доменных печей выросла за тот же период с 25 до 62%, механизация разлива чугуна — с 50—55 до 83,5%, загрузки мартеновских печей — с 65 до 80—90%, доля механизированных способов добычи торфа увеличилась с 50 до 75% и т. д.⁴². На нынешнем этапе, когда советская промышленность в результате двух пятилеток перешла в следующий, высший класс техники, проблема механизации труда все еще остается одним из решающих звеньев в деле подъема производительности труда.

В ряде отраслей промышленности механизация трудоемких операций еще значительно отстает. По данным на начало 1939 г., около 35% чугуна выплавляется в домнах, в которых загрузка печей и доставка шихты производятся либо вручную, либо лишь частично механизированы. Ручная разлива чугуна сохранилась в 20% печей. Процессы сушки и уборки торфа механизированы только на 32%. В кирпичной промышленности 75% глины добывается вручную. В стекольной промышленности вручную производится 35% стекла и т. д.⁴³. Следовательно, налицо большие резервы механизации основных производственных процессов.

Успехи, достигнутые в деле механизации трудовых процессов, меняют содержание самой проблемы механизации. В настоящее время она включает в себя и проблему комплексной механизации, т. е. согласованной механизации всех связанных между собой производственных процессов. Задача эта стоит в угольной, горнорудной и бумажной промышленности, в черной металлургии, в лесопилении и других отраслях. Так, например, в угольной промышленности механизация процессов труда породила ряд профессий ручного труда. Механизация зарубки, работа врубовой машины (вместо забойщика, который отбивал и наваливал уголь в вагонетку), повлекли за собой появление многочисленных навалоотбойщиков; навалка угля на конвейеры механизирована в Донбассе меньше, чем на 1%.

Необходимость комплексной механизации особенно сильно ощущается в угольной промышленности, где механизация трудоемких процессов шагнула далеко вперед.

Таблица 9

Механизация ведущих процессов в процентах к добыче⁴⁴

Г о д ы	П р о ц е с с ы			
	зарубка	доставка	откатка	работа на поверхности
1932	65,4	76,5	15,0	26,0
1937	89,6	84,4	47,6	67,3

Но за общим ростом механизации труда скрывается огромный разрыв в степени механизации тесно связанных между собой производственных процессов. Это убедительно доказывают следующие данные.

⁴¹ «Плановое хозяйство» № 3, 1940, стр. 61.

⁴² «Проблемы экономики» № 2, 1939, стр. 57.

⁴³ Там же.

⁴⁴ «Плановое хозяйство» № 3, 1940, стр. 62.

Таблица 10

Удельный вес ручного труда в различных процессах угледобычи в 1938 г. ⁴⁵

Процессы	Донбасс	Кузбасс	Подмосковный бассейн	Урал	Караганда
Зарубка	8,4	0,2	17,8	5,5	0,1
Бурение	2,4	8,4	—	12,5	19,5
Отбойка ⁴⁶	33,4	6,6	19,4	5,5	1,3
	(81,0)	(92,0)	(44,4)	(49,6)	(100)
Навалка ⁴⁷	76,1	50,9	100	83,5	100
Доставка	7,9	19,7	43,8	4,9	11,0
Откатка	41,8	42,9	1,5	6,4	64,2
Откатка на поверхности	24,6	45,2	54,8	11,7	90,6
Погрузка в железнодорожные вагоны	30,0	27,3	25,8	1,5	57,5

Абсолютным количеством угля, прошедшего вручную и механизированным способом различные процессы в Донбассе, еще более ярко иллюстрируется отсутствие комплексной механизации.

Таблица 11

Количество угля, добываемого в Донбассе вручную и механизированным способом (в млн. т) ⁴⁸

Процессы	Всего	Механизированным способом	Вручную
Зарубка	79,0	72,4	6,6
Бурение	79,0	77,1	1,9
Отбойка	79,0	24,2	54,8
Навалка	79,0	1,0	59,6 + 18,4 ⁴⁹
Доставка	79,0	72,8	6,2
Откатка	(79,0)	(46,0)	(33,0)
Откатка на поверхности	(79,0)	(59,6)	(19,4)
Погрузка в железнодорожные вагоны	(79,0)	(55,3)	(23,7)

При 72 млн. т угля, зарубленного механизмами, отбивается механизмами только 24 млн. т, а наваливается механизмами только 1 млн. т. Механизированная откатка составляет только 58,2% всей откатки, или, в переводе на всю добычу, 46 млн. т, механизированная откатка на поверхности — соответственно 75,4%, или 59,6 млн. т, а механизированная погрузка в железнодорожные вагоны — 70%, или 55,3 млн. т. Эти диспропорции приводят к тому, что ручной труд все еще занимает очень большое место в процессах угледобычи. Достаточно сказать, что на подготовительных работах в Донбассе в декабре 1938 г. число рабочих ручного труда составляло 78,2% всего списочного числа рабочих по эксплуатации, а на подземно-транспортных работах — 81,6% ⁵⁰.

⁴⁵ Там же, стр. 63, 64, 65.

⁴⁶ В скобках — ручная отбойка и отбойка при помощи взрывчатых веществ.

⁴⁷ Фактически процесс навалки проходит на 99% вручную. Так, например, в Донбассе помимо 76,1% навалки, производимой ручным путем, 23,6% угля не требуют навалки, так как на круто падающих пластах уголь идет собственным весом.

⁴⁸ Исчислено на основе данных об общем объеме добычи и процентов механизации отдельных процессов.

⁴⁹ Уголь, идущий собственным весом.

⁵⁰ «Плановое хозяйство» № 3, 1940, стр. 66.

В годы первой и второй пятилеток серьезным фактором подъема производительности труда в угольной промышленности была механизация добычи угля. Теперь же, когда уровень механизации добычи приближается к пределу (90%), дальнейший рост производительности труда зависит от степени комплексной механизации, прежде всего в области отбойки, навалки и откатки. Это, в частности, даст возможность уменьшить потребность в рабочей силе. Характерно, что наименее механизированные процессы в угольной промышленности — это в основном процессы, связанные с перемещением и транспортировкой угля.

Мы уже отмечали, что механизация этих процессов — одно из решающих звеньев комплексной механизации во многих отраслях хозяйства. В торфяной промышленности на погрузочно-разгрузочных работах занято около 75% всех рабочих. На сахарных заводах 40% всего рабочего времени (человекоднев)⁵¹ отняли наружные погрузочно-разгрузочные операции.

Примеры эти, которые можно было бы умножить, свидетельствуют о том, что в балансе труда всех наших предприятий работы по транспортировке, погрузке и разгрузке занимают очень большое место и механизация их позволит сократить потребность в рабочей силе и значительно поднять производительность труда.

Задача механизации подъемно-транспортных операций интенсивно разрешалась и в США в докризисные годы (до 1929 г.). Автор большой работы о механизации в американской промышленности Г. Джером⁵², пишет: «Из 695 изменений, экономящих рабочую силу, по полученной в нашем обследовании информации, 40% приходилось на механизмы перемещения, а из 332 случаев, которые мы выбрали из различных технических журналов в годы, следующие за 1920,— 63%; судя по этим цифрам, более половины всех изменений, экономящих рабочую силу, в этот период приходилось именно на механизмы перемещения... Ясно, что улучшения в операциях перемещения были очень важным фактором недавних успехов в повышении продуктивности промышленности»⁵³.

В проблему механизации сейчас включается также так называемая малая механизация. Эта задача особенно остро стоит в машиностроении и в ряде других отраслей промышленности. Всевозможные приспособления для одновременной обработки на станке нескольких деталей для автоматического пуска и останова станка, для увеличения так называемого машинного времени и уменьшения ручного (что, между прочим, является важнейшим условием многостаночной работы) и т. п. — вот из чего, в частности, складывается малая механизация. В этом деле громадную инициативу проявляют стахановцы и в особенности многостаночники. Примером этого является работа т. Гудова, который, благодаря осуществлению именно малой механизации, добился возможности одновременной обработки на одном станке десятков деталей.

В связи с Указом от 26 июня и созданием всех условий, обеспечивающих закрепление постоянных кадров рабочих, по-новому должны встать вопросы технической подготовки и учебы рабочих. Технический минимум, который ограничивался ознакомлением новых рабочих с элементарными производственными навыками, должен сейчас ориентироваться на более высокий тип подготовки. С другой стороны, должен быть учтен рост движения многостаночников, движения за совмещение профессий. В этом отношении характерно возникнове-

⁵¹ «Проблемы экономики» № 2, 1939, стр. 61.

⁵² *Mechanisation in Industry*, 1934.

⁵³ Цит. по журн. «Проблемы экономики». № 2, 1939, стр. 61.

ние новых типов стахановских школ — школ многостаночников и школ второй профессии. Система производственного обучения должна обеспечить подготовку рабочих с широким производственно-техническим кругозором.

* * *

Громадное значение для подъема производительности труда, и в частности ликвидации излишков рабочей силы, имеет почин стахановцев многих предприятий в деле совмещения профессий, возникший в незабываемые дни освобождения Красной Армией Западной Украины и Западной Белоруссии. В этом замечательном движении находит свое выражение рост культурно-технического уровня рабочего класса, рост его творческой инициативы.

Совмещение профессий, как и многостаночное обслуживание, могли развиваться лишь в результате значительного роста производительности труда и больших успехов в деле освоения рабочими техники. Рабочий стал справляться с работой на своем станке, по своей профессии в меньшее количество времени и это высвободившееся время смог использовать для работы на других, дополнительных станках, по другой, дополнительной профессии.

Увеличение удельного веса так называемого машинного времени и уменьшение удельного веса так называемого ручного времени — такова сущность этого процесса.

В статье т. И. Кузьмина «Новые формы стахановского движения»⁵⁴ приводятся примеры совмещения профессий: в машиностроении распространено совмещение профессий оператора и наладчика станка; в каменноугольной промышленности машинисты подъемных машин производят также смазку машин; в черной металлургии машинисты кранов стали заниматься смазкой и мелким ремонтом своих кранов; на нефтеперерабатывающих заводах операторы выполняют наряду с основной работой обязанности дежурных слесарей; на металлургическом заводе некоторые операторы прокатных станов одновременно обслуживают станы.

При совмещении профессий рабочий полнее загружает свой рабочий день, используя то время, когда механизм работает без его участия, либо когда механизм по тем или иным причинам (устранимым в порядке текущего ремонта) стоит. Мы уже приводили примеры из химической промышленности, где аппаратчики бездействуют большую часть смены. Это же происходит с многочисленными машинистами и мотористами кранов, вагон-весов и подобных механизмов; как только механизм ломается или портится, машинист прекращает работу и зовет дежурного слесаря, а зачастую даже слесаря специальной ремонтной бригады; сам же машинист, как правило, текущего ремонта не производит и ходит без дела, требуя начисления зарплаты за простой. Кроме того, совмещение там, где это возможно, функций оператора и рабочего по текущему ремонту, а иногда и по обслуживанию механизма позволит сократить излишки ремонтных рабочих.

Следовательно, там, где однородная работа по данной профессии не может загрузить полностью рабочий день, там, где на период выхода на короткое время механизма из строя оператор не может получить работу по своей специальности, разумно и целесообразно применять совмещение профессий либо по линии работы на дополнительных сходных механизмах, либо по обслуживанию, ремонту и наладиванию этих механизмов. Это обеспечивает дальнейший подъем производительности труда, высвобождение рабочих на одних произ-

⁵⁴ «Большевик» № 11—12, 1940.

водственных участках для использования их на других, нуждающихся в рабочей силе.

Нужно сказать, что на многих капиталистических предприятиях, где уровень производительности труда выше, чем на аналогичных советских предприятиях, такое совмещение профессий развито весьма широко.

В свете этих, отнюдь не дискуссионных, положений следует отметить поход против совмещения профессий, который открыл О. А. Ерманский⁵⁵. Автор в таких тонах «разносит» совмещение профессий: «эту отрыжку старых навыков надо тут отметить, как вредный пережиток» (стр. 51). Цитируя брошюру, написанную инженерами-угольщиками, в которой рекомендуется повысить производительность труда путем «совмещения профессий и полной загрузки рабочего дня всех членов бригады», О. А. Ерманский обрушивается на авторов: «...фактически вред таких установок и такой проповеди не подлежит никакому сомнению» (стр. 54). При этом Ерманский возражает не против совмещения совершенно разных профессий, а против явно целесообразных совмещений: моториста крана и слесаря или электрика (стр. 51), работы оператора и работы по текущему и мелкому ремонту (стр. 58) и т. п. В своем походе против совмещения профессий автор не гнушается и явно демагогическими аргументами. Вот пример: «Хороша была бы производительность наших Мазаев, Чайковских и других мастеров сталеварения, если бы они сами занимались добычей топлива, изготовлением металлических конструкций и пр. для своих печей на том основании, что они заинтересованы в доброкачественности угля, кокса, металлического оборудования и пр., необходимых для их печей» (стр. 54). На протяжении 28 страниц, посвященных «разносу» совмещения профессий, автор приводит всего лишь два «аргумента» по существу: совмещение профессий уничтожит «строгое разделение труда»; совмещение «очень часто приводит к обезличиванию механизмов» (стр. 56). Ясно, что и здесь налицо подтасовка аргументов. Разве если моторист крана сам же его смазывает и ремонтирует, если оператор налаживает сам свой станок, если горновой наблюдает за охлаждающим устройством печи,— разве это обезличивает кран, станок или дому и снижает производительность труда на основной работе?

Решающим условием подъема производительности труда является правильная организация рабочего места и труда на производстве, осуществление единоначалия и руководящей организаторской роли командиров производства.

Исключительно важную роль в рациональной организации труда на предприятии играют правильно поставленное техническое нормирование, внутриводовое и внутрицеховое планирование.

Недостатки этого планирования влекут за собой простои рабочих и оборудования. Эти простои приводят к тому, что, несмотря на Указ от 26 июня 1940 г., на ряде предприятий выпуск продукции вовсе не увеличивается или же увеличивается крайне незначительно. Приведем некоторые факты, характеризующие масштабы потерь, связанных с простоями. На Коломенском машиностроительном заводе им. Куйбышева за 8 месяцев 1940 г. простои составили 356 тыс. часов; из них 200 тыс. «неиспользованных» и 156 тыс. «использованных», т. е. квалифицированные рабочие выполняли в эти часы функции чернорабочих. В механическом цехе № 2 Московского станкозавода им. Орджоникидзе хронометраж работы 48 станочников, про-

⁵⁵ Ерманский, Стахановское движение и стахановские методы, Соцэкгиз, 1940.

веденные 14—17 сентября, показала, что 1,1 часа в течение рабочего дня они не были загружены полезной работой⁵⁶. На заводе «Компрессор» (Москва) в цехе № 3 рабочее время станочников используется производительно только на 74,3%. Точно такое же положение на Московском автозаводе им. Сталина, на Уралмашзаводе, на Коломенском заводе им. Куйбышева.

Неувязка в работе заготовительных и сборочных цехов, некомплектная подача деталей для сборки, несвоевременное проведение заготовительных и ремонтных работ в угольной и рудной промышленности, нарушения технологического процесса и несвоевременная подача сырья в металлургии, несвоевременная подача деталей, материалов, инструментов, чертежей в машиностроении — таковы дефекты планирования, таковы причины простоев, резко снижающих производительность труда. Для устранения этих помех необходимо упорядочить заводское планирование, развернуть борьбу за культуру производства, за рациональную и правильную организацию и обслуживание рабочего места. Все эти мероприятия по улучшению организации труда являются значительными резервами дальнейшего подъема производительности труда.

Крупнейшим резервом повышения производительности труда является борьба с браком и потерями в производстве. В отрывке, написанном Энгельсом и включенном в 15 главу III тома «Капитала», указывается, что стоимость товара «определяется всем рабочим временем, прошлым и живым, которое вошло в этот товар. Повышение производительности труда заключается именно в том, что доля живого труда уменьшается, а доля прошлого труда увеличивается, но таким образом, что общая сумма труда, заключающаяся в товаре, уменьшается...» И далее Энгельс замечает: «В обществе, в котором производители регулируют свое производство согласно заранее составленному плану, ... производительность труда безусловно измерялась бы этим масштабом»⁵⁷. Следовательно, экономия прошлого труда, идущего на изготовление продукта, сырья, материалов, электроэнергии, полуфабрикатов, снашиваемой части оборудования и т. п., означает прямое повышение производительности труда.

Это наглядно видно на примере брака. Во-первых, значительная часть сырья, материалов, затраченных на изготовление данного изделия, а также снашивание оборудования, не входя в продукцию предприятия, полностью ложатся на себестоимость; во-вторых, весь труд, затрачиваемый на операции, совершенные над изделием до момента выявления брака, и вся зарплата, пошедшая на оплату этого труда, также входят в себестоимость и должны быть отнесены к соответствующей меньшей продукции. Следовательно, брак — это прямое снижение производительности труда в обычном понимании: он уменьшает числитель (продукцию) и увеличивает знаменатель (количество затраченного рабочего времени). Брак уменьшает производительность труда и в более широком ее понимании, о котором говорил Энгельс, поскольку величина прошлого труда, приходящегося на единицу продукции, соответственно увеличивается.

Для характеристики масштабов потерь, связанных с браком, достаточно сослаться на следующие факты, оглашенные на VI сессии Верховного Совета СССР. Сумма потерь от брака за 1939 г. составила по Наркомтяжмашу 123,0 млн. руб. и на отходах — около 200 млн. руб., по Наркомсредмашу — 311,0 млн. руб., по Наркомчермету (от

⁵⁶ См. «Правду» от 24 сентября 1940.

⁵⁷ Маркс, Капитал, Партиздат, 1932, т. III, стр. 180.

брака и отходов) — 392,0 млн. руб., по Наркомобщмашу за первое полугодие 1939 г. — 42,0 млн. руб.⁵⁸.

О том, что означают потери от брака в натуре, насколько увеличиваются затраты прошлого труда на единицу изделия, говорят следующие факты. По 11 обследованным ленинградским заводам потери от брака за 1938 г. составили 32 тыс. т металла: на заводе им. Кирова — 18,3 тыс. т, на заводе «Красный гвоздильщик» — 4 192, на Выксунском заводе — 19,7 тыс. т металла⁵⁹. На московском заводе «Серп и молот» в первом полугодии 1940 г. брак составил 5,2 млн. руб. По подсчетам работников завода, 1% снижения брака означает увеличение производительности труда на предприятии на 1,3%. Из этого следует, что осуществление Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. об ответственности за выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции является одним из крупных рычагов в деле повышения производительности труда.

Так же обстоит дело и с другими потерями. Так, в черной металлургии сокращение выноса колошниковой пыли с 20 до 10% (в США этот процент равен 7) даст в 1942 г. дополнительно 2 млн. т чугуна. Сокращение потерь нашей металлургии на браке, угаре и скрапе до уровня потерь Магнитогорского завода (120 кг на 1 т годной стали) даст дополнительно 2 млн. т мартеновской стали. Сокращение расхода слитков на 1 т годного проката на 96 кг (с 1321 до 1225 кг, т. е. до уровня Германии) даст дополнительно 1,4 млн. т проката⁶⁰. Очевидно, ликвидация всех этих потерь, увеличивая продукцию при том же или незначительно большем количестве рабочей силы, тем самым повышает производительность труда.

Еще более отчетливо иллюстрируют значение потерь как фактора, снижающего производительность труда, примеры из области машиностроения. По станкам № 615 и № 687, выпускаемым Горьковским заводом фрезерных станков, отходы составили в 1938 г. 56,7 и 50,8% общего веса. По станку ДИП-20 завод «Красный пролетарий» снимал около 50% чистого веса в отходы. На вагоностроительных заводах из-за больших припусков снимается до 40 кг стружки на бандаж⁶¹. За 1938 г. на 17 из обследованных в Ленинграде заводов выявлено 252,3 тыс. т металлоотходов. Отход металла в процентах к расходу полнокачественных металлов составляет: по заводу «Электросила» — 56, по заводу им. Маркса — 49,5, по заводу им. Энгельса — 35, по заводу им. Кирова — 21 и т. д.⁶². Значительная часть этих отходов не идет ни на выработку деталей основного производства (хотя для этого имеются все возможности) ни на выработку изделий ширпотреба, а поступает в шихту мартеновских печей либо сдается во Вторчермет, т. е. опять-таки в шихту.

Не вдаваясь в детальный анализ вопроса об отходах в машиностроении, укажем, что значительные припуски сильно увеличивают их. Помимо потерь металла, снижающих производительность труда, эти припуски вызывают громадные затраты рабочей силы в механических цехах, где теряются сотни тысяч станко- и человеко-часов на снятие ненужной стружки и т. п. Отсюда — снижение производительности труда.

Существенным условием улучшения организации труда и подъема производительности труда является правильное построение системы заработной платы.

⁵⁸ «Плановое хозяйство» № 12, 1939, стр. 124.

⁵⁹ Там же, стр. 116.

⁶⁰ XVIII съезд ВКП(б), Стеногр. отчет, стр. 337.

⁶¹ «Плановое хозяйство» № 1, 1940, стр. 29.

⁶² Там же, № 12, 1939, стр. 115.

Соразмерение заработка с итогами выработки — вот основной критерий, вот о чем говорится в ряде постановлений ЦК ВКП(б) о системах оплаты в угольной, текстильной и других отраслях промышленности, на железнодорожном транспорте и т. д. Внедрение индивидуальной сдельной оплаты труда, установление норм и расценок на основе точного технического нормирования, перевод всех категорий рабочих, включая вспомогательных и обслуживающих, на такие формы зарплаты, которые непосредственно связывали бы заработок рабочего с его выработкой, с количеством и качеством даваемой им продукции, и борьба с рецидивами уравниловки — таков путь, по которому должна проходить перестройка заработной платы.

Задачу максимального внедрения сдельной оплаты на всех основных работах в ведущих и вспомогательных цехах никак нельзя считать разрешенной. Об этом свидетельствуют приводимые ниже данные по заводам тяжелого машиностроения.

Таблица 12

Распределение рабочих тяжелого машиностроения по системам оплаты⁶³

Цехи	Всего рабочих на 1/XI 1939 г.	В том числе	
		на сдельной оплате	на повременной оплате
Основные цехи	110 270	76 539	33 731
Вспомогательные цехи	49 457	24 291	25 166
Итого	159 727	100 830	58 897

37% рабочих работают на повременной оплате труда, а во вспомогательных цехах повременщики составляют свыше половины всех рабочих. Нужно также подчеркнуть, что в ряде случаев происходит снижение доли заработной платы, выплачиваемой по сдельным расценкам, в общем фонде заработной платы.

По Кировскому заводу (Ленинград) эта доля сократилась с 65% в 1938 г. до 61% в 1939 г.; по Уралмашзаводу — соответственно с 63 до 60,5%; по комбинату «Красный Профинтерн» — с 63 до 57%; по Ворошиловградскому заводу — с 61,5 до 49,5% и по Коломенскому заводу — с 59 до 53%⁶⁴.

Способы повышения производительности труда — этого важнейшего условия победы нового общественного строя — даны в учении Ленина — Сталина о социалистической организации труда, в повседневных указаниях партии и лично товарища Сталина. Дело — за усвоением этого учения, за выполнением этих указаний.

Учение Ленина — Сталина о социалистической организации труда, о создании высшей, чем при капитализме, производительности труда, о воспитании новой трудовой дисциплины демонстрирует свое торжество в гигантских успехах социалистического строительства, в росте нашей социалистической индустрии, в росте всего нашего социалистического народного хозяйства.

Учение Ленина — Сталина о социалистической организации труда является также путеводной нитью и руководством к действию в деле дальнейшего подъема нашей хозяйственной и оборонной мощи, дальнейшего подъема производительности труда, в деле победы коммунизма.

⁶³ «Плановое хозяйство» № 6, 1940, стр. 32.

⁶⁴ Там же, стр. 33.

Подготовка квалифицированных рабочих в промышленности СССР

За годы второй пятилетки численность рабочих и служащих в СССР увеличилась с 22 943 тыс. до 26 989 тыс. человек, т. е. на 4 млн. с лишним. В одной только промышленности количество работников возросло на 2 112 тыс. человек.

Осуществление третьего пятилетнего плана и решение основной экономической задачи СССР требуют дальнейшего роста численности рабочих социалистической промышленности и транспорта, и в первую очередь резкого увеличения на предприятиях квалифицированной рабочей силы. За третью пятилетку количество рабочих и служащих должно возрасти с 26 989 тыс. чел. в 1937 г. до 32 668 тыс. в 1942 г., т. е. на 5,7 млн. чел.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О Государственных Трудовых Резервах СССР» отмечает, что «задача дальнейшего расширения нашей промышленности требует постоянного притока новой рабочей силы на шахты, рудники, транспорт, фабрики и заводы. Без непрерывного пополнения состава рабочего класса невозможно успешное развитие нашей промышленности».

Пополнение состава рабочего класса, распределение рабочей силы в СССР между отраслями народного хозяйства не имеют ничего общего со стихийным процессом воспроизводства рабочих кадров при капитализме. В СССР, где навсегда ликвидированы безработица и аграрное перенаселение, принципиально по-иному встает вопрос об источниках пополнения рабочей силы на социалистических предприятиях.

Еще Маркс и Энгельс указывали, что «...планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства остается первым экономическим законом на основе коллективного производства»¹. Это положение полностью подтвердилось всей практикой социалистического развития в СССР.

Задаче планового распределения рабочей силы отводится место и в программе ВКП(б): «...максимальное использование всей имеющейся в государстве рабочей силы, ее правильное распределение и перераспределение, как между различными территориальными областями, так и между различными отраслями народного хозяйства, должно составить ближайшую задачу хозяйственной политики советской власти...»².

Указ Президиума Верховного Совета СССР базируется на этих принципиальных указаниях Маркса, Энгельса и программы ВКП(б). Указ подчеркивает, что «в нашей стране полностью уничтожена безработица, навсегда покончено с нищетой и разорением в деревне и городе, ввиду этого у нас нет таких людей, которые вынуждены были бы стучаться и проситься на фабрики и заводы, стихийно образуя, таким образом, постоянный резерв рабочей силы для промышленности».

¹ Архив Маркса и Энгельса, Партиздат, 1935. т. IV, стр. 119.

² Программа и устав ВКП(б), Партиздат, 1936, стр. 52—53.

В этих условиях перед государством стоит задача организованной подготовки новых рабочих из городской и колхозной молодежи и создания необходимых трудовых резервов для промышленности».

Указ по-новому поставил вопрос о подготовке квалифицированной рабочей силы в условиях социализма.

Указ выдвинул в качестве основной задачи воспроизводства рабочей силы подготовку рабочих сложных и массовых профессий, что настоятельно требуют как передовая техника социалистического производства, так и борьба за повышение качества продукции.

* * *

Квалификацию рабочего нельзя рассматривать изолированно от общественного способа производства.

Как известно, развитие капитализма усиливает тенденцию деквалификации рабочей силы. В условиях капитализма пролетариат лишен возможности развивать свои интеллектуальные силы. «Машинный труд,— писал Маркс,— до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности. Даже облегчение труда становится источником пытки, потому что машина не рабочего освобождает от труда, а его труд от всякого содержания»³.

Крупная капиталистическая промышленность, освобождая труд от всякого содержания, углубляет разрыв между умственным и физическим трудом. В капиталистическое производство вовлекаются значительные контингенты неподготовленных или слабо подготовленных женщин и подростков, которые, не принимая сознательного участия в общем процессе производства и являясь как бы придатком к машине, не приобретают квалификации. С другой стороны, огромные массы безработных за годы вынужденного безделья постепенно утрачивают свою производственную квалификацию.

Пролетарская революция, установившая в СССР социалистические отношения, обеспечила тем самым все условия для создания более высокой квалификации рабочего, высокого политического и культурного уровня. Тип рабочего в СССР определяется его ролью в общественном производстве. Работник социалистического хозяйства работает на себя и является поэтому организатором производства. Чтобы лучше выполнить функции, которые рабочий принимает на себя, он стремится повысить уровень своего общего образования и производственно-технической квалификации. Блестящим доказательством этого явилось стахановское движение — путь к поднятию рабочих до уровня работников инженерно-технического труда.

Трудящиеся Советского Союза стремятся постоянно повышать свою квалификацию. Стремление повысить квалификацию — элемент социалистического отношения к труду. Качество работы в нашей стране является предметом внимания общественности. Плохая работа порицается, хорошая — всячески поощряется. Личный труд каждого гражданина СССР определяет его положение в обществе. «Не имущественное положение,— говорит товарищ Сталин,— не национальное происхождение, не пол, не служебное положение, а личные способности и личный труд каждого гражданина определяют его положение в обществе»⁴.

Другим важнейшим фактором, стимулирующим рост квалификации, является социалистический принцип оплаты рабочих — по количеству

³ Маркс, Капитал, Партиздат, 1935, т. I, стр. 323—324

⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 517.

и качеству труда. Коммунистическая партия и Советское правительство отвергли уравниловку в оплате труда. Наша политика заработной платы обеспечивает максимальный рост квалификации и производительности труда. Товарищ Сталин в своей речи на совещании хозяйственников, говоря о заработной плате, указывал: «...нам нужны теперь сотни тысяч и миллионы квалифицированных рабочих. Но чтобы создать квалифицированных рабочих, надо дать стимул и перспективу необученным рабочим к движению вперед, к выдвижению вверх»⁵.

Осуществление принципа оплаты по количеству и качеству труда сочетает личные интересы трудящихся и общественные интересы, подчиняя личное общественному. Оплата по количеству и качеству труда является стимулом к более производительной работе и повышает уровень благосостояния работника социалистического производства. Рост квалификации работника социалистического народного хозяйства основывается в значительной мере на накоплении навыков в процессе работы на определенном участке производства. Чем более продолжительное время занят рабочий на этом участке, тем больше он приобретает навыков, тем выше его квалификация. Поэтому серьезнейшим условием роста производственной квалификации является закрепление работников за предприятиями. Товарищ Сталин указывал, что «...без постоянного состава рабочих, более или менее усвоивших технику производства и привыкших к новым механизмам,— невозможно двигаться вперед, невозможно выполнить производственные планы»⁶.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., запретивший самовольный уход с производства, способствуя созданию постоянных кадров, тем самым обеспечивает большие возможности повышения квалификации и накопления навыков у рабочих социалистических предприятий непосредственно в процессе производства. «Навыки — важный элемент квалификации работника в социалистическом обществе, в котором разделение труда, «т. е. закрепление определенных трудовых функций за определенными группами лиц, еще не изжито, и в частности еще не уничтожена в основном противоположность между умственным и физическим трудом»⁷.

И при коммунизме, когда исчезнет разделение труда, а вместе с ним и противоположность между умственным и физическим трудом, член коммунистического общества будет занят более или менее продолжительное время в определенной отрасли труда. С другой стороны, социалистическая промышленность по мере своего развития требует все больше технически грамотных и культурных рабочих. Социалистическое хозяйство, «...промышленность, управляемая всем обществом планомерно и в общественном интересе, нуждается в людях со всесторонне развитыми способностями, в людях, способных ориентироваться во всей системе производства»⁸.

Развитие народного хозяйства СССР сопровождалось повышением удельного веса технически более совершенных отраслей производства. С организацией новых отраслей производства повысились требования к производственной квалификации рабочих. Одной из самых существенных черт новой техники является автоматическая система машин. Автоматизация производства требует высококвалифицированных рабочих — контролеров и наладчиков. Чем больше совершен-

⁵ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 335.

⁶ Там же, стр. 333.

⁷ Программа и Устав Коммунистического Интернационала, Партиздат, 1932 г., стр. 58.

⁸ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 478.

ствуется наша техника, чем шире внедряется автоматизация, тем скорее приближается рабочий по своей квалификации и типу труда к инженерно-техническому работнику.

Для осуществления задачи догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны нам в третьей пятилетке «...необходим дальнейший значительный рост технического вооружения всех отраслей народного хозяйства...»⁹. Новая техника и научная организация труда требуют подготовки массовых кадров такой квалификации, которая позволит им полностью овладеть этой техникой и выжать из нее все, что она может дать.

Механизация производства приводит к вытеснению и отмиранию профессий, основанных исключительно на мускульном труде. Создаются кадры обученных, квалифицированных рабочих, умеющих управлять современными сложными станками и машинами.

Маркс и Энгельс учат, что для высокого уровня развития промышленного и сельскохозяйственного производства «...недостаточно одних только механических и химических вспомогательных средств. Нужно также в соответственной мере развить способности людей, применяющих эти средства»¹⁰.

Вредители пытались распространить у нас «теорию», будто реконструкция народного хозяйства и, в частности, техническая реконструкция промышленности СССР приводят к деквалификации рабочего класса. В. В. Куйбышев в докладе на XVII конференции ВКП(б) указал: «Необходимо категорически опровергнуть вздорное предположение о том, что перевод хозяйства на более высокую техническую базу и механизация производства связаны с деквалификацией рабочего»¹¹.

Жизнь опрокинула это вздорное предположение. За последние годы доля неквалифицированных рабочих на наших предприятиях снижается, а удельный вес квалифицированных и высококвалифицированных рабочих все возрастает. Разделение труда на социалистических предприятиях не означает деквалификации рабочего, так как оно связано, при все возрастающей механизации и автоматизации производства, с увеличением контролирующих функций рабочего, управляющего агрегатами, машинами и аппаратами. Стахановская организация работы означает более четкое разделение труда, но самый труд стахановцев не становится от этого менее квалифицированным. Стахановцы — это люди, полностью освоившие технику производства.

Всемерное повышение квалификации рабочих — важнейшее условие успешного развития социалистической промышленности.

Маркс установил основные принципы подготовки квалифицированных рабочих кадров для социалистического хозяйства. Он подчеркивал, что «...неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школах рабочих и технологическому обучению, как теоретическому, так и практическому»¹². В «Манифесте Коммунистической партии» также выдвигались меры, которые должны быть проведены пролетариатом в области организации подготовки квалифицированных работников после взятия власти: «Устранение фабричной работы детей в современной ее форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.»¹³.

⁹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б), стр. 12.

¹⁰ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 477.

¹¹ Куйбышев, О второй пятилетке, Партиздат, 1932, стр. 66—67.

¹² Маркс, Капитал, Партиздат, 1935, т. I, стр. 379.

¹³ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 502.

Фабрично-заводское обучение и является той формой подготовки квалифицированных рабочих, которая соответствует этим указаниям основоположников марксизма.

Партия и правительство всегда придавали фабрично-заводскому обучению огромное значение. На XI съезде РКП(б) были приняты решения о бронировании на производствах нормального процента рабочих подростков и о строительстве школы рабочей молодежи¹⁴. В решениях XII съезда партии было подчеркнуто: «Первостепенное значение не только для РКСМ, но и для всей партии и Советской власти, при настоящих перспективах развития промышленности, приобретает всемерное развитие и укрепление школ фабрично-заводского ученичества»¹⁵. XVI съезд ВКП(б) признал фабрично-заводское ученичество основной формой подготовки квалифицированных рабочих из подростков¹⁶.

Как шла подготовка рабочей силы на протяжении пройденных этапов социалистического развития СССР? Проведенная реконструкция промышленности и земледелия на основе новой современной техники потребовала подготовки миллионов квалифицированных кадров. «Необходимо было пустить в ход десятки и сотни тысяч обученных кадров, способных оседлать всю эту технику и выжать из нее максимум того, что можно из нее выжать. Без этого, без достаточного количества людей, овладевших техникой, техника рисковала превратиться в груды мертвого металла, остающегося без использования»¹⁷.

За годы сталинских пятилеток была проведена огромная работа по подготовке квалифицированных кадров рабочих, техников, инженеров. В стране была создана система подготовки массовых кадров: школы ФЗУ, стройучи, школы механизаторских кадров сельского хозяйства, автошколы и курсы повышения квалификации рабочих. При построении этой системы исходили из необходимости быстрейшего овладения техникой и обеспечения подъема культурно-технического уровня рабочего класса СССР.

После того как безработица в СССР была ликвидирована, в промышленности широко развернулось обучение молодежи. В начале 1930 г. было принято в школы ФЗУ около 100 тыс. подростков — «набор индустриализации». В 1928 г. в промышленности СССР было 133,3 тыс. учеников, в 1932 г. — 567,9 тыс.; к концу второй пятилетки это число уменьшилось — в 1937 г. оно составило 303,4 тыс. За годы первой пятилетки школы ФЗУ подготовили 450 тыс. квалифицированных рабочих. За годы второй пятилетки социалистическая промышленность и другие отрасли хозяйства получили 1 400 тыс. квалифицированных рабочих, подготовленных в школах ФЗУ и типа ФЗУ. Для автотранспорта, обслуживающего промышленность и сельское хозяйство, было подготовлено 600 тыс. шоферов¹⁸.

Наличный состав рабочих повышал свою квалификацию на различных курсах. В годы первой пятилетки технической учебой на крупнейших заводах была охвачена треть рабочих¹⁹.

За годы второй пятилетки было подготовлено около 6 млн. квалифицированных рабочих для народного хозяйства СССР. В этот

¹⁴ См. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1940, ч. I, стр. 443—444.

¹⁵ Там же, стр. 524.

¹⁶ Там же, ч. II, стр. 418.

¹⁷ История ВКП(б), стр. 321.

¹⁸ Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР, Госпланиздат, 1939, стр. 61.

¹⁹ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР, Госпланиздат, 1933, стр. 175.

же период на наших заводах и фабриках в широких масштабах проводилась техническая учеба без отрыва рабочих от производства. К концу 1936 г. две трети рабочих крупной промышленности частью закончили, частью продолжали техническую учебу: так, на 1 октября 1936 г. на каждые 100 рабочих в крупной промышленности 40 прошли техучебу, а 24 обучались; в каменноугольной промышленности соответственно — 56 и 18; в черной металлургии — 53 и 28; на обработке металлов и в машиностроении — 42 и 27.

Особенно широко была организована техническая учеба после пленума ЦК ВКП(б), состоявшегося в декабре 1935 г. В своих решениях по вопросам промышленности и транспорта в связи со стахановским движением пленум указал на необходимость «...сделать обучение техническому минимуму всеобщим и обязательным для всех рабочих и работниц, подчинив это важнейшее дело задаче подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда»²⁰.

Организованные по решению пленума ЦК ВКП(б) курсы мастеров социалистического труда завоевали широкую популярность. Сотни лучших стахановцев обучались на этих курсах, подкрепляя теорией свои практические знания.

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) отметил, что обязательное обучение техническому минимуму рабочих 255 ведущих специальностей тяжелой промышленности целиком себя оправдало. Из среды рабочих, сдавших государственный технический экзамен, вышли лучшие стахановцы, в том числе т. Стаханов, Бусыгин и многие другие. За 1936—1939 гг. более 15 млн. работников массовых квалификаций прошли учебу на курсах технического минимума, на стахановских курсах и в школах мастеров социалистического труда. Курсы технического минимума стали общепризнанной формой обучения рабочих на наших предприятиях.

В ряде отраслей промышленности широкое распространение получили школы стахановских методов труда — эффективная форма передачи опыта высокопроизводительного труда. Таким образом, директива декабрьского пленума ЦК ВКП(б) об организации массовой технической учебы рабочих промышленности и транспорта была в основном выполнена.

Рост квалификации рабочего класса СССР, явившийся результатом социалистической перестройки нашей страны, базировался на подъеме общей культуры и политической сознательности рабочих.

В стране Советов развернулась невиданная по размаху работа в области развития начального и среднего образования. По данным выборочного обследования молодых рабочих, проведенного ЦУНХУ в июле 1938 г., только 0,6% рабочей молодежи в возрасте до 26 лет не учились в школе; 53,8% имеют образование не ниже 5 классов. Молодых колхозников, не учившихся в школе (по обследованию в августе того же года) — 4,4%; получивших образование не ниже 5 классов — 48,8%. Материалы показывают, что рабочие с лучшей общей подготовкой успешнее проходят техническую учебу и что среди рабочих, имеющих общее образование, процент технически подготовленных выше, чем среди рабочих, не имеющих начального образования. Таким образом, общеобразовательная подготовка является фундаментом для повышения квалификации.

Подготовка квалифицированной рабочей силы происходит за счет государства.

²⁰ «ВКП(б) в резолюциях...», ч. II, стр. 630.

Массовое техническое образование до 1940 г. финансировалось за счет трех источников: 1) средства предприятий — начисления на заработную плату; 2) ассигнования по государственному бюджету и 3) фонды заработной платы учеников. За годы второй пятилетки средства хозяйственных организаций для подготовки кадров и технической пропаганды составили около 3 млрд. руб.; по государственному бюджету (союзному и республиканским) на массовое техническое обучение было израсходовано 1582 млн. руб.; фонд заработной платы учеников крупной промышленности за годы второй пятилетки составил более 1150 млн. руб. В целом расходы государства на подготовку и переподготовку массовых кадров за годы второй пятилетки составили 5,7 млрд. руб.

В первые два года третьей пятилетки расходы на массовое техническое обучение еще возросли.

Заботы социалистического государства о подготовке квалифицированной рабочей силы за прошедшие годы дали свои результаты. За годы двух пятилеток в общественное производство СССР вовлечено более 15 млн. новых рабочих и служащих, производительность труда значительно возросла. За 4½ года первой пятилетки годовая выработка одного рабочего в неизменных ценах 1926/27 г. выросла на 41% по сравнению с 1927/28 г.²¹; производительность труда в промышленности в 1937 г. составила 182% по отношению к 1932 г.²². Это указывает на эффективность организованного в больших масштабах технического обучения рабочего класса СССР. Достижения в подъеме производительности труда — результат создания новых кадров, успешно овладевающих техникой производства.

Таблица 1

Показатели освоения техники ²³

Показатели	Годы	
	1932	1937
Среднесуточный съем стали с 1 м ² пода мартеновских печей (в т)	2,12	4,35
Коэффициент использования полезного объема доменной печи	1,75	1,11
Скорость бурения на станок (в м)	108,3	459,9
Выработка пиломатериалов (в м ³ на 1 рамосмену)	22,4	36,4

Даже краткосрочное техническое обучение рабочих в стахановских школах способствует резкому повышению производительности труда. Так, рабочие Кольчугинского завода по обработке цветных металлов им. С. Орджоникидзе давали по окончании стахановских школ значительно более высокую выработку, чем до занятий. Наряду с повышением производительности труда окончившие стахановские школы добивались также значительного улучшения качества продукции. Так, рабочие московского завода «Каучук», окончившие в 1939 г. школу под руководством стахановки т. Пушновой, ликвидировали брак в своей работе, снизили выпуск изделий второго сорта до 0,39% (вместо 0,43%) и довели выполнение нормы до 113% (вместо 92%).

²¹ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР, стр. 176.

²² Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР, стр. 13.

²³ Там же, стр. 90—91.

Обучение в стахановских школах приводит также к повышению использования оборудования и экономии материалов. На металлургическом заводе «Красный Октябрь» (Наркомата черной металлургии) рабочие после обучения в стахановской школе уменьшили прожоги свода мартеновских печей.

Заработная плата окончивших стахановские школы значительно возросла. Так, у рабочих, окончивших стахановские школы на заводах «Красный треугольник», «Каучук», Московский электроламповый, заработная плата увеличилась на 8—12%.

Не следует думать, что в подготовке рабочей силы не было и нет «узких мест». Основным недостатком подготовки рабочей силы явилось значительное уменьшение числа рабочих, подготовленных через ученичество, особенно через школы ФЗУ. Масштабы ФЗУ в последние годы уже не соответствуют возросшим нуждам страны. Резкое уменьшение числа школ ФЗУ, количества учащихся в них и среднего числа учащихся на одну школу видно из следующих данных (табл. 2).

Таблица 2

Школы ФЗУ за 1932/33—1938/39 гг.²⁴

Г о д ы	Число школ ФЗУ	Количество учащихся в школах (в тыс.)	Среднее число учащихся на 1 школу
1932/33	3 900	958,9	246
1933/34	2 357	400,0	170
1934/35	1 712	261,3	153
1935/36	1 797	251,0	140
1936/37	1 642	265,2	162
1937/38	1 513	224,3	148
1938/39	1 535	242,2	158
1938/39 в % к 1932/33 . .	39,4	25,3	—

Особенно сильно сократилось число учащихся в школах ФЗУ тяжелой промышленности. Враги народа, стараясь сорвать подготовку рабочих кадров, закрыли многие школы ФЗУ под видом «концентрации» их и ликвидации «карликовых» школ. Вместо 674 школ в тяжелой и машиностроительной промышленности, существовавших в начале второй пятилетки, к концу пятилетки осталось 538 школ. Выпуск молодых квалифицированных рабочих в тяжелой промышленности сократился до 54,3 тыс. человек к концу пятилетки против 140 тыс. в 1933 г.

Больше других отстают подготовка квалифицированных строительных рабочих.

Так, школы ФЗУ Наркомата по строительству и Наркомата промышленности строительных материалов СССР подготовили за 1939 г. всего 3 220 человек, что даже не возмещает естественной убыли квалифицированной рабочей силы на стройках и предприятиях этих наркоматов. Численность рабочих в этих двух наркоматах в 1939 г. была 650—700 тыс. Если принять естественную убыль равной 2% от наличного годового состава рабочих, то она будет равна почти 14 тыс. человек, школы же готовят только 3 220 человек.

Подготовка рабочих в школах ФЗУ и стройучах Наркомата по строительству и Наркомата промышленности стройматериалов незначительна и далеко не соответствует масштабам ежегодного пополне-

²⁴ «Культурное строительство СССР», Стат. сборн., Госпланиздат, 1940, стр. 107.

ния рабочих в этих наркоматах. В самом деле, набор рабочей силы для Наркомата по строительству за год превышает 100 тыс. человек, а готовит наркомат за год 2 тыс. квалифицированных рабочих. Оба эти наркомата организованно набирают из колхозов большое количество рабочих. Отсюда на стройки привлекается, главным образом, неквалифицированная рабочая сила. Отчетные материалы показывают, что из общего числа набираемых рабочих свыше 65% — чернорабочие. Квалифицированные же рабочие — плотники, столяры, каменщики и арматурщики — составляют от 20 до 25% вербуемых колхозников-отходников.

Особенно плохо поставлена подготовка строительных рабочих в промышленных наркоматах, которые выполняют часть капитальных работ и поэтому сосредоточивают у себя значительные контингенты строительных рабочих (в сентябре 1939 г. из 1 224 тыс. рабочих-строителей в Наркомстрое числилось лишь около 350 тыс.).

Материалы о подготовке промышленными наркоматами рабочих по профессиям показывают, что школы этих наркоматов почти совершенно не готовят строительных рабочих. Промышленные наркоматы рассчитывают удовлетворить потребность в рабочей силе для своих строек исключительно за счет организованного набора рабочей силы из колхозов.

Сокращение среднего числа учащихся, как видно из табл. 2, объясняется, с одной стороны, уменьшением контингента принимаемых в школы ФЗУ; с другой, — значительным отсевом учащихся, доходящим до 15%.

Еще более резкое снижение среднего числа учащихся на одну школу произошло за последние годы в тяжелой и машиностроительной промышленности. Если в 1932 г. в одной школе в среднем обучалось 538 человек, то к концу второй пятилетки это число снизилось до 213 человек, т. е. уменьшилось более чем в 2½ раза.

Действующие школы ФЗУ в 1939/40 г. распределены неравномерно, что не соответствует новому размещению производительных сил, предусмотренному решениями XVIII съезда ВКП(б).

XVIII съезд ВКП(б) наметил программу форсированного развития восточных районов страны. Подготовка же квалифицированных рабочих в школах ФЗУ этих районов сильно отстает от темпов развития хозяйства этих районов. Рабочая сила — центральный вопрос развития производительных сил Восточной Сибири и Дальневосточного края, а между тем в этих районах слабо развернута подготовка квалифицированной рабочей силы. В Красноярском, Хабаровском и Приморском краях, в Якутской и Бурят-Монгольской АССР, в Иркутской и Читинской обл. всего 68 школ ФЗУ с 9 тыс. учащихся. Насколько незначительна эта цифра, видно хотя бы из такой справки: в 1940 г. в эти районы должно быть переселено около 30 тыс. рабочих, причем это лишь незначительная часть рабочей силы, потребной в хозяйстве восточных районов.

Представление о распределении школ ФЗУ по 11 союзным республикам и об удельном весе учащихся в общем числе работников дает следующая таблица (см. табл. 3 на стр. 139).

Основной недостаток в подготовке квалифицированных кадров заключается в отставании этой подготовки от возросших темпов экономического развития СССР, в недостаточной организации массового планомерного воспроизводства квалифицированной рабочей силы, соответствующего новым задачам социалистического строительства.

Таблица 3

Удельный вес школ ФЗУ и учащихся в них по 11 союзным республикам
(в % к итогу по СССР)

Союзные республики	% школ ФЗУ и типа ФЗУ	% учащихся
РСФСР ²⁵	72,1	72,3
Украинская ССР	18,5	21,4
Белорусская »	2,6	1,9
Азербайджанская ССР	0,6	0,6
Грузинская ССР	1,6	0,8
Армянская »	0,3	0,1
Туркменская »	0,3	0,2
Узбекская »	1,7	1,0
Таджикская »	0,2	0,2
Казахская »	1,7	1,4
Киргизская »	0,4	0,1
Всего по республикам .	100	100

* * *

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. направлен к реорганизации существующей системы профессионального обучения. Взамен школ ФЗУ с различными сроками обучения вводятся три типа школ с определенными задачами профессиональной подготовки, с точно фиксированными едиными для каждого типа сроками обучения. Квалифицированных рабочих будут готовить ремесленные и железнодорожные училища, где устанавливается двухлетний срок обучения. Ремесленные училища, которые организуются в городах, должны готовить квалифицированных рабочих важнейших отраслей промышленности: металлургов, металлургов, химиков, горняков, нефтяников и рабочих других сложных профессий, а также квалифицированных рабочих для морского и речного транспорта и предприятий связи. Железнодорожные училища организуются для подготовки квалифицированных рабочих железнодорожного транспорта: помощников машинистов, слесарей по ремонту паровозов и вагонов, котельщиков, бригадиров по ремонту пути и других рабочих сложных профессий. Помимо производственного обучения учащиеся ремесленных и железнодорожных училищ будут проходить также общеобразовательные и специальные дисциплины, связанные с обучением данной профессии.

Для подготовки рабочих массовых профессий организуются школы фабрично-заводского обучения с шестимесячным сроком обучения. Эти школы в первую очередь должны готовить рабочих для угольной, горнорудной, металлургической и нефтяной промышленности и для строительного дела.

Производственное обучение в школах ФЗО обеспечивает доброкачественную подготовку рабочих массовых профессий. Общие дисциплины не включаются в курс обучения. Такая постановка дела сейчас возможна благодаря повышению общеобразовательного ценза молодых людей, поступающих в школы профессиональной подготовки. По данным ЦУНХУ, 63,2% всех принятых осенью 1938 г. в школы ФЗО окончили неполную среднюю школу. По некоторым

²⁵ По РСФСР наибольшее число школ и учащихся в них падает на Московскую, Ленинградскую, Ивановскую, Горьковскую, Молодцовскую, Свердловскую и Сталинградскую области.

наркоматам удельный вес подростков, имеющих семилетнее образование, среди принятых в школы еще выше. Так, в школах ФЗУ машиностроительной промышленности подростки, окончившие 7 классов, составляют 78,9% общего числа принятых в школы²⁶. Всеобщее среднее обучение в городе и деревне дает возможность превратить школы фабрично-заводского обучения в подлинно профессиональные школы подготовки квалифицированных рабочих.

Постановление СНК Союза ССР от 2 октября с. г. обязывает вновь образованное Главное Управление Трудовых Резервов при СНК СССР принять в период с 10 по 25 ноября 1940 г. 350 тыс. человек молодежи мужского пола в возрасте 14—15 лет в ремесленные и железнодорожные училища и 250 тыс. в возрасте 16—17 лет в школы фабрично-заводского обучения. Президиум Верховного Совета СССР обязал ежегодно готовить в этих профессиональных школах для передачи в промышленность от 800 тыс. до 1 млн. человек городской и колхозной молодежи. Таким образом, подготовка рабочих кадров в СССР развертывается как важнейшая государственная задача.

Государство создает исключительно благоприятные условия для учащихся профессиональных школ. Обучение в этих школах производится бесплатно и учащиеся находятся на иждивении государства. Финансируя подготовку квалифицированных рабочих, предоставляя рабочему все условия для роста его производственной квалификации, государство тем самым повышает жизненный уровень рабочего класса СССР.

В ряде постановлений правительства, связанных с Указом от 2 октября, сформулированы конкретные задачи организации профессиональных школ, в частности, указаны масштабы обучения по отдельным районам СССР. Отметим, что в соответствии с созданием новых экономических центров в восточных районах страны сеть школ в них должна быть расширена. Развитие сети школ в восточных районах страны даст возможность увеличить постоянные кадры на предприятиях Восточной Сибири, Дальнего Востока и относительно уменьшить ежегодную переброску сезонной рабочей силы в эти районы.

Указ выдвигает перед государственными и общественными организациями Союза ответственную и почетную задачу организации профессионального образования и подготовки трудовых резервов.

Широкое развитие подготовки молодых квалифицированных рабочих через ремесленные и железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения не исключает и других форм обучения. Некоторые работники, занимающиеся подготовкой кадров, полагают, что теперь не будет надобности в техминимуме, тем более, что основные кадры рабочих уже сдали гостехэкзамен. Такие взгляды ошибочны. Социалистическая техника непрерывно движется вперед, обогащаясь новыми достижениями. В связи с этим повышаются требования к технической подготовленности рабочих. Значительные контингенты сдавших гостехэкзамен 3—3½ года назад уже теперь в ряде случаев нуждаются в пополнении своих знаний. В соответствии с дальнейшим ростом технического вооружения отраслей народного хозяйства должны быть пересмотрены и изменены программы обучения рабочих. Возьмем, к примеру, строительство. В докладе т. Молотова на XVIII съезде ВКП(б) указано, что скоростные методы должны стать ведущими на стройках в третьем пятилетии.

²⁶ «Культурное строительство СССР», стр. 135.

Методы эти требуют новой организации учебы кадров строителей, коренной переработки программ курсов и кружков.

Таким образом, наряду с подготовкой новых рабочих, необходимых для все расширяющейся социалистической промышленности, в ближайшие годы должна производиться и переподготовка рабочего состава.

С другой стороны, наша промышленность комплектуется не только за счет подростков. Ежегодно десятки тысяч взрослых колхозников, огромная масса женщин вливаются в наши социалистические предприятия. Эти новые рабочие должны быть быстро обучены сложной технике производства. Сама жизнь выдвинула формы подготовки рабочих тех специальностей, которых не готовят школы: это курсовая сеть, которая дает возможность за срок от 3 до 6 месяцев, в зависимости от специальности, подготовить необходимые кадры рабочих для наших предприятий. Курсовая подготовка рабочих полностью отвечает интересам народного хозяйства страны и соответствует решениям партии по вопросам обеспечения народного хозяйства квалифицированной рабочей силой.

Товарищ Сталин еще на Первом совещании стахановцев по-новому поставил вопрос о производственно-техническом обучении рабочего класса СССР. Товарищ Сталин указал конкретный путь ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом — подъем культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда. Этот подъем осуществим только в условиях социалистического строя, где труд освобожден от гнета эксплуатации, где рабочий класс имеет все возможности обеспечить себе техническое образование.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о Государственных Трудовых Резервах, устанавливающий новую систему подготовки квалифицированных рабочих, ставит по-новому вопросы воспроизводства рабочей силы и создает условия для успешного решения основной экономической задачи СССР.

К вопросу о специализации и кооперировании в машиностроении¹

Всемерное развитие машиностроения — необходимое условие решения основной экономической задачи СССР. Создание передового машиностроения, обеспечивающего все отрасли народного хозяйства и оборону страны наиболее производительными типами машин, широкий переход к постройке средних и небольших предприятий, ликвидация встречных и излишних перевозок, — все это предъявляет новые требования к специализации и кооперированию в машиностроении. Выполнение этих требований возможно только на основе осуществления директив XVIII съезда ВКП(б): «В промышленном строительстве не допускать постройки предприятий с чрезмерно узкой специализацией и организовать кооперирование предприятий внутри экономических районов»². В таких районах, как Урал и Поволжье, по решению съезда, в третьей пятилетке должны быть созданы предприятия-дублиеры по ряду отраслей машиностроения, нефтепереработки и химии, чтобы ликвидировать случайности в снабжении некоторыми промышленными продуктами с предприятий-уникумов. Таким образом, съезд указал, как должна быть разрешена задача сочетания специализации и кооперирования с правильным размещением промышленности.

В стране социализма специализация и кооперирование осуществляются планомерно, в противоположность странам капиталистическим, где они являются стихийными процессами. Огромные возможности социалистической системы хозяйства в области развития специализации и кооперирования не могут быть реализованы в порядке самотека, — необходимо активное и четкое планирование.

* * *

Характерной особенностью машиностроительной промышленности является многообразие ассортимента изделий. Машиностроительные заводы, в противоположность предприятиям с однородной продукцией (например, цементным заводам и др.), время от времени изменяют номенклатуру производимых изделий. В одних случаях это проявляется в форме внедрения новых типов машин, в других — коренным образом изменяется специализация данного завода.

В условиях капитализма происходят довольно часто резкие, сплошь и рядом нерациональные изменения в специализации машиностроительных заводов, вызываемые стихийными колебаниями рыночного спроса. Этот неизбежный результат анархии капиталистического производства можно продемонстрировать на примере любого машиностроительного завода дореволюционной России. Обратимся хотя бы к истории Брянского завода (ныне «Красный Проф-

¹ Предложения автора печатаются в порядке постановки вопроса.

² Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 31.

интерн»), основанного в 1873 г. Вначале он был рельсопрокатным, затем вскоре стал в основном машиностроительным, а потом перешел на производство подвижного состава для железных дорог: вагоностроением завод начал заниматься с 1881 г., а паровозостроением — с 1893 г. С течением времени на заводе появлялись и исчезали новые производства, так как спрос на подвижной состав со стороны министерства путей сообщения был неустойчивым. В результате завод производил химическое и нефтяное оборудование, сельскохозяйственные машины, локомобили, краны, молоты, тракторы и т. д. В таком же положении находятся современные машиностроительные заводы в капиталистических странах.

В условиях планового, социалистического хозяйства коренное изменение специализации машиностроительного завода может и должно быть планомерным и глубоко продуманным. Изменения в номенклатуре производимых машин обуславливаются возникновением или быстрым развитием потребности в том или ином оборудовании. Это, в свою очередь, связано со сдвигами в отраслевой структуре промышленности, в размещении последней, с техническим прогрессом.

Изменение специализации предприятия означает, по существу, возникновение нового производства на базе старого производственного аппарата. Это сопровождается изменением всех связей как по снабжению данного предприятия, так и по сбыту его продукции. Заводу в связи с новой специализацией могут потребоваться иные профили проката, иные виды металла. В то же время новая продукция, и это особенно важно подчеркнуть, будет сбываться уже в других районах и пунктах, размещение ее будет носить совершенно иной характер. Коренное изменение специализации завода должно быть тщательно обосновано не только с точки зрения потребности народного хозяйства в данной продукции и соответствия производственного аппарата (цеховой структуры, состава оборудования и т. д.) новой специализации, но и с точки зрения правильного размещения производства.

Однако в практике нашего планирования вопросам, связанным с изменением специализации заводов, уделяется недостаточно внимания. В наркоматах часто отсутствуют данные, какова потребность в том или ином оборудовании, вследствие чего принятая специализация носит иногда случайный и неустойчивый характер. Нередко профиль предприятия изменяется необоснованно, что приводит к дорогим и нецелесообразным реконструктивным работам. Так, например, Краснопресненский механический завод неоднократно, и при этом недостаточно обоснованно, изменял свою специализацию, переходя от производства вентиляторов к выпуску разнообразных видов текстильного оборудования. Небольшой петровский завод «Молот» (Саратовский облместпром) намечено было специализировать на фонарях «Летучая мышь», затем решили изготавливать фонари «Лилипут». Все это потребовало известных затрат, между тем фонари так и не производились — специализация завода была вновь изменена.

Планирование специализации машиностроительных заводов особенно неудовлетворительно в свете задач правильного размещения производств. Наркоматы и отраслевые секторы Госплана намечают определенные изменения в специализации заводов для удовлетворения наиболее острой потребности в том или ином виде оборудования, учитывая производственные возможности соответственного завода. В то же время планирующие органы часто упускают из виду такой существенный элемент, как увязка специализации с требова-

ниями правильного размещения производства (близость к источникам сырья и центрам потребления, наличие электроэнергии и т. д.). В результате в ряде случаев происходит нерациональное, случайное размещение производства. Приведем некоторые примеры.

Саратовский машиностроительный завод имени Кагановича, находившийся до 1932 г. в ведении Саратовского металлотреста, выпускал, главным образом, нефтяные двигатели, которые в значительной части сбывались в пределах Поволжья. С 1932 г. завод перешел в ведение треста Союззапчермет и переключился на производство подсобных механизмов и запасных частей для нужд черной металлургии и отчасти коксо-химической и огнеупорной промышленности. Сейчас завод находится в системе Наркомчермета и производит для черной металлургии редукторы, лебедки, тяговые механизмы, пакет-прессы, крановые тележки, различного рода клапаны и т. д. Завод отливает даже изложницы — тяжелые, громоздкие чугунные формы, производство которых легко может быть организовано на месте, в металлургических районах. Производство механизмов, запасных частей и изложниц для черной металлургии в Саратове — яркий пример нерационального размещения предприятий. Металл, прибывающий из металлургических центров, после обработки вновь направляется на металлургические заводы, ближайшие из которых расположены на расстоянии 650—700 км от Саратова.

Остановимся еще на одном примере. Приволжский завод (местпрома Куйбышевской обл.), расположенный в 40 км от ближайшей железнодорожной станции Обшаровка, в 1936 г. был переоборудован из незаконченного инсаритового в металлообрабатывающий. По решению Наркомместпрома, завод специализировался на выпуске товарных весов системы «Фербенкс». Но весы не находили вблизи потребителей, и продукция сбывалась в отдаленных районах. Кроме того, производство весов «Фербенкс» требует большого количества фондируемого сырья. В годовом отчете завода за 1938 г. читаем: «коллектив завода просит облместпром пересмотреть план 1939 г. и предлагает использовать завод для ремонта сельскохозяйственных машин». Нецелесообразность специализации ощущал весь коллектив завода.

На Кунгурском заводе (Челябинской обл.) взамен производства экскаваторов организуется выпуск нефтяного оборудования. Вносит ли это обстоятельство изменение в размещение существующего производства нефтяного оборудования, сосредоточенного в настоящий момент, главным образом, в старых нефтяных районах (Баку, Грозном)? Бесспорно.

Завод им. Сакко и Ванцетти в Сталинграде, выполнявший ранее различные ремонтные работы местного значения, с октября 1930 г. начал производить прачечное оборудование (стиральные машины, бучильники, центрофуги и выжималки); с 1935 г. завод переключился на производство медицинского оборудования и инструмента (электробормашины, электрошлейфмашины, различные медицинские аппараты, души и т. д.).

Можно привести множество подобных примеров изменения специализации заводов. Планирующие организации должны решать, насколько целесообразно производить то или иное изделие именно в данном пункте. Для этого необходимо тщательно изучать все изменения, связанные с новой специализацией предприятия, органически увязывать планирование специализации заводов и размещения производств. Такой порядок планирования специализации будет способствовать ликвидации нерациональных межрайонных связей.

Новые требования к планированию специализации возникают в связи с задачей комплексного развития основных экономических районов. Это можно наглядно проиллюстрировать на примере производства автотракторных деталей (запасных частей). Большая часть существующих заводов автотрактородеталей специализировалась на выпуске одной, двух или трех деталей. Такие основные детали, как гильзы, поршневые кольца, клапаны, коленчатые и распределительные валы, поршневые втулки и др., производятся отдельными специализированными заводами, не имеющими дублеров. Например, Куйбышевский завод тракторных деталей, специализирующийся на производстве клапанов, выпускает клапаны почти исключительно для колесных тракторов.

Недопустимость такого положения очевидна, если принять во внимание, что для ремонта автотракторного парка, включающего машины разных марок, необходимы тысячи деталей. При существующей специализации каждый из заводов Глававтотрактородетали (Одесский, Киевский, Куйбышевский) снабжает своей продукцией все области Союза — от Дальнего Востока до Украинской ССР и Кавказа. Это не только загружает транспорт, но и создает неустойчивость в снабжении запасными частями непосредственного потребителя, который нуждается и в куйбышевских клапанах, и в одесских поршнях, и в мичуринских поршневых кольцах и т. д. Обеспечение крупнейших экономических районов всей основной номенклатурой тракторных деталей — очень важная задача. Для этого необходимо рассредоточить производство тракторных деталей по всем основным экономическим районам, создать ряд заводов-дублеров. В то же время нужно отказаться от узкой специализации, расширив номенклатуру изготавливаемых деталей на существующих заводах тракторных деталей и проектируя новые предприятия с более широким профилем специализации.

* * *

Кооперирование получило наибольшее распространение в машиностроительной промышленности. Как известно, почти всякая машина состоит из огромного числа деталей и частей (автомобиль имеет около 5 000 деталей, обычный станок — 700—800 деталей). Даже наилучшим образом оснащенный машиностроительный завод не может и не должен изготавливать всю машину целиком. Отсюда неизбежность производственных связей между специализированными машиностроительными предприятиями. Известно, как широко развилось кооперирование в области литейного производства, производства деталей и частей машин (последнее — особенно в автотракторной промышленности). Вновь организуемое производство малолитражных автомобилей на заводе «КИМ» опирается на работу 92 предприятий-смежников. Сталинградский тракторный завод в 1939 г. был связан с 70 предприятиями, не считая поставщиков металла. В постройке советских кораблей участвуют, помимо предприятий Наркомата судостроительной промышленности, около 200 заводов разных наркоматов. Имеется значительное количество специализированных заводов, обеспечивающих судостроение турбинами, вспомогательными механизмами, броней, вооружением, специальными приборами и аккумуляторами. Весьма серьезное значение имеет кооперирование и для авиационной промышленности, станкостроения, паровозо-вагоностроения, сельскохозяйственного машиностроения и других отраслей.

Несмотря на то, что вредители всячески тормозили развитие кооперирования, последнее сыграло исключительную роль при выполнении машиностроением сложных, больших задач, поставленных партией и правительством, в частности, при производстве первого блюминга, строительстве метро и т. д. Могучий рост машиностроения в годы сталинских пятилеток был неразрывно связан с развитием кооперирования. Но практика кооперирования, сложившаяся к началу третьей пятилетки, еще далеко не соответствует требованиям выросшего машиностроения и всего народного хозяйства. Так, московский «Станколит» и Ленинградский «Центролит», являющиеся базами внутриотраслевого кооперирования, не выполняют программы по литью для мелкосерийных станков. Поставка некомплектного литья, несоблюдение сроков выпуска, высокий процент брака и т. д. болезненно отражаются на работе станкостроительных заводов. Кроме того, литейные заводы дают литье с большими припусками, не производят необходимой очистки, обрубки и грунтовки его, что удлиняет цикл обработки деталей на основных предприятиях. Резко отстает от потребностей станкостроения производство гидроаппаратуры, гидронасосов, электроаппаратуры и т. д. на вспомогательных заводах.

Большие недостатки имеются еще в области межотраслевого (межнаркоматского) кооперирования. Так, электропромышленность плохо снабжает станкостроение даже электрооборудованием общего назначения (нормальными электродвигателями, магнитными пускателями, кнопками, предохранителями и т. п.). Производство шарикоподшипников, особенно прецизионных, далеко не отвечает потребностям станкостроения (как по ассортименту, так и по количеству). Между тем роль электроаппаратуры и шарикоподшипников в современном станкостроении исключительно велика: они в значительной мере обуславливают автоматизацию и быстроходность станков.

Серьезные недочеты в практике кооперирования имеются и в других отраслях машиностроения. Указ Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями (от 10 июля 1940 г.) сыграет исключительную роль в упорядочении кооперирования.

Крупнейшим недостатком в современной практике кооперирования, носящего главным образом ведомственный характер, является пренебрежение к вопросам географического размещения кооперируемых предприятий. В 1939 г. Сталинградский тракторный завод изготовил отливки и детали для Ленинградского завода им. Кирова и для Уфимского моторного завода, а между тем эти отливки и детали не слишком сложны и вполне могли бы изготавливаться на предприятиях, находящихся ближе к Ленинграду и Уфе. Московский станкостроительный завод им. С. Орджоникидзе (Главстанкопрома), не имевший в 1938 г. еще своей кузнечной базы, заказал поковки восьми заводам, в том числе Тбилисскому заводу им. Кирова (того же главка). Краснодарский станкостроительный завод им. Седина снабжает чугуном и стальным литьем Харьковский завод им. Молотова, тогда как из Харькова вывозятся чугунные отливки, и т. д. и т. п.

«Правда» в специальном обзоре писем читателей «О кооперировании машиностроительных заводов» опубликовала следующий любопытный пример: «Существует такая запасная часть — «венец мельницы». Эту деталь отливают в Криворожье. Для термической обработки ее везут на Ново-Краматорский завод. Потом доставляют в

Ленинград, на завод им. Сталина, где производится механическая обработка. Только после такого путешествия «венец» попадает в Березники. Сколько лишних перевозок, перегрузок!». Уральские машиностроительные заводы выполняют, главным образом, заказы предприятий, расположенных в южных районах страны. «А мы, потребители Севера,— пишет главный механик Березниковского химического комбината,— с трудом преодолевая всякие рогатки, размещаем заказы на Юге»³.

Специально разработанные в 1937 г. материалы по литейному производству показывают, что узковедомственное кооперирование приводит к весьма неудовлетворительным районным балансам литья. Так, по фасонному стальному литью доля внутрирайонного кооперирования составляет 10% всего литья, получаемого в порядке кооперирования (19 тыс. т из 186 тыс. т). Остальные 90% стального литья перевозятся из одного района в другой. Между тем значительная часть промышленных областей (Ленинградская, Московская, Свердловская и др.) могла бы самостоятельно полностью удовлетворить свою потребность в литье. Например, Московская область произвела в 1937 г. 47,6 тыс. т фасонного стального литья, из которых потребила только 33,6 тыс. т, вместо необходимых 41,1 тыс. т.

Кооперирование предприятий, сильно отдаленных друг от друга, приводит не только к дальним перевозкам и, следовательно, к излишней загрузке транспорта. Такое кооперирование не позволяет оперативно согласовывать ряд вопросов, возникающих обычно при выполнении заказов.

В связи с разукрупнением наркоматов и главков задачи в области кооперирования крайне усложнились. Существовавшие внутринаркоматские связи превратились в значительном числе случаев в межнаркоматские связи. Наркоматы стремятся проводить кооперирование исключительно или главным образом в пределах своего ведомства, отгородиться от всех «прочих» предприятий и хозяйственных организаций. Это наносит удар сложившемуся кооперированию и тем самым тормозит выполнение государственного плана.

Увязка работы наркоматов в новых условиях потребовала усиления аппарата Госплана и Экономсовета. Важнейшим организационно-хозяйственным мероприятием явилось решение Совнаркома «О перестройке работы Экономсовета при СНК Союза ССР», имеющее огромное значение для всего народного хозяйства СССР и особенно для улучшения руководства промышленностью. Создание Хозяйственного совета по машиностроению при СНК Союза ССР приведет, несомненно, к упорядочению кооперирования в машиностроении.

Наиболее актуальной задачей настоящего момента следует считать всемерное развитие внутрирайонного кооперирования и планомерную ликвидацию нерациональных связей между заводами. Надо расширять смежные производства в пределах экономического района, создавая тем самым производственную базу внутрирайонного кооперирования. В настоящее время заводы-смежники нередко находятся на больших расстояниях от основных предприятий. Это ярко видно на примере снабжения Сталинградского тракторного завода (см. таблицу на стр. 148).

Таким образом, около 9/10 всех материалов, полуфабрикатов и деталей прибывают на Сталинградский тракторный завод из Центрального промышленного и Северозападного районов. Из промышлен-

³ «Правда» от 28 марта 1940 г.

Размещение производства материалов, полуфабрикатов и деталей, поступающих на Сталинградский тракторный завод (в %) ⁴

Экономические районы	1938 г.	1939 г.
Европейский Север	—	0,2
Северо-западный	20,9	27,5
Центральный	57,5	59,23
Центрально-Черноземный	0,7	—
Верхняя Волга	0,02	0,5
Поволжье	1,6	3,5
Северный Кавказ	0,02	0,6
Урал	4,7	7,0
Западная Сибирь	0,03	—
Восточная Сибирь	—	0,03
Дальний Восток	0,03	0,04
УССР	13,7	1,0
Армянская ССР	0,8	0,4
Итого	100,0 (41 6 млн. руб.)	100,0 (42,3 млн. руб.)

ного центра (главным образом, Москвы) на Сталинградский тракторный завод поступают фибровые прокладки, автолампы, стекло для масленок, термостаты, автоприборы, шплинты, электроды, резиновые изделия, дерматин, лаки, асбестовые диски, войлочные изделия, подшипники, детали из пластмассы, ватные детали, технические ткани, шланги (рукава), цели Галля, ленты, шоферский инструмент и т. д. Производство многих полуфабрикатов и деталей, завозимых в настоящее время из других районов, вполне может быть организовано в пределах своего района или области.

Ленинградский завод «Электросила» в 1939 г. получил литье от 33 заводов-поставщиков, расположенных в самых разнообразных и весьма отдаленных от основного завода пунктах — в Свердловске, Армавире, Никополе, Симферополе и т. д. Такое размещение смежников и кооперируемых предприятий крайне отрицательно отражается на работе основных крупных предприятий.

Упорядочение кооперирования, ликвидация нерациональных связей требуют усиления планового руководства этим делом. Плановое кооперирование, способствующее повышению использования производственных мощностей, должно основываться на точном знании последних и степени их использования. Выявление узких мест на одних заводах и избыточных мощностей на других — необходимая предпосылка правильного плана кооперирования.

Разработка материальных балансов и, главным образом, районных балансов по отдельным полуфабрикатам (например, отливкам, поковкам) является важнейшим элементом плановой работы в области кооперирования машиностроительных заводов. В балансах должны быть отражены потребность в данном полуфабрикате и источник его получения. Отраслевые балансы (в наркоматах и главных управлениях) полуфабрикатов разрабатываются плохо и далеко не систематически. Балансы полуфабрикатов (межведомственные, районные и межрайонные), охватывающие все машиностроение СССР, не разрабатываются вовсе, поскольку органы Госплана еще не приступили вплотную к работе по кооперированию. Составление районных и

⁴ Не включены металлы, топливо и стройматериалы. Таблица составлена по данным завода.

межрайонных балансов полуфабрикатов должно стать обязательным элементом работы Госплана и плановых комиссий областей и республик. Многосторонние и изменяющиеся при новых производственных условиях связи между десятками и сотнями предприятий не могут планироваться и регулироваться одним лишь центральным органом. Необходимо усиление роли местных плановых органов. Районные балансы полуфабрикатов и деталей должны разрабатываться местными плановыми органами таким образом и на такой стадии планирования, чтобы можно было вносить коррективы в соответственные отраслевые планы. Активная работа местных плановых органов в области кооперирования — необходимая предпосылка развития районного кооперирования. Для этого нужно несколько расширить их права. Областные и краевые плановые комиссии или уполномоченные Госплана должны получать материалы об избыточных и недостающих мощностях не только по предприятиям местной промышленности, но также по республиканским и союзным предприятиям.

* * *

В решениях партии и правительства неоднократно подчеркивалась роль специализации и кооперирования в развитии промышленности, особенно машиностроения. Специализация социалистической промышленности была всегда одним из существеннейших элементов технической политики. Однако задачи в этой области менялись на различных этапах нашего строительства.

В первой пятилетке сдвиги в специализации выражались, главным образом, в сосредоточении на отдельных заводах однородной продукции. Так, в сельскохозяйственном машиностроении к 1932 г. семь заводов, изготовлявших ранее десятки типов сельскохозяйственных машин, были специализированы каждый на одном типе. Новые заводы (автотракторные, станкостроительные и т. д.) с самого начала своей работы специализировались также на производстве одного-двух видов или групп машин. Рос удельный вес основной продукции на специализированных заводах (в паровозостроении, котло-турбостроении и других отраслях).

Если в первой пятилетке развитие специализации проявлялось, главным образом, в простом сокращении ассортимента производимых данным предприятием машин, то в последующие годы в ряде отраслей машиностроения (станкостроение, электротехническая промышленность и др.) развитие специализации сопровождалось ростом числа типов машин в пределах данной однородной группы. Эта тенденция отчетливо проявилась в станкостроении. Так, например, завод «Красный пролетарий» уже с конца первой пятилетки целиком специализировался на группе токарных станков. Завод им. Ленина (Одесса), в годы первой пятилетки производивший токарные, строгальные, сверлильные и болторезные станки, к концу второй пятилетки почти полностью специализировался на изготовлении сверлильных станков.

Таким образом, основная масса станкостроительных заводов во второй пятилетке получила определенный профиль, ограниченный производством одной или двух групп станков. В то же время, в связи с широким развитием во втором пятилетии машиностроения, возрос спрос на новые сложные типы станков, в результате чего увеличилось количество типо-размеров, падающее на один завод (в пределах данной группы станков). Так, на заводе «Красный пролетарий» число производимых типо-размеров станков выросло с 7 в

1933 г. до 28 в 1939 г., на Московском заводе шлифовальных станков — соответственно с 2 до 13, на заводе им.Орджоникидзе — с 3 до 16, на заводе им. Свердлова — с 7 до 15 типо-размеров и т. д. В этой связи интересно рассмотреть изменения в специализации завода «Красный пролетарий» за период с 1927/28 до 1939 г.

В 1927/28 г. завод «Красный пролетарий» выпускал токарные станки (в том числе несколько колесо-токарных и карусельных), поперечно- и продольнострогальные, долбежные, вертикальноверлильные и болторезные станки. Кроме того, «Красный пролетарий» производил двигатели и другую не-станкостроительную продукцию. В 1931/32 г. завод выпускал только токарные станки. В конце второй пятилетки и в начале третьей номенклатура продукции завода обогатилась многолезцовыми токарными станками, токарными автоматами и специальными станками. Такое расширение номенклатуры отнюдь не означало возврата к «специализации» 1927/28 г. Узкая специализация 1931 и 1932 гг. позволила в короткий срок максимально увеличить выпуск относительно простых станков. Последующее расширение типов станков на базе определенной специализации было связано с растущими потребностями в более производительных станках и с увеличением производственных возможностей завода.

Плановое хозяйство дает возможность устранить изготовление излишних и параллельных типов машин.

В капиталистическом станкостроении насчитывается 4—5 тыс. типо-размеров станков. В условиях советского хозяйства число их может быть сведено к 800—1000 основных типо-размеров. В капиталистических странах изготавливается свыше 12 тыс. различных типов и размеров подшипников качения. Для народного хозяйства нашей страны необходимо, примерно, 2,5—3 тыс. типо-размеров указанных подшипников. В США выпускается 70 типов машин для мойки посуды, 50 типов тестомесильных машин и т. д.; известно многообразие типов выпускаемых в США автомашин и т. д. В наших условиях нет нужды в таком излишнем многообразии типов.

Решение основной экономической задачи СССР предполагает усиленное развитие машиностроительной промышленности, создание передового машиностроения, способного удовлетворить растущие требования всех отраслей народного хозяйства и обороны. В связи с этим в третьем пятилетии к машиностроению предъявляются серьезные требования: оно должно освоить новые типы машин, расширить ассортимент производимого оборудования. Так, станкостроение должно довести к 1942 г. ассортимент станков до 800 типо-размеров (в 1937 г. их было около 300); пищевое машиностроение увеличит номенклатуру изделий в $1\frac{1}{2}$ —2 раза; значительно расширится ассортимент изделий в энергетическом машиностроении (в частности, в связи с необходимостью оборудовать мелкие электростанции); увеличится число типов машин и в транспортном машиностроении вследствие производства ряда мелких серий специализированных паровозов и вагонов и т. п. В этих условиях, когда количество типо-размеров машин будет возрастать быстрее, чем число предприятий, неизбежно дальнейшее увеличение ассортимента продукции каждого завода. Этот рост ассортимента изделий можно будет несколько ограничить путем расширения производственной базы машиностроения за счет привлечения заводов других отраслей (например, производство пищевого оборудования можно организовать на ремонтных заводах пищевой промышленности, станков — на машиностроительных заводах местной промышленности, оборонной и т. д.), а также за счет строительства новых заводов. Однако все

это говорит о том, что специализация не всегда предполагает сокращение ассортимента. Увеличение количества типов машин, находящихся в производстве, при технологической и конструктивной их близости отнюдь не является показателем деспециализации заводов.

В третьем пятилетии необходимо дальнейшее развитие и углубление специализации. Следует, в частности, упорядочить специализацию вагоностроительных заводов (товарного и пассажирского вагоностроения), заводов тяжелого машиностроения и других отраслей. На отдельных заводах, где до сих пор не изжит универсализм, необходимо сократить ассортимент производимых изделий. Однако наиболее важной задачей заводов, специализирующихся на производстве готовых машин, является в настоящее время установление твердого профиля предприятий, ликвидация чрезмерно узкой специализации.

* * *

Рост числа типов машин, изготавливаемых на основных заводах, настойчиво диктует освобождение последних от массового производства стандартных деталей. До сих пор даже наши крупнейшие машиностроительные заводы заняты изготовлением, наряду со сложными машинами, таких деталей, как шайбы, болты, гайки, пружины, втулки, мелкие подшипники и т. д. (например, Уральский машиностроительный завод им. С. Орджоникидзе). Освобождение основных заводов от производства однотипных деталей (шестерен, подшипников и т. д.) и, следовательно, от их конструирования даст огромную экономию квалифицированного труда и ускорит освоение новых сложных машин.

Одним из важнейших и наиболее эффективных видов специализации является специализация по деталям машин. Наличие в машинах разнообразных конструкций и назначений одинаковых деталей создает базу для развития такого рода специализации. Маркс писал: «...механика, несмотря на величайшую сложность машин, не обманывается на тот счет, что все они представляют постоянное повторение элементарных механических средств»⁵. Более совершенная технология, применение специализированного оборудования, широкое внедрение механизации и автоматизации делают массовое специализированное производство деталей в несколько раз более производительным, чем изготовление их на не-специализированных заводах.

Наиболее яркий пример развития специализации по деталям представляет собой создание за годы сталинских пятилеток подшипниковой промышленности. Первый Государственный подшипниковый завод им. Л. М. Кагановича в 1938 г. выпустил 40 млн. подшипников качества. Однако Советский Союз все еще отстает от передовых в техническом отношении стран Европы и США в области освоения современного ассортимента подшипников. Шарикоподшипниковые заводы должны, следовательно, увеличить число выпускаемых типоразмеров подшипников.

Перед советским машиностроением стоит задача — расширить круг деталей и частей машин, подлежащих производству на специализированных предприятиях. Возросший за первые две пятилетки технический уровень машиностроения вполне позволяет это осуществить. Такие однотипные детали, как шестерни, редукторы, поршневые кольца, клапаны и т. д., целесообразно производить на небольших специализированных предприятиях, расположенных в крупнейших маши-

⁵ Маркс, Капитал, Партиздат, 1935, т. I, стр. 378.

ностроительных центрах. К реализации этой задачи следует приступить частично уже в ближайшие годы.

Интересен в этой области опыт передовых в техническом отношении капиталистических стран. Например, в США производством зубчатых передач в течение десятков лет занимается несколько специализированных предприятий. В 1929 г. эти предприятия выпустили шестерен (за исключением автомобильных) на 30,3 млн. долл., а по тоннажу — приблизительно 70—80 тыс. т⁶. Производством зубчатых колес и редукторов на продажу занимаются в значительной мере фирмы, изготавливающие зуборезное оборудование. Естественно, что на этих заводах используется наиболее современное зуборезное оборудование.

В США и Западной Европе имеются специальные заводы по производству поршневых колец; эти предприятия ведут широкую экспериментальную, исследовательскую работу. В 1929 г. в США было произведено (на продажу) 281,5 млн. поршневых колец общей стоимостью в 20,1 млн. долл.

Отсутствие в СССР специализированного производства ряда деталей влечет определенные потери. Например, дорогостоящие станки и инструменты для производства зубчатых колес, установленные на неспециализированных заводах, используются с неполной нагрузкой. Зуборезные станки не загружены даже на таких предприятиях, как Уральский и Краматорский машиностроительные заводы.

В области станкостроения важнейшей задачей является организация ряда небольших специализированных заводов для производства станочных нормальных принадлежностей и приспособлений. Это крайне необходимо не только для оснащения выпускаемых станков, но и для модернизации изношенного станочного оборудования, необходимость которой указана в решениях XVIII съезда ВКП(б). Замена износившихся принадлежностей и оснащение старых станков приспособлениями и принадлежностями резко повышают отдачу станков. Применение например, многорезцовой державки, поворотного стола на фрезерном станке и т. д. значительно увеличивает производительность станков. Оснащение револьверных станков, используемых в основном в качестве простых токарных станков, державками и другими приспособлениями повышает их производительность в 2—4 раза.

Инструментальное дело — один из важнейших видов вспомогательного производства в машиностроении. Все машиностроительные заводы имеют инструментальные цехи или отделы, которые производят режущий инструмент. Значительная часть этого инструмента (сверла, развертки, фрезеры, метчики) носит стандартный характер, поэтому целесообразно производство его сконцентрировать на специализированных заводах, а не распылять в сотнях мелких цехов машиностроительных заводов.

Строительство специализированных инструментальных заводов было начато в первом пятилетии, однако только во втором пятилетии, когда были освоены новые заводы (им. Калинина, «Калибр») и реконструированы старые, окончательно сформировалась специализированная инструментальная промышленность. Выпуск инструмента (по Главинструменту) увеличился с 61,2 млн. руб. в 1932 г. до 235,7 млн. руб. в 1937 г., т. е. почти в 4 раза. Однако возросший спрос на специальный (не-стандартный) режущий и мерительный инструмент заставил загрузить производством его инструментальные заводы («Фрезер» им. Калинина, «Калибр»), что привело к сокращению выпуска:

⁶ Американский ценз 1929 г.

стандартного инструмента. В свою очередь, недостаток стандартного инструмента вынудил инструментальные цехи машиностроительных заводов заняться его изготовлением. Между тем инструментальные заводы обязаны в первую очередь удовлетворять потребность в стандартном инструменте, а инструментальные цехи машиностроительных заводов должны производить специальный инструмент и специальные приспособления (производство стандартного инструмента в инструментальных цехах обходится значительно дороже, чем на специализированных инструментальных заводах).

Специализация производства крепежных деталей является также одной из первоочередных задач советского машиностроения. Большая часть машиностроительных заводов вынуждена в той или иной мере самостоятельно изготавливать болты, заклепки, гайки, шурупы и другие крепежные детали. Это приводит к значительным потерям. Например, изготовление гайки диаметром в 30 мм на Уральском машиностроительном заводе им. С. Орджоникидзе обходится в 3 руб., тогда как рыночная цена этой гайки 80 коп. Необходимо расширить специализированное производство крепежных деталей путем организации новых производственных баз и соответственного приспособления действующих заводов. В основных экономических районах с наиболее развитым машиностроением нужно создать небольшие специализированные заводы по производству деталей машин, инструмента, метизов и т. д. Эти заводы явятся производственными базами внутрирайонного кооперирования и будут способствовать быстрейшему освоению новых машин.

Б. СУХАРЕВСКИЙ

КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Проблемы воспроизводства основных фондов в промышленности СССР

(О нормах амортизации и ремонте)

Техническое перевооружение народного хозяйства СССР на началах современной техники привело к огромному увеличению размеров основных фондов. Разрешение основной экономической задачи СССР потребует дальнейшего значительного увеличения основных фондов. По плану третьей пятилетки основные фонды СССР составят почти 350 млрд. руб., а в ближайшие 10—15 лет они достигнут таких размеров, что их надо будет измерять уже триллионами рублей. Роль основных фондов в процессе воспроизводства также неизмеримо возрастает. Переход к коммунизму предполагает такое преобразование производственного процесса, при котором результаты производства все более определяются функционированием основных фондов, уровнем их развития. Маркс писал: «...по мере развития крупной промышленности создание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и количества затраченного труда, чем от мощности агентов, приводимых в действие на протяжении рабочего времени, агентов, которые сами — могучая производительность которых сама, в свою очередь, не находится в соответствии с тем непосредственным рабочим временем, которого стоит их производство, а зависит от общего состояния науки и от степени развития технологии или от применения этой науки к производству»¹.

Одновременно с ростом размеров основных фондов и повышением роли их в народном хозяйстве крупнейшее экономическое значение приобретают проблемы правильного и рационального воспроизводства основных фондов. К числу таких проблем относятся вопросы износа (снашивания) и возобновления основных фондов, т. е. простого их воспроизводства. Советское государство несет и должно будет нести огромные затраты на сохранение и возобновление основных фондов в промышленности. Достаточно сказать, что амортизационные отчисления по основным фондам промышленности за годы третьей пятилетки составят около 30—40 млрд. руб., что соответствует приблизительно одной трети всех капиталовложений в промышленность за эти же годы. Размеры затрат на возобновление основных фондов существенно зависят от сроков их жизни, которые, в свою очередь, определяются, с одной стороны, использованием основных фондов, а с другой, формами их возобновления — по частям (в порядке ремонтных работ) и целиком, а также материальной базой ремонта и его организацией.

Крупнейшее значение вместе с тем имеет правильный счет размеров необходимых амортизационных отчислений. Еще в «Критике Готской программы», намечая схему распределения общественного продукта в будущем социалистическом обществе, Маркс указы-

¹ Из неопубликованных рукописей К. Маркса, «Большевик» № 11/12, 1939, стр. 61.

вал на необходимость специально выделить: «В о-п е р в ы х, расходы по возмещению потребленных средств производства.

В о-в т о р ы х: добавочную часть для расширения производства»². Неправильный счет размеров амортизационных отчислений может привести к тому, что либо к моменту износа основных фондов амортизационные суммы будут недостаточными для их восстановления, либо, напротив, действительные размеры накопления в народном хозяйстве окажутся преуменьшенными.

Между тем в настоящее время в ряде отраслей промышленности СССР нормы амортизации определены не вполне правильно, а самые сроки жизни основных фондов и формы их возобновления экономически не оправданы. Вследствие этого значительные государственные средства используются нерационально и происходят серьезные нарушения системы хозрасчета.

* * *

Нормы амортизации, как известно, состоят из двух частей. Одна часть предназначена на полное возобновление оборудования, т. е. на замену машин, целиком выбывающих после известного промежутка времени. Эта часть нормы, отчисляемая в Промбанк, определяется амортизационным сроком жизни основных фондов. Вторая часть нормы амортизации предназначена на нужды капитального ремонта, в форме которого происходит возобновление отдельных частей машин и зданий.

Действующие нормы амортизации во многих отраслях промышленности СССР не соответствуют фактическим размерам износа и затратам на возобновление изношенных основных фондов.

Сроки жизни оборудования в большинстве отраслей промышленности более длительны, чем это вытекает из норм амортизации, т. е. не соответствуют размерам первой части нормы амортизации.

Систематический учет сроков жизни основных фондов в промышленности Советского Союза не ведется. В 1933 году, в связи с переписью металлообрабатывающего оборудования, были собраны данные о демонтаже и выбытии металлорежущих станков. Анализ возрастного состава демонтированного и выбывшего оборудования показывает, что в 1933 году из всего оборудования, амортизационный срок которого истек в 1933 году, было демонтировано 6,9% молотов и 5,8% станков, а из них поступило в лом 0,7% станков и 1,3% молотов. Иначе говоря, подавляющая часть оборудования продолжает функционировать в промышленности и после истечения амортизационного срока, притом главным образом на тех же предприятиях, на которых это оборудование было первоначально установлено.

Оборудование, поступившее в лом, представляло в 1933 г. величину совершенно незначительную по сравнению с парком установленного оборудования: по металлорежущим станкам — 0,3% и по молотам и прессам — 0,5%. Анализ возрастного состава оборудования, выбывшего в 1933 г., показывает, что большая часть этого оборудования поступила в лом в результате аварий и случайных поломок (довольно распространенных в начальный период освоения). Об этом свидетельствует факт, что оборудование это было установлено по преимуществу в первом пятилетии.

² Маркс, Соч., т. XV, стр. 272—273.

Таким образом оказывается, что, оборудование почти не выбывает в лом, оно живет как будто бы «вечно», и за срок жизни оборудования происходит многократное и, следовательно, неправильное начисление амортизационных сумм.

Этот вывод подтверждается данными произведенного нами в 1939 и 1940 гг. выборочного обследования движения оборудования на ряде предприятий промышленности. На Мытищинском машиностроительном заводе в 1938 г. из всего установленного парка станков 22,5% составляло оборудование, пережившее свой амортизационный срок; на московском заводе «Борец» — 32,1%; на московском заводе им. Калинина — около 10%. Мы сознательно избрали объектом обследования старые машиностроительные заводы, чтобы установить, переживает ли оборудование амортизационный срок.

В машиностроении в целом преобладающее место занимает новое оборудование, установленное в годы сталинских пятилеток. Поэтому в целом в машиностроении, по отношению ко всему действующему парку оборудования, удельный вес оборудования, пережившего свой амортизационный срок, сравнительно невелик.

Иное дело в текстильной, особенно в хлопчатобумажной, промышленности. Здесь также оборудование почти не выбывает в лом. Но поскольку парк оборудования этой отрасли в незначительной степени обновлен, оборудование, пережившее свой амортизационный срок, занимает в нем довольно большое место. По нашим расчетам не менее 25% парка прядильного оборудования хлопчатобумажной промышленности составляет оборудование, пережившее свой амортизационный срок. На отдельных предприятиях этот процент еще выше. Так, на московской фабрике им. Фрунзе в 1940 г. четверть всего оборудования пережила свой амортизационный срок; через два года доля этого оборудования поднимется до половины. Между тем, по свидетельству работников фабрики, все оборудование находится в таком состоянии, что о выбытии его в ближайшие годы не может быть и речи.

Неправильность действующих амортизационных сроков жизни оборудования обнаруживается также в том, что применение их для расчета перспективного баланса оборудования привело бы к необходимости выведения из строя в ближайший период — в период решения основной экономической задачи СССР — чрезмерного количества оборудования. Так, по нашим подсчетам, при соблюдении установленных амортизационных сроков в период 1937—1952 гг. потребовалось бы вывести из строя паровых турбин на мощность 1,14 млн. квт, электродвигателей (моторов) — на 3,1 млн. квт, трансформаторов — на 8 млн. квт, прядильных веретен — 2—2,5 млн. шт. и т. д.

Следует иметь в виду, что в наших расчетах амортизационного срока жизни оборудования мы исходили из норм амортизации, установленных для основных фондов в целом. Между тем известно, что срок жизни зданий и сооружений более длителен. Поэтому амортизационный срок для оборудования в действительности более короткий, а доля оборудования, пережившего этот срок, более значительна, чем это было указано нами выше. Не случайно поэтому в практике народнохозяйственного планирования при составлении перспективного баланса оборудования амортизационные сроки жизни оборудования игнорируются. Так, например, при составлении баланса текстильного оборудования на третье пятилетие выбытие оборудования в лом вследствие износа почти не проектировалось.

Речь здесь идет не о том, чтобы увеличить выбытие оборудования в лом, а о том, что в результате такого несоответствия амортиза-

ционных сроков жизни фактическим создается недопустимый разрыв между материальной и финансовой частями народнохозяйственного плана, ибо действующие нормы амортизации кладутся в основу определения размеров поступлений по финансовому плану.

С другой стороны, учет потребности в оборудовании только для нового капитального строительства (при расчетах перспективного баланса оборудования) создает реальную опасность того, что мощности машиностроения не будут подготовлены к покрытию полной потребности в оборудовании, включая замену нормально изношенного оборудования.

Итак, действующие нормы амортизации не только не соответствуют реальному снашиванию основных фондов, не только неправильны по отношению к настоящему нашей промышленности, но и неправильно ориентируют промышленность в ее будущем.

Не соответствует реальным условиям возобновления основных фондов и вторая часть норм амортизации, предназначенная для нужд капитального ремонта.

Так, на предприятиях машиностроения, где введена система плано-во-предупредительного ремонта, средства, выделенные на ремонт, при существующей организации ремонтного дела и масштабах частичного возобновления оказываются недостаточными. План ремонта по стоимости выполняется, однако при этом ремонтируется лишь часть того оборудования, которое должно было быть отремонтировано при соблюдении графика ремонта, установленного системой плано-во-предупредительного ремонта. Наркоматы машиностроения укладываются в нормы ремонта, установленные нормами амортизации, именно потому, что система плано-во-предупредительного ремонта охватывает лишь часть оборудования машиностроения. Для Московского тормозного завода (НКСредмаш) норма отчислений на капитальный ремонт установлена более высокая, чем по НКСредмашу в целом. В то же время в 1940 г. пройдет капитальный ремонт лишь, примерно, половина того оборудования, которое должно было быть отремонтировано при нормальном трехлетнем цикле ремонта оборудования. На Московском машиностроительном заводе им. Калинина (Наркомат общего машиностроения) норма затрат на ремонт была также выше средней по наркомату в целом: в 1939 г.—2,77%, в 1940 г.—2,3% (норма по наркомату—2%). При этом в 1940 г. пройдет капитальный ремонт не более чем 4—5% всего оборудования. При трехлетнем цикле ремонта оборудования и ежегодной норме на капитальный ремонт в размере 2% стоимость одного капитального ремонта должна составить в среднем 8% стоимости отремонтированного оборудования. Фактически на московском машиностроительном заводе им. Калинина в 1940 г. будет затрачено на ремонт 50,6% первоначальной стоимости отремонтированного оборудования. На Мытищинском машиностроительном заводе в 1938 г. затраты на капитальный ремонт в механическом цехе составили 15% первоначальной стоимости всего оборудования цеха. При этом прошло капитальный ремонт лишь около 12% парка оборудования цеха, что соответствует периодичности капитального ремонта каждой машины один раз в 8½ лет. По отношению к первоначальной стоимости отремонтированного оборудования затраты на капитальный ремонт в механическом цехе Мытищинского завода в 1938 г. составили 277%. Если разложить эту сумму на 8½ лет (что соответствует фактической периодичности ремонта в механическом цехе Мытищинского завода), то окажется, что средние ежегодные затраты на капитальный ремонт составляют 32,6% (277%:8,5) стоимости всего оборудования при

норме по НКСредмашу 2,4%. Следует подчеркнуть, что недочеты существующей оценки основных фондов здесь решающего влияния не оказывают, ибо аналогичные результаты были получены нами как в отношении старого, так и в отношении нового, правильно оцененного оборудования.

Таким образом, фактические затраты на капитальный ремонт того оборудования, которое этот ремонт проходит, и затраты по системе плано-предупредительного ремонта превышают затраты, предусмотренные нормами амортизации.

* * *

Чем же объясняется такое несоответствие норм амортизации практике снашивания и возмещения основных фондов промышленности? Должны ли быть нормы амортизации приведены в соответствие с существующей практикой возобновления основных фондов или, напротив, практика должна быть перестроена исходя из установленных норм амортизации? Мы думаем, что истина лежит где-то посередине.

Несоответствие между действующими нормами амортизации и практикой снашивания и возмещения основных фондов обуславливается прежде всего тем, что нормы амортизации исходят из иного соотношения между частичным и полным возмещением оборудования, чем это имеет место в действительности.

Тот факт, что практически машины почти не поступают в лом, т. е. почти не выбывают целиком, объясняется возобновлением по частям всех изношенных деталей машин. Смена деталей происходит либо постепенно, если проводится система плано-предупредительного ремонта, либо смена всех или почти всех главных деталей осуществляется одновременно — в порядке восстановительного ремонта. За внешней «вечной» жизнью машины скрывается, следовательно, недолговечность отдельных ее конструктивных элементов. В то время как на балансе машина значится установленной в 18... г., в действительности она прошла уже несколько кругооборотов возобновления всех своих частей. Материя, первоначально затраченная на машину, давно уже возмещена. Первая жизнь машины нередко уже закончена, началась вторая, третья и т. д. При этом с амортизационным сроком не совпадает не только срок жизни машины в целом, но и период кругооборота (возобновления) всех деталей машин. В одних машинах все детали сменяются за срок более короткий, чем амортизационный. В других некоторые детали вообще не сменяются, а только ремонтируются, а остальные сменяются в срок несравненно более короткий, чем тот, который предусмотрен нормами амортизации. Иначе говоря, нормы амортизации не соответствуют ни срокам жизни машин в целом, ни срокам жизни отдельных их конструктивных элементов.

Чтобы определить период кругооборота отдельных элементов машины, мы выделили в ткацком станке 44 основные детали (конструктивные элементы станка). На текстильной фабрике им. Фрунзе мы собрали данные о потреблении этих деталей за последние 4 года (1936—1939). Зная число ткацких станков на фабрике, мы смогли подсчитать средний расход каждой детали на один станок за истекшие 4 года и, следовательно, приблизительно определить срок жизни этих деталей³.

³ Приблизительно — потому, что истекшие годы были годами усиленного ремонта.

Полученные нами данные показали прежде всего, что в порядке ремонта сменяются все без исключения основные детали ткацких станков, в том числе рамы (станины), брус батана и т. д. Следовательно, частичное возмещение целиком заменило полное возмещение.

Амортизационный срок жизни основных фондов в текстильной промышленности установлен в 60 лет. При этом оказалось, что срок жизни наиболее долго живущей детали — рамы станка — 30 лет, бруса батана — 20 лет, а всех остальных деталей — от 1,1 до 13,3 года.

В 1937—1938 гг. Центральная научно-исследовательская лаборатория 1-го Главного управления хлопчатобумажной промышленности Московской области (г. Серпухов) проводила массовые наблюдения на 8 ткацких фабриках за сроками жизни отдельных деталей ткацкого станка «Платт». С этой целью Центральная лаборатория подбирала данные о количестве деталей, израсходованных на ремонт одного ткацкого станка в год. Полученные Центральной лабораторией данные сгруппированы нами в табл. 1.

Таблица 1

Количество деталей, израсходованных на ремонт ткацкого станка в год

Срок службы (в годах)	Число деталей в % к общему их числу в ткацком станке	Срок службы (в годах)	Число деталей в % к общему их числу в ткацком станке
0,1—0,5	10,8	15—20	4,1
0,5—1,0	17,4	21,5	1,7
1 — 3	34,7	—	—
3 — 5	19,8	38,7	0,8
5 —10	6,6	48,4	0,8
10 —15	2,5	74,4	0,8

Из приведенных данных видно, что срок жизни ткацкого станка «Платт» в целом ни в какой мере не приближается к амортизационному сроку службы, установленному для основных фондов промышленности Наркомтекстиля (60 лет).

Вопрос о сроках жизни отдельных конструктивных элементов станков был поставлен нами также при обследовании Мытищинского машиностроительного завода. И здесь было обнаружено, что в некоторых паровых молотах (например, № 2001, № 2002. и № 2003) в 1936—1939 гг. в порядке ремонта были сменены все части. Молоты эти были установлены в 1912 г., т. е. за 24—26 лет до ремонта. Между тем в НКСредмаше амортизационный срок жизни основных фондов установлен в 32,3 года. Как показало обследование, в металло-режущих станках, в срок более короткий чем амортизационный, сменяются все движущиеся части (например, в станке № 1459, установленном в 1914 г.). Однако станина станка не сменяется и в срок более длительный, чем амортизационный.

Таким образом оказывается, что частичное возобновление оборудования, осуществляемое в порядке капитального ремонта, вышло за пределы, предусмотренные нормами амортизации. На практике сложилось иное соотношение между полным и частичным возмещением, чем это вытекает из амортизации, ибо в нормах предполагается, что оборудование возобновляется не только по частям, но и целиком, на что выделена специальная часть нормы амортизации.

* * *

Широкое возобновление оборудования по частям имеет известное техническое и экономическое оправдание.

Еще Маркс указывал, что использование основного капитала «...носит отчасти такой характер, что основной капитал обладает известной средней продолжительностью жизни; он целиком авансируется на этот срок; по истечении его он целиком же подлежит возмещению»⁴.

С другой стороны, некоторые элементы основного капитала допускают частичное или периодическое возобновление. Они состоят из однородных частей, находящихся в различных условиях эксплуатации (например, рельсы на различных участках пути), или же просто из неоднородных частей, «которые изнашиваются в неравные сроки и потому должны возмещаться не в одно и то же время. Именно так обстоит дело с машинами. Что мы сказали сейчас относительно различной продолжительности жизни различных составных частей основного капитала, в равной мере относится и к продолжительности существования различных составных частей одной и той же машины, фигурирующей в качестве элемента этого основного капитала»⁵. Маркс отмечал при этом, что в железнодорожном транспорте подвижной состав находится в состоянии постоянного возобновления по частям. Подвижной состав железных дорог, указывал Маркс, ссылаясь на Ларднера (Railway Economy), подвергается постоянному омолаживанию и потому существует вечно. «Этот процесс,— замечал Маркс,— как он представлен здесь Ларднером по отношению к железной дороге, не наблюдается на отдельной фабрике...»⁶. Для промышленности Маркс, следовательно, считал типичным, главным образом, возобновление основного капитала целиком, разом. Маркс так и писал: «Значительная составная часть основного капитала уже по самому своему свойству исключает возможность частичного воспроизводства»⁷.

С того времени, когда были написаны эти строки, прошло около 70 лет. За это время существенно изменилась техника производства, а вместе с тем технический характер износа основных фондов.

В стоимости современной машины все большее место занимает стоимость движущихся частей. Во времена Маркса, например, металлорежущий станок состоял из станины, передней и задней бабки и суппорта (в качестве новейшего изобретения Маркс в «Капитале» отмечал появление самодвижущегося суппорта). Создание многоорудийных станков и их автоматизация привели к тому, что в современном станке станина по существу скрыта от человеческого взора за огромной массой движущихся частей. Она занимает все меньшее место в стоимости станка, и производство ее представляет все менее сложную задачу. В свою очередь, движущиеся части снашиваются в сравнительно короткие и часто неравные сроки. Они должны поэтому заменяться по мере износа, т. е. по частям, уже для того, чтобы машина могла нормально функционировать в течение всего своего срока жизни. К моменту износа одной части другие части оказываются неизношенными. Станок в любой момент имеет значительную остаточную стоимость, и замена его целиком, при серьезном рас-

⁴ Маркс, Капитал, Партиздат, 1936, т. II, стр. 146.

⁵ Там же, стр. 147.

⁶ Там же, стр. 154.

⁷ Там же, стр. 156.

хождении сроков износа отдельных элементов машины, оказывается не эффективной с экономической точки зрения.

Современная техника характеризуется далее все возрастающей ролью машин с вращательным принципом движения и уменьшением роли машин, с возвратно-поступательным принципом действия, а также машин, действующих ударом и давлением. Так, электрический двигатель, в отличие от других, основан на вращательном, а не на ударном действии. Принцип возвратно-поступательного действия вытесняется и при выработке первичной механической энергии — так, паровые машины вытесняются турбинами. Аналогичное изменение происходит и в рабочих машинах: ударное бурение вытесняется вращательным; литейные формовочные машины ударного действия вытесняются пескочистками, основанными на вращательном принципе действия; отбойные молотки вытесняются вращательными машинами⁸.

Между тем технический характер износа машин этих двух типов — ударного и вращательного принципа действия — различен. Машины ударного действия более подвержены разрушению; при этом в них через сравнительно короткий срок наступает момент разрушения самого остова машины, что создает предпосылки для изъятия из производства машины в целом. Напротив, во многих машинах вращательного действия имеются части (например, станины в металлорежущих станках), которые изнашиваются крайне медленно и износ которых, при современных методах ремонта, может полностью восстанавливаться в порядке ремонта (например, наращивание направляющей станины станка). В этих машинах к моменту износа тех или иных движущихся частей имеется всегда, кроме неизношенных движущихся частей, и некоторая остаточная стоимость в виде неизношенной станины, что создает предпосылки для дальнейшего возобновления машины по частям.

Наконец, немаловажное значение имеет все больший рост сооружений вековой прочности (плотин, гидроэлектростанций, мостов, доков и т. п.). В этих сооружениях на первый план выдвигается частичное возмещение. Как указывал Маркс, в сооружениях такого типа «...снашивание, а потому и его возмещение становится величиной, практически приближающейся к нулю, так что в расчет принимаются лишь одни издержки ремонта»⁹.

Таким образом, изменения в технике производства, самый технический характер износа основных фондов обуславливают необходимость возрастающего возобновления основных фондов, и прежде всего машин, по частям.

Частичное возобновление в известных пределах имеет и экономическое оправдание. Если бы отдельные части машин по мере их износа не заменялись, то срок жизни машин в целом сократился бы. Следовательно, при известных условиях могло бы оказаться, что ежегодная потребность в средствах для полного возобновления оборудования, при отсутствии частичного возмещения, была бы большей, чем ежегодная потребность в средствах для полного и частичного возобновления оборудования вместе, при наличии этого частичного возобновления¹⁰.

⁸ Эта тенденция технического развития вполне понятна, ибо при ударном действии часть энергии в большинстве случаев затрачивается попусту, поскольку возвратное движение происходит вхолостую.

⁹ Маркс, Капитал, т. II, стр. 155.

¹⁰ Этот тезис можно иллюстрировать следующим гипотетическим случаем. Допустим, что стоимость машины — 30 тыс. руб. Срок жизни ее — 15 лет. Частичное возобновление равно нулю. Тогда ежегодные отчисления на полное возобновление машины

Таким образом, с точки зрения размера ежегодных затрат на возобновление основных фондов имеется известное оптимальное соотношение между размерами полного и частичного возобновления. Круг деталей, конструктивных элементов машины, которые экономически рационально заменять в порядке частичного возобновления, без смены станка в целом, ограничен известными рамками. Это экономически рациональное соотношение между полным и частичным возмещением не постоянно. Оно зависит, с одной стороны, от характера технического износа машины, который определяет технически необходимый круг деталей, сменяемых за срок жизни станка в целом, и размер остаточной стоимости машины к моменту износа тех или иных частей машины, а с другой стороны — от условий возобновления основных фондов.

Таким образом, размеры частичного возобновления оборудования ограничены известными экономическими пределами уже с точки зрения сравнительного размера затрат на частичное возобновление и приобретение новой машины. Этот экономически рациональный предел частичного возобновления расширяется параллельно тому, как в современной промышленности совершенствуется техническая база ремонтных цехов, развиваются стандартизация и взаимозаменяемость деталей, растет производство запасных частей и т. д. Следовательно, для все большего возобновления основных фондов по частям создаются и новые экономические предпосылки.

В капиталистической промышленности это соотношение стоимости новой машины и затрат на ремонт старой является решающим критерием для определения экономически рациональных размеров возобновления основных фондов по частям. При этом немаловажное значение приобретает существующий в стране уровень заработной платы. Поскольку различие производственных условий частичного и полного возмещения оказывает влияние главным образом на величину затрат живого труда (в меньшей мере — на расходы металла и других материалов), постольку уровень заработной платы существенно влияет на различие в стоимости полного и частичного возмещения. Не случайно в связи с этим в Англии машины подвергаются ремонту в большей мере, чем в США, ибо в Англии уровень заработной платы ниже, чем в США.

Однако в условиях социалистической промышленности границы частичного возобновления не могут быть определены только под углом зрения сравнительных размеров текущих затрат труда, т. е. сравнительной стоимости ремонта старых машин и приобретения новых. Такой метод определения границ ремонта соответствовал бы оценке экономической эффективности с точки зрения отдельного предприятия, но не народного хозяйства в целом.

Частичное возмещение имеет еще тот экономический смысл, что оно меньше, чем полное возмещение, затрагивает мощности машиностроительных заводов, выпускающих новые машины. Если бы старый станок не был отремонтирован, то потребовалось бы новый станок, произведенный на машиностроительном заводе, бросить не на оборудование нового предприятия, а на замену старого станка, т. е. не

должны составить 2 тыс. руб. Предположим, что введение частичного возобновления машины даст возможность увеличить срок жизни ее до 30 лет, при условии затрат на частичное возобновление в размере 24 тыс. руб. Тогда ежегодные отчисления на полное возобновление составят 1 000 руб. ($30\,000 : 30$) и на частичное возобновление 800 руб. ($24\,000 : 30$), т. е. всего 1 800 руб. ($1\,000 + 800$) против 2 000 руб. при отсутствии частичного возобновления.

на расширенное, а на простое воспроизводство. Иначе говоря, чем меньше мы ремонтировали бы старые станки, тем медленнее были бы, при данной мощности машиностроения, темпы расширенного воспроизводства, и, с точки зрения длительной перспективы, в конечном итоге имела бы место не экономия труда, а потеря труда в народном хозяйстве.

Огромные потребности нашего народного хозяйства в новом оборудовании и, сравнительно с этими потребностями, недостаточная мощность машиностроения обуславливают рациональность такой политики амортизации, при которой были бы расширены границы частичного возмещения и оно осуществлялось бы не только тогда, когда стоимость ремонта меньше стоимости приобретения нового оборудования, но подчас и тогда, когда она несколько больше этой стоимости. В условиях социалистической промышленности, при напряженном балансе оборудования может быть планомерно поставлена задача максимального продления срока жизни оборудования путем расширения частичного возмещения, с тем чтобы использовать мощность машиностроительных заводов для всемерного ускорения темпов расширенного воспроизводства в промышленности. При высоких темпах расширенного воспроизводства, при огромной потребности народного хозяйства в машинах и при недостаточном по сравнению с этими потребностями производстве оборудования в стране некоторая переплата на текущих затратах по возобновлению оборудования в порядке ремонта может быть выгоднее с точки зрения интересов всего народного хозяйства, чем отказ от ремонта и замена всех изношенных станков новыми.

Само собой понятно, что чем лучше будет организована ремонтная база промышленности, тем больше будет круг деталей, по которым сможет производиться частичное возобновление без того, чтобы стоимость ремонта была выше стоимости нового оборудования, или, иначе говоря, тем более эффективным будет частичное возобновление как с точки зрения высвобождения мощностей машиностроения непосредственно для нужд расширенного воспроизводства, так и с точки зрения экономии текущих затрат труда.

Эти границы частичного возмещения должны быть различны для разных отраслей промышленности в связи с различиями их ремонтной базы и различной мощностью отраслей машиностроения, выпускающих для них новое оборудование.

В постановлении правительства о нормах амортизации для наркоматов от 8 января 1938 года проведено известное различие между отдельными отраслями промышленности. Так, например, по Наркомату оборонной промышленности норма амортизации установлена правительством в размере 5,5%, в том числе на ремонт — 2,6%, а на полное возмещение — 2,9%. Это значит, что срок жизни основных фондов принят в среднем в 34,5 года ($100 : 2,9$) и затраты на ремонт за срок жизни основных фондов — в 89,5% стоимости основных фондов ($2,6 \times 34,5$). По Наркоммашу вся норма амортизации установлена в 4,5%, в том числе на ремонт — 2,2%, что соответствует сроку жизни в 43,5 года и затратам на ремонт за срок жизни основных фондов — в 95,7%. По Наркомлегпрому норма амортизации установлена в 5,5%, в том числе на ремонт — 3,6%, что соответствует сроку жизни основных фондов в 52,6 года и затратам на ремонт за срок жизни основных фондов — в 189,4%. Очевидно, что это расхождение объясняется не столько особенностями физического износа

основных фондов перечисленных наркоматов, сколько разными возможностями снабжения соответственных отраслей новым оборудованием, что и обуславливает, в свою очередь, различия в политике амортизации, в использовании старого оборудования, в масштабах частичного возмещения.

Известно, что в начале третьей пятилетки мощность текстильного машиностроения по сравнению с размерами парка текстильного оборудования была совершенно недостаточной. Так, производство новых веретен по отношению к парку их в 1937 г. составило всего 2%. Напротив, машиностроительная база оборонной промышленности у нас достаточно мощная и развивается быстрыми темпами. К тому же текстильная промышленность располагает старым оборудованием и, следовательно, сроки частичного возмещения всех деталей оборудования, в том числе и главных, уже наступили. Напротив, в оборонной промышленности сроки износа главных частей оборудования еще не наступили, поскольку там преобладает новое оборудование.

Таким образом, для расширения пределов частичного возобновления оборудования и для проведения его в более широких масштабах, чем в главных капиталистических странах, имеются серьезные технические и экономические предпосылки. Мы должны исходить из того, что в ближайшие 10—15 лет в процессе возмещения основных фондов производство запасных частей и деталей машин, а также организация ремонта (значительную часть которого фактически составляет частичное возмещение) сыграют не меньшую, а большую роль, чем производство новых машин. Именно в этом сейчас заключается центральный вопрос простого воспроизводства основных фондов промышленности.

Из всего сказанного тем не менее вовсе не следует, что рационально всякое частичное возмещение. Суть дела заключается в том, что границы частичного возмещения (а вместе с тем и сроки жизни оборудования) должны быть определены с учетом, с одной стороны, сравнительной стоимости ремонта и производства нового оборудования, а с другой — с учетом мощности машиностроительных заводов, производящих новое оборудование.

* * *

Однако не все то расширение пределов частичного возобновления оборудования, которое произошло на практике, экономически оправдано, и далеко не всегда оно осуществляется в рациональной форме. Предприятия промышленности нередко идут на возобновление оборудования по частям или на дорогостоящий восстановительный ремонт не потому, что этого требуют интересы народного хозяйства, а потому, что это отвечает узко понимаемым интересам данного предприятия; потому что предприятие не смогло получить нового оборудования, а при распределении этого оборудования не были учтены те затраты, на которые пойдет предприятие при недоснабжении его оборудованием; потому что в нашей промышленности недостаточно учитываются огромные размеры, которых достигло возобновление оборудования по частям.

С другой стороны, самые нормы амортизации, система списывания амортизационных сумм, классификация ремонта не были приспособлены к существующим формам возобновления основных фондов. В результате и там, где частичное возобновление оборудования происходит в экономически рациональных пределах, оно сопровождается нарушениями хозрасчета, неправильным исчислением себестоимости и накопления в народном хозяйстве.

Нерациональные стороны частичного возобновления оборудования сводятся в основном к следующему.

Прежде всего в промышленности еще не создана надлежащая материальная база для частичного возобновления оборудования. В то время как оборудование в нашей промышленности подвергается ремонту в гораздо более широких масштабах, чем, например, в США, ремонтная база промышленности у нас гораздо слабее. Мы создали в промышленности новую, современную технику, а возобновление этой техники, простое ее воспроизводство осуществляется нередко отсталыми, кустарными методами. Налицо явное противоречие между потребностями народного хозяйства в частичном возобновлении и материальной базой для такого возобновления. Это противоречие приводит к огромному перерасходу государственных средств, к тому, что мощности машиностроения сберегаются для расширенного воспроизводства ценою значительного перерасхода на текущих затратах труда, и в результате, с точки зрения экономии труда в длительный период, это частичное возмещение нередко также оказывается невыгодным. Преувеличенные размеры частичного возмещения увеличивают потребность промышленности в ремонтных, т. е. вспомогательных, рабочих и снижают тем самым уровень производительности труда в промышленности.

Приведем факты. Большинство предприятий промышленности СССР производит ремонт электротехнического оборудования собственными силами. Только часть ремонта выполняется карликовыми мастерскими промкооперации, несколькими предприятиями проектно-монтажного треста «Электропром» и одним заводом на Урале. Электротехнические ремонтные мастерские, находящиеся при предприятиях, в большинстве случаев не имеют специализированного оборудования для обмотки, пропитки и сушки частей электротехнических машин и электромоторов. Все эти трудоемкие операции проводятся примитивными кустарными способами.

Совершенно иначе поставлен ремонт электротехнического оборудования в США. Американская ассоциация «National Industrial Service Association» объединяет около 2 тыс. мастерских, специализированных на ремонте электротехнического оборудования. Они располагают парком запасных моторов для обмена их на поврежденные и достаточным количеством заранее изготовленных запасных частей. Эти мастерские также скупают старые моторы и реставрируют их. Стоимость ремонта фиксирована в прейскуранте в процентах к стоимости новой машины. Обслуживание предприятий этими мастерскими производится с большой четкостью. Достаточно телефонного звонка, чтобы на предприятие был выслан автомобиль с запасным мотором для обмена на поврежденный, с запасными частями и т. п. При такой материальной базе и организации ремонтного дела стоимость ремонта (частичного возмещения) оказывается в США, естественно, более низкой, чем в промышленности СССР, как абсолютно, так и относительно — в процентах к стоимости новой машины (табл. 2 и 3 на стр. 166).

Приведенные в табл. 2 и 3 данные показывают, что по моторам мощностью до 2 квт стоимость ремонта с перемоткой на заводе «Шарикоподшипник» (а этот завод располагает сравнительно крупной электротехнической мастерской) превышает или почти равна стоимости нового мотора. Между тем в США стоимость ремонта самых мелких моторов не превышает 56% стоимости нового мотора. В силу недостатка моторов мы вынуждены ремонтировать и моторы до 2 квт, несмотря на высокую относительную стоимость их ремонта.

Таблица 2

Стоимость ремонта моторов в мастерской завода «Шарикоподшипник» в 1937 г.

Завод, изготовивший мотор	Мощность (в квт)	Вид ремонта	Стоимость капитального ремонта с перемоткой (в руб.)	Цена нового мотора по прейскуранту (в руб.)	Стоимость ремонта в % к стоимости нового мотора
«Электросила»	0,25	Перемотка статора . . .	147	74	199
	0,52	То же	133	84	159
	1,5	То же	110	112	98
	2,0	То же	107	136	78
	5,2	То же	135	220	62
ЯТЭМЗ	11	То же	237	540	44
	11	Перемотка ротора	258		
	22	Перемотка статора	270	760	36
	22	Перемотка ротора	454
ХЭМЗ	4,5	Перемотка статора	193	290	67
	4,5	Перемотка ротора	168	...	—
	20,5	Перемотка статора	403	630	64
	20,5	Перемотка ротора	361	...	—

Таблица 3

Стоимость капитального ремонта (с полной перемоткой) нового мотора по прейскурантам мастерских США

Мощность мотора (в л. с.)	Стоимость перемотки в % к цене нового мотора	Мощность мотора (в л. с.)	Стоимость перемотки в % к цене нового мотора
1/2	40—56	5	34 — 44
3/4	39—54	10	32 — 40
1	38—52	20	30 — 37
1 1/2	37—50	40	26 — 32
2	36—48	100	23,5—28
3	35—46	200	22 — 26

Это лишний раз подчеркивает, насколько острой в ближайший период является задача укрепления ремонтной базы промышленности.

Передовые методы применяются в капиталистических странах и при ремонте других видов оборудования. Специальные фирмы занимаются скупкой и ремонтом металлообрабатывающего оборудования. Так, например, в Англии, в г. Ковентри, завод фирмы А. Герберта занимается ремонтом станков, главным образом производимых самой фирмой (65% всего объема выполненного ремонта) и близких им по конструкции. Специальные агенты скупают изношенные станки в Англии и за границей. В организации ремонтной работы фирма использует то обстоятельство, что она является агентом по реализации станков и запасных частей других фирм (Цинцинати, Мортон, Лендис и др.); поэтому на складе всегда имеются запасные части для станков, выпущенных этими фирмами.

В СССР возможности централизации ремонтного дела гораздо шире уже потому, что у нас нет такого разнообразия в выпускаемом оборудовании, как в капиталистических странах. Однако эти возможности пока еще используются в ничтожной степени. В СССР есть специальная организация — Государственный промышленный трест по

выявлению и ремонту демонтированного оборудования и его реализации («Реммаштрест»). Он имеет сеть филиалов во многих районах Советского Союза. Однако, несмотря на свое наименование, «Реммаштрест» является по существу посреднической конторой по перераспределению демонтированного оборудования между предприятиями, ремонт же он занимается лишь в незначительной степени. Так, например, в 1939 г. трест приобрел оборудование на 110 млн. руб. и из него отремонтировал оборудование на 13 млн. руб. По плану 1940 г. соответственные цифры составят 125 млн. руб. (в том числе 1500 станков) и 13,5 млн. руб. Незначительный объем ремонтных работ, выполняемых трестом, объясняется слабостью его материальной базы (трест располагает всего шестью небольшими ремонтными предприятиями). В результате демонтируемое оборудование ремонтируется самими предприятиями, покупающими оборудование у «Реммаштреста».

Недостаток организации ремонтного дела в промышленности СССР заключается не только в ничтожных размерах ремонта оборудования на специальных ремонтных базах, но и в слабом развитии массового производства запасных частей и деталей. Вследствие этого ремонтные цехи предприятий промышленности в значительной степени сами же производят все детали машин.

Так, на предприятиях НКСредмаша, по данным главного механика наркомата, 98% деталей, которые заменяются в ремонтируемых станках, производится силами самих ремонтных цехов предприятий. Некоторые же заводы производят все без исключения детали в своих собственных ремонтных цехах (к тому же весьма слабых). Об этом свидетельствуют данные, полученные нами, например, на Тормозном и Мытищинском заводах, где как раз и бывают, ввиду большого количества старого оборудования, случаи возмещения всех деталей станков в порядке единовременного (восстановительного) или постепенного (планово-предупредительного) ремонта. В результате такой организации ремонтного дела оказывается, что новая деталь, произведенная в ремонтном цехе для замены износившейся, стоит в несколько раз дороже старой детали, произведенной на станкостроительном заводе, а поэтому и стоимость станка, возобновляемого целиком в порядке восстановительного ремонта, также обходится в несколько раз дороже нового станка¹¹.

Огромных размеров достигает частичное возмещение в текстильной промышленности. Между тем, несмотря на значительное укрепление ремонтной базы, проведенное в соответствии с постановлением СНК СССР о текстильной промышленности от 17 сентября 1937 г., она все еще недостаточна по сравнению с масштабами частичного возмещения.

На заводах текстильного машиностроения и Главмашдетали изготавливаются только массовые детали машин советского производства. Между тем при нынешних сроках жизни оборудования возобновляются не только массовые детали, но и детали, рассчитанные на амортизационный срок жизни машины (механизм мотки, кольца прядильных ватеров и т. п.). Кроме того, машины советского производства составляют в текстильной промышленности лишь около четверти всего количества установленных машин.

В результате значительная часть массовых деталей, а также боль-

¹¹ В ряде случаев, особенно когда ремонтируются современные станки, в результате ремонта собственными средствами завода ухудшаются эксплуатационные показатели работы оборудования. Так, например, на Тормозном заводе вследствие слабости ремонтной базы новые шестерни, производимые для группы револьверных станков ВАРД, не соответствуют техническим требованиям.

шая работа по возобновлению основных деталей машин производится кустарным способом в ремонтных мастерских текстильных фабрик. А это, в свою очередь, требует сосредоточения большого количества металлообрабатывающего оборудования, столь необходимого для производства новых машин, в ремонтных цехах текстильных фабрик и использования ремонтных цехов текстильных фабрик не для собственных ремонтных работ, а для широкого частичного возмещения старых машин. Так, в 1938 г. в Наркомтекстиле было сосредоточено 110% того количества металлорежущих станков, которым располагали Главлегмаш и Главмашдеталь, взятые вместе. По более поздним данным, из всего парка металлорежущих станков союзной текстильной промышленности 15,1% сосредоточено в Главмашдетали, т. е. на заводах, специально занятых изготовлением деталей для текстильных машин, и 84,9% — в ремонтных мастерских текстильных фабрик (мелкие прифабричные мастерские не учтены).

Какое различие существует между стоимостью производства деталей в ремонтной мастерской завода и на специальном заводе массового производства деталей, видно, например, из следующих данных. Хлопчатобумажный комбинат «Трехгорная мануфактура» получает детали для ремонта от Ярцевского завода деталей текстильных машин. Однако, поскольку Ярцевский завод полностью не покрывает ремонтных нужд комбината, известную часть одноименных деталей производит и ремонтная мастерская «Трехгорной мануфактуры». При этом стоимость производства деталей в ремонтной мастерской в 2—3—5—6 раз превышает стоимость производства их на Ярцевском заводе¹².

Слабость материальной базы ремонта в СССР является одной из серьезных причин того, что в СССР затраты на ремонт значительно выше, чем в главных капиталистических странах. По имеющимся сводным данным, в промышленности США в 1934 г. затраты на текущий ремонт составили в горной промышленности 85% к ежегодным амортизационным отчислениям, в металлической — 109%, в текстильной — 82%, в пищевой — 83% и т. д. Если учесть, что в СССР затраты на текущий ремонт примерно в 2—3 раза превышают затраты на капитальный ремонт, то станет очевидным, что удельный вес затрат на частичное возмещение в СССР значительно выше, чем в США, и это в то время, когда потребности предприятий в средствах на ремонт полностью еще не удовлетворяются.

Таким образом, чтобы осуществить частичное возмещение основных фондов промышленности рациональными методами, следует укрепить его материальную базу. Нужно создать районные ремонтные базы, оснащенные специальным оборудованием. Можно использовать для этого часть парка оборудования, сосредоточенного в ремонтных цехах предприятий, приспособив последние для осуществления собственно ремонтных работ (починочные работы). Необходимо вместе с тем развернуть производство запасных частей на машиностроительных заводах и в районных ремонтных базах в соответствии с установленным распределением амортизационных отчислений на полное и частичное возмещение. Одновременно с планом производства основных машин должен утверждаться план производства частей и деталей этих машин.

Второй недостаток существующей практики возобновления основных фондов заключается в том, что из-за слабой ремонтной базы в нашей промышленности огульно производится частичное

¹² Например, стойка — в 5,7 раза, кронштейн — в 4,9 раза, тормоз — в 4,1 раза, средний вал — в 2,1 раза, двойная шестерня — в 2,75 раза и т. п.

возмещение всего оборудования: частичное возмещение оборудования целиком заменяет полное возмещение. Между тем в действительности экономически эффективно не всякое частичное возобновление. Соблюдение интересов наилучшего использования мощности машиностроительных заводов для расширенного производства вовсе не означает, что экономически выгодно идти на ремонт, в несколько раз превышающий стоимость нового оборудования. Когда предприятия возобновляют в порядке ремонта главные конструктивные элементы машин, они по существу превращают свои ремонтные цехи в машиностроительные заводы.

Если для этого в ремонтных цехах концентрируются все виды передового оборудования, необходимого для производства новых машин, то при таком частичном возобновлении машиностроение ничего не выгадывает с точки зрения расширенного воспроизводства. Если же ремонтные цехи вступают на путь производства по существу новых машин, имея отсталую ремонтную базу, то такое частичное возобновление обходится государству крайне дорого.

В качестве иллюстрации укажем на Мытищинский завод, где силами ремонтного цеха, располагающего несколькими десятками токарных станков, в основном примитивных, в период 1936—1938 гг. были произведены следующие «ремонтные» работы:

1. Продольно-строгальный станок № 1459 (установлен на заводе в 1917 г.; первоначальная стоимость его — 13,5 тыс. руб.; стоимость одного капитального ремонта, проведенного в 1938 г., — 32,9 тыс. руб.) — в процессе ремонта были заменены все движущиеся части, суппорт, стол, резцедержатели.

2. Долбежный станок № 1475 (установлен в 1903 г.; первоначальная стоимость — 2 000 руб.; стоимость капитального ремонта, проведенного в 1938 г., — 16,8 тыс. руб.) — в процессе ремонта сменены все движущиеся части, кроме долбяка и противовеса; введен механизм вращения стола.

3. Станок № 1066 (установлен в 1899 г.) — в процессе ремонта заменены коробки скоростей, каретка, бабка и т. д.; от старого станка осталась только станина.

4. Паровые молоты № 2001 (установлен в 1912 г., первоначальная стоимость — 6 700 руб.), № 2002 (установлен в 1912 г., первоначальная стоимость — 7 785 руб.), № 2003 (установлен в 1910 г., первоначальная стоимость — 8 486 руб.). Все три молота прошли капитальный ремонт в 1936—1938 гг.; ремонт первого молота стоил 50,2 тыс. руб., второго — 43,6 тыс. руб., третьего — 30,8 тыс. руб. От всех трех молотов остался только старый фундамент. При этом один из молотов был превращен в процессе ремонта из молота свободнойковки в штамповочный.

Приведенные данные достаточно ясно показывают, что частичное возмещение нередко выходит за пределы экономической целесообразности; вообще оно никак не ограничивается.

Мытищинский завод, заботясь об удовлетворении текущих потребностей, в своем ремонтном цехе по существу осваивает производство металлорежущих станков и паровых молотов. Он даже снижает себестоимость производства этих машин: первый молот стоил заводу 50 тыс. руб., второй — 44 тыс., а третий — 31 тыс. Руководители ремонтного цеха Мытищинского завода гордятся этими «достижениями». А на деле за ними скрываются огромное расточение народного труда и нарушение интересов не только народного хозяйства в целом, но и самого Мытищинского завода.

Если от старой машины почти ничего не осталось, если специализированным машиностроительным заводом и ремонтным цехом долж-

на быть выполнена одна и та же работа, если для выполнения этой работы все равно должна быть высвобождена и загружена определенная часть парка станков народного хозяйства, то почему рациональнее эту работу производить в примитивных условиях ремонтного цеха с большими затратами труда и металла, а не на специализированных машиностроительных заводах с значительно меньшими затратами труда и металла? Очевидно, для этого нет никакого основания. Здесь отдельный завод, не получивший во-время оборудования для замены изношенного, находит для себя выход в нарушении интересов всего народного хозяйства. Впрочем, выход этот мнимый. Загрузив парк ремонтного цеха по существу производством новых машин, использовав для этого подавляющую часть средств, выданных на капитальный ремонт, завод не может обеспечить своевременный ремонт наличного парка оборудования и, разрушая его, ограничивает свои производственные возможности. Таким образом, сроки жизни оборудования удлиняются нередко нерациональными методами.

Дело несколько не меняется в том случае, если смена всех частей машины производится не одновременно, а постепенно, в порядке плано-предупредительного ремонта, ибо главный порок существующего порядка частичного возобновления оборудования заключается в полной неограниченности этого частичного возобновления, в том, что простое воспроизводство основных фондов промышленности оказалось целиком в руках отдельных предприятий. Между тем возобновление главных элементов машин в порядке частичного возмещения может быть экономически оправдано лишь при двух условиях: 1) если сроки жизни отдельных конструктивных элементов не кратны друг другу и к моменту износа главных конструктивных элементов машины имеется значительная остаточная стоимость, т. е. стоимость частей машины, с которой еще не были произведены амортизационные отчисления; 2) если главные конструктивные элементы машины производятся не силами ремонтных цехов предприятий, а получают со стороны, от специализированных машиностроительных заводов.

Отсюда следует, что в каждой отрасли, с учетом стоимости ремонта и мощности машиностроения, должен быть установлен круг конструктивных элементов машин, частичное возмещение которых производится силами ремонтных цехов завода, с одной стороны, и заводов деталей или машиностроительных заводов, с другой; следует также определить круг машин, после износа главных деталей которых целесообразно не сменять эти детали, а устанавливать новые станки.

Иначе говоря, должна быть установлена твердая номенклатура ремонтов, и частичное возмещение должно быть поставлено в известные рамки. Новые нормы амортизации должны быть установлены не исходя из существующей практики, а на основании ограничения частичного возмещения экономически рациональными пределами.

Существующие затраты на возобновление оборудования по частям являются чрезмерными также вследствие того, что сроки жизни отдельных конструктивных элементов машин нередко более коротки, чем те, которые могут и должны быть достигнуты при нормальных условиях эксплуатации и бережном использовании оборудования.

В промышленности СССР в настоящее время нет каких-либо твердо установленных технических норм, определяющих технически возможные (при бережном использовании и правильной эксплуатации оборудования) сроки жизни отдельных, хотя бы важнейших узлов и деталей машин; такие нормы должны быть разработа-

ны¹³. Поэтому трудно сколько-нибудь точно измерить те потери, которые несет народное хозяйство вследствие такого рода ускоренного физического износа. Однако известное представление об этих потерях дают результаты работы упомянутой уже Серпуховской центральной лаборатории. Эта лаборатория в течение 2 лет (1937—1938) вела систематические и массовые наблюдения за количеством различных деталей, израсходованных на 8 ткацких фабриках при ремонте ткацких станков «Платт». На основе анализа этих данных и учитывая опыт передовых предприятий (по длительности сроков жизни отдельных деталей), лаборатория установила нормы расхода деталей на ремонт, т. е. определила технические нормы сроков жизни отдельных деталей.

Группировка данных о нормах и фактическом расходе отдельных деталей обнаружила следующий разрыв между технически возможным и фактическим сроком жизни деталей. По нормативам, установленным лабораторией, больше половины (55%) общего числа деталей ткацкого станка «Платт» должны работать от 0,1 до 6 лет, а четверть (25%) общего числа деталей — от 5 до 10 лет. Фактически же на обследованных фабриках от 0,1 до 5 лет работала не половина, а четыре пятых (82,7%) всех деталей, а от 9 до 10 лет — не четверть, а одна шестнадцатая (6,6%) всех деталей. Физический износ машин в СССР ускоряется также тем обстоятельством, что на наших предприятиях еще в очень небольших размерах применяются новейшие технические достижения, повышающие износоустойчивость машин, а также новейшие методы реставрации изношенных деталей машин.

Одним из важнейших методов повышения износоустойчивости деталей машин является поверхностная закалка. Серьезное значение имеет также наплавка на детали (особенно на подвергающиеся сильному механическому воздействию) твердых сплавов. По данным той же Центральной лаборатории, такие детали ткацкого станка «Платт», как горка ткацкого станка, боевой каточек, наплавленные твердыми сплавами, имеют в 8—16 раз более длительный срок службы, чем обычные детали. Реставрация изношенных деталей машин дает возможность вторичного их использования, т. е. опять-таки удлиняет срок жизни деталей машин. Новейшие технические достижения — металлизация, хромирование, цементация, электросварка — открывают возможности для реставрации деталей в широких размерах. Материал об опыте реставрации деталей на хлопчатобумажных фабриках, собранный Центральной лабораторией, показывает большую эффективность этого. Стоимость реставрации отдельных деталей станка «Платт» составляет до 40% стоимости новой детали: например, новая тройчатка станка по цене механического завода № 1 стоит 5 р. 21 к., а реставрация ее обходится в 1 р. 92 к., причем в 1938 г. на один ткацкий станок в процессе ремонта заменялось в среднем в год 1,5 тройчатки.

Реставрация лишь пяти деталей ткацкого станка «Платт» на всем оборудовании предприятий 1-го Главного управления хлопчатобумажной промышленности Московской обл., по подсчетам Централь-

¹³ Отсутствие твердо установленных технических норм сроков жизни основных узлов (конструктивных элементов) оборудования отрицательно сказывается на обеспеченности промышленности запасными частями. В настоящее время, когда частичное возмещение осуществляется в основном силами ремонтных цехов самих предприятий, некомплектность в снабжении отдельными запасными частями со стороны не столь ощутительна. Но централизация производства запасных частей и деталей обязательно предполагает разработку технических норм износа основных узлов (конструктивных элементов) оборудования.

ной лаборатории, дала бы экономию в размере 360 тыс. руб. в год и сберегла бы ежегодно 228 т металла.

Однако до сих пор нет даже единого мнения о целесообразности реставрации деталей, а на фабриках нет единой системы реставрации.

Между тем в промышленности капиталистических стран, особенно за последнее время, уделяется огромное внимание мероприятиям по повышению износоустойчивости машин. Так, например, одним из важных технических сдвигов в производстве бурового оборудования для нефтедобывающей промышленности является применение металла высокой прочности, т. е. металла особого химического состава, прошедшего тщательную термическую обработку (цементация, карбюрация, масляная и термическая закалка и т. п.). Из специальных сталей, стойких в отношении износа, делаются прежде всего те ответственные детали, которые подвергаются особенно значительной нагрузке и напряжению. Увеличение сроков жизни быстро изнашивающихся частей и деталей выравнивает сроки жизни отдельных узлов (конструктивных элементов) оборудования. Таким образом не только уменьшаются затраты на частичное возмещение оборудования, но, помимо того, межремонтный период работы оборудования увеличивается, а простой оборудования вследствие ремонта уменьшаются.

Значительные ежегодные затраты на капитальный ремонт в промышленности СССР связаны также с тем, что межремонтный период в ряде отраслей нашей промышленности значительно короче, чем в промышленности главных капиталистических стран. Так, например, обследование американских металлургических заводов американской фирмой Фрейн, проведенное по поручению советских организаций, показало, что длительность кампании доменной печи (период между двумя капитальными ремонтами) составляет в США от 4 до 7 лет, тогда как на металлургических заводах СССР доменные печи нередко поступают в капитальный ремонт через 1,5—2 года работы.

Причиной преждевременного ремонта и чрезмерно коротких сроков жизни отдельных конструктивных элементов машин являются нередко поломки и аварии, не ликвидированные до конца в нашей промышленности.

Таким образом, значительные затраты средств на ремонт и недостаток их в ряде отраслей для своевременного ремонта всего оборудования обуславливаются тройкого рода причинами. С одной стороны, это объясняется тем, что норма, выделенная на ремонт, не учитывает действительно необходимых масштабов частичного возобновления оборудования. С другой стороны, недостаток средств на ремонт является следствием того, что в порядке ремонта осуществляется возобновление не только второстепенных, но и главных элементов машины, что само частичное возобновление нередко выходит за экономически оправданные пределы и осуществляется к тому же нерациональными методами. Наконец, сроки жизни отдельных конструктивных элементов машин нередко чрезмерно коротки.

Превращение частичного возобновления оборудования в главную форму простого воспроизводства основных фондов ставит во весь рост проблему модернизации оборудования.

Когда оборудование через известный промежуток времени выбывает целиком, становится возможным обратить образовавшийся денежный амортизационный резервный фонд на возобновление основных фондов не в прежней их натуральной форме, а в новой форме — на замену старой машины новой, более совершенной и производительной, и тем самым избежать устаревания наличных основных фондов в ходе их простого воспроизводства. Когда же жизнь машины становится «вечной» вследствие того, что постепенно, в порядке ре-

монта, возобновляются все части машины, такое приведение наличных основных фондов, в ходе их простого воспроизводства, в соответствие с прогрессом техники становится возможным прежде всего и только путем модернизации оборудования.

Между тем в практике нашей промышленности модернизации оборудования не уделяется должного внимания. Вопросы модернизации оборудования требуют специального рассмотрения. В частности, развитие стахановских рационализаторских предложений является одной из форм этой модернизации оборудования. Однако масштабы ее еще совершенно не достаточны. Отметим здесь только два факта. Известно, что одной из форм модернизации прядильного оборудования является оснащение приборами высокой вытяжки. Это дает возможность ликвидировать часть операций в предпрядении и уменьшить число банкаброшей. Американская статистика показывает уменьшение — абсолютное и относительное — производства банкаброшей, по сравнению с ватерами, в США именно в связи с развитием приборов высокой вытяжки. Между тем в СССР внедрение приборов высокой вытяжки продвигается медленно, и ими оснащена лишь небольшая часть существующего парка ватеров. Второй пример возьмем из области машиностроения. Автоматизация станочного парка машиностроения предполагает оснащение его приспособлениями. Степень внедрения этих приспособлений в машиностроение обнаруживается из следующих данных: в США производство приспособлений составило в 1929 г. 58% стоимости производства новых станков; выпуском приспособлений в США заняты несколько сот специальных мастерских, а в СССР — всего один завод.

Следовательно, задача состоит в том, чтобы использовать огромный размах частичного возобновления оборудования для широкой и планомерной модернизации последнего. Иначе частичное возобновление оборудования может превратиться в тормоз приспособления наличных основных фондов к прогрессу техники в ходе их простого воспроизводства.

* * *

Серьезный недостаток существующей практики воспроизводства основных фондов заключается в том, что новые формы возобновления оборудования не были по существу легализованы. Система списывания амортизационных сумм, классификация ремонтов не были приспособлены к сложившимся формам возобновления основных фондов. Вследствие этого, а также ряда других причин, даже там, где частичное возобновление оборудования происходит в экономически рациональных пределах, оно сопровождается нарушениями хозрасчета, неправильным исчислением себестоимости и накопления в народном хозяйстве.

В большинстве случаев возобновление по частям заменило собой полное возобновление оборудования. Между тем отчисление амортизационных сумм происходит в размерах, рассчитанных на возобновление оборудования не только по частям, но и целиком, для чего производятся специальные отчисления в Промбанк, не используемые на нужды частичного возмещения. Здесь происходит накопление излишних средств на восстановление изношенных основных фондов. Иначе говоря, в фонд амортизации попадает фонд расширения производства, путается счет накопления в народном хозяйстве.

С другой стороны, мы видели, что возобновление по частям обходится значительно дороже полного возобновления. Стоимость станка

в котором все части прошли по крайней мере один кругооборот возобновления, выше первоначальной стоимости станка (см. упомянутые примеры с паровыми молотами Мытищинского завода). Между тем исчисление амортизации продолжает производиться с первоначальной балансовой стоимости станка, хотя станок начал уже вторую жизнь и от первоначальной его материи не осталось ни одного атома.

Народное хозяйство и здесь ничего не теряет, но исчисление себестоимости опять-таки оказывается неправильным. Так как все части машины были возмещены в порядке капитального ремонта, то стоимость этого ремонта вошла в стоимость продукции соответственных лет. Следовательно, все дальнейшее начисление амортизации после истечения первоначального амортизационного срока, хотя бы и с преуменьшенной стоимостью станка, является чистым накоплением.

Аналогичная картина складывается в тех случаях, когда в процессе ремонта осуществляется модернизация оборудования и затраты на нее специально не выделяются из общей суммы ремонта (практически некоторая часть модернизации остается не выделенной в общей сумме ремонта, например, в текстильной промышленности, а также в машиностроении). Модернизация увеличивает стоимость основных фондов, между тем капитальный ремонт не добавляется к стоимости основных фондов. Очевидно, следует выделить специальный фонд модернизации оборудования.

К серьезным нарушениям в системе хозрасчета приводит также существующая в наркоматах практика распределения общей, установленной правительством, нормы амортизации по отдельным главам, отраслям и предприятиям.

Постановлением СНК СССР от 8 января 1938 г. «Об использовании норм амортизационных отчислений и об улучшении ремонта в промышленных предприятиях» были определены нормы амортизации только для наркоматов в целом. Дифференцированно же провести эти нормы по главам и предприятиям было предложено самим наркоматам с учетом «различия типов промышленного оборудования и сооружений, а также неодинаковой степени интенсивности работы отдельных отраслей промышленности и связанного с этим различия сроков износа оборудования и сооружений». Однако практически наркоматы дифференцировали нормы амортизации, не соблюдая этих требований СНК, экономически неправильно, что приводило к нарушениям хозрасчета.

Основой для распределения амортизационных отчислений по главам является потребность их в средствах на капитальный ремонт. Те главы, которые располагают старым, изношенным оборудованием, получают, естественно, большие средства на капитальный ремонт. Нормы отчисления на капитальный ремонт увеличиваются также в тех случаях, когда оценка основных фондов того или иного главка сильно занижена.

Что касается нормы на полное возмещение основных фондов, то она практически распределяется между главками таким образом, чтобы, несмотря на различную потребность в средствах на ремонт, общие суммы амортизационных отчислений в различных главках существенно между собою не различались. Следовательно, норма амортизации на полное возмещение никак не увязывается с реальными сроками жизни оборудования и с действительной потребностью данного главка в средствах на полное его возобновление.

Это достаточно ясно обнаруживается, если рассмотреть данные о нормах амортизации по двум наркоматам — Наркомтекстилю и НК-Средмашу (табл. 4).

Приведенные в табл. 4 данные показывают прежде всего, что при значительных различиях в размере затрат на ремонт различия в размере нормы амортизации в целом более или менее нивелированы. Норма на ремонт по Наркомтекстилю колеблется в 1938 г. от 1,0% по промышленности искусственного волокна до 5,5% по хлопчатобумажной промышленности Ленинградской обл., а вся норма амортизации — лишь от 4,5% по хлопчатобумажной промышленности новых районов и новостроек до 6,0% по хлопчатобумажной промышленности Ленинградской обл. В 1939 г. норма на ремонт по Наркомтекстилю колеблется от 2,05 до 6,42%, а вся норма амортизации — от 4,85 до 7,1%. По плану 1940 г. норма на ремонт составляет от 1,93 до 6,29%, а вся норма амортизации от 4,76 до 7,24%. В НКСредмаше норма на капитальный ремонт не так колеблется. Во-первых, там нет заводов со столь значительным преобладанием старого оборудования, как в Наркомтекстиле; во-вторых, в некоторых главках новое оборудование (импортное) значится на балансе по заниженной оценке (например, в Главшарикоподшипнике), что приводит к повышению нормы отчислений на ремонт в главках с новым оборудованием, поскольку норма на ремонт исчисляется в процентном отношении к стоимости основных фондов. Однако и здесь различия в нормах затрат на ремонт больше, чем в норме амортизации в целом.

Это нивелирование различий в норме амортизации по отдельным главкам, несмотря на разницу в норме на капитальный ремонт, произведено именно за счет нормы на полное возмещение. Последняя выступает как средство перераспределения амортизационных сумм между главками. Тем самым разрывается связь между нормами на полное возмещение и даже нормой амортизации в целом и действительным износом основных фондов данной отрасли и главка, фактической потребностью в затратах для возобновления изношенных основных фондов данного главка.

Насколько норма на полное возмещение отрывается от реального срока жизни основных фондов, показывают огромные колебания амортизационного срока жизни основных фондов в различных главках¹⁴. Так, в Наркомтекстиле в 1938 г. амортизационный срок жизни основных фондов колеблется от 21,7 года (по Главку искусственного волокна) до 200 лет (по хлопчатобумажной промышленности Ленинградской обл.); в 1939 г. — от 34,5 года (по хлопчатобумажной промышленности новостроек и новых районов) до 247,1 года по хлопчатобумажной промышленности Ленинградской обл.; в 1940 г. соответственно — от 33,1 до 270,3 года. Как видно из этих данных, амортизационные сроки жизни основных фондов оказываются различными не только в разных главках в данном году, но и в одних и тех же главках в разные годы. Реальный износ и срок жизни основных фондов при этом не меняются. Все дело в изменении потребности в средствах на ремонт. Та же картина обнаруживается и по главкам НКСредмаша.

По главкам НКСредмаша различия в амортизационных сроках жизни основных фондов не столь значительны; однако огромных размеров достигают колебания амортизационных сроков по отдельным предприятиям одного и того же главка (см. табл. 5).

Наименьшие амортизационные сроки жизни основных фондов установлены по новым предприятиям не потому, что эти фонды должны жить более короткий срок, чем фонды старых предприятий, а

¹⁴ Амортизационный срок подсчитан нами на основе установленной для главков нормы на полное возмещение.

Таблица 5

Данные по главку транспортного машиностроения Наркомсредмаша

Заводы	Вся норма амортизации		В том числе				Амортизационный срок жизни основных фондов ¹⁵	
			норма на капитальный ремонт		норма на полное возмещение			
	1939 г.	1940 г.	1939 г.	1940 г.	1939 г.	1940 г.	1939 г.	1940 г.
Уралвагонзавод	5,08	5,00	1,3	1,6	3,78	3,4	26,4	29,4
Крюковский	5,38	5,68	3,1	1,4	2,58	4,28	38,7	23,4
Усть-Катавский	5,53	5,53	5,4	2,7	0,13	2,83	769,2	35,3
Мытищинский	4,72	5,8	4,5	5,8	0,22	0,0	454,5	0,00
Московский тормозной	5,75	5,75	5,3	4,4	0,45	1,35	222,2	74,0
Ярославский тормозной	5,43	5,43	4,9	3,4	0,53	2,03	188,6	49,3
Орджоникидзевградская сталелитейная	5,1	4,8	2,3	1,1	2,8	3,75	35,7	26,6
В среднем по Главтрансмашу .	5,2	5,2	2,3	2,3	2,9	2,9	34,4	34,4

потому, что затраты на ремонт в новых предприятиях — наименьшие и в пределах средней величины нормы амортизации может быть выделена сравнительно большая сумма на полное возмещение. Недобор средств на полное возмещение по главкам со старым оборудованием компенсируется преувеличенным исчислением потребности в средствах на полное возмещение по главкам с новым оборудованием. Но тем самым себестоимость продукции новых и старых предприятий не отражает различий в затратах на возмещение их основных фондов в связи с различиями в техническом и возрастном составе фондов и т. д. В свою очередь, размеры накопления в главках со старыми основными фондами оказываются преувеличенными по сравнению с действительными размерами накопления, а в главках с новыми основными фондами, напротив, — преуменьшенными. Иначе говоря, учет расходов на возобновление основных фондов строится в наркоматах по главкам и предприятиям так, что он затемняет, во что обходится государству возмещение износа отдельных групп оборудования различного возраста и технического состава.

В нормы амортизации, призванные отражать собственно снашивание основных фондов в процессе производства, вклиниваются моменты перераспределения расходов по возмещению снашивания между главками и предприятиями.

Серьезный недостаток практики исчисления амортизации в нашей промышленности заключается в том, что амортизационные отчисления недостаточно увязаны с использованием оборудования. Между тем известно, что износ основных фондов определяется прежде всего степенью их использования.

В практике же нашей промышленности норма амортизационных отчислений в лучшем случае дифференцируется в зависимости от сменности. Такой порядок был установлен в 1930 г. и с тех пор остается неизменным. В тот ранний период развития нашей промышленности повышение сменности являлось действительно едва ли не главным источником улучшения использования оборудования. В свою очередь, различия в уровне использования оборудования в разных предприятиях обуславливались прежде всего именно неодинако-

¹⁵ Подсчитано нами по данным установленной для завода нормы на полное возмещение.

вым уровнем сменности. Совершенно иную роль играют различные показатели использования оборудования в настоящее время. Показатели сменности за годы второй пятилетки в промышленности в целом не улучшились. Весь прогресс использования оборудования был достигнут, главным образом, за счет показателей интенсивного оборудования, т. е. нагрузки в единицу рабочего времени. Не случайно поэтому в постановлении СНК СССР от 8 января 1938 г. о нормах амортизации было подчеркнуто, что установленные правительством нормы амортизации для наркоматов должны быть дифференцированы по главам с учетом «неодинаковой степени интенсивности работы отдельных отраслей промышленности и связанного с этим различия сроков износа оборудования и сооружений».

Между тем в практике применения норм амортизации показатели интенсивного использования оборудования, которые в настоящее время приобрели — и чем дальше, тем больше — решающее значение, при определении размера амортизационных отчислений никак не учитываются. Само собой понятно, что если использование оборудования улучшается, а нормы амортизации остаются неизменными, они перестают соответствовать действительным срокам жизни оборудования.

Поэтому, чтобы установить правильные нормы амортизации, нужно выяснить зависимость между износом и всеми показателями использования оборудования (числом часов работы оборудования, интенсивностью работы) и установить соответственные поправочные коэффициенты к нормам амортизации.

* * *

На предприятиях и в наркоматах нашей промышленности практические работники-хозяйственники чувствуют недостатки существующих норм амортизации и практики их применения. В некоторых наркоматах исподволь уже началась работа по подготовке проектов изменения норм амортизации. Но работа эта проводится нередко кустарными методами, без единого методологического руководства. Необходимо объединить эту работу, направить ее по правильному руслу.

Мы не ставим здесь своей задачей дать развернутую методологию пересмотра норм амортизации и упорядочения ремонтного дела в промышленности. Но данная нами выше характеристика существующих норм амортизации и практики их применения позволяет все же наметить пути подхода к решению этой задачи.

Существенные недостатки имеются не только в действующих нормах амортизации, но и в практике возобновления изношенных фондов (сроки износа, характер возобновления, материальная база возобновления). Поэтому новые нормы амортизации не могут быть построены только на основе фотографирования существующих сроков жизни основных фондов в целом и отдельных их элементов, путем оценки потребности в средствах на ремонт, при наличной материальной базе и организации ремонтного дела в промышленности. Новые нормы амортизации могут быть установлены только на основе определения экономически рациональных сроков жизни основных фондов и исходя из улучшения и упорядочения ремонтной базы промышленности. Соответственно должен строиться и подбор материала.

Поскольку частичное возмещение приобрело решающее значение в возобновлении основных фондов, сроки жизни машин в целом не

отражают того срока, в течение которого на деле происходит возобновление труда и вещества, первоначально затраченных на машины. В то время как на балансе предприятия станок значится установленным 50—60 лет назад, нередко на самом деле этот станок прошел уже несколько кругов возобновления всех своих частей. Следовательно, самое определение норм амортизации по оборудованию должно основываться не только на подборе данных о возрастном составе станочного парка и выбытии машин в целом в лом, но и на анализе сроков жизни основных конструктивных элементов (узлов) станков, на определении оптимальных сроков их жизни.

Действующие нормы амортизации были установлены для наркоматов в целом и лишь затем они были дифференцированы по главам и предприятиям. Новые нормы амортизации должны быть установлены иначе — от цеха к предприятию, главку и затем к наркомату и промышленности в целом.

Если применять такую методологию определения норм амортизации, исходя из данных об износе отдельных элементов основных фондов, то надо обеспечить учет различий в характере износа этих элементов, произвести группировку оборудования по соответствующим типам и, в зависимости от характера его эксплуатации и износа, дифференцировать методы определения норм амортизации.

Необходимо выделить, с одной стороны, группы оборудования, в которых происходит износ всех конструктивных элементов в короткий срок (например, машины ударного действия), и, с другой стороны, группы оборудования, в которых некоторые конструктивные элементы снашиваются в экономически необозримый срок (пассивные детали в машинах вращательного действия).

В соответствии с изложенным работу по определению новых норм амортизации следует свести в основном к следующему.

1. Определить номенклатуру основных видов оборудования, по которым должны быть подобраны данные об их износе и возобновлении. Номенклатуру оборудования следует составить таким образом, чтобы были выделены группы оборудования, различные по характеру и срокам износа, а также по условиям эксплуатации (физико-химическая среда и т. п.). Подобрать материал, характеризующий соотношение этих видов оборудования в парке оборудования наркоматов по отдельным главам.

2. Подобрать данные о сроках жизни машин в целом, о возрастном составе парка оборудования, выбытии оборудования в лом и причинах этого выбытия, о демонтаже оборудования и т. д. Следует, однако, иметь в виду, что эти данные в большей степени выявят недостатки существующих норм амортизации, чем помогут определить конкретную величину новых норм амортизации.

3. Разбить указанные виды оборудования на основные конструктивные элементы (узлы), с учетом различий в характере нагрузки и износа этих элементов (активные и пассивные детали и т. п.).

4. Установить фактические сроки жизни отдельных конструктивных элементов машин на основе обследования предприятий, для чего подобрать данные о потреблении различных деталей на предприятиях. Установить круг конструктивных элементов машин, возобновляемых фактически в порядке ремонта силами ремонтных цехов завода, и долю этих конструктивных элементов, получаемых со стороны. Привлечь компетентных деятелей технической науки для технической оценки сроков жизни отдельных конструктивных элементов станков, для определения технически возможных сроков жизни и мероприятий, необходимых для их достижения. Устано-

вить, таким образом, техническую норму срока жизни отдельных конструктивных элементов машин.

5. Определить зависимость износа конструктивных элементов машин от их использования — числа часов работы оборудования и интенсивности нагрузки в рабочее время. Разработать поправочные коэффициенты к нормам амортизации в зависимости от использования оборудования.

6. После того как определены сроки жизни основных конструктивных элементов машин, амортизационный срок оборудования должен быть установлен, исходя из срока жизни наиболее длительно живущих, дорогостоящих и сложных конструктивных элементов станка и за вычетом остаточной стоимости машины к моменту износа этих главных конструктивных элементов. Эта часть нормы амортизации явится нормой на замену станка в целом, т. е. нормой на финансирование капитального строительства, отчисляемой в Промбанк.

Фактически в некоторых случаях (когда главные конструктивные элементы машины могут быть получены со стороны и к моменту износа главных конструктивных элементов имеется еще значительная остаточная стоимость машин) может оказаться рациональным произвести замену и этих главных конструктивных элементов станка, а не изъять станок целиком из производства к моменту их износа. В этом случае замена главных конструктивных элементов станка должна производиться в порядке восстановительного ремонта за счет средств, получаемых от Промбанка в порядке особых ассигнований. После восстановительного ремонта станок должен быть переоценен: на балансе должна значиться стоимость восстановительного ремонта станка плюс остаточная стоимость станка к моменту его ремонта (поскольку она не вошла в прежние амортизационные отчисления), а амортизационные отчисления должны производиться вновь.

Такой метод определения норм амортизации предполагает, что проведение политики амортизации в отношении замены главных конструктивных элементов станков передоверяется главкам, которые будут рассматривать смету на восстановительный ремонт, и центральным плановым органам, которые будут утверждать затраты на финансирование восстановительного ремонта. Экономический смысл такого порядка заключается в том, что решение вопроса о замене главных конструктивных элементов станков, т. е. определение допустимого предела затрат на восстановительный ремонт по сравнению со стоимостью нового станка, будет поставлено в связь с конкретными условиями баланса оборудования каждого года.

С другой стороны, плановые органы, распределяющие оборудование, смогут получить ясное представление о том размере затрат на восстановительный ремонт изношенного оборудования, на который предприятие вынуждено будет пойти, если ему не будет выделено новое оборудование для замены изношенного.

Особо при таком методе определения амортизационных отчислений должны быть установлены нормы амортизации для тех видов оборудования, которые наряду со сравнительно быстро изнашивающимися частями имеют в своем составе конструктивные элементы с экономически необозримыми «вечными» сроками жизни (пассивные детали). Для такого рода оборудования срок жизни машины в целом должен быть установлен, исходя из срока жизни главных из наиболее длительно живущих активных конструктивных элементов, за вычетом остаточной стоимости пассивных элементов машины к этому моменту.

7. При определении потребности в средствах на ремонт нужно исходить из необходимости различать:

а) восстановительный ремонт — замена главных конструктивных элементов станка, удлиняющая срок жизни станка за пределы первоначального амортизационного срока; этот вид ремонта осуществляется за счет специальных ассигнований из Промбанка¹⁶;

б) капитальный ремонт — замена остальных основных конструктивных элементов станка, не удлиняющая срока жизни станка в целом; этот вид ремонта осуществляется за счет той части нормы амортизации, которая специально выделяется на капитальный ремонт;

8. Стоимость замены и починки отдельных конструктивных элементов машины должна быть определена на основе опыта организации ремонта на передовых предприятиях, с учетом тех возможностей получения отдельных конструктивных элементов машин со стороны, которые предоставляются уже в ближайшее время.

Одновременно должна быть намечена система мероприятий, которая обеспечит дальнейшее улучшение ремонтного дела в промышленности. Следует установить тот круг деталей, производство которых нужно было бы возложить на машиностроительные заводы одновременно с производством новых машин. С другой стороны, нужно определить возможность централизации производства заготовок (литья и поковок) для изготовления запасных частей к станкам, не выпускаемым в настоящее время в СССР.

9. При определении норм амортизации надо исходить из следующего:

а) для модернизации оборудования должен быть выделен особый фонд, так как затраты на модернизацию не должны включаться в стоимость ремонта;

б) моральный износ не должен предусматриваться нормами амортизации;

в) стоимость работ по частичному возобновлению конструктивных элементов машин и починке их должна быть определена в сметных ценах 1940 г.

10. Одновременно с проведением работ по определению новых норм амортизации необходимо организовать работу по переоценке основных фондов, имея в виду, что нормы амортизации по основным фондам наркомата в целом могут быть установлены и применены лишь на базе новой оценки их.

Чтобы на основе норм амортизации по отдельным элементам основных фондов определить нормы амортизации по основным фондам в целом, нужно иметь данные об удельном весе этих элементов. Между тем переоценка основных фондов может привести к изменению удельных весов этих отдельных элементов. Отсюда ясно, что общая норма амортизации для основных фондов может быть установлена только на базе переоценки существующих фондов.

¹⁶ Следует подчеркнуть, что это понятие восстановительного ремонта расходится с существовавшим до сих пор. Во-первых, под восстановительным ремонтом понимали ремонт запущенного и давно не отремонтированного оборудования. Поэтому внедрение системы плано-предупредительного ремонта сопровождалось ликвидацией этого вида восстановительного ремонта. Предлагаемая нами номенклатура восстановительного ремонта будет существовать и при системе плано-предупредительного ремонта. Во-вторых, в настоящее время восстановительный ремонт проводится за счет той части норм амортизации, которая остается в качестве целевого ремонтного фонда в распоряжении директора предприятия. Восстановительный ремонт, по предлагаемой нами номенклатуре, следует проводить за счет специальных ассигнований Промбанка, т. е. за счет второй части норм амортизации, поступающей в Промбанк для финансирования капитального строительства. По существу это не ремонт, а возобновление оборудования.

О рационализации перевозок массовых товаров личного потребления

Развитие народного хозяйства СССР вызывает значительный рост грузооборота страны, в том числе и перевозок предметов массового личного потребления. Железнодорожный транспорт перевозит огромные массы грузов, которые достигли в 1938 г. 516 млн. т и в 1939 г. — более 600 млн. т. Грузооборот в 1938 г. составил 370,5 млрд. ткм, а в 1939 г. превысил 400 млрд. ткм.

Как известно, за годы третьей пятилетки объем продукции всей промышленности увеличится на 92% и сельского хозяйства — на 52%. В связи с этим, естественно, увеличится количество грузов, значительную часть которых будет перевозить с мест производства в районы производственного и личного потребления железнодорожный транспорт. В 1942 г. грузооборот страны достигнет 510 млрд. ткм (по железнодорожному транспорту), т. е. увеличится на 44% по сравнению с грузооборотом 1937 г.

Перед социалистическим транспортом поставлена огромной сложности задача: обеспечить перевозку массы грузов, возрастающей более быстрыми темпами, чем эксплуатационные линии. Эту задачу социалистический транспорт успешно решит только в том случае, если полностью использует все свои преимущества перед капиталистическим транспортом. Народное хозяйство в целом должно притти на помощь транспорту путем устранения нерациональных, чрезмерно дальних и встречных перевозок. Для этого необходимо значительно улучшить планирование производства и сбыта промышленной и сельскохозяйственной продукции.

XVIII съезд ВКП(б) вынес ряд конкретных решений, выполнение которых обеспечит более рациональное использование транспорта. Съезд указал, что при размещении нового капитального строительства в годы третьей пятилетки «...необходимо исходить из приближения промышленности к источникам сырья и районам потребления в целях ликвидации нерациональных и чрезмерно дальних перевозок, а также — дальнейшего подъема в прошлом экономически отсталых районов СССР»¹. В этих целях следует в основных экономических районах «...обеспечить комплексное развитие хозяйства и организовать добычу топлива и производство таких видов продуктов, как цемент, алебастр, химические удобрения, стекло, массовые изделия легкой и пищевой промышленности в размерах, обеспечивающих потребность этих районов»².

С осуществлением этих директив XVIII съезда партии значительно сократится грузооборот по многим предметам производственного и личного потребления, будут ликвидированы нерациональные и чрезмерно дальние перевозки и уменьшатся затраты народного хозяйства на транспортировку и хранение общественного продукта.

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б), стр. 25.

² Там же.

В результате будут обеспечены дальнейшее снижение себестоимости промышленной и сельскохозяйственной продукции, ускорение товарооборота и ликвидация перебоев в снабжении населения предметами массового потребления.

* * *

Анализ материалов по планированию производства, сбыта и перевозок 30 групп товаров показал, что имеется огромное количество нерациональных, чрезмерно дальних и встречных перевозок³. В число этих товаров входит почти 100 различных предметов личного потребления, составляющих около 80% розничного товарооборота. Грузооборот по этим товарам достигает приблизительно 20 млрд. ткм в год, что равно 6—7% общего грузооборота железных дорог СССР.

Вскрытые этим анализом встречные и другие нерациональные перевозки составили в 1939 г. более чем 425 млн. ткм и вызвали переплату промышленными и торговыми организациями только по тарифу около 70 млн. руб. Совершенно очевидно, что эти нерациональные перевозки значительно увеличили издержки обращения и отрицательно отразились на скорости товарооборота. В то же время эти перевозки увеличили расходы государства на содержание торгового аппарата, повысили стоимость товаров, сократив государственные доходы.

Происхождение этих нерациональных перевозок неодинаково. Основные их причины следующие:

1) недостатки существующего территориального размещения некоторых отраслей легкой и пищевой промышленности, унаследованные от уродливого экономического районирования царской России.

2) исключительно слабое развитие местной государственной и кооперативной промышленности и недостаточное использование местных сырьевых ресурсов;

3) недостатки в планировании объема и ассортимента вырабатываемой продукции;

4) недостатки в планировании товарооборота (направление товародвижения, размещение оптовых торговых баз и организация оптового сбыта).

Предметы личного потребления производятся в основном в Центрально-промышленном районе, в Ленинграде, в Украинской и Белорусской ССР, на Северном Кавказе и в некоторых других краях и областях. В этих районах выпускается около 70% главных предметов личного потребления. За последние 10—12 лет размещение легкой и пищевой промышленности претерпело значительные изменения. В эти годы построено большое количество предприятий в городах и районах Урала, Сибири, Дальнего Востока, Казахской ССР, Киргизской ССР и других среднеазиатских республик. Но вновь построенные предприятия легкой и пищевой промышленности не внесли больших изменений в схему товарных перевозок; завоз в эти районы не уменьшился, так как экономический и культурный рост их и увеличение численности населения сильно повысили спрос на предметы широкого потребления. По многим товарам (кондитерским изделиям, швейным, табачным, металлическим и др.) завоз значительно вырос. Это обстоятельство настойчиво требует организации и развития в указанных и аналогичных районах производства

³ Материалы Научно-исследовательского института торговли и общественного питания НКТ СССР.

товаров широкого потребления путем расширения местной промышленности и использования местных сырьевых ресурсов.

Чтобы вскрыть причины нерациональных перевозок, остановимся на кондитерской и макаронной промышленности, изготовляющих предметы массового потребления.

В 1939 г. 80,6% кондитерских изделий, вырабатываемых государственной промышленностью, было произведено в Украинской и Белорусской ССР, в Москве, Ленинграде и Пензе. Наиболее значительное место в производстве кондитерских изделий занимает Москва, на долю которой приходится 34,32% союзной продукции и почти 53% продукции, производимой в РСФСР; Ленинград дает соответственно 11,64 и 18%, Украинская ССР — 23,9% и Белорусская ССР — 8,36% союзной продукции. В потреблении доля Москвы (города и области, вместе взятых) составляет 12%, Ленинграда — 8,1%, Украинской ССР — 15,88% и Белорусской ССР — 1,78%.

В то же время в трех областях Урала было произведено в 1939 г. 1,4% кондитерских изделий, а удельный вес этих областей в потреблении (розничной реализации) составил 4,3%. В Приморском и Хабаровском краях, в Читинской обл. и в Бурят-Монгольской АССР было произведено 0,82% кондитерских изделий, а потреблено — 2,73%. В областях, краях и автономных республиках, расположенных в Восточной и Западной Сибири, было произведено кондитерских изделий 1,12%, а доля этих районов в потреблении — 7,25%. В среднеазиатских республиках было произведено кондитерских изделий 0,97% при удельном весе этих республик в потреблении указанных товаров в 8,0%.

28 автономных республик, областей и краев совершенно не имеют государственной кондитерской промышленности.

Кустарно-промысловая кооперация выработала в 1939 г. лишь 87 тыс. т кондитерских изделий, что равно 13% всей продукции государственной кондитерской промышленности, причем 45,5 тыс. т было произведено опять-таки в центральных районах.

Вследствие такого размещения производства кондитерских товаров огромная масса их вывозится из Москвы, Ленинграда, Украинской ССР, Белорусской ССР, Пензы в десятки областей, краев и республик на далекие расстояния. В 1940 г. неправильное размещение производства кондитерских изделий не только сохранилось, но в отдельных случаях еще усилилось. Так, например, доля ленинградских предприятий в 1940 г. доведена до 13,05% вместо 11,64% в 1939 г., при незначительном росте всего производства.

Аналогичную картину мы наблюдаем в размещении макаронной промышленности. 80% макаронных изделий производится в Европейской части СССР, причем южные районы в общесоюзной продукции занимают 48,5%. 23 области и края совершенно не имеют макаронной промышленности.

Такая концентрация производства кондитерских и макаронных изделий привела к тому, что свыше 80% этих изделий перевозится из области в область, во многих случаях на весьма далекое расстояние. Это дорого обходится государству. Отдельные крупные партии кондитерских изделий пробегают до 10 тыс. км. Средний пробег одного вагона с этими товарами превышает в 1,5 раза средний пробег груза в СССР, достигая 960 км. Ежегодно кондитерскими изделиями загружается более 45 тыс. вагонов; расходы на оплату тарифу превышают 40 млн. руб. в год.

В течение всего 1939 г. даже такой простой товар, как пряники, перевозился с пензенской и киевской фабрик в уральские, западно-

сибирские области и далее на Восток; на оплату этих перевозок промышленность израсходовала более 3 млн. руб., а излишний грузопробег составил 25 млн. ткм. Кроме транспортных затрат, большие средства расходуются на тару, в среднем 150 руб. на 1 т. В результате длительных мытарств качество прибывающих в районы потребления кондитерских товаров снижается, и часть их идет в брак.

Значительную долю перевозок этих товаров можно снять с плана грузооборота путем организации производства кондитерских изделий в так называемых непроизводящих районах. Технология изготовления большей части этих изделий несложна. Основным сырьем для их выработки являются почти всюду завозимые мука и сахар, а жиры и молочные продукты имеются на месте.

Огромные средства затрачиваются на нерациональные перевозки макарон. В 1939 г. было завезено с украинских фабрик в дальневосточные области более 7 тыс. т. Перевозка каждой тонны макарон стоит по тарифу 77—80 руб.; кроме того, большие средства расходуются на тару (лесоматериалы, бумага и гвозди), которая составляет в грузе одного вагона свыше 10%. Вместо того, чтобы перевозить в районы потребления муку и производить макароны на месте, что в 2 раза экономнее, чем перевозка макаронных изделий (один вагон вмещает муки 16 т, а макарон—8 т, включая вес их тары), последние перевозятся за тысячи километров.

Остановимся кратко на винодельческой промышленности.

Основными производителями виноградного вина, готового к потреблению и разлитого в бутылки, являются предприятия Москвы, дающие 21% общесоюзной продукции (без шампанских вин), Ленинграда—6,3%, Украинской ССР—21%, Ростова-на-Дону—7%, Узбекской ССР—9,5%, Азербайджана—6%, Грузии—4,4% и Орджоникидзевского края—4,5%.

Урал, Сибирь и Дальний Восток имеют всего четыре маленьких завода, вырабатывающих небольшое количество готового вина (1,17% общесоюзной продукции). Потребность же областей Урала, Сибири и Дальнего Востока в вине равна 15,4% всеоюзной реализации (в 1940 г.) и покрывается собственным производством лишь на 10%. Остальная часть продукции в объеме свыше миллиона декалитров в год завозится в разлитом виде с московских, ленинградских, северокавказских и других предприятий.

В результате такого размещения существующих винодельческих предприятий (кстати сказать, представляющих собой сравнительно небольшие помещения с простым оборудованием) и отсутствия их в крупных центрах потребления вина огромное количество виноградного вина пробегает искривленный путь, вызывая миллионные затраты на перевозку и тару. Подсчеты этих затрат в количестве вагонов, грузопробеге и в оплате тарифа показаны в табл. 1 на стр. 186.

Экономически выгодно производить вино в районах виноградарства, а затем перевозить его в бочках в районы потребления и здесь дорабатывать и разливать его, так как норма погрузки вина в бочках в один вагон в 2 раза выше, чем разлитого в бутылки. На практике же происходит совершенно иное. Вместо того, чтобы через Ростовский железнодорожный узел отгружать в районы потребления вино в бочках, оно первоначально завозится в Москву и Ленинград для переработки и затем уже в готовом виде, разлитое в бутылки, отправляется в области Урала, Сибири и Дальнего Востока. На этом промышленность теряет ежегодно 26,3 млн. руб. Между тем на расширение существующих в Свердловске, Омске и Владивостоке маленьких предприятий и на организацию новых

Таблица 1

**Затраты материальных и денежных средств на перевозки
виноградного вина в 1940 г.**

Наименование областей, краев и республик	Количество вина (в тыс. дкл)	Планируемые перевозки			Рациональные перевозки		
		количество ва- гонов	грузопробег (в тыс. ваг-км)	тарифная плата и расход на тару (в тыс. руб.)	количество ва- гонов	грузопробег (в тыс. ваг-км)	тарифная плата и расход на тару (в тыс. руб.)
Всего по СССР	4 967,5	10 468	33 138	100 952	7 623	24 028	64 572
В том числе:							
Дальний Восток	718,5	1 859	13 209	40 053	966	9 075	23 210
Восточная Сибирь	335,0	873	3 875	11 900	693	2 693	7 096
Западная Сибирь	280,0	592	1 763	5544	498	1 259	3 255
Урал (Свердловская, Челя- бинская и Молотовская обл.)	272,5	709	1 635	5 237	358	1 178	2 919
Белорусская ССР	112,5	310	418	1 461	150	216	640

потребовалось бы значительно меньше этой суммы. По всему СССР эти потери превышают 36 млн. руб. в год (см. таблицу).

Увеличение производства готового вина и виноматериалов в Средней Азии и снабжение ими Сибири и Дальнего Востока могло бы оказать огромное положительное влияние на сокращение крайне дальних перевозок вина в эти районы из Европейской части СССР.

К чрезмерно дальним и нерациональным перевозкам, к неоправдываемым затратам на транспортировку товаров приводит ограничение производства продукции узким кругом изделий, т. е. чрезмерная специализация отдельных предприятий. Много фактов такого планирования производства выявлено по ликерно-водочной, швейной, шорной и другим отраслям промышленности.

Остановимся на ликерно-водочной промышленности. Эта отрасль размещена наиболее равномерно. Наряду с другими факторами это обстоятельство дало возможность сбывать ее продукцию без оптового звена, непосредственно в розничных организациях. Каждому производственному предприятию устанавливается на определенный промежуток времени зона сбыта, ограниченная сравнительно небольшим радиусом, что позволяет максимально использовать автогужтранспорт; кроме того, предприятия имеют оборотную тару.

Однако значительная часть заводов производит ограниченный круг ликерно-водочных изделий, особенно сладких ликеров, и поэтому завозит недостающие сорта с других заводов. Последнее и является причиной дальних перевозок ликерно-водочных изделий, которые обходятся промышленности в десятки миллионов рублей в год. Так, перевозка 110 вагонов ликерно-водочных изделий из Москвы и Ленинграда в Новосибирскую обл. стоила промышленности более миллиона рублей. Доставка 130 тыс. дкл водки из Новосибирской обл. в Хабаровский край обошлась в 3 900 тыс. руб., что почти в 2 раза превышает стоимость нового, среднего по мощности, ликерно-водочного завода.

Расширение ассортимента ликерно-водочных изделий на большинстве существующих заводов окупит в один год те сравнительно небольшие капитальные затраты, которые необходимы для оборудо-

вания ликерных цехов; наряду с этим будут созданы дополнительные источники накоплений.

Частичного расширения ассортимента ликерно-водочных изделий, особенно горьких, можно добиться без капитальных затрат. Необходимо лишь правильно планировать производство. А в практике этого планирования в 1939 г. было много недостатков. Так, Челябинский завод производил сладкие ликерно-водочные изделия в количестве, превышающем планы реализации их в зоне своего сбыта, вследствие чего отгружал эти изделия в Свердловскую обл.; в то же время завод не производил горьких ликерно-водочных изделий и вынужден был завозить их из Горьковской обл. При такой организации производства Челябинский завод понес около миллиона рублей ненужных расходов. Между тем изготовление горьких изделий несравненно проще, чем производство сладких изделий, и не требует каких-либо капитальных затрат.

Томский завод при небольшом круге потребителей, расположенных в зоне его сбытовой деятельности, довел выработку ликерно-водочных изделий до 223 тыс. дкл в год. В связи с этим завод вынужден был развозить большое количество своей продукции на тысячи километров, сбывая ее в Омской обл., Алтайском крае и в западных районах Новосибирской обл., где имеются свои заводы. Эти перевозки обошлись заводу до 5 млн. руб. в год, превысив в 2 раза стоимость самого завода. Помимо этих потерь, завод при таком сбыте продукции испытывает острые затруднения с тарой.

Аналогичное положение наблюдается и на некоторых других заводах. Такое планирование объема производства, неравномерное размещение его по предприятиям увеличивают радиус перевозок, отдаляя место производства товара от места потребления.

Чрезмерно узкой, ничем не оправдываемой специализацией предприятий страдает швейная промышленность. Многие области производят ограниченный круг изделий в количестве, превышающем планы реализации их внутри области, а недостающий ассортимент изделий завозят из других областей. В течение 1939 г. железнодорожный транспорт перевез на 1 200 млн. руб. швейных изделий, которые заняли свыше 6 тыс. вагонов.

Равномерное размещение производства основных видов швейных изделий по существующим предприятиям в соответствии с потребностями покупателей дало бы возможность снять с плана грузооборота большое количество ненужных перевозок. Это привело бы к сокращению расходов на содержание существующих 102 оптовых баз с 3 100 работниками, 14-миллионным фондом заработной платы и 24 млн. руб. издержек обращения.

Большинство отраслей легкой и пищевкусовой промышленности имеет возможность при небольших затратах перевести свои предприятия с узкой специализации на производство всех основных видов товаров, выпускаемых той или иной отраслью.

Одной из главных причин встречных, крайне дальних и других нерациональных перевозок, а также высоких расходов по оптовой реализации товаров, является недостаточный удельный вес товаров местного производства во внутриобластном товарообороте. XVIII съезд ВКП(б) вынес решение о максимальном развитии производства основных товаров в районах потребления. Съезд указал: «Такие продукты питания, потребляемые в массовом количестве, как картофель, овощи, молочные и мясные продукты, мука, кондитерские изделия, пиво, а также ряд промышленных изделий массового потребления — галантерея, изделия швейной промышленности, ме-

бель, кирпич, известь и т. д., должны в достаточном количестве производиться в каждой республике, крае и области»⁴. Однако еще до сегодняшнего дня планируются дальние межобластные перевозки пряников, карамели — открытой и в завертке, мармелада, макарон, метизов, швейных и других изделий. Даже такие изделия, как обозные, бондарные, лесощепные, простые мебельные и другие, перевозятся из области в область за тысячи километров. Так, например, Новосибирская обл. завозила волосяные решета из Ленинграда, веревку — из Ярославля, Горького, Алма-Аты, Орла и Витебска, телеги, хода и колеса — из Свердловска, Гомеля, Киева и Харькова, деревянные ложки — из Горьковской обл., оконную замазку — из Симферополя и т. д. Между тем Новосибирская обл., как известно, является крупным поставщиком конского волоса и богата лесами.

Совершенно очевидно, что такого рода перевозки вызваны неповоротливостью местных областных организаций, не наладивших производство этих изделий на месте.

Нельзя также признать рациональными перевозки на дальние расстояния крупяных и мучных товаров, осуществляемые системой Наркомата заготовок. Крупы — продукт массового потребления; в грузообороте страны они занимают большое место — ежегодно более 1 млн. т. Основные сорта крупяных товаров должны изготавливаться, главным образом, на местах. Между тем радиус перевозок этих товаров очень велик. Так, в дальневосточные области, по данным за 1939 г., крупы завозились за 5,5—8,5 тыс. км (из Европейской части РСФСР и из Западного Казахстана). По пшеницу эти перевозки определяются расстоянием от 6,7 до 7,6 тыс. км; по ячменной крупе — от 8,0 до 8,6 тыс. км; по перловой крупе — от 5,5 до 8,3 тыс. км и по овсяной крупе — от 1,2 до 5,9 тыс. км. Это требует больших затрат: за перевозку лишь основных сортов круп в IV квартале 1939 г. было уплачено почти 2,9 млн. руб., хотя такие виды круп можно производить в достаточном количестве в более близких к Дальнему Востоку районах Западносибирской и Восточносибирской обл.

Радиус перевозок массовых сортов крупы в среднеазиатские республики также достигает больших размеров: от 2,0 до 3,8 тыс. км. Огромные излишние пробеги совершает и мука, грузооборот которой составляет более 7 млрд. ткм в год. Предварительный частичный анализ планов производства и завоза за 1939 г. показал, что встречные и другие нерациональные перевозки муки превышают 500 млн. ткм. Развитие местного мукомолья и переход предприятий на стабильный многосортный помол значительно сократят перевозки муки и по объему груза и по расстоянию грузопробега.

Центральные торгово-сбытовые организации, планируя завоз товаров, систематически допускали неправильное прикрепление отдельных пунктов производства к районам потребления, в результате чего и получились встречные и другие нерациональные перевозки. Многие однородные товары перевозились на большие расстояния навстречу друг другу. Например, животное масло перевозилось из Бийска в Москву и Ленинград и в то же время из Омска на Дальний Восток; из Алма-Аты — по направлению к Семипалатинску и из Семипалатинска — на юг, к Ташкенту; из Одессы в Москву и из Харькова в Ленинград. Сыр перевозился из Сызрани в Ашхабад и из Магнитогорска в Москву, при отгрузках его из Воронежа в Семипалатинск и из Нальчика в Москву.

⁴ Резолюция XVIII съезда ВКП(б), стр. 25.

Виноградное вино на миллионы рублей перевозилось из Москвы в Ленинградскую и Мурманскую обл., из Ленинграда в Калинин, из Омска в Башкирскую АССР, из Ростова-на-Дону в Омскую обл., из Москвы в Туркменскую ССР при близости винодельческих районов Закавказья; в то же время из Средней Азии в Москву завозились виноматериалы.

Пшено перевозилось из Орджоникидзевского края через Каспийское море в Киргизию и в то же время из Актюбинска в Туркменскую ССР или из Украинской ССР в Челябинскую обл. и из Саратовской обл. в Москву и т. д.

Однородные консервы, как например сгущенное молоко, Канский завод отгружал на запад до Новосибирска; в то же время их отправляли на Дальний Восток Саранский и Ситниковский заводы. Таких фактов можно привести множество.

Часть встречных перевозок была вызвана тем, что отсутствовала согласованность между двумя или несколькими системами, производящими и сбывающими одинаковые товары. Так, в прошлом году мясные консервы, выпускаемые предприятиями Наркоммясомолпрома, отправлялись с севера в Ереван и Баку, а такие же консервы, производимые предприятиями Наркомпищепрома в Грозном, отгружались по направлению к Москве. Другой пример: отдельные металлические изделия отгружались из центральных районов РСФСР на Урал и из Свердловска по направлению к Москве и Ленинграду.

Наличие большого числа сбытовых систем, реализующих один и тот же товар, неизбежно приводит к встречным перевозкам и часто к неравномерному размещению товарной продукции между отдельными районами потребления. В Свердловской обл. метизы реализуются оптовыми базами 10 сбытовых организаций. Почти такое же количество систем реализует силикатные изделия. В связи с этим встает вопрос о целесообразности разрозненного сбыта однородных товаров, производимых различными системами. Путем кооперирования оптового сбыта таких товаров и более широкого применения транзитных отгрузок промышленные наркоматы могли бы лучше организовать оптовую торговлю и получить на этом многомиллионную экономию.

Неправильное размещение торговых оптовых баз и излишнее количество их по отдельным торгово-сбытовым системам также вызывают встречные и другие нерациональные перевозки.

В Новосибирской обл. из 66 оптовых баз, имевшихся в прошлом году, лишь 11 были расположены западнее Новосибирска, а 55 были размещены следующим образом: 23 — в самом Новосибирске, 11 — в Томске, 7 — в Сталинске и остальные — также восточнее Новосибирска. Основные же массы товаров поступают в область с запада, и поэтому значительное количество их после разгрузки на базах Новосибирска отправляется обратно в западные районы области.

В этой же области имеются излишние оптовые звенья, причиняющие государству двойной ущерб: кроме прямых расходов на их содержание, они вызывают встречные и другие нерациональные перевозки. Так, при наличии крупных розничных торговых организаций, которые могут получать непосредственно с железной дороги махорку и папиросы, Главтабак имеет в области три базы — в Кемерово, Сталино и Ленинске. Одна база (например, в Топках) могла бы обслужить покупателей восточных районов Новосибирской обл.

Система Главкондитерсбыта имела к началу 1940 г. 370 оптовых баз, швейная промышленность — 102 базы, Главтабак — свыше 170 баз и т. д. На содержание аппарата баз Главкондитера, насчи-

тывающего 6 тыс. работников, ежегодно расходуется 24,5 млн. руб. В связи с этим стоимость оптовой реализации кондитерских изделий достигает по ряду краев и областей 600 руб. за тонну, колеблясь в среднем по СССР от 350 до 400 руб. Она превышает стоимость оптовой продажи ряда других товаров и доходит до 7—9% стоимости самих изделий. Интересно отметить, что в тех областях и краях, где торговля кондитерскими товарами базируется, главным образом, на местном производстве, стоимость оптовой реализации тонны кондитерских изделий падает до 100—110 руб.

Наличие большого количества оптовых звеньев ведет к дроблению баз, сокращению их торговых оборотов и снижению рентабельности. Чтобы оправдать свое существование, базы искусственно увеличивают складские операции. Так, в той же Новосибирской обл. махорка с Томской фабрики поступала на склады Татарской базы, расположенной западнее Новосибирска, а затем отправлялась обратно на восток, пробегая почти 90 тыс. лишних ткм в год.

Из общего годового оборота Новосибирской базы Главшерсти в 28 млн. руб. на долю расположенной в городе швейной фабрики в 1939 г. приходилось почти 21 млн. руб. оборота. Завозимые для этой фабрики шерстяные ткани первоначально поступали на склады базы, расположенной в 6 км от железнодорожной станции, а затем перевозились на швейную фабрику, находящуюся в 1,5 км от станции. В результате большая масса грузов совершала излишний пробег внутри города (почти на 11 км), и наряду с этим создавались встречные перевозки однородного груза.

Проводимые по заданию правительства мероприятия для сокращения излишних звеньев в оптовой торговле и более целесообразного размещения торговых баз значительно сократят расходы государства и создадут лучшие условия для рациональной организации товарных перевозок.

* * *

Приведенный выше материал говорит о том, что в планировании производства, сбыта и перевозок массовых товаров личного потребления имеются большие недостатки. Промышленные наркоматы и плановые органы еще крайне слабо осуществляют решения XVIII съезда партии о всемерном использовании местных ресурсов.

Основные районы Сибири, Дальнего Востока, среднеазиатских республик богаты разнообразным сырьем, пригодны для изготовления многих предметов потребления. Задача местных организаций — превратить это сырье в товары и обеспечить снабжение ими населения.

Промышленные наркоматы и плановые органы должны перестроить систему планирования производства и сбыта товаров личного потребления. Нужно добиться, чтобы при установлении объема производства и реализации того или иного товара учитывалось не только существующее местное производство его, но и то, которое может быть организовано. Наряду с этим, в целях рационального использования железнодорожного и водного транспорта, необходимо, чтобы планы производства и планы реализации и завоза товаров были всесторонне увязаны между собою и исключали встречные и другие нерациональные перевозки.

Улучшение планирования производства, сбыта и перевозок товаров явится новым, огромным источником накоплений. Эти резервы необходимо использовать для дальнейшего развития производства товаров личного потребления.

Предистория циклических кризисов

(Окончание)²⁰

Английское хозяйство не могло оправиться от кризиса 1815 г. в течение ряда лет. Процесс приспособления к новым условиям сбыта был затяжным и мучительным. Английские товары наталкивались на запреты ввоза (Франция) или повышенные пошлины (США). Положение сельского хозяйства оставалось тяжелым, несмотря на повышение цен в 1816 и 1817 гг., обусловленное неурожаями. Экспорт британских и ирландских изделий вновь достиг уровня 1815 г. и превысил его по количеству лишь в 1822 г., а по ценности только в 1836 г., т. е. через 21 год. Экспорт хлопчатобумажных изделий количественно превысил объем 1815 г. в 1818 г., но куплено это было резким снижением цен; по ценности уровень экспорта 1815 г. был вновь достигнут только в 1834 г.

В 1818/19 г. английская промышленность и торговля вновь прошли через кризисные потрясения, которые явились своего рода рецидивом кризиса 1815 г. Новый удар был нанесен тогда, когда по ряду важнейших экономических показателей, прежде всего по ценности экспорта, не был еще достигнут максимум, предшествовавший кризису 1815 г.

Таблица 7

Кризис 1819 г.

	1815 г.	1818 г.	1819 г.	Изменения в 1819 г. (в %)
Перевозки железа по Монмаутширскому каналу (в тыс. т)	46,2	42,0	37,7	— 13,1
Экспорт (без реэкспорта) (в млн. ф. ст.)	51,6	46,6	35,2	— 24,5
В том числе:				
Хлопчатобумажные изделия (в млн. ф. ст.)	21,0	19,0	15,0	— 21,0
Шерстяные изделия (в млн. ф. ст.)	9,4	8,1	5,6	— 30,9
Импорт хлопка (млн. ф.)	89,0	161,0	128,0	— 20,5
» шерсти » »	15,5	24,7	9,8	— 60,3
	(1814 г.)		(1820 г.)	
Весь импорт (млн. ф. ст.)	33,0	36,9	30,8	— 16,5
Индекс оптовых цен в золоте (1913 г.=100)	154,2	186,8	158,4	— 15,2
Общее число банкротств	1 759	1 012	1 582	+ 56,3

После того как низшая точка кризиса 1815 г. была пройдена, на английском денежном рынке постепенно наступило чрезвычайное изобилие свободных капиталов, ищущих прибыльного приложения. Металлическая наличность Английского банка выросла за 1815—1817 гг. почти в 6 раз (с 2 до 11,9 млн. ф. ст.), количество банкнот в обращении увеличилось с 26,1 до 29,5 млн. ф. ст., а учетные операции катастрофически снизились (с 16,6 до 2,5 млн. ф. ст.). Обилие капиталов

²⁰ См. журн. «Проблемы экономики» № 10 за 1940 г.

позволило разместить в Англии в 1817—1818 гг. больше чем на 38 млн. ф. ст. иностранных займов. Это, естественно, вызвало отлив золота за границу. Положение осложнил огромный ввоз хлеба, вызванный неурожаем (ввоз зерна поглотил в 1818 г. огромную сумму в 13,2 млн. ф. ст.), а также спекулятивный рост импорта сырья и колониальных товаров в 1818 г. после огромного падения его в 1816 г. По сравнению с 1816 г. ввоз пшеницы вырос в 1818 г. в 7,6 раза, хлопка — в 1,9 раза, шерсти — в 3,1 раза. В итоге вексельный курс упал, золотые запасы английского банка вновь снизились до 3,5 млн. ф. ст. в 1819 г. Возобновленный в мае 1817 г. частичный обмен банкнот на золото был вновь приостановлен. Одновременно потерпела крушение спекуляция на импорте, цены главных предметов импорта упали на 25—40%, общий индекс цен снизился на 30%, резко поднялось число банкротств.

Однако кризисом была серьезно поражена и промышленность. Уже одно сжатие экспорта хлопчатобумажных изделий (на 22% в ценностном и на 18% в количественном выражении) и вывоза шерстяных изделий (на 30%) означало значительное сокращение сбыта и производства, даже если бы внутри Англии спрос остался неизменным. В действительности же и внутренний спрос упал в результате неурожая и огромного роста хлебных цен, которые снизили покупательную способность крестьянства и рабочих. Переполнение внешних рынков английскими фабрикатами отмечалось уже в середине 1818 г., в то время как крах спекуляции на импорте произошел лишь в конце года, а денежный кризис приобрел острую форму лишь в 1819 г. Нет поэтому никаких оснований рассматривать перепроизводство и трудности сбыта в промышленности как простое следствие денежного кризиса. Наоборот, денежный кризис, который имел и свои специальные причины, прежде всего отражал огромные трудности, на которые натолкнулся английский капитализм в борьбе за расширение своих рынков после эпохи наполеоновских войн. Изобилие капиталов, вызвавшее усиленный их экспорт, было сопряжено с некоторым замедлением роста промышленности. Неблагоприятный платежный баланс был в немалой мере связан с тем, что экспорт оставался на значительно сниженном по сравнению с 1815 г. уровне.

Кризис 1819 г. поразил все главные отрасли английской промышленности. Количество банкротств в хлопчатобумажной промышленности в 1819 г. больше чем удвоилось, превзойдя высшую точку предыдущего кризиса. В мае 1819 г. ткачи жаловались в петиции парламенту на большую безработицу, «вызванную депрессивным состоянием хлопчатобумажной промышленности». Продукция шерстяной промышленности снизилась, по примерным оценкам, на одну шестую; спрос на суконные изделия упал, по утверждению лорда Мильтона, до самого низкого уровня за истекшие 25 лет. Положение металлообрабатывающей промышленности было тяжелым, и в 1817 г. она все еще не оправилась от сокращения военных заказов. Экономический застой в Бирмингеме — главном центре металлообрабатывающей промышленности Англии — был предметом специального обсуждения в парламенте. Петиция механиков Бирмингама, поданная в парламент, рисует большой рост безработицы, снижение заработной платы и усиление нищеты. В другой петиции, поданной в 1820 г., указывается, что в основных отраслях металлической промышленности Бирмингама производство сокращено на 25%. Характерно, что в 1817 г. впервые в истории капитализма был выдвинут законопроект о финансировании общественных работ с целью ослабить бедствия безработицы и оживить промышленность. Речь шла об ассигновании 1—

2 млн. ф. ст. субсидий корпорациям и приходам, строящим каналы, гавани, дороги и мосты, чтобы дать им возможность окончить начатые работы и «дать толчок промышленности Бирмингама»²¹.

Характеризуя общее состояние английской экономики, лорд Кальторп говорил 16 мая 1817 г. в парламенте: «Промышленность и торговля Великобритании находятся в чрезвычайно депрессивном состоянии». В том же духе высказывались лорд Мильтон, видный коммерсант и публицист Бэринг и др.²²

Кризис 1819 г., начавшийся в период, когда не был полностью изжит упадок, вызванный кризисом 1815 г., резко снизил жизненный уровень рабочих и ремесленников. Как и в предыдущие кризисы, буржуазия искала выход в снижении заработной платы. Положение ухудшалось дороговизной продовольствия. Занятые в домашней промышленности остро страдали от растущей конкуренции машин. Нищета в городе и деревне была столь велика, что даже в тронной речи короля (в мае 1820 г.) упоминалось о бедственном положении трудящихся классов общества. Рикардо в парламентской речи отмечал «величайшие бедствия, испытываемые трудящимися классами во всем королевстве». В петиции торговцев и промышленников Бирмингама указывалось, что потребление продуктов сократилось по сравнению с 1818 г. на одну треть. Особенно упало потребление мяса, пива и хлеба, так как рабочие во многих случаях были заняты только 3—4 дня в неделю и заработка не хватало для удовлетворения самых необходимых потребностей.

Кризисы и рост нищеты вызвали оживление рабочего движения. Везде происходили митинги под лозунгами отмены хлебного закона, борьбы с нищетой и парламентской реформы. Страна покрылась сетью тайных комитетов. 2 декабря 1816 г. близ Лондона произошла неудачная попытка вооруженного восстания. В январе 1817 г. состоялся голодный поход рабочих Манчестера в Лондон, который был разогнан войсками, а в июне — поход из Дербишира в Ноттингем, три руководителя которого были схвачены и казнены. Революционный подъем особенно усилился в связи с кризисом 1819 г. Во второй половине года по стране прокатилась волна митингов за избирательную реформу. Грандиозный митинг в Манчестере, собравший около 50 тыс. человек, был разогнан войсками, несколько участников его было убито, многие ранены. Манчестерская бойня вызвала сильные протесты. Правительство пустило в ход новые репрессии, парламент принял ряд законов, вошедших в историю как «акты о затыкании рта».

Усилилась борьба и в лагере правящих классов — между буржуазией и земельной аристократией вокруг избирательной реформы. В 1820 г. торговцы Лондона, Манчестера, Глазго направили в парламент ряд петиций с требованием свободы торговли.

* * *

Кризис 1819 г. нашел свое отражение и в ряде стран за пределами Англии, особенно в Соединенных Штатах Америки, еще не оправившихся от кризиса 1815/16 г.

В декабре 1819 г. комиссия палаты представителей констатировала: «Кризис задел всех капиталистов как крупных, так и мелких. Несчастные должники потеряли плоды своих трудов, хорошие работники вынуждены покинуть свои дома и отправляться в негостеприимные леса Запада. Продукты, товары, орудия продавались на аукционах

²¹ Parliamentary Debates... v. XXXVI, p. 92, 1/V 1817.

²² Ibid., pp. 9, 16, 26/V 1817.

значительно дешевле покупной цены. Множество семей вынуждено было ограничивать свои самые насущные потребности. Количество денег и кредитов было так мало, что невозможно было получить ссуду под гарантию лучших земель; возникла безработица — лучшие работники испытывали нужду. Торговали только товарами первой необходимости. Машины и фабрики бездействовали; долговые тюрьмы были переполнены»²³. Согласно свидетельским показаниям современников, «почти все промышленные предприятия страны обанкротились, их владельцы разорились»²⁴. В этих показаниях, видимо, есть преувеличения, навеянные борьбой вокруг таможенной политики, где резко расходились интересы промышленников и экспортеров хлопка. Не подлежит, однако, сомнению, что переполнение в 1819 г. Соединенных Штатов Америки английскими товарами, продававшимися по сниженным ценам, не могло не нанести чувствительного удара неокрепшей американской промышленности. В числе отраслей, где наблюдался большой спад, была и железодельная промышленность, находившаяся в США еще в зародышевом состоянии и технически весьма отсталая по сравнению с английской металлургией. Цена полосового железа упала, например, со 140 долл. за тонну в 1818 г. до 80—100 долл. Продукция чугуна снизилась в 1820 г. до 20 тыс. т, в то время как уже в 1810 г. она исчислялась в 54 тыс. т (оценка Американской стальной ассоциации).

Но Соединенные Штаты Америки втягивались в кризисные потрясения английской экономики не только под влиянием импорта английских фабрикатов. Исключительно важную роль в экономике США играли производство и экспорт хлопка. Колебания английского спроса на хлопок непосредственно задевали интересы широких кругов в США. Сильное повышение цен в 1818 г. и спекулятивный рост импорта хлопка в Англию дали в США новый толчок к расширению посевных площадей и к земельной спекуляции. Но когда в 1819 г. был собран повышенный урожай, Англия была во власти кризиса; спрос и цены на хлопок упали наполовину. Это повлекло за собой разорение земельных спекулянтов (цены на землю упали на 25—50%) и финансировавших их банков, а также снижение покупательной способности сельскохозяйственного населения. В Англию из США шли также американский табак, пшеница и другие товары, цены на которые в 1819 г. также резко снизились. Отсюда жалобы современников на острый кризис в сельском хозяйстве. Фермы закладывались и продавались с молотка за треть или половину стоимости.

Наплыв европейских товаров бил по американской экономике и тем, что вызывал отлив золота, неблагоприятно влиявший на состояние денежного рынка. Так было в 1815 г., это повторилось и в 1819 г.

Таблица 8

	1815 г.	1816 г.	1817 г.	1818 г.	1819 г.
Вывоз из США (в млн. долл.)	53	82	88	93	70
Ввоз в США » » »	113	147	99	122	87
Баланс	— 60	— 65	— 11	— 29	— 17

Кризис 1819 г. заметно ухудшил и положение промышленности стран европейского континента. В 1820 г. в английском парламенте в ряде выступлений отмечалось, что такая важная отрасль промышленности, как шерстяная, находится на континенте в еще более тяжелом положении, чем в Англии. «Allgemeine Zeitung» писала в 1819 г. о состоянии германского хозяйства: «В Лейпциге были известны плохие новогодние ярмарки, но такой плохой, как нынешняя,

²³ Цитирую по Juglar, *Des crises commerciales*, Paris, 1889, p. 329.

²⁴ Цитирую по Clark'у, *History of Manufactures in U. S. A.* New York, 1929.

никогда не было... В самом деле, когда конъюнктура для торговли и промышленности была хуже, чем теперь? Покупают только при крайней необходимости... Повсюду обнаруживается, что товаров производится больше, чем может быть в нынешних условиях потреблено. Это переживают как Англия, так и континентальные страны, но Англия обладает талисманом, при помощи которого она открывает себе доступ во все страны, ей не страшны никакие пошлины, никакие ограничения...».

Положение германской промышленности оставалось тяжелым в течение ряда лет. В 1821 г. отмечалось, что «октябрьская ярмарка в Лейпциге оказалась худшей из когда-либо имевших место... Саксонские фабриканты кое-что продали, но без прибыли»²⁵. От кризиса 1819 г. пострадала не только промышленность Германии, но и сельское хозяйство. В Германии случилось с шерстью то же, что в США с хлопком. «Allgemeine Zeitung» писала в 1820 г.: «Высокая цена на шерсть повернула сельских хозяев лицом к овцеводству. Продукция шерсти выросла так, что она превысила бы потребление, если бы оно даже было таким большим, как в 1816—1817 гг. Продажа шерсти дала в 1814—1818 гг. огромные барыши. Но летом 1818 г. в Лондон поступило из Испании и Германии такое количество шерсти, что предложение явно превысило спрос. А когда разразился ужасный кризис весной 1819 г., который потряс кредит и благосостояние всего торгового мира, он особенно губительное действие оказал на все отрасли торговли в Англии, цены на шерсть быстро пошли вниз. Все, что нажито было на шерсти в предшествовавшие 4—5 лет, было вновь потеряно»²⁶.

Во Франции кризис 1819 г. отразился прежде всего в динамике внешней торговли и цен. Сильно сократился вывоз шерстяных, льняных и шелковых тканей, а также ввоз шерсти. Вывоз хлопчатобумажных тканей в 1819 г. несколько увеличился, но все же был ниже уровня 1816 г. Французская промышленность была защищена от английской конкуренции запретом ввоза хлопчатобумажных изделий и ряда других фабрикатов. И все же не прекращаются жалобы на тяжелое положение промышленности, создаваемое английской контрабандой. Но в еще большей мере, чем от английской конкуренции, промышленность Франции страдала от последствий неурожая 1816 г., которые продолжали остро ощущаться в 1818 г., несмотря на удовлетворительный сбор 1817 г. Положение французской промышленности было весьма неблагоприятным уже в 1817 и 1818 гг. Фактически начиная с 1816 г. важнейшие отрасли промышленности Франции оставались в кризисно-депрессивном состоянии. Импорт хлопка не дал в 1819 г. снижения, вывоз хлопчатобумажных изделий даже несколько повысился, но все же отмечалось, что хлопчатобумажные фабрики «испытывают подлинные затруднения..., хлопок загромождает таможи и склады». Влияние кризиса перепроизводства переплеталось с упадком ручного производства грубых сукон, льняных тканей и др., которые не могли выдержать конкуренции фабрикатов машинной индустрии.

Кризисное состояние французской промышленности в 1818/19 г. имело и внутренние причины, заключавшиеся в обеднении страны в результате длительной войны, во влиянии неурожая и т. д. Биржевая паника в октябре-ноябре 1818 г. была в значительной мере обусловлена спекуляцией займами и другими ценными бумагами. Но действие этих процессов было усугублено влиянием английского кризи-

²⁵ «Allgemeine Zeitung», Beilage № 169, S. 1296.

²⁶ Ibid., S. 956.

са 1819 г., который больно ударил по французской внешней торговле и ряду отраслей промышленности.

* * *

Наш анализ промышленных кризисов конца XVIII и начала XIX вв. позволяет сделать следующие выводы.

Уже с первых шагов своего развития капиталистическая крупная промышленность, технической основой которой является машина, обладает такими возможностями расширения производства, о каких нельзя было и мечтать в условиях ручного труда. Производство, масштабы которого раньше — в силу застойности техники — изменялись чрезвычайно медленно, стало расширяться скачкообразно. Механическая промышленность развивалась тем более быстро, что обладала огромными экономическими преимуществами по сравнению с господствовавшим ручным производством и обеспечивала нарождающейся промышленной буржуазии огромные прибыли. Однако это скачкообразное расширение производства не могло не приводить время от времени к перепроизводству, к переполнению рынков фабрикатами крупной промышленности.

Таблица 9

Потребление хлопка в Англии (в млн. ан. фунтов)

1781 г.	1790 г.	1800 г.	1811 г.	1821 г.	1825 г.
5	31	52	89	129	166

Мы видим, как быстро росла хлопчатобумажная промышленность Англии, где машинное производство победило раньше, чем в других отраслях. Могло ли это увеличение продукции протекать гладко и не сопровождаться эпизодическими остановками, вызванными трудностями сбыта?

История крупной механической промышленности и история кризисов перепроизводства начинаются почти одновременно. Эндрю Юр, один из крупных знатоков детства и юношества капиталистической фабрики, писал в 1835 г. о первых кризисных потрясениях хлопчатобумажной промышленности со слов очевидца: «Я был свидетелем более чем одной катастрофы в хлопчатобумажной промышленности, рассказывал впоследствии один фабрикант. В 1788 г. мне казалось, что она не оправится больше. В 1793 г. она получила новый удар; в 1799 г. она испытала еще более жестокое потрясение. Точно также — в 1803 и 1810 гг. Но после каждого такого краха подъем был изумителен». В 80-х и 90-х годах XVIII в. шерстяная промышленность выбрасывала на рынок гораздо больше продукции, чем хлопчатобумажная. Но характерно, что первые кризисы перепроизводства были прежде всего кризисами хлопчатобумажной, а не шерстяной промышленности. Ибо решал здесь не масштаб продукции, а темп ее увеличения. Шерстяная промышленность, сильно отстававшая от хлопчатобумажной в деле внедрения машин, развивалась медленно, и кризисы вначале били по ней лишь в той мере, в какой они усиливали вытеснение шерстяных тканей бумажными.

Кризисные потрясения торговли и кредита в крупнейших экономических центрах наблюдались уже задолго до промышленного переворота. Таковы кризис в Любеке в начале XVII в., вызванный спекуляцией и фальсификацией денежных знаков; торгово-денежный кризис 1637 г. в Нидерландах, обусловленный спекулятивной вакханалией с тюльпанами; денежный кризис 1719/20 г. во Франции, порожденный мошенничествами Лоу; гамбургский торговый кризис 1763 года; ряд денежных кризисов в Англии во второй половине XVII и первой

половине XVIII вв. Конечно, о кризисах во всех этих случаях можно говорить лишь весьма условно, учитывая их принципиальное отличие от кризисов развитого капитализма. Однако и эти кризисные потрясения торговли и кредита были порождены капиталистическими отношениями, и это роднит их с кризисами XIX и XX вв. Концентрация капитала достигла значительных успехов в сфере торговли и кредита раньше, чем в промышленности, и именно поэтому в этих сферах капиталистического хозяйства раньше создались условия для эпизодических кризисных потрясений.

Эти кризисные потрясения были локальными. Они поражали отдельные торговые и денежные центры, и их жертвами были представители торгового и ссудного капитала и публика, вовлеченная в биржевую игру и спекуляцию. Непосредственными причинами этих кризисов были биржевые аферы, спекуляция отдельными товарами, иногда события политического порядка и т. д. Возможность подобной кризисов была создана известным уровнем развития международной торговли, кредита и концентрации капитала. Важнейшая особенность этих кризисов заключалась, однако, в том, что они вызывались факторами, лежащими вне производства, не влияли на ритм производства, были по существу независимы от хода общественного воспроизводства, которое в основе своей определялось закономерностями движения натурального хозяйства. Масштабы производства, базировавшегося целиком на ручном труде, были сравнительно устойчивы, техника развивалась медленно, товарная продукция шла в основном на ближайший местный рынок, спрос был относительно столь же устойчив, как и предложение.

Объектами спекуляции, приводившей к переполнению отдельных рынков тем или иным товаром, обычно бывали колониальные и другие товары, обращающиеся на международном рынке, торговля которыми велась в больших масштабах крупным капиталом. Главными жертвами кризисов были торговые фирмы и финансировавшие их ссудные капиталисты. Кризисные потрясения иногда докатывались рикошетом через понижение цен и до мелкого производителя, продукция которого становилась предметом крупной оптовой торговли внутри страны или на международном рынке. Но и в этом случае они не могли влиять сколько-нибудь существенно на масштабы производства.

Таким образом, до появления механической промышленности не было почвы даже для частичных кризисов перепроизводства, хотя уже созрели условия для локальных торговых и денежных кризисов. Положение коренным образом изменилось с внедрением машин. Революция в методах производства, появление капиталистических фабрик создали предпосылки для скачкообразного расширения продукции. Отныне кризисы перепроизводства стали не только возможны, но и неизбежны.

Конечно, кризисы хлопчатобумажной промышленности Англии 80-х и 90-х годов XVIII в., которые современники называли катастрофами, для всего хозяйства Англии имели ничтожное значение в силу незначительности роли хлопчатобумажной промышленности в экономике Англии. Хозяйство в своей основе не могло быть ими поколеблено. Вначале это были бури в стакане воды, и лишь постепенно увеличивалась их роль, лишь постепенно их разрушительная сила выросла настолько, что кризисы превратились в острые потрясения всей экономики.

Для понимания природы капиталистических кризисов чрезвычайно важен, однако, тот доказанный приведенными выше материалами исторический факт, что машина и капиталистическая фабрика уже в

период своего детства создают в тех отраслях производства, куда они проникают, неизбежность эпизодического переполнения рынка, за которым следует временное сокращение производства. То были еще первые, частичные, локальные, слабо отражающиеся во всей в основном еще не капиталистической и отчасти даже не товарной экономике, но несомненные кризисы перепроизводства. Это были новые для того периода экономические явления, конечно столь же неразвитые, как находившаяся в пеленках фабричная система.

Важное значение имело то обстоятельство, что фабричная система зародилась и первоначально окрепла в отрасли промышленности, которая была новой сферой производства, фабрикатам которой приходилось создавать себе рынок, отвоевывая его у других отраслей, создавая новые потребности, разрушая существующие ремесла. Еще существеннее, что уже в начальный период развития хлопчатобумажной промышленности Англии решающее значение для нее приобрел внешний рынок. Это предполагало большую концентрацию торговли, крупный масштаб операций. Работа на далекий рынок, емкость которого подчас совершенно неизвестна и связь с которым была крайне затруднена, предоставляла самое широкое поле для спекуляций.

Конец XVIII и начало XIX вв. были периодом революционных и военных потрясений. Войны революционные, наполеоновские, англо-американская, континентальная блокада, переходы от мира к войне и обратно оказывали огромное влияние на экономическую жизнь Англии и других стран. Они неоднократно вызывали серьезные потрясения экономики и служили подчас непосредственными причинами ряда экономических кризисов. Нетрудно поэтому довольно правдоподобно объяснить кризис 1793 г. началом войны между Англией и Францией, кризис 1796/97 г.— последствиями этой войны, кризис 1810 г.— влиянием континентальной блокады, кризисы 1815 и 1819 гг.— переходом от военных условий к мирным. И в этих объяснениях была бы значительная доля правды. Однако это было бы все же насилием над исторической правдой и игнорированием основных закономерностей капиталистического развития.

Наш анализ вскрыл совершенно неоспоримый факт: все эти кризисы были кризисами перепроизводства, означали переполнение рынка, трудности сбыта, сокращение производства. История войн исчисляется тысячелетиями, но никогда они не приводили к кризисам перепроизводства, которые выступили на сцену лишь в конце XVIII в. (с зарождением фабричной системы). Нельзя не видеть за бесспорным влиянием войн, континентальной блокады и т. п. основную причину кризисов конца XVIII и начала XIX вв., которая была той же, что и причина последующих капиталистических кризисов. Политические факторы, войны, блокада вуалируют здесь тот важнейший факт, что уже в конце XVIII в. развитие фабричной системы стало основой скачкообразного расширения продукции, неминуемо ведущего к кризисам перепроизводства. Нельзя смешивать основную причину кризисов, определяющую их характер, с историческими условиями, определяющими сроки и своеобразие форм движения отдельных кризисов. В действительности войны осложнили рассмотренные выше кризисы, но даже для многих современников, которые еще не могли знать законов кризисов перепроизводства, было ясно, что причина кризисов лежит глубже — не в войнах, не в континентальной блокаде, а, как они наивно говорили, в чрезмерном расширении производства и торговли. Следует учесть к тому же, что Англия, бывшая очагом этих кризисов, по существу воевала чужими руками, ее тер-

ритория не была ареной военных действий, она была господином на всех морских путях, ее молодая фабричная промышленность рассылала свою продукцию во все концы мира. Тем менее обоснована попытка объяснить кризисы 1780—1820 гг. причинами чисто политического порядка, как это делает Туган-Барановский,— попытка воздвигнуть каменную стену между этими кризисами и последующими, в то время как они экономически однородны и представляют собой лишь различные исторические стадии одного и того же закона движения капитализма.

Рассмотренные выше цифры и факты о росте кризисов перепроизводства дают возможность разрешить другой важный вопрос—о границах влияния кризисов перепроизводства на различные отрасли и сферы хозяйства и о путях расширения этого влияния.

Очагом кризисов перепроизводства является крупная фабричная промышленность. Масштабы кризисов и их разрушительная сила растут вместе с развитием фабричной промышленности и ростом ее удельного веса в экономике. Естественно, что когда вся механическая промышленность страны олицетворялась лишь сотней хлопкопрядильных фабрик, на которых работало три—пять десятков тысяч человек, а остальные производства велись ручным способом, эти кризисы не влияли сколько-нибудь заметно на общий ход экономической жизни, хотя для кучки хлопчатобумажных фабрикантов они разражались порой как подлинные катастрофы. Кризисы перепроизводства носили поэтому вначале частичный и локальный характер.

Однако экономическое значение ранних кризисов нельзя измерять цифрами удельного веса продукции фабричной промышленности во всем производстве, точно так же, как этими цифрами нельзя измерять и экономическую роль фабричной системы. Капиталистическая фабрика оказывала на все хозяйство неизмеримо большее влияние, чем это соответствовало ее удельному весу в производстве. Это относится и к ранним кризисам перепроизводства.

Вплоть до 1825 г. ткачество было механизировано в ничтожной мере. Но характерно, что уже в описаниях кризисов 90-х годов XVIII в. мы встречаем указания на страдания, которые они приносили ткачам. И это вполне понятно. Механизация прядения в корне изменила экономические условия существования ручного ткачества, хотя методы его производства остались неизменными. Во-первых, прядильные машины настолько расширили производство пряжи, что вызвали к жизни огромную армию ручных ткачей для ее переработки. Темпы расширения ручного ткачества определялись темпами расширения механического прядения. Механическая промышленность навязала присущий ей ритм ручному производству. Вместе с этим она навязала ему и те колебания в масштабах продукции, которые вызывались кризисами. Следует учесть, что одновременно произошли существенные изменения в экономической природе ручного ткачества. В огромной степени развились капиталистические отношения, домашне-капиталистическая система производства стала в ткачестве преобладающей, многие ручные ткачи превратились фактически в наемных рабочих прядильных фабрик. Их продукция шла в значительной части на международный рынок. Раздатчиком сырья для переработки здесь выступал уже не купец, а фабрикант, и это означало существенную модификацию самой природы домашне-капиталистического производства. Ибо такой фабрикант, имея опыт механического производства, мог широко использовать машины как орудие снижения заработной платы ручных ткачей. Очень часто фабрикант меньшую часть пряжи перерабатывал на фабрике машинами, а большую часть

отдавал на сторону ручным ткачам. В борьбе за выход из кризиса, за приспособление издержек производства к сниженным ценам урезывание заработной платы ручных ткачей играло огромную роль. Так ручное производство расплачивалось за перепроизводство в механической промышленности.

Таким образом, уже тогда, когда механизировано было лишь прядение, от кризисов страдали все звенья хлопчатобумажной промышленности, в том числе и те, где методы производства не изменились.

Но кризисы отражались и на ручном производстве других отраслей промышленности. Прежде всего это относится к тем отраслям, которые испытывали конкуренцию бумажных тканей,— шерстяной, льняной. Будучи в основном кризисами хлопчатобумажной промышленности, кризисы конца XVIII и начала XIX вв. вызывали нередко значительное сокращение производства и в других отраслях текстильной промышленности, хотя в обработке шерсти, а особенно в обработке льна, не было ни того развития фабричной системы ни того расширения производства, которые могли объяснить кризис в этих отраслях. По существу они расплачивались за перепроизводство хлопчатобумажных изделий. С другой стороны, конкуренция хлопчатобумажной промышленности способствовала внедрению машин в эти отрасли, тем самым создавая основу для перепроизводства и в этих отраслях.

В начале XIX в. кризисы затрагивали уже доходы значительных слоев населения крупных торговых и промышленных центров. Колебания в покупательной способности этих слоев населения стали влиять на состояние производства таких отраслей, как швейная, мебельная и пищевкусовая. Многие из этих отраслей базировались в основном на ручном труде в течение многих и многих десятилетий после механизации главных производств. Но они участвовали во всех колебаниях крупной механической промышленности, их судьбы были с ней неразрывно связаны.

Все это вместе взятое объясняет, почему кризисы уже в начале XIX в. воспринимались как серьезное бедствие, затрагивающее жизненные интересы широких слоев населения крупных торговых и промышленных центров.

Выше мы видели, что уже в начале XIX в. английские кризисы чувствительно сказывались и в других странах, в экономике которых еще не было внутренних предпосылок для возникновения кризисов перепроизводства. Многое здесь объясняется тем, что английская хлопчатобумажная промышленность, которая в течение нескольких десятилетий была главной носительницей фабричной системы и основным очагом кризисов перепроизводства, развивалась как промышленность, работающая в основном на внешний рынок. Английские кризисы 1810, 1815, 1819 гг. проявлялись прежде всего в переполнении английскими фабрикатами внешних рынков. Кризисы, означавшие обесценение английских товаров и их распродажу по дешевым ценам, конечно, не могли сказываться на экономике таких стран, как Бразилия, где английские товары не сталкивались с конкуренцией туземной промышленности, но они влекли за собой серьезнейшие испытания для промышленности США, Франции и Германии. Влияние английских кризисов было прямо пропорционально степени развития собственной промышленности отдельных стран, оказавшейся под ударами английской конкуренции.

Англия вовлекала другие страны в колебания своей торговли и промышленности не только как экспортер промышленных товаров, но и как важнейший рынок сбыта сырья и продовольствия, как мировой центр реэкспортной торговли. Взлеты английской хлопчатобумажной

промышленности, особенно сопровождавшиеся спекулятивным ростом импорта сырья, вызывали в США расширение посевов хлопка, рост земельной спекуляции и т. п. Спекуляция в Англии хлопком, шерстью, льном всегда влекла глубокие последствия в ряде других стран.

Было бы неверно отсюда заключать, что уже первые кризисы перепроизводства носили мировой характер. Они стали такими лишь к середине XIX в. Но уже английские кризисы начала XIX в. были явлением международного значения и сопровождались более или менее серьезными кризисными потрясениями промышленности и торговли ряда других стран. Особенно чувствительно сказывались английские кризисы в США, промышленность которых в кризисные годы жестоко страдала от конкуренции английских фабрикатов, а сельское хозяйство — от сокращения английского спроса на хлопок.

С появлением кризисов перепроизводства меняется характер торговых и денежных кризисов. Ранее самостоятельные, независимые от общественного воспроизводства, носившие поэтому случайный характер, они отныне становятся формой выражения промышленных кризисов. Самостоятельные денежные кризисы, корни которых лежат вне процессов общественного воспроизводства, иногда еще происходят и сейчас, вплоть до наших дней, но лишь как редкое исключение. Самостоятельные, специальные торговые кризисы, не зависящие от состояния производства, окончательно уходят в прошлое. Даже в том случае, когда трудности сбыта наиболее остры в торговле колониальными товарами и импортным сырьем и вызваны спекулятивным ввозом, разгул спекуляции обычно питается в конечном счете экспансией промышленности, а крах спекуляции, как правило, связан с обнаружением узости границ этой экспансии. Кризис 1819 г. наглядно это продемонстрировал. Конечно, это изменение природы торговых и денежных кризисов есть процесс постепенный, и в кризисах конца XVIII и начала XIX вв. нарушения в сфере торговли и кредита подчас еще нередко в значительной степени связаны с факторами, не зависящими от состояния промышленности. Однако уже в самых первых, частичных кризисах перепроизводства наблюдались как приостановка сбыта и падение цен — важнейшие симптомы торгового кризиса, так и приостановка платежей и банкротства — главные выражения денежного кризиса. Из явлений более или менее случайных торговые и денежные кризисы становятся с появлением кризисов перепроизводства формами проявления этих кризисов, регулярно повторяющимся экономическим процессом, неизбежной формой движения капитализма.

До сих пор мы подчеркивали те черты кризисов конца XVIII и начала XIX вв., которые роднят их с кризисами развитого промышленного капитализма. Можно считать установленным, что по своей природе это были кризисы перепроизводства, обусловленные коренными противоречиями капитализма, ставшие неизбежными с возникновением фабричной системы с присущей ей способностью к внезапному, скачкообразному расширению продукции.

Однако они еще существенно отличаются от позднейших кризисов, и даже общие их черты выступают здесь в неразвитом виде, соответствующем детскому возрасту крупной механической промышленности. Кризисы эти носят локальный, частичный характер, они поражают лишь крупнейшие торговые и промышленные центры, лишь отдельные, вначале весьма немногочисленные отрасли производства. Происходит процесс постепенного созревания предпосылок для циклических кризисов общего перепроизводства, о котором Энгельс писал: «В начале промышленного развития застои эти ограничивались отдельными отраслями промышленности или отдельными рынками; но

при централизующем действии конкуренции рабочие, лишившись работы в одной отрасли, бросаются на другие, не требующие особого навыка; товары, не проданные на одном рынке, перебрасываются на другие, и вследствие этого отдельные мелкие кризисы мало-помалу сближаются друг с другом и из их постепенного слияния получается единый ряд периодически возвращающихся крупных кризисов»²⁷.

Кризисы повторяются довольно часто (1788, 1793, 1796, 1803, 1810, 1815, 1819 гг.), но в их чередовании нет и еще не может быть регулярности. Их сроки и формы движения часто определяются факторами внеэкономического порядка, войнами и их последствиями и тому подобными явлениями. Это вытекает не только из характера эпохи, заполненной войнами, но и из неразвитости капиталистической крупной промышленности. Неизбежность кризисов перепроизводства создается уже в начальный период развития механической промышленности, но лишь в течение ряда десятилетий складывается основа для действия внутренних сил капитализма, которые ведут к чередованию фаз капиталистического цикла. Если кризисные периоды выделяются весьма отчетливо, то в остальные периоды все же нет еще ясного чередования фаз цикла — депрессии, оживления, подъема. Цикличности процесса воспроизводства здесь еще нет, ибо воспроизводство основного капитала еще не приобрело роли фактора, влияние которого сказывается во всей экономической жизни. Конечно, строительство новых предприятий и расширение основного капитала имеют огромное значение в подготовке предпосылок и самых первых кризисов перепроизводства, ибо они являются основой последующего расширения производства. Но расширение спроса на элементы основного капитала лишь значительно позже превращается в важный рычаг расширения рынка и общего увеличения производства.

Выход из рассмотренных выше кризисов совершался на основе банкротства и разорения нежизнеспособных предприятий, резкого снижения цен, рассасывания товарных запасов вследствие сокращения производства, распродаж по дешевым ценам и т. д. Крупнейшее значение имело снижение заработной платы.

Особую роль играло также разорение мелкого ручного производства. Преобладание последнего давало механической промышленности широкую возможность искать выход из кризиса за счет разорения мелкого производства как собственной страны, так и других стран.

И первые кризисы перепроизводства приносили огромную нужду и разорение рабочим, ремесленникам, мелким торговцам. Они играли важную роль в революционизировании масс. Это подтверждается историей целого ряда кризисов начала XIX в., послуживших исходным пунктом для серьезных волнений, вначале направленных против машин, но впоследствии приобретших ясно выраженную политическую окраску.

²⁷ Маркс и Энгельс, Соч., т. III., стр. 376.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ

И. ПИСАРЕВ

Некоторые вопросы теории социалистического учета

Основы теории социалистического учета заложены в трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. В сокровищнице марксизма-ленинизма мы найдем ответы на все принципиальные вопросы социалистического учета. На этой базе должна была бы развернуться широкая и успешная разработка теории социалистического учета. Однако разработка вопросов теории учета явно отстает от запросов практики. Это отставание связано с тем, что на фронте учета ряд лет орудовали впоследствии разоблаченные враги народа, которые проповедывали «теорию» отмирания статистики при социализме, засоряли учебники мертвой схоластикой, выхолащивали из них живое экономическое содержание. Все это причинило исключительно большой вред социалистическому учету и затормозило разработку теоретических вопросов.

Однако дело не только в этом. Ряд работников все еще недооценивает тот кардинальный факт, что советский учет во всех его видах знаменует собой качественно новый, высший этап в развитии учета, что накопленный огромный практический опыт требует теоретического осмысливания и обобщения.

* * *

Маркс рассматривал учет как средство «контроля идеального объединения»¹ производства. Он указывал, что при социализме роль учета вырастет. Во втором томе «Капитала», в главе об издержках обращения, Маркс писал: «...ведение книг более необходимо при капиталистическом производстве, чем при раздробленном ремесленном и крестьянском производстве, оно более необходимо при коллективном производстве, чем при капиталистическом»².

Возрастание роли учета при социализме обусловлено тем, что социалистическое хозяйство — плановое. Учет при социализме становится орудием планирования народного хозяйства, в подлинном смысле слова народнохозяйственным учетом. Эту функцию учета имел в виду Фридрих Энгельс, когда говорил, что в социалистическом обществе: «...общественная анархия в производстве заменится общественным производством, организованным по плану,

¹ В немецком оригинале «Die Buchführung, als Kontrolle und ideelle Zusammenfassung» («Das Kapital», т. II, изд. иностр. рабочих в СССР, стр. 129).

² Маркс, Капитал, т. II, Партиздат, 1936, стр. 115.

рассчитанному на удовлетворение потребностей как целого общества, так и каждого его члена»³.

Указание Маркса на то, что учет является средством «контроля идеального объединения» производства, проникает в самую сущность учета, глубоко характеризует его внутреннее содержание.

Однако основоположники научного социализма не дали законченной теории социалистического учета. Ленин и Сталин подняли учение Маркса и Энгельса на новую, высшую ступень: гениально обобщив опыт социалистического строительства, они развили теорию социалистического учета.

В высказываниях Ленина и Сталина со свойственной им глубиной охарактеризована сущность социалистического учета, его различные стороны, его значение как орудия партии и Советской власти в деле социалистического строительства. Характерной особенностью всех высказываний Ленина и Сталина об учете в советских условиях является то, что в них учет тесно связывается с запросами социалистического строительства. Эту особенность необходимо подчеркнуть, так как все и всяческие извращения в области теории учета и статистики всегда были направлены к тому, чтобы теми или иными средствами оторвать учет и статистику от актуальных вопросов социалистического строительства и планового хозяйства, чтобы выхолостить классовое, партийное содержание учета.

Уже в первые дни после установления Советской власти, в ноябре 1917 года Владимир Ильич в предельно сжатой форме охарактеризовал роль учета в строительстве нового общества и подчеркнул, что организация всенародного учета имеет огромное значение. «Социализм — это учет»; «социализм — это прежде всего учет»⁴, — говорил Ленин.

Товарищ Сталин в организационном отчете ЦК XIII съезду РКП(б) (1924 г.) указывал: «...никакая строительная работа, никакая государственная работа, никакая плановая работа немыслима без правильного учета. А учет немыслим без статистики. Учет без статистики ни шагу не двинется вперед». Тогда же товарищ Сталин говорил: «То же самое нужно сказать об отчетности. Никакая хозяйственная работа без отчетности двигаться не может»⁵.

Огромным значением учета при социализме и объясняется то, что в СССР развилась и сложилась единая система народнохозяйственного учета. В этой области занято свыше 2 млн. человек. Организация Народного Комиссариата Государственного Контроля будет способствовать еще большему усилению роли учета в народном хозяйстве.

Учет в социалистическом государстве имеет глубокое и разностороннее содержание. Партия рабочего класса, вооруженная методом марксистской диалектики, знанием законов общественного развития, возводит учет на ступень точного знания, точной науки. Во всей своей деятельности по строительству социализма в СССР партия большевиков всегда исходила из правильного и точного учета соотношения классовых сил внутри и вне страны, перспектив, путей, средств, темпов социалистического строительства. Такой учет соотношения классовых сил служит исходным пунктом глубокого, научного предвидения, которое отличает партию революционного рабочего класса, которое в высшей мере присуще гениальным вождям партии — Ленину и Сталину.

³ Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1938, стр. 293.

⁴ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 50 и 45.

⁵ Тринадцатый съезд РКП(б), Стенографический отчет, 1924, стр. 130, 131.

Учет в этом высшем смысле означает не что иное, как марксистский социально-экономический анализ, основанный на объективных массовых данных. По отношению к учету в этом смысле учет, непосредственно связанный в той или другой форме с подсчетом элементов народного хозяйства, является важнейшей и необходимой предпосылкой.

Владимир Ильич Ленин называл социально-экономическую статистику одним из самых могущественных орудий социального познания⁶. Ошибочно целиком «оцифривать» понятие учета, сводить его лишь к количественному, числовому выражению. Учет—это не только цифровые схемы, не только операции подсчета; учет имеет экономическое содержание и вместе с тем учет, как и план, с которым он неразрывно связан, является живой и практической деятельностью миллионов людей. Ленин писал: «...учет и контроль повсеместный, всеобщий, универсальный,—учет и контроль за количеством труда и за распределением продуктов—в этом суть социалистического преобразования, раз политическое господство пролетариата создано и обеспечено»⁷.

Итак, необходимым условием и основой существования и развития повсеместного, всеобщего, универсального учета является политическое господство пролетариата, диктатура рабочего класса. Учет—орудие диктатуры рабочего класса, орудие партии.

Экономической базой социалистического учета и планирования служит непосредственно обобществленный труд. Товарищ Сталин в беседе с английским писателем Г. Д. Уэллсом разъяснил ему: «У нас же, как Вы знаете, на месте разрушенной старой экономической базы создана совершенно другая, новая экономическая база». «Не освободившись от капиталистов, не разделившись с принципом частной собственности на средства производства, Вы не создадите планового хозяйства»⁸.

Основные особенности социалистического учета заключаются в следующем:

1. Учет в СССР—государственный и вместе с тем всенародный. Учет—кровное дело всех трудящихся. В капиталистических же странах учет является функцией «казенных людей»—чиновников, функцией организаторов капиталистического производства. Владимир Ильич писал: «Статистика была в капиталистическом обществе предметом исключительного ведения «казенных людей» или узких специалистов,—мы должны понести ее в массы, популяризировать ее...»⁹.

В СССР учет осуществляется в целях увеличения общественного богатства, подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости страны и усиления ее обороноспособности. В этом—партийное, классовое содержание социалистического учета.

Капиталистический учет организуется в интересах господствующих эксплуататорских классов, в интересах закабаления и эксплуатации трудящихся. Определение учета как государственного, в частности, подчеркивает, что в СССР в области народного хозяйства осуществляется строжайшая государственная дисциплина.

2. Социалистический учет—единый учет. На каком бы конкретном участке ни велся учет, он всегда организуется и осуществляется в интересах народного хозяйства в целом. Это внутрен-

⁶ См. Ленинский сборник XIX, стр. 368.

⁷ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 163.

⁸ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 600—601.

⁹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 456.

нее единство социалистического учета, при всем разнообразии и богатстве его методов, объясняется тем, что народное хозяйство СССР едино, не имеет антагонистических противоречий, направляется и руководится единым планом.

3. Учет в СССР неразрывно связан с планированием народного хозяйства, с проверкой и контролем выполнения плана. План опирается на систему всеобъемлющего, универсального учета. Последний доставляет материалы для разработки планов народного хозяйства и вместе с тем является орудием наблюдения над выполнением плановых заданий каждым рабочим и колхозником, каждым предприятием, каждой отраслью, каждым районом и народным хозяйством в целом. Социалистический учет — не просто фотография происходящего. Учет во всех звеньях, во всех частях народного хозяйства — на фабриках и заводах, в совхозах и колхозах, в магазинах и на складах, в трестах и торговых объединениях, в наркоматах и Госплане — должен быть активным и боевым орудием контроля. «Учет и контроль — вот главная экономическая задача каждого... потребительного общества, каждого союза или комитета снабжения, каждого фабрично-заводского комитета или органа рабочего контроля вообще»¹⁰.

План по отношению к учету является ведущим, организующим началом. Социалистический учет — планомерно организованный учет. Можно было бы привести многочисленные факты, когда отрыв от запросов планирования делал учет схоластическим, бюрократическим. И, наоборот, тесное взаимодействие плана и учета насыщает последний актуальным содержанием, обогащает и расширяет возможности анализа выполнения плана и контроля над ним. Так, например, для планирования народного хозяйства необходимо учитывать полностью фонд заработной платы. Это заставляет совершенствовать методы учета, изыскивать новые пути. Под воздействием требований плана учет организационно и методологически поднимается на более высокую ступень.

В феврале 1939 г. в целях наиболее полного подчинения системы учета задачам планирования СНК СССР специальным постановлением превратил ЦУНХУ при Госплане СССР в Центральное Управление народнохозяйственного учета Госплана СССР.

4. Необходимо назвать еще одно коренное отличие советского учета от буржуазного. Из того факта, что в СССР учет — орудие диктатуры рабочего класса, строителя и создателя нового общества, вытекает также его строгая объективность, правильность и правдивость. В докладе на XIV съезде ВКП(б) товарищ Сталин, говоря о попытках впоследствии разоблаченных врагов народа извратить учетные данные, указывал: «Мы считаем, что ЦСУ должно давать объективные данные, свободные от какого бы то ни было предвзятого мнения, ибо попытка подогнать цифры под то или другое предвзятое мнение есть преступление уголовного характера»¹¹.

Содержание учета не остается неизменным, застывшим. По мере роста социалистических завоеваний расширяются возможности и рамки социалистического учета; с другой стороны, победы социализма тесно связаны с усилением планового начала, с укреплением учета.

Победа колхозного строя в огромной мере упрочила позиции учета в области сельского хозяйства. Развитие социалистического соревнования и мощного народного стахановского движения влило

¹⁰ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 163.

¹¹ Четырнадцатый съезд ВКП(б), Стенографический отчет, 1926, стр. 44.

новое содержание в социалистический учет. Теперь в дело учета включились многочисленные отряды передовиков социалистического производства, так как учет выработки отдельных рабочих, бригад, цехов, заводов — необходимая предпосылка и условие развития социалистического соревнования и стахановского движения.

Общая закономерность в развитии социалистического учета состоит в том, что значение его все более возрастает.

Остановимся на роли денег как орудия социалистического учета. Товарищ Сталин следующим образом определил сущность советских денег: «...деньги являются тем инструментом буржуазной экономики, который взяла в свои руки Советская власть и приспособила к интересам социализма для того, чтобы развернуть во-всю советскую торговлю и подготовить тем самым условия для прямого продуктообмена»¹². В 1927 г. товарищ Сталин в беседе с иностранными рабочими делегациями указал, какие необходимы условия, чтобы уничтожить деньги: «Нам нужно наладить такой передаточный распределительный аппарат между городом и деревней, который был бы способен учесть и удовлетворить потребности города и деревни всей страны, так же, как каждый человек учитывает у себя свой бюджет, свои расходы и доходы. И когда мы добьемся всего этого, надо полагать, что наступит время, когда не будет уже нужды в деньгах. Но до этого еще далеко»¹³.

Советские деньги выполняют ряд функций. Они служат средством обращения товаров, платежным средством, орудием сбережений и социалистического накопления; наконец, деньги служат средством планового социалистического учета, при чем они вовсе не являются только техническим средством, измерителем, счетными деньгами. Они — важнейшее орудие социалистического учета и планирования в активном смысле. Через деньги и с их помощью осуществляется плановый учет и контроль над хозяйственной деятельностью, в частности над себестоимостью, над мерой труда и потребления. Проведение политики хозяйственного расчета тесно связано со строжайшим денежным и материальным учетом и с контролем рублем.

Следует также иметь в виду, что ряд чрезвычайно важных обобщающих показателей (без которых не мыслится самый социалистический учет) может быть дан только в денежном выражении: народный доход, валовая продукция и т. д. Натуральные показатели, натуральный аспект в планировании и учете имеют исключительное значение, но социалистический учет отнюдь не может быть ограничен только натуральными показателями.

Роль денег как орудия социалистического учета определяется и тем, что в первой фазе коммунизма, в соответствии с достигнутым уровнем развития производительных сил, основным принципом является: «от каждого по его способностям, каждому по его труду». Без функционирования денег как орудия планового учета этот принцип не может быть осуществлен. Трудовой учет, учет без посредства денег возможен будет только тогда, когда будут созданы материальные и организационные условия, устраняющие нужду в деньгах. Пока эти условия не созданы, роль денег будет не падать, а возрастать.

Содержание социалистического учета, его организация, методы, формы зависят от экономических условий того или иного этапа социалистического строительства. Экономика социализма является фундаментом социалистического учета и ключом к пониманию его кон-

¹² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 462.

¹³ Там же, изд. 9-е, стр. 308.

кратного качественного своеобразия на каждом данном этапе развития нашей страны.

Назовем ряд важнейших задач, которые стояли перед учетом на различных этапах социалистического строительства и которые стоят перед ним в третьей пятилетке, в период, когда СССР вступил в новую полосу своего развития—в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму.

1. Учет должен служить средством всестороннего контроля и проверки выполнения народнохозяйственных планов, в частности он должен предупреждать возникновение диспропорций в хозяйстве, вскрывать новые резервы для выполнения планов. Эта задача практически разрешается посредством текущего наблюдения за выполнением народнохозяйственного плана и исчисления народнохозяйственных балансов, имеющих исключительно важное значение для планирования.

2. Важнейшей задачей социалистического учета является борьба за повышение производительности труда. Повсеместный, универсальный, всеобщий строжайший учет и контроль, по мысли В. И. Ленина, должен служить предпосылкой повышения производительности труда в общенациональном масштабе. Рост же производительности труда—самое важное, самое главное условие для окончательной победы социализма над капитализмом. Учет должен быть, в частности, средством развертывания соревнования в целях повышения производительности труда, средством показа лучших образцов, передового опыта, всего нового, которому принадлежит будущее. Вместе с тем, учет должен вскрывать факты плохой работы, факты срыва дисциплины социалистического труда.

3. Задачей социалистического учета является также содействие охране священной социалистической собственности. Товарищ Сталин, анализируя в историческом докладе XVIII съезду ВКП(б) развитие социалистического государства, указал, что во второй фазе у государства вместо функции военного подавления внутри страны появилась «функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра»¹⁴. Эта функция предполагает наличие строжайшего материального и денежного учета.

4. Учет служит средством проведения хозяйственного расчета. Деятельность социалистических предприятий строится на принципах хозяйственного расчета и всемерной экономии материальных и денежных средств. Борьба за снижение себестоимости, за социалистическую рационализацию, мобилизацию внутренних ресурсов, правильное использование банковского кредитования должна лежать в основе хозяйственной работы всех предприятий и организаций. Хозяйственный расчет есть метод управления народным хозяйством, который наилучшим образом отвечает задачам выполнения и перевыполнения плана. Но хозяйственный расчет невозможен без хорошо налаженного учета, без контроля рублем.

Товарищ Сталин неоднократно указывал на значение учета для руководства хозяйством, для проведения хозяйственного расчета. В речи на совещании хозяйственников в 1931 г. товарищ Сталин говорил: «...благодаря бесхозяйственному ведению дела принципы хозрасчета оказались совершенно подорванными в целом ряде наших предприятий и хозяйственных организаций. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций давно уже перестали

¹⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 606.

считать, калькулировать, составлять обоснованные балансы доходов и расходов»¹⁵.

Товарищ Молотов в докладе на XVIII съезде партии указывал, что у нас еще много бесхозяйственности, много перерасходов, очень велики потери сырья, растрачивается зря много топлива и электроэнергии, безобразно велики простои оборудования, зачастую нет настоящей борьбы за снижение себестоимости промышленной продукции, за снижение стоимости строительства; «...у нас и теперь найдутся такие хозяйственные руководители, которые считают ниже своего достоинства заглядывать в баланс, изучать отчетность, заботиться о хозрасчете»¹⁶.

Таким образом, в докладе товарища Молотова вновь подчеркнута мысль об исключительно большом значении учета и отчетности в хозяйственной области.

5. Перед социалистическим учетом стоит также задача точно отражать ход исторического соревнования социализма с капитализмом, успехи СССР в этой борьбе и всю ее обстановку.

Таковы главнейшие задачи социалистического учета. Ни одна из них, будучи взята изолированно, не характеризует полностью, не исчерпывает всего содержания социалистического учета.

Социалистический учет включает в себя оперативный учет, бухгалтерию и статистику. Учет неразрывно связан с ними и немыслим без них. До настоящего времени нет общепризнанного определения границ отдельных частей народнохозяйственного учета. Следует оговориться, что такое разграничение возможно лишь в смысле определения основного содержания, основных признаков, так как реально мы имеем не изолированное сосуществование оперативного учета, бухгалтерии и статистики, а их единство и взаимодействие.

Каковы наиболее характерные, специфические черты оперативного учета, бухгалтерии и статистики?

Понятие «оперативный учет» нередко употреблялось в прошлом, а иногда употребляется и в настоящее время, в смысле ведомственного учета в отличие от государственной статистики; под оперативным учетом подразумевается источник быстрой, хотя бы краткой и не вполне точной, информации в отличие от бухгалтерии и статистики, которые якобы обречены на то, чтобы «всегда запаздывать». Такое определение оперативного учета следует признать частью устаревшим, частью ошибочным. В настоящее время нет оснований различать ведомственную и государственную статистику — в СССР создана единая система народнохозяйственного учета; с другой стороны, и бухгалтерия и статистика должны и могут отвечать самым строгим требованиям оперативности, актуальности, действенности.

Ленин писал: «Статистики должны быть нашими *практическими помощниками*, а не схоластиками»¹⁷. Он требовал: «Для практич[еской] работы мы должны иметь цифры, и Ц. Ст. У. должно иметь их раньше всех»¹⁸.

Итак, отличие оперативного учета от бухгалтерии и статистики не в его оперативности, быстроте, актуальности, так как этими качествами должны обладать в равной мере и статистика и бухгалтерия. По нашему мнению, оперативным учетом правильнее всего считать конкретный учет отдельных элементов производственной и хозяйственной деятельности предприятий, отдельных моментов государ-

¹⁶ Там же, стр. 346.

¹⁷ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР, стр. 36.

¹⁸ Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 382.

¹⁸ Ленинский сборник XXIII, стр. 218.

ственного управления. Производственный процесс в любом социалистическом предприятии — на заводе, в колхозе и т. д., а также работа любого учреждения требуют конкретного учета многих фактов. Примером может служить индивидуальный учет выработки каждого рабочего, индивидуальный учет продукции данного завода, индивидуальный учет заготовок в данном районе и т. д.

В резолюции пленума ЦК ВКП(б) от 29 июня — 1 июля 1934 г. было дано специальное указание: «ЦК ВКП(б) особенно подчеркивает, что главным недостатком краевых (областных) партийных и советских организаций в руководстве районами, а районов — колхозами является неумение видеть специфические особенности каждого района и колхоза за средними статистическими цифрами, в результате чего при средних общих благоприятных цифрах по краю или области остаются незамеченными и без надлежащего руководства и помощи неблагополучные районы и колхозы». Смысл этого указания совершенно ясен. Народнохозяйственный учет не может ограничиться только средними статистическими цифрами, он должен опираться также на конкретный учет специфических особенностей.

Ни одно социалистическое предприятие, ни одна отрасль народного хозяйства и государственного управления не может обходиться без конкретного индивидуального учета. Без учета специфических условий данного завода, данного района в каждый данный момент невозможно и плановое руководство. В этом исключительно большое народнохозяйственное значение оперативного учета.

Поскольку данные оперативного учета количественно обобщаются, мы имеем дело либо с бухгалтерией либо со статистикой. Именно поэтому существует теория статистики и теория бухгалтерии, но не существует теории оперативного учета. Ленин в статье «Крах II Интернационала» замечает: «...надо помнить правило, что в общественной науке (как и в науке вообще) дело идет о массовых явлениях, а не об единичных случаях»¹⁹.

Бухгалтерия явилась продуктом развития товарно-денежного хозяйства. В социалистическом обществе категории «товар», «деньги» приобретают новое содержание, коренным образом отличающее их от товара и денег в условиях капиталистической экономики. Бухгалтерия в социалистическом обществе также коренным образом меняет свое содержание, свое назначение. Если при капитализме бухгалтерия является частнохозяйственным учетом, подчиненным частным интересам капиталистического предприятия, то при социализме бухгалтерия — часть народнохозяйственного учета, подчиненного общим интересам всего народного хозяйства. При социализме бухгалтерия более необходима, чем при капитализме, так как для того, чтобы приспособить деньги, этот инструмент буржуазной экономики, к интересам социализма, нужна государственная система общественного счетоводства. Госбанк без бухгалтерии не мог бы проводить контроль рублем над всеми отраслями народного хозяйства. Ни одно предприятие не было бы в состоянии без бухгалтерии осуществить хозяйственный расчет. Вот почему в постановлении СНК СССР от 29 сентября 1932 г. имеется специальное указание, что СНК придает «особое значение бухгалтерскому учету в деле борьбы за выполнение плана социалистического строительства и внедрения хозрасчета...»²⁰.

Советский бухгалтерский учет отражает выполнение предприятиями плановых заданий, соблюдение требований хозяйственного расчета и

¹⁹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 269.

²⁰ Законодательство об учете и статистике. Сборник составил М. В. Николаев. ЦУНХУ, Госплана СССР, Союзоргучет, 1934, стр. 10.

строжайшей экономии денежных и материальных средств. При посредстве бухгалтерии ведется учет материальных ресурсов, контроль рублем, контроль над мерой труда и потребления, над сохранностью социалистической собственности. Бухгалтерский учет материальных ресурсов осуществляется преимущественно в денежном выражении. Эта его особенность не является ни внешней ни случайной; она, как мы отмечали выше, теснейшим образом связана с той экономической ролью, которую играют деньги при социализме.

Бухгалтерский учет основан на документации хозяйственной деятельности предприятий. Следует особо отметить, что материалы бухгалтерского учета по предприятиям сводятся и обобщаются в пределах отдельных отраслей и всего народного хозяйства в целом.

С точки зрения метода учета специфическая особенность бухгалтерии заключается в использовании балансового обобщения учетных данных (бухгалтерский баланс), при помощи которого достигается взаимосвязанное отражение, с одной стороны, размещения и использования средств, а с другой — источников их формирования. Следует, однако, заметить, что простейшая бухгалтерия может обходиться без балансового метода (по такому простейшему типу построена, например, бухгалтерия в небольших колхозах).

Третьей составной частью единой системы народнохозяйственного учета является социально-экономическая статистика. Выше мы уже приводили оценку значения статистики, данную Лениным. Владимир Ильич называл социально-экономическую статистику одним из самых могущественных орудий социального познания.

Буржуазная наука не умела, не хотела, да и не могла, использовать должным образом это орудие познания. В СССР статистика поставлена целиком на службу социалистическому строительству. Товарищ Сталин говорит: «...практическая деятельность партии пролетариата должна основываться не на добрых пожеланиях «выдающихся лиц», не на требованиях «разума», «всеобщей морали» и т. п., а на закономерностях развития общества, на изучении этих закономерностей»²¹.

Советская статистика — одно из важнейших орудий изучения закономерностей социалистической экономики. Теоретической основой статистики, ее научным фундаментом является марксистское учение о закономерности развития природы и общества, о диалектике необходимого и случайного, общего и единичного.

В гениальной работе товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме» с величайшей ясностью и глубиной изложена философия марксизма, освещены законы развития природы и общества. Эта работа дает основу для понимания и всех теоретических вопросов статистики.

Объектом статистики служат массовые явления природы и общества. Всякий массовый процесс есть процесс диалектического изменения и развития. В различиях и через различия отдельных элементов процесса, в изменениях и развитии этих элементов выражаются внутренние противоречия процесса, борьба противоположностей, составляющая внутреннее содержание процесса развития. Внутренняя закономерность всякого массового процесса во всей ее конкретной определенности, во всем разнообразии ее сторон и проявлений может быть охарактеризована лишь на основе массового наблюдения и лишь в результате целесообразного объединения зарегистрированных фактов. Этим целям и служит статистика. Она является орудием познания массовых явлений.

²¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 544.

Говоря о статистическом наблюдении, мы исходим из неразрывной связи количества и качества в конкретных массовых процессах. Статистика не занимается количеством, лишенным качества.

Для характеристики внутренних закономерностей массовых процессов необходим переход от единичного, случайного, к массовому, устойчивому. Внутренняя закономерность массового процесса отчетливо проявляется в большом числе фактов, в массовом потоке их. Важно при этом подчеркнуть, что единичные, немногие факты могут быть исходным пунктом возникновения новой закономерности, которой принадлежит будущее. Это положение материалистической диалектики исключительно важно для правильного, неодностороннего понимания сущности и задач статистики.

Статистика должна не только объединять факты, но и на базе массового наблюдения дифференцировать их, выделять отживающее, идущее ко дну, с одной стороны, и новое, зарождающееся — с другой.

Советская статистика знаменует собой качественно новый, высший этап в развитии статистической науки. При капитализме статистика (в смысле собирания статистических материалов) сделала большие успехи. Ленин писал: «Социальная статистика вообще, экономическая статистика в частности сделала громадные успехи в течение двух-трех последних десятилетий»²². Однако буржуазная статистика не могла достигнуть объективного изучения закономерностей процесса общественно-экономического развития; как и вся буржуазная наука, она насквозь пронизана оправданием и апологетикой буржуазного общества. При социализме социально-экономическая статистика становится, в подлинном смысле этого слова, объективной общественной наукой, важнейшей частью социалистического учета.

Вместе с коренным изменением массовых закономерностей, изучаемых теперь при помощи статистики, углубляется ее содержание, раздвигаются рамки ее практического применения. При капитализме статистика регистрирует проявления господствующих в капиталистическом обществе стихийных сил. Совершенно иначе обстоит дело в СССР, где народное хозяйство руководится единой волей, подчинено единому плану. Законы общественного развития, противостоявшие людям, господствовавшие над ними, подчинены теперь им. «В современную эпоху господство вещных отношений над индивидами, угнетение индивидуальности случайностью приняло самые резкие, самые универсальные формы, поставив тем самым перед существующими индивидами вполне определенную задачу... Эта диктуемая современными отношениями задача совпадает с задачей коммунистической организации общества»²³.

Эта задача осуществлена в СССР, где уничтожено свойственное капиталистическому обществу господство в экономической области случайности над людьми.

В народнохозяйственных планах установлены соотношения, темпы и пропорции общественного производства, предусмотрены производственные задания для всех отраслей народного хозяйства. Советская статистика отражает не проявления слепой стихии, а результаты планомерно организованного общественного производства. В результатах народного труда воплощается единая воля миллионов масс, направленная на выполнение и перевыполнение планов. Статистика дает характеристику результатов непосредственно обобщественного труда.

²² Ленинский сборник XIX, стр. 360.

²³ Маркс и Энгельс, Немецкая идеология, Партиздат, 1935, стр. 427.

Давая такую характеристику, статистика использует (или, во всяком случае, должна использовать) весь имеющийся в ее распоряжении богатейший арсенал методов — метод группировок, метод средних, индексов, корреляции и т. д. Статистика широко пользуется также (в этом пункте она смыкается с конкретным, индивидуальным учетом) методом показа передового опыта (хотя бы он и был представлен в единичных случаях) и примеров плохой работы, срывов производственных заданий.

Статистика, как это впрочем вытекает из сказанного нами выше о социалистическом учете, не является каким-то пассивным, лишенным всякой инициативы, орудием познания. Такое понимание было бы грубым извращением взглядов Ленина и Сталина на статистику. В. И. Ленин требовал, чтобы статистическая работа строилась в соответствии с экономической теорией. Собираание и обработка статистических материалов должны быть подчинены задачам экономического анализа. Вместе с тем Владимир Ильич требовал, чтобы статистика давала ответ не только на вопросы, указанные экономическим анализом, но и на вопросы, лишь намечаемые им. Ленин прямо говорил, что статистические таблицы должны дать материалы «...для отдельного изучения всех наметившихся — или намечающихся (это не менее важно) — в жизни типов хозяйств»²⁴.

Работникам экономической статистики необходимо в полной мере обладать тем чувством нового, о котором говорил товарищ Сталин в историческом докладе на XVIII съезде ВКП(б).

Как орудие познания экономическая статистика руководствуется ленинско-сталинскими указаниями о роли статистики в изучении общественных явлений. В незаконченной рукописи «Статистика и социология» (1917 г.) Ленин писал: «Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже». «Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения... Исходя из этих соображений, мы решили начать со статистики...»²⁵.

Итак, статистика берет факты «в их целом, в их связи». В этом ее основной методологический принцип.

Индивидуальный учет, статистика и бухгалтерия находятся во взаимобусловленном отношении. Социалистический учет не может быть сведен только к статистике, так как наряду со статистикой необходим индивидуальный учет. С другой стороны, социалистический учет не может замкнуться только в рамки индивидуального учета, ибо без статистического обобщения невозможно наблюдать за выполнением плана и изучать закономерности социалистической экономики. И, наконец, ни оперативный учет ни статистика не могут заменить или отменить бухгалтерию, так как существование общественного счетоводства, бухгалтерского учета материальных ресурсов, теснейшим образом связано с товарно-денежной формой, с хозяйственным расчетом, контролем рублем. Будучи самостоятельными и существуя раздельно, бухгалтерия и статистика смыкаются в отчетности. Отчетность дает в установленном порядке, в определенные сроки и в установленном объеме показатели выполнения плана. Формула «учет есть орудие проверки плана» будет насыщена конкретным со-

²⁴ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 184.

²⁵ Ленинский сборник XXX, стр. 303—304.

держанием только при условии, если мы примем во внимание огромную роль отчетности в нашем народном хозяйстве.

Проверка выполнения плана осуществляется в значительной степени через отчетность, без которой хозяйственная работа невозможна. Ленин писал, что «...безотчетность в деле производства и распределения продуктов есть гибель зачатков социализма...»²⁶.

Вся отчетность должна давать не набор разрозненных показателей, а систему их. Необходимо не только программное единство показателей, но и методологическое. Теоретически вопрос об отчетности социалистических предприятий, имеющих огромное практическое значение, не разработан.

Характеризуя взаимоотношения между планом и учетом, мы назвали социалистический учет планово организованным. Это указание имело целью подчеркнуть примат социалистического планирования. Система показателей плана определяет основное содержание системы показателей учета. Однако это указание ничего не говорит о взаимоотношении различных частей единого социалистического учета. Ведущей частью его является социально-экономическая статистика, так как именно статистика приводит к организационному, программному и методологическому единству все показатели народнохозяйственного учета, исходя из своих синтетических задач (баланс народного хозяйства и др.). В этом смысле, по правильному высказыванию т. Немчинова, народнохозяйственный учет есть статистически организованный учет. Такое определение народнохозяйственного учета ценно, в частности, потому, что оно концентрирует внимание на синтетических и методологических проблемах единого социалистического учета.

Статистика не целиком входит в систему народнохозяйственного учета, так как она широко применяется и в областях, непосредственно не связанных с управлением народным хозяйством и планированием его (астрономические, молекулярные, химические явления и пр.). Конечно, вполне законна постановка вопроса относительно общих принципов статистики, но за «общим» не должно исчезать то особенное, что присуще только советской экономической статистике, что является принципиально новым и передовым. Это особенное, новое и передовое и должно служить основой при разработке теории советской социально-экономической статистики и социалистического учета.

Ленин писал по адресу Ланге, выступавшего с мальтузианских позиций против марксовой теории относительного перенаселения: «И в чем могут состоять эти «общие изыскания»? Если они будут игнорировать особенные экономические формации человеческого общества, — они сведутся к банальностям. А если они должны обнять несколько формаций, тогда очевидно, что им должны предшествовать особенные изыскания о каждой формации отдельно»²⁷.

Это глубокое указание Ленина следовало бы помнить некоторым авторам учебников статистики, забывающим, что статистика — общественная наука, и пытающимся создать «общую теорию средних» для «всех времен и народов» и такую «общую теорию статистики», в которой игнорируются коренные, принципиальные отличия капитализма и социализма.

Плодотворная разработка теории социалистического учета возможна только на гранитной основе марксизма-ленинизма.

²⁶ Ленин Соч., т. XXII, стр. 451.

²⁷ Там же, т. I, стр. 319.

Некоторые итоги года теоретической работы московских статистиков

В 1939 и 1940 гг. наметились признаки серьезного перелома в развитии теории советской статистики.

Известная статья «О последствиях вредительства в статистической науке»¹ явилась началом решительной борьбы против вредительских установок в учебниках статистики периода 1930—1938 гг. Вредительские утверждения об «отмирании» статистики в СССР и ее «перерастании в учет», а с ними и более второстепенные антинаучные положения этих учебников были подвергнуты в течение первой половины 1939 г. сокрушительной критике в ряде научных заседаний в Москве: в двух заседаниях Экономической секции московского Дома ученых (2 и 16 февраля), в трехдневной теоретической конференции работников ЦУНХУ и Госплана СССР (конец февраля—начало марта), особенно же детальному рассмотрению и критике—в специальной комиссии, организованной Союзом работников высшей школы (декабрь 1938 г.—февраль 1939 г.).

За расчисткой почвы от антинаучных «теорий» должна была последовать позитивная разработка теории советской социалистической статистики. Истекший 1939/40 академический год и явился началом такой работы. Особенно интенсивно протекала она в Москве, где был развернут широкий фронт теоретических вопросов, в разрешении которых приняли участие статистики-теоретики различных специальностей. Ряд научных учреждений и общественных организаций оказал немалую помощь в этой работе.

Уже в сентябре 1939 г. в московском Доме ученых образовалась Группа статистических методов, которая провела за 1939/40 г. десять научных заседаний. Был прочитан и обсужден ряд докладов: о методах измерения производительности труда в сельском хозяйстве СССР и в капиталистических странах (М. И. Кубанин), о методах разработки переписи населения СССР 1939 г. (В. Н. Старовский), о стандартной системе терминов и условных обозначений в статистике (Ф. Д. Лившиц), о проблеме корреляции (А. Я. Боярский, В. М. Обухов, В. С. Немчинов, Б. С. Ястремский, В. М. Турбин, А. А. Конюс), о дисперсионном анализе (В. Н. Перегудов), об организации Статистического института и об издании статистического журнала (В. С. Немчинов, Б. Ц. Урланис).

28 февраля—4 марта 1940 г. состоялось Всесоюзное совещание по вопросам преподавания общей теории статистики в экономических вузах, созванное Всесоюзным комитетом по делам высшей школы и ЦУНХУ СССР. Были обсуждены доклады об улучшении преподавания статистики в экономических вузах (В. С. Немчинов), о программе курса общей теории статистики (А. Я. Боярский), об организации практических занятий по статистике (П. П. Маслов), о мето-

¹ См. «Большевик», 1938, № 23—24, стр. 116—123.

дике преподавания темы «Закон больших чисел» (В. С. Немчинов, Б. С. Ястремский) и об изложении метода средних чисел в курсе теории статистики (Ф. Д. Лившиц). Посвященное собственно постановке преподавания общей теории статистики в высшей экономической школе, совещание это не могло, разумеется, обсуждать вопросы методики в отрыве от вопросов методологии статистики. И если в докладах, представленных совещанию, не было единой теоретической концепции, то все же в них были сформулированы основные, исходные положения теории советской социалистической статистики.

В 1940 г. начал свою работу вновь учрежденный сектор статистики в составе Института экономики Академии наук СССР. Этому сектору удалось организовать немалый актив статистиков Москвы. На двух научных собраниях актива (февраль — март) обсуждались вновь вышедшие курсы и учебники статистики (Д. В. Савинского, А. Д. Михайлова, Л. В. Некраша и В. И. Романовского), на третьем (май) — вопросы преподавания курсов отраслевой статистики и народнохозяйственного учета в высшей экономической школе (доклад В. С. Новикова). В апреле 1940 г. — отчасти в результате работ группы статистиков московского Дома ученых, отчасти в ответ на решения всесоюзного совещания о преподавании статистики — специальным постановлением дирекции Института экономики Академии наук СССР при секторе статистики была образована Комиссия по стандартизации терминов и символов статистики, приступившая к работе в апреле 1940 г.

Как бы заключением работы всего академического года явился доклад В. С. Немчинова об «Основных проблемах советской статистики» в собрании Отделения экономики и права Академии наук СССР (25 мая).

Развернули теоретическую работу также некоторые кафедры статистики московских вузов, в частности кафедра Московского кредитно-экономического института (доклады А. А. Конюса — о средних величинах и кривых распределения в их взаимоотношении — и Ф. Д. Лившица — об оперативном, бухгалтерском и статистическом учете в единой системе народнохозяйственного учета, прочитанные в расширенных заседаниях кафедры МКЭИ).

Попытаемся, насколько это позволяют рамки журнальной статьи, подвести некоторые итоги теоретической работы московских статистиков в 1939/40 г.

I

Прежде всего следует остановиться на наиболее существенных итогах обсуждения проблем общей теории статистики.

Неизбежным последствием долголетних вредительских утверждений об «отмирании» статистики в СССР и о «перерастании» ее в простой счет явилось пренебрежение некоторых кругов статистиков к существеннейшим проблемам статистической теории. Первый и важнейший результат работы 1939/40 г. — прочное утверждение тезиса об огромном значении теории статистики в советском экономическом образовании, а самой статистики — в плановой и экономической работе СССР. Не менее важно, с нашей точки зрения, признание всесоюзным совещанием специфичности и самостоятельности общей теории советской статистики как особой науки. Как это ни странно, еще до сих пор приходится сталкиваться и с противоположными утверждениями: что общей теории статистики как самостоятельной науки не существует; что разработка математических приемов экономического исследования — дело «математической ста-

тики»; что объектом теории статистики должны быть наиболее общие категории экономической статистики — валовая продукция, чистая продукция, рабочая сила, производительность труда, себестоимость и пр. По объективному смыслу и возможным последствиям эта своеобразная «теория растворения» общей статистики в «математической», экономической или в курсе народнохозяйственного учета не отличается и не уступает пресловутой «теории отмирания». Ее сторонники, правда, крайне немногочисленны (на всесоюзном совещании их выступало лишь двое), и на ней едва ли стоило бы останавливаться, если бы она не имела адептов в лице некоторых видных работников ЦУНХУ. Правда, б. руководитель ЦУНХУ СССР И. А. Саутин выступил на всесоюзном совещании с категорическим указанием, что вопрос о «замене» курса общей теории статистики курсом народнохозяйственного учета отнюдь не ставится и даже не является дискуссионным. Но сильная недооценка значения теории статистики для нашего народнохозяйственного учета даже в среде работников ЦУНХУ очевидна и несомненна.

Нельзя отрицать, что такая недооценка частично выростала из постановки преподавания теории статистики в последние годы. Проникнутое основной идеей «отмирания» статистики в СССР, это преподавание ограничивалось описанием статистической практики капиталистических стран, было оторвано от богатейшего опыта и интереснейшей практики советской статистики и потому замыкалось в кругу абстрактно-схоластических построений и нежизненных проблем. Об этом недвусмысленно говорили на всесоюзном совещании руководители ЦУНХУ СССР. Существенным достижением московских статистиков является разработка новой программы курса общей теории статистики, предложенной всесоюзному совещанию и, с некоторыми поправками, принятой им. Новая программа выгодно отличается от старой прежде всего тем, что преодолевает разрыв между теорией и практикой советской статистики, отражает, обобщает и осмысливает богатый опыт последней. Она исходит из продуманной системы статистического образования экономиста и плановика, при которой курс общей теории предшествует курсу экономической статистики и курсу народнохозяйственного учета, а необходимая математическая подготовка (включая знакомство с элементами теории вероятностей) уже получена в курсе высшей математики. Задача курса общей теории статистики — логическое изложение такой обработки массовых данных наблюдения, которая дает возможность вскрыть основные закономерности и тенденции, свойственные изучаемым массовым явлениям и процессам.

II

Основными идеями и проблемами общей теории советской статистики как науки являются: совокупность, закон больших чисел, группировки, метод средних чисел. Однако, если самый комплекс основных проблем принимается всеми без исключения статистиками, то в разрешении их еще далеко не достигнуто единодушие. Это особенно относится к трактовке действия закона больших чисел в советских условиях.

Основываясь на ленинско-сталинском учении о группировках и о средних, советская статистика рассматривает эти два приема не разрозненно, а в сочетании одного с другим. Группировка есть средство количественного отграничения качества в изучаемой совокупности; средняя выступает как мера отграниченной группы, как качественно определенное среднее количество. Метод средних чисел

должен быть методом не «огульных», не «общих» средних для всей совокупности, а групповых, «корректированных» средних для правильно выделенных групп этой совокупности. Буржуазная статистика видит в общей средней прием уравнивания индивидуальных величин данного признака, взятого изолированно от других признаков. Советская статистика видит в групповых средних прием устранения вариации признака внутри отдельных групп для обнаружения влияния на него других признаков, которые положены в основание группировки и своими изменениями колеблют групповые средние. Таким образом, метод средних чисел должен выступать как синтез приемов группировки и средних, раскрывая не общую «устойчивость» явления, а, наоборот, условия и причины, вызывающие его изменчивость.

Метод средних чисел лежит в основе любой сводной статистической характеристики. Любая относительная или индекс, вероятность или частота всегда выступают как средние характеристики совокупности. Момент распределения — наиболее общая характеристика свойств статистического распределения — выступает как наиболее обобщенное выражение идеи средней, а его частные случаи (центральные и нормированные моменты второго, третьего и четвертого порядка) — как количественные показатели различных качественных особенностей распределения (рассеяния, асимметрии, эксцесса) в форме средних степеней отклонений. Корреляционные уравнения типа $\bar{y}_x = a + bx + cx^2 + \dots$ суть не что иное, как форма выражения переменной (подвижной) средней величины заданного признака y , обусловленной величинами одного или нескольких других признаков x . Наконец, коэффициент корреляции — не что иное, как средняя величина сопряженной вариации двух признаков, измеренной в нормированных отклонениях.

Существенным является признание вопроса о законе больших чисел и роли средней массовой закономерности в условиях планового хозяйства узловым вопросом теории советской статистики.

Известно, что в условиях капиталистического способа производства и капиталистической конкуренции «...господствует случайность, в которой, следовательно, внутренний закон, находящийся осуществление среди этих случайностей и регулирующий их, становится заметным лишь при том условии, если соединить эти случайности в крупные массы...»², что в этих условиях «...правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос только как слепо действующий закон средних чисел»³, что «в обществе разрозненных товаропроизводителей, связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться иначе, как в средней, общественной, массовой закономерности, при взаимопогашении индивидуальных отклонений в ту или другую сторону»⁴.

В условиях планового хозяйства закон больших чисел и средняя массовая закономерность, разумеется, перестают быть автоматическими регуляторами экономических процессов. Однако средняя массовая закономерность не перестает существовать (хотя в иной роли и в ином качестве) и в плановом хозяйстве. Она становится формой проявления в массовых процессах основных, сознательно нами намечаемых линий развития народного хозяйства. Именно наличие средней массовой закономерности и позволяет выявлять систематические

² Маркс, Капитал, т. III, Партиздат, 1936, стр. 730.

³ Там же, т. I, Партиздат, 1935, стр. 56.

⁴ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 21.

тенденции в развитии нашего народного хозяйства, дает возможность выступить характерным чертам совершающихся в нем процессов. Это становится возможным потому, что случайные отклонения, вытекающие из второстепенных, несущественных причин и факторов, взаимно погашаются; основные же линии и черты развития, обусловленные существенными обстоятельствами, решающими факторами, выступают наружу.

III

Эти основные положения, почти единогласно принятые всесоюзным совещанием, явились предметом оживленной, острой дискуссии с немногочисленными противниками такой точки зрения⁵. Последние утверждают, что для действия закона больших чисел в советских условиях отнюдь не обязательно и не характерно взаимопогашение отклонений, что самые отклонения ни случайны, ни равноценны в качественном отношении: так, превышение нормы в советских условиях закономерно, невыполнение ее — проявление пережитков старого общества, неорганизованности, лодырничества; утверждение о взаимопогашении отклонений от нормы у стахановца и у лодыря не более чем карикатура на социализм; смысл закона больших чисел в раскрытии не средней массовой закономерности совокупности, а лишь преобладающей тенденции в ее развитии — тенденции подавляющей части единиц совокупности, только и характеризующей у нас направление развития всей совокупности; в этом и состоит особенность проявления закона больших чисел в наших условиях по сравнению с его действием в обстановке капитализма.

Приведенные «возражения» не убедительны. Конечно, «соотношение необходимости и случайности... исторично. Оно изменяется соответственно изменению материальных условий»⁶. Следовательно, в СССР оно иное, чем в капиталистических условиях; значит, иначе проявляется в СССР и средняя массовая закономерность. Но приписывать советским статистикам вульгарное утверждение о «взаимопогашении отклонений у стахановца и у лодыря» — по меньшей мере смешно. Ибо прежде всего закон больших чисел предполагает взаимопогашение случайных отклонений, т. е. не обусловленных существенными, решающими причинами; стахановское же движение не является случайностью в СССР. Коренное улучшение материального положения рабочих, отсутствие эксплуатации, наличие новой, первоклассной техники и рабочих и работниц, освоивших эту новую технику, — вот указанные 17 ноября 1935 г. товарищем Сталиным предпосылки, необходимо породившие и двинувшие вперед стахановское движение. Как новая форма соревнования, последнее внутренне присуще, имманентно социалистическому развитию. Лодырничество же представляет собой, как пережиток капитализма в сознании отсталых слоев трудящихся, явление чуждое, не присущее социализму, и в этом смысле с каждым шагом социалистического развития оно будет все больше превращаться в случайное явление. Не ясно ли, что всякая мысль о «взаимопогашении» отклонений показателей стахановцев и лодырей — как некоей закономерности — есть абсурд? Но не менее абсурдно считать всякое невыполнение нормы проявлением лодырничества.

⁵ Ряд возражений сформулирован в статье Малышева «На статистическом фронте», «Проблемы экономики» 1940, № 4, стр. 115—116.

⁶ Кондаков, Необходимость и случайность, «Большевик» 1940, № 8, стр. 63.

Вспомним замечательные мысли о необходимых нам технических нормах, высказанные товарищем Сталиным на съезде стахановцев. «Одни говорят, что нам не нужно больше никаких технических норм. Это неверно, товарищи. Более того,—это глупо. Без технических норм невозможно плановое хозяйство.

...Другие говорят, что технические нормы нужны, но их надо довести теперь же до тех достижений, которых добились Стахановы, Бусыгины, Виноградовы и другие. Это тоже неверно. Такие нормы были бы нереальны для настоящего времени, ибо рабочие и работницы, менее подкованные технически, чем Стахановы и Бусыгины, не смогли бы выполнить таких норм. Нам нужны такие технические нормы, которые проходили бы где-нибудь посредине между нынешними техническими нормами и теми нормами, которых добились Стахановы и Бусыгины... Новые люди, новые времена, — новые технические нормы»⁷. Но пройдет время, и эти «новые» нормы уступят место еще более высоким.

Проблема средней массовой закономерности и закона больших чисел в советских условиях много сложнее, чем в стихийных условиях капитализма. «Чтобы не ошибиться в практической работе, надо изучать необходимые законы развития окружающего нас мира, вскрывать их за поверхностными, случайными явлениями, уметь видеть, как развивающаяся необходимость пробивает дорогу сквозь случайности, уметь отличать необходимое от случайного»⁸. Все это бесконечно далеко от приписываемых нашим статистикам вульгарных идей вроде «взаимопогашения отклонений у стахановцев и лодырей».

IV

Однако советская статистика не может ограничиться одним лишь логическим постулированием действия закона больших чисел в условиях советского хозяйства. Одна из важных задач советских статистиков-математиков заключается в том, чтобы превратить закон больших чисел в условиях плановых, регулируемых явлений советского хозяйства из не доказанного еще постулата в строго доказанную теорему, как это было в свое время сделано нашим гениальным математиком П. Л. Чебышевым для независимых явлений⁹.

В этом направлении немало уже сделано продолжателями П. Л. Чебышева — нашими выдающимися математиками А. А. Марковым, А. Ляпуновым, С. Н. Бернштейном и отчасти В. И. Романовским. Так, еще в 1907 г. А. А. Марков впервые показал, что «...выводы Чебышева можно распространить и на некоторые случаи довольно общего характера, когда величины зависят друг от друга», а именно: 1) когда увеличение одной из них влечет за собой уменьшение математических ожиданий остальных; 2) когда влияние величин x_1, x_2, \dots, x_n друг на друга убывает по мере увеличения их взаимного расстояния; 3) в более общем случае, когда сумма величин связана в цепь таким образом, что, если одна из них получает определенное значение, следующие за ней становятся независимыми от предше-

⁷ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 502—503.

⁸ Кондаков, указ. ст., стр. 64.

⁹ Чебышев, Соч., под ред. акад. А. А. Маркова и Н. Я. Сонина, изд. АН, СПб., 1899 и 1907; мемуары «О средних величинах» (в т. I) и «О двух теоремах относительной вероятности» (в т. II).

ствующих ей¹⁰. Открытие, что «...независимость величин не составляет необходимого условия для существования закона больших чисел»¹¹, было развито и углублено А. А. Марковым в ряде его последующих работ. В том же 1907 г. А. А. Марков распространяет действие закона больших чисел на так называемые «простые цепи» явлений, т. е. такую последовательность их, когда «...каждое испытание связано с непосредственно предшествующим ему испытанием и оказывается независимым от остальных предшествующих ему испытаний, коль скоро известен результат непосредственно предшествующего испытания»¹². В следующем, 1908 г. А. А. Маркову удается распространить на случай «простых цепей» предельную теорему Гаусса-Лапласа, и он высказывает мысль о возможности распространения ее и на случай «сложных однородных цепей», где каждое испытание связано не с одним, а с несколькими ему предшествующими испытаниями¹³. Два года спустя А. А. Маркову удается доказать действие закона больших чисел (а с ним и предельной теоремы Гаусса-Лапласа) для общего случая испытаний, связанных в цепь, хотя бы «неоднородную» и «сложную», лишь бы вероятность отдельных испытаний в этой цепи не были близки к нулю или единице¹⁴. Через два года появляется исследование А. Маркова «Об испытаниях, связанных в цепь не наблюдаемыми событиями»¹⁵. Продолжая работы А. А. Маркова, С. Н. Бернштейн формулирует еще более общие положения для зависимых явлений. Как бы велика ни была корреляция между величинами $x_1, x_2, x_3, \dots, x_n$ (даже если она близка к полной пропорциональности), закон больших чисел применим к ним, если средняя арифметическая из их квадратических отклонений стремится к нулю, когда число величин становится больше¹⁶. Большое однако значение имеет для практики другая теорема С. Н. Бернштейна: если квадратические отклонения всех величин, образующих цепь, ограничены конечным пределом, а зависимость между каждыми двумя величинами цепи тем меньше, чем более они отдалены друг от друга, так что коэффициент корреляции между ними по мере отдаления равномерно стремится к нулю, то к таким зависимым (взаимно связанным) явлениям применим закон больших чисел. Наоборот, если все такие коэффициенты корреляции положительны и к нулю не стремятся, закон больших чисел к зависимым явлениям вообще неприменим¹⁷. Наконец, в новейшей работе В. И. Романовского о «цепных корреляциях» получают развитие мысли А. А. Маркова, впервые им высказанные о явлениях, связанных в цепь не наблюдаемыми событиями¹⁸.

¹⁰ Марков, Распространение закона больших чисел на величины, зависящие друг от друга, «Изв. Физ.-мат. о-ва при имп. Казанском университете», Казань, 1906, 2-я серия, т. XV, № 4, стр. 135—156.

¹¹ Там же, стр. 156.

¹² Марков, Исследование замечательного случая зависимых испытаний. «Изв. имп. Академии наук», СПб., 1907, № 3, стр. 62.

¹³ Марков, Распространение предельных теорем исчисления вероятностей на сумму величин, связанных в цепь, «Зап. имп. Академии наук», СПб., 1908, т. XXII, № 9, стр. 19—20 и 29.

¹⁴ Марков, Исследование общего случая испытаний, связанных в цепь, «Зап. имп. Академии наук», СПб., 1910, 8-я серия, т. XXV, стр. 1 и сл.

¹⁵ «Изв. Академии наук», 1912, № 8 (серия VI, т. VI, п/т. I).

¹⁶ Бернштейн, Теория вероятностей, изд. 2-е, ГТТИ, М.—Л. 1934, стр. 178.

¹⁷ Там же, стр. 180 и 179; см. также Бернштейн, Современное состояние теории вероятностей, ГТТИ, М.—Л., 1933, стр. 14.

¹⁸ Романовский, О цепных корреляциях, Гос. изд-во научно-технич. и соц.-экон. литературы, Ташкент, 1939.

Трудная, но важная задача советских статистиков-математиков — завершить работу, начатую А. А. Марковым и продолжаемую советскими математиками.

V

Большой интерес представил в 1939/40 г. ряд докладов, затрагивающих вопросы математической обработки статистических данных, среди них — целая серия докладов о корреляции (в московском Доме ученых).

А. Я. Боярский в докладе о «геометрической корреляции» рассмотрел важный для статистической практики вопрос о коррелированности «проб», которые берутся из пространственно разъединенных мест исследуемой массы. Практически эта масса большей частью не идеально непрерывна, но все же бесконечно делима (пробы масла, метровки урожая и т. п.). Между тем степень колеблемости признака, определяемая выборкой, будет различна в зависимости от того, будут ли пробы размером в 1 см^3 или 1 мм^3 , в 1 м^2 или $0,5 \text{ м}^2$. А. Я. Боярский рассмотрел в докладе корреляцию проб для различных случаев одно-, двух- и трехмерного пространства (корреляцию двух проб «точек» на линии, корреляцию «точки» и пробы двух измерений, корреляцию центра с окружностью, совокупную корреляцию двух концентрических окружностей, корреляцию проб с двумя измерениями и т. д.).

В. С. Немчинов в докладе о множественной корреляции показал, что известная схема решения нормальных уравнений по способу американского геодезиста Дулиттля (1878 г.) представляет собой систему ортогональных полиномов знаменитого русского математика П. Л. Чебышева в том их виде, который этим полиномам придал В. И. Романовский. Такое теоретическое обобщение эмпирической схемы Дулиттля имеет и практическое значение, так как дает возможность на основе той же схемы легко вычислять параметры уравнений в случае исключения одних и включения других аргументов (факторов), а также вычислять ошибки параметров уравнений, коэффициенты множественной, частной и частичной корреляции, корреляционные уравнения между факторами и т. д.

Б. С. Ястремский в докладе о дисперсионно-корреляционном анализе иллюстрировал приемы его на конкретных статистических данных о смертности от рака. Существующее предположение, что смертность от рака растет, не может быть признано основательным, так как нет уверенности в полной правильности диагностики причин смерти, методы же диагностики и регистрации причин с течением времени изменяются. Но изменяется ли реальная смертность именно от рака? Б. С. Ястремский подверг обработке данные различных капиталистических стран, относящиеся к двум соседним годам (1932 и 1933), для которых различиями в методах диагностики и регистрации можно пренебречь. Разграничивая существенную часть колебания смертности обоих годов и случайную его часть, Б. С. Ястремский исчисляет связь между смертностью обоих годов при помощи коэффициента корреляции. Выводы докладчика, рассмотревшего различные города и страны капитализма, таковы: возрастные различия влияния на смертность от рака не оказывают; в городах с развитой тяжелой промышленностью (не менее 50% рабочего населения, занятого в промышленности, включая и семьи) смертность от рака меньше; численность населения города влияния не оказывает; по исключении случаев смерти от рака матки и грудной железы смертность среди мужчин и женщин приблизительно одинакова.

В двух докладах А. А. Конюса был поставлен вопрос о способах перехода от несимметричного распределения к нормальному и от

криволинейной корреляции к нормальной. В ряде случаев неплохие результаты достигаются заменой переменных их логарифмами, что приводит к распределению или к корреляции, которые нормальны или близки к нормальным. Необходимо, однако, общее теоретическое разрешение этой проблемы. Асимметрия распределения признака y весьма часто порождается либо разнородностью объединенного материала, либо тем, что признак y есть функция другого признака — x , дающего нормальное распределение¹⁹. Так, если $y = f(x) = x^3$, то нормальному распределению x должно отвечать асимметричное распределение его куба, т. е. y . Вопрос сводится, следовательно, к правильному переходу от y к x , т. е. к отысканию типа функции $f(x)$. Но в нормальном распределении x его средняя арифметическая \bar{x} совпадает с его медианой. Нетрудно видеть, что соответствующее \bar{x} значение $y = f(\bar{x}) = \bar{x}^3$ должно явиться медианой и в то же время соответствующей суммальной средней в ряду распределения признака y . Это существенное обстоятельство дает возможность, развивая метод Каптейна, находить сравнительно несложным путем эмпирические формулы для преобразования распределения любого вида в нормальное («анаморфоза» распределения). Логичнее всего опираться при таком преобразовании на степенной вид функции $f(x)$. Опорными пунктами практических расчетов для перехода могут явиться значения каких-либо трех вариантов, в частности — медиана и квартили преобразуемого распределения. Данная А. А. Конюсом постановка вопроса и метод его исследования получили единодушную благоприятную оценку.

В. М. Обухов сделал сообщение о систематической ошибке коэффициента множественной корреляции при перенесении его с эмпирически наблюдаемой совокупности на всю изучаемую массу. Подвергнув тщательному анализу скорректированную формулу Р. А. Фишера

$${}_1R = 1 - \frac{N-1}{N-n} (1 - R^2),$$

где R — наблюдаемый коэффициент, ${}_1R$ — скорректированный, N — все число наблюдений, n — число переменных (параметров), В. М. Обухов приходит к общему выводу, что эта формула достаточно удовлетворяет потребностям практики, и что поправка Пирсона к ней, приводящая к сложным вычислениям, практически не нужна.

В. М. Турбин показал возможность производить достаточно сложный корреляционный анализ графическим путем при помощи специальной, им изобретенной, корреляционной сетки, со специально подобранными неравномерными шкалами для переменных x и y .

Оживленные прения вызвал доклад В. Н. Перегудова о типах дисперсионного анализа. Докладчик разобрал два типа: «простой», с разложением общей дисперсии σ^2 на составные части $\sigma_1^2 + \sigma_2^2 + \sigma_3^2 + \dots$ (например, разложение общей дисперсии урожайности на опытных участках на ее дисперсию по сортам, по повторениям опыта и остаточную), и более сложный, когда материал задан в виде вариационной таблицы о двух признаках. В. Н. Перегудов подчеркнул оригинальность и самостоятельность метода дисперсионного анализа в арсенале методов современной статистики, в частности — преимущества этого метода по сравнению с методами корреляции. Последние положения доклада вызвали возражения некоторых ста-

¹⁹ Исключением является единственный случай «подлинной» асимметрии, представленной в распределении Пуассона («закон малых чисел»).

тистиков. Дисперсионный анализ, по их мнению, есть лишь продолжение, даже только видоизменение корреляционного анализа. Уже в формуле обычного коэффициента корреляции

$$r^2 = 1 - \frac{s^2}{\sigma^2} = \frac{\sigma^2 - s^2}{\sigma^2}$$

фигурирует «существенная» дисперсия $\sigma^2 - s^2$ как разность между общей σ^2 и «остаточной» s^2 . Если $r^2 < 0,5$, т. е. $r < 0,7$, то дисперсия от «существенных» факторов как не достигающая половины общей дисперсии σ^2 должна быть признана несущественной; наоборот, если $r^2 > 0,75$, т. е. $r > 0,86$, то дисперсия $\sigma^2 - s^2$ действительно существенна. Следовательно, в самой корреляции заложены корни дисперсионного анализа, и последний — не что иное, как «замаскированный» корреляционный, где в скрытом виде участвуют те же коэффициенты корреляции. Поэтому правильнее говорить не столько о «несущественной», сколько о «неучтенной» части вариации признака. Ряд статистиков выступил с противоположным мнением. Дисперсионный анализ богаче и содержательнее «описательных» методов корреляции, разработанных школой К. Пирсона; он дает ответ на вопрос о существовании или несуществовании отдельных факторов явления, позволяет сравнить соотношения вызванных ими дисперсий с «нормой». Будучи логическим продолжением метода группировки, дисперсионный анализ позволяет оценить степень важности каждого из группировочных признаков и решить вопрос о его включении в анализ или исключении из него; этим создается гарантия от просачивания в анализ «огульных» средних. Мы получаем возможность сознательного отбора наиболее эффективных признаков при исследовании явления. Но самое значительное достижение — это наглядное разложение дисперсии (вариации) явления на ее составные части: существенную и несущественную (остаточную).

VI

Менее ощутительны результаты обсуждения в истекшем году проблем отраслевой статистики. Сколько-нибудь заметное единство еще не достигнуто не только в разрешении, но даже часто и в самом понимании задач и содержания отраслевых курсов статистики.

Несомненно то, что неудовлетворительная разработка наших курсов отраслевой статистики (промышленной, сельскохозяйственной, торговой и т. д.) частично является следствием неудовлетворительной постановки курсов экономики и планирования конкретных отраслей. В большинстве случаев они мало конкретны, и содержание их во многом повторяет курсы политической экономии и экономической политики социализма²⁰. Курсы эти охватывают обычно лишь экономику отрасли в целом, не доводя анализа до отдельного предприятия — завода, совхоза, магазина. Курсами планирования они являются лишь номинально; во всяком случае, вопросы конкретного планирования отдельного предприятия в них отсутствуют. Все эти вопросы, по необходимости, перекочевывают частично в курс анализа хозяйственной деятельности предприятия, частично в курс отраслевой статистики. В результате курсы отраслевой статистики оказываются немилосердно перегруженными материалом, чуждым собственно статистике: даже лучшие наши учебники сельскохозяйственной

²⁰ См. статьи Зворыкина и Грановского «Экономическое образование инженера», «Правда» от 26 мая 1940 г.

статистики на две трети заполнены всевозможными сведениями из агрономии и зоотехники, а учебники торговой статистики часто близки к производством по организации торговли.

К этим недочетам присоединяются и собственно статистические. Ни один из наших учебников отраслевой статистики не ставит своей задачей «статистическое продумывание», «статистическое осмысление» опыта статистической работы в данной отрасли хозяйства: теоретическую разработку вопросов о системе единиц наблюдения в данной отрасли, о важнейших признаках этих единиц, о важнейших типах группировок, о типах, формах и сроках статистического наблюдения, об организации статистических аппаратов, о системе сводки отчетности и т. д. Ряд курсов и учебников совершенно не затрагивает вопросов единой первичной документации в отрасли, и учащиеся, пройдя курс, не имеют представления о первичных источниках данных. Наконец, в применении приемов общей теории статистики к статистической работе отрасли ни один отраслевой курс или учебник «не идет дальше индексов»: приемы корреляционного анализа еще не находят у нас заметного применения ни в отраслевой статистике ни в анализе хозяйственной деятельности предприятия.

Как мы уже сказали, все эти вопросы не получили в истекшем году сколько-нибудь законченного решения. Наиболее существенные высказывания могут быть сведены к следующим положениям. Отраслевые курсы статистики должны быть решительно разгружены от несвойственного им материала из области организации, планирования и техники производства. При построении отраслевого курса возможна либо последовательность ветвей отрасли (например, полеводство, животноводство и т. д. в сельскохозяйственной статистике), либо последовательность основных счетных категорий. Во втором случае должны быть развиты методы перевода категорий собственно производства отрасли в счетные статистические категории («мощность двигателя», «посевная площадь», «коэффициент механизации тяговой силы» и т. д.) и методы собственно счета по категориям, в том числе и методы группировок в данной отрасли. Необходимыми частями каждого отраслевого курса являются общая организация учета в отрасли (система «статистически организованного отраслевого учета») и источниковедение. Наконец, курс отраслевой статистики не может обойти молчанием применение в специальных исследованиях в данной отрасли специальных статистических приемов (например, выборочное наблюдение и корреляционный анализ при исследовании качества продукции, дисперсионный анализ данных полевого опыта и т. п.). Таковы должны быть первые шаги к превращению курсов отраслевой статистики из описательных в научно-теоретические²¹.

VII

Вместе с вопросами отраслевой статистики было положено начало широкому теоретическому обсуждению проблем народного хозяйственного учета.

Наша система народнохозяйственного учета уже в достаточной мере сложилась. Она нашла свое правовое закрепление в ст. 14 Сталинской Конституции. Ряд хозяйственных систем нашей страны имеет во многих отношениях почти образцово налаженный единый народнохозяйственный учет: такова в первую очередь система наше-

²¹ Весной 1940 г. при ЦУНХУ СССР начала работать комиссия по пересмотру программ отраслевой статистики. Работа ее к моменту написания этой статьи не была закончена, и о результатах работы говорить еще преждевременно.

го Государственного банка. Однако эта богатейшая практика еще мало изучена и еще меньше теоретически обобщена.

В системе народнохозяйственного учета объединяются три вида учета: оперативный, бухгалтерский и статистический. Но, как показало обсуждение вопроса (доклад Ф. Д. Лившица в Московском Кредитно-экономическом институте), еще нет достаточно точного понимания задач, содержания и границ этих отдельных видов учета. Оперативный учет обычно трактуется у нас то как непосредственно следующий за хозяйственными операциями, то как необходимый для оперативного регулирования, то как охватывающий те операции, которые не включены в бухгалтерский учет и статистику. Между тем существеннейшая черта оперативного учета — его непосредственная связь с повседневным оперативным планированием, которое дает общее содержание и направление оперативному учету, обуславливает перечень и характер главных показателей этого учета, предопределяет пути элементарных сводок этих показателей. Успешнее, но все же не с предельной ясностью разрешен в нашей счетной литературе вопрос о предмете, методе и границах применения бухгалтерского учета. Поэтому до сих пор мы не имеем правильного теоретического разрешения вопроса о сущности различия всех трех видов учета. Так, почти все авторы из числа теоретиков бухгалтерии, писавшие до сих пор о различии бухгалтерии и статистики, сводили его к поверхностному различию в «способах выражения показателей учета»: в бухгалтерии — только «денежное» выражение, в статистике же возможно и «денежное» (правильнее — ценовое), и трудовое, и натуральное. Между тем все действительные отличия бухгалтерского и статистического охвата и изучения хозяйственных процессов в отдельном социалистическом предприятии вытекают из основного методологического различия: бухгалтерия охватывает и изучает эти процессы и операции как систему, статистика же — как совокупность. Единство народнохозяйственного учета заключается в органическом объединении различных видов учета как различных методов качественно-количественного охвата хозяйственных процессов и операций и, соответственно, различных способов контроля выполнения хозяйственных планов.

«Равноправны» ли при таком объединении отдельные виды учета? Каковы должны быть исходные принципы такого объединения? Если сомнения в «равноправии» возникают уже в пределах единого учета отдельного предприятия, то при переходе к единому учету в объединении, ветви, отрасли, а тем более в объеме всего нашего хозяйства о таком «равноправии» не может быть и речи. Завершающие синтетические работы в области народнохозяйственного учета (исчисление народного дохода в отдельных ветвях, отраслях и во всем народном хозяйстве; анализ хода выполнения народнохозяйственного плана в отдельных ветвях, отраслях и во всем народном хозяйстве; построение баланса народного хозяйства) выходят за пределы отдельных предприятий и объединений, не могут быть возложены на бухгалтерию и могут быть выполнены методами одной лишь советской статистики²². Поэтому надобно признать теоретически особенно плодотворным и сильным выдвинутое В. С. Немчиновым понимание нашего народнохозяйственного учета как статистически ор-

²² Эти синтетические работы не могут быть выполнены методами бухгалтерских сводок балансовых данных отдельных предприятий, о которых говорят в последнее время некоторые теоретики бухгалтерского учета. Однако, по мере объединения наших предприятий во все большие и большие единые хозяйственные комплексы, бухгалтерский учет будет приобретать все большее значение и для синтетических работ народнохозяйственного учета.

г а н и з о в а н н о й единой системы учета²³. Ибо только статистическая наука дает всей этой системе силу ориентировки, обосновывает отбор наиболее эффективных показателей выполнения народнохозяйственных планов, пронизывает единством всю систему форм первичного учета, форм отчетности и приемов ее сводки. Только статистически продуманный план построения единого учета является гарантией получения согласованных, сопоставимых показателей районов, отраслей и вывода из них межрайонных, межотраслевых и общехозяйственных показателей.

Следует подчеркнуть, что перед нами именно статистически организованная система учета, а не «планово организованная» и не «экономически организованная», как пытаются ее истолковать некоторые теоретики учета. Конечно, экономические категории, получающие отражение в системе народнохозяйственного учета, всецело вытекают из наших народнохозяйственных планов, а точное раскрытие содержания этих категорий совершается нашей экономической наукой. Но только статистическая наука воплощает эти категории в учетные показатели, только продуманная, творческая статистическая практика способна организованно воссоздать эти категории из миллионов внешне разрозненных данных низового первичного учета.

VIII

Наш обзор оказался бы неполон, если бы мы не упомянули еще об одной важной области работы московских статистиков в 1939/40 г.— о начале разработки стандартной статистической терминологии и системы условных обозначений (символики).

Для успешного развития любой отрасли науки, а социалистической науки в особенности, необходимо не только правильное образование понятий; огромное, обычно недооцениваемое значение имеют правильная, точная терминология и рациональная, продуманная система условных обозначений. История буржуазной науки и научной литературы на новых языках дает немало доказательств того, как создание удачной терминологии на национальных языках энергично продвигало вперед или даже служило началом изучения той или другой науки в отдельных национальных государствах. История развития таких наук, как математика и химия, доказывает, что удачная система обозначений — необходимая предпосылка теоретических и практических успехов науки.

Современная статистическая терминология на русском языке — огромное, но неупорядоченное хозяйство. Подавляющая часть понятий имеет по несколько терминов. В то же время ряд важных понятий не имеет точных терминов или имеет термины, явно непригодные. В отношении терминологической «засоренности» общая теория статистики и ее отраслевые ветви не уступают друг другу. В то время как Отделение технических наук Академии наук СССР (специальная Комиссия технической терминологии) уже с 1934 г. приступило к стандартизации терминов технических дисциплин, в среде статистиков до последнего времени наблюдалось равнодушие к судьбам терминологии их науки. Разнобою в терминологии советской статистики вполне соответствует неупорядоченность ее условных обозначений (символики).

²³ См. тезисы доклада В. С. Немчинова на всесоюзном совещании, статьи его же в журн. «Проблемы экономики» за 1940 г. №№ 1 и 4 и тезисы доклада на собрании Отделения экономики и права Академии наук СССР 25 мая 1940 г.

Стандартизация терминологии и условных обозначений советской статистики будет иметь огромное практическое значение. Она в огромной мере облегчит широким массам усвоение статистической литературы, слушание лекций и докладов, внесет единство в практику издательств (в книги, журналы, словари, газетные статьи) и тем самым расширит возможности «статистической пропаганды» и облегчит разрешение основной экономической задачи СССР в третьем пятилетии. Маркс и Энгельс уже век назад предвидели как само собой разумеющееся, что «в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода (язык.— Ф. Л.)»²⁴. Социалистическая наука СССР уже делает это в области технических наук и техники производства. Наша статистика не может и не должна от них отставать. Дальнейший путь развития ее терминологии и символики должен быть революционный, а не эволюционный, плановый, а не стихийный; он, по возможности, должен протекать в сотрудничестве специалистов-статистиков со специалистами-языковедами.

Комиссия по стандартизации терминологии и символики в статистике и ставит перед собой следующие задачи: устранение терминов, идеологически вредных, идейно несостоятельных (искажающих понятие), бессмысленных или лишних; устранение синонимов — полных или даже частичных; отбор важнейших «термино-элементов»; общую лингвистическую поверку всех терминов; критическое позаимствование части недостающих терминов из иностранных языков (перевод или оригинальное заимствование); самостоятельное создание новых терминов из термино-элементов русского языка; разработку системы условных обозначений важнейших понятий.

* * *

В нашем по необходимости беглом обзоре мы не имели возможности коснуться всех вопросов, обсуждавшихся статистиками Москвы в 1939/40 г. Но и этот обзор раскрывает сущность уже проделанной теоретической работы и намечает содержание того, что должно быть осуществлено в области экономической статистики.

Уже на ближайший (1940/41) академический год намечена постановка ряда весьма существенных для статистической науки вопросов. Осенью 1940 г. состоялась конференция по вопросам математической статистики, организованная Институтами экономики и математики Академии наук СССР. В круг работ этой конференции были включены такие актуальные для нашей практики теоретические проблемы, как проблема стационарных рядов динамики, проблема скученности, проблема достоверности суждения о теоретических значениях величин по эмпирическим данным, вопросы, связанные с математическими таблицами, и др. Группа статистиков московского Дома ученых предполагает организовать совместно с его Индустриальной секцией специальную конференцию, посвященную применению статистических методов в советской промышленной лабораторной практике. В Доме ученых намечается и более широкая по кругу тем конференция с рядом докладов о применении статистических методов в современном естествознании: в биологии, статистической физике, геологии, метеорологии и т. д. Сектор статистики Института экономики Академии наук СССР предполагает организовать обсуждение вопросов, связанных с проблемой народнохозяйственного учета. Комиссия по стандартизации терминов и символов статистики должна закончить в 1940/41 г. часть своей работы, касающуюся общей теории статистики,

²⁴ Маркс и Энгельс. Соч., т. IV, стр. 414

и приступить к стандартизации терминов и условных обозначений в отраслевых разделах статистики.

Для московских статистиков 1940/41 год явится годом серьезных научных начинаний. По своему размаху теоретическая работа советских статистиков перерастает узкие рамки ее организации в истекшем году. Необходимость учреждения Научно-исследовательского статистического института с рядом специальных секторов и отделов, со строго координированной их работой все более настойчиво ощущается. На теоретической работе в области статистики серьезно сказываются и другие весьма важные обстоятельства. В СССР, в стране социализма, где никакая плановая, никакая строительная работа немыслима без точно поставленного учета и статистики, уже более десяти лет не издается ни один статистический журнал.

Правильное разрешение организационных вопросов и создание необходимых материальных предпосылок облегчат, углубят и ускорят теоретическую работу в области советской статистики. Активное участие в этой работе должны принять все статистики Страны Советов.

А. СИДОРОВ

Хорошее пособие для изучающих политическую экономию

П. К. Фигурнов, Марксистско-ленинская теория кризисов, Госполитиздат, 1939, стр. 126, тир. 50 000, ц. 2 р. 25 к.

Выход книги П. К. Фигурнова отвечает назревшей потребности в популярном изложении основных проблем марксистско-ленинской политической экономии.

Проблема кризисов в марксистско-ленинской экономической теории занимает весьма важное место, подобно тому, как самые кризисы играют выдающуюся роль во всей истории развития капитализма.

Вот уже свыше 100 лет, начиная с 1825 г., в Англии через каждые в среднем 10 лет, а в эпоху империализма еще чаще, экономические кризисы потрясают капиталистическую систему хозяйства; они влекут за собой величайшие разрушения производительных сил, массовую безработицу, нищету и разорение миллионов трудящихся.

Кризисы в наглядной, и притом в мучительной, форме ставят перед трудящимися всего капиталистического мира самые острые проблемы политической экономии капитализма.

Давно уже прошли те времена, когда кризисы казались случайным явлением в экономической жизни буржуазного общества, когда английский парламент назначал специальные комиссии по расследованию причин кризисов. Теперь они так регулярно повторяются, что их можно сравнивать с периодической сменой времен года и наступление их можно предсказать.

Естественно поэтому огромное внимание к проблеме кризисов во всей буржуазной литературе. Но только марксистской теории удалось действительно научно показать и до конца вскрыть природу капиталистических кризисов, их причины, материальную основу, их место и значение в развитии капитализма, а также указать единственный путь их уничтожения — путь пролетарской революции.

Рецензируемая книга дает систематическое изложение учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина о кризисах при капитализме. В начале работы автор дает общую характеристику кризисов и циклического движения капитала. Далее излагается учение Маркса о формальной возможности кризисов в условиях простого товарного хозяйства и о превращении ее в действительность в условиях развитого товарно-капиталистического хозяйства.

В центральной, IV главе работы автор излагает марксистско-ленинское учение о при-

чине кризисов, об основном противоречии капитализма между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения. Автор показывает всю систему производных от основного противоречия капитализма — антагонистическое противоречие между условиями производства прибавочной стоимости и условиями ее реализации, антагонистическое противоречие между производством и потреблением, анархию капиталистического производства, — неизбежно ведущих к периодическим кризисам.

Главы VI и VII дают краткую историю капиталистических кризисов и выявляют основные изменения в циклическом характере развития капитализма в эпоху свободной конкуренции, в эпоху империализма, в период общего кризиса капитализма, начавшегося с мировой войны 1914—1918 гг.

Книга заканчивается марксистской критикой буржуазных и мелкобуржуазных «теорий» кризисов: вульгарной «теории» бескризисного развития капитализма Сэя и др., «теории» диспропорциональности Туган-Барановского и Гильфердинга, «теории» недопотребления Симонди, народников, Р. Люксембург, Каутского и др. Автор останавливается на разборе современной, наиболее модной буржуазно-аполитической «теории конъюнктуры» в лице таких ее представителей, как Кассель, Митчелл, пытающихся совершенно «снять» проблему кризисов. Но жизнь мало считает с подобными трюками и дает себя чувствовать в полном банкротстве прогнозов этих горе-теоретиков, как это и случилось, например, в 1929 г. в США.

Автор рецензируемой книги последовательно ведет борьбу на два фронта — против всякого рода буржуазно-аполитических «теорий» бескризисного развития капитализма, а также против мелкобуржуазных взглядов о невозможности развития капитализма из-за постоянных кризисов.

Бескризисный характер развития советской социалистической системы хозяйства, заканчивает автор, является блестящим подтверждением правильности марксистско-ленинского учения о кризисах при капитализме.

В книге П. К. Фигурнова дан обширный конкретно-исторический материал по истории кризисов, начиная с 1825 г. до 1937 г. — даты последнего кризиса в капиталистических стра-

нах. Весь этот материал убедительно показывает правильность марксистско-ленинской теории кризисов.

Достоинства книги — ее хороший, доступный язык и живое изложение материала, что особенно важно для популяризаторской работы.

Остановимся на отдельных, наиболее существенных недостатках рецензируемой книги.

Для более глубокого понимания марксистско-ленинской теории кризисов необходимо показать внутреннюю связь циклического развития капитализма, кризисов с действием основного закона товарно-капиталистического производства — закона стоимости. Автор лишь в одном месте подходит к этому вопросу (стр. 37), и то лишь в связи с проблемой пропорциональности в капиталистическом хозяйстве. Это явно недостаточно. Надо показать, что весь процесс накопления капитала подчинен действию закона стоимости. Конкретным проявлением этого закона, стихийно прокладывающего себе дорогу, является движение цен на товары. В период подъема, всеобщего ажиотажа и грюндерства цены на товары поднимаются выше стоимости. Это резкое отклонение цен от стоимости не может сохраниться длительное время, не угрожая всему ходу капиталистического воспроизводства. Во время кризиса оно стихийно выправляется не менее резким катастрофическим падением цен ниже стоимости. Стихийный выход из кризиса достигается путем понижения стоимости товаров на базе обновления основного капитала, введения новой техники применительно к новым, кризисным условиям состояния рынка. Обновление же основного капитала дает материальную основу новому подъему, новому повышению цен, а затем новому кризисному их падению. Действие внутренних сил капитализма, действие закона стоимости позволяет таким образом временно преодолевать кризис, но достигается это такими внутренне противоречивыми средствами, что неизбежен взрыв нового экономического кризиса в еще более расширенном масштабе. Показ внутренней связи всех экономических процессов капиталистического хозяйства на основе закона стоимости позволяет глубже проникнуть в существо кризисов и выявить их неизбежность в условиях капитализма.

На наш взгляд, необходимо выделить в особую главу вопрос о положении рабочего класса и мелких товаропроизводителей во время кризисов ввиду центрального значения этого вопроса. Этому учит Ленин в своем плане пропагандистской беседы о кризисах¹. В самом деле, механизм капиталистического выхода из кризиса как раз и заключается в том, чтобы на базе низких кризисных цен на товары повысить производительность и интенсивность труда наемного рабочего до такого уровня, который обеспечивает получение обычной средней нормы прибыли. Это достигается путем введения новой техники и обновления основного капитала, что ведет к повышению степени эксплуатации наемного рабочего, к увеличению производства абсолютной и относительной прибавочной

стоимости. Таким образом, временный выход из кризиса осуществляется за счет повышения степени эксплуатации. Давая характеристику перехода от кризиса 1929—1933 гг. к депрессии, товарищ Сталин говорил: «Капитализму удалось несколько облегчить положение промышленности за счет рабочих — путем углубления их эксплуатации через усиление интенсивности их труда, за счет фермеров — путем проведения политики наиболее низких цен на продукты их труда, на продовольствие и отчасти на сырье, за счет крестьян колоний и экономически слабых стран — путем еще большего снижения цен на продукты их труда, главным образом, на сырье и затем на продовольствие»².

Каждый последующий кризис не просто повторяет ужасы нищеты и безработицы прошлых кризисов. Каждый последующий кризис означает новую ступень в усилении эксплуатации рабочего класса, в понижении жизненного уровня рабочих и крестьян, в увеличении зависимости наемного труда от капитала. Мировой экономической кризис 1929—1933 гг. является в этом отношении яркой иллюстрацией правильности марксистской теории кризисов. Отсюда огромное революционизирующее значение кризисов, их влияние на обострение классовой борьбы в капиталистическом обществе и приближение социалистической революции, которая покончит с кризисами. В этой связи заметим, что величайшие преимущества социалистической системы хозяйства над капиталистической, выражающиеся в бескризисном развитии СССР, выступили бы еще более ярко, если бы автор привел необходимый конкретный материал о развитии советской экономики; приведенные на стр. 95 данные, конечно, недостаточны для этой цели.

Следует выразить пожелание, чтобы автор в последующих изданиях своей работы расширил ее, показав творческое развитие марксистской теории кризисов Лениным и Сталиным. Необходимо также дать марксистское освещение проблемы аграрных кризисов и их особенностей, вовсе обойденной в рецензируемой книге.

В исторической части необходимо привлечь материалы по истории кризисов в царской России. Автор берет только один кризис 1900—1903 гг. Попутно отметим ошибочную трактовку течения этого кризиса в России: по мнению автора, кризис начался в металлургической промышленности (стр. 78); последние исследования показывают, что он начался в текстильной промышленности. Недостатком исторической части работы является ее совершенно неудобочитаемое построение: почти весь цифровой материал включен в текст, так как автор, за небольшим исключением, избегает табличного изложения цифровых данных. Вообще говоря, трудно дать в небольшой работе историю тринадцати кризисов, хотя бы по важнейшим странам. Мы полагаем поэтому, что для популярной брошюры о кризисах вполне достаточно характеристики особенностей кризисов по этапам — промышленный капитализм, империализм, послевоенный

¹ См. Ленинский сборник XV, стр. 283—284.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 428.

период, с приведением лишь небольшого количества сравнительных данных; читателя же, интересующегося более подробными данными, можно отослать к имеющимся литературным источникам.

В заключение укажем на некоторые наиболее важные недочеты в отдельных формулировках рецензируемой книги.

На стр. 5 сказано: «Ни одна докапиталистическая формация не знала периодических кризисов перепроизводства». На самом же деле докапиталистические общественно-экономические формации вообще не знали кризисов перепроизводства, которые свойственны, как справедливо указывает автор, только капиталистическому способу производства. На стр. 11 автор говорит о «классической политической экономии» Адама Смита и Рикардо. В эту формулировку надо внести существенную поправку — следует говорить о буржуазной классической политической экономии.

На стр. 12 автор, утверждая, что «в товаре в потенции содержится зародыш всех противоречий капиталистического общества», ссылается на Ленина. У Ленина же говорится, что в товаре заключаются «...в неразвернутой форме все главные противоречия капитализма...»³. Нельзя признать удачным подмену ясного и определенного ленинского положения о неразвернутой форме противоречий выражением «в потенции».

Перечисляя формы стоимости (стр. 12), П. К. Фигурнов говорит о сложной или развернутой форме, вместо полной или развернутой, как сказано у Маркса⁴. Автор допускает здесь грубую отсебятину. На стр. 28 говорится, что противоречие между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения «действует не непосредственно, а через целый ряд конкретных форм». С чьей-то легкой руки такая формулировка пошла гулять по многим нашим учебным пособиям. Получается неправильное противопоставление этого противоречия конкретным формам его проявления. Возникает мысль о недостаточности объяснения кризисов основным противоречием капитализма, что абсолютно неверно.

Сомнительно также утверждение автора, что в Англии кризисы 1793 г., 1810 г., 1815 г. и 1819 г. «обуславливались не имманентными закономерностями капиталистического производства, а целым рядом внешних фактов...» (стр. 58). Выходит, что кризис 1825 г. был вообще первым кризисом, вытекавшим из имманентных закономерностей капитализма, в то время как во всех высказываниях Маркса и Энгельса он характеризуется как первый общий кризис⁵. Это совсем не то, что утверждает автор.

Нельзя не согласиться с положением автора, что в простом товарном хозяйстве «мы имеем не противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, а между частным и общественным трудом, т. е. противоречие между отдельными товаропроизводителями» (стр. 28). Верно, что в простом товарном хозяйстве нет противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения, а есть противоречие между частным и общественным трудом; но неправильно последнее сводить к противоречию между отдельными товаропроизводителями. Противоречие между отдельными товаропроизводителями есть и при капитализме (между отдельными капиталистами). Различие заключается в том, что капитализм обобществляет производство, придает ему общественный характер, в то время как в простом товарном хозяйстве производство распылено, раздроблено, не обобществлено. Общественный же характер производства находится в непримиримом противоречии с частным характером присвоения, что и ведет к кризисам. На стр. 44 автор дает пояснение, что такое процент как цена капитала. Это пояснение неудачно; оно туманно и без нужды осложнено. Необходимо ввести положение Маркса о добавочной потребительной стоимости денег как капитала и о цене ее в форме процента.

Все эти недостатки легко могут быть устранены автором. Книга является весьма полезным пособием для изучающих экономическую теорию, особенно для советского студенчества, до сих пор еще не имеющего учебника политической экономии.

М. Б.

Пути капиталистической рационализации

М. Розман, Капиталистическая рационализация и рабочий класс, Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, Госполитиздат, 1940, стр. 195, тир. 25 000, ц. 3 р. 50 к.

Вопрос о дальнейшем росте производительности труда, о высокой культуре производства стоит в центре внимания трудящихся масс СССР. На Указ Президиума Верховного Совета от 26 июня и на призыв т. Молотова на VII Сессии Верховного Совета СССР к дальнейшему укреплению хозяйственной и оборон-

ной мощи страны социализма трудящиеся нашей родины ответили новым трудовым подъемом, новыми подвигами трудового героизма. Рабочий класс СССР хорошо помнит слова Ленина, что производительность труда — это в последнем счете самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Трудящиеся СССР твердо знают, что у нас

³ Ленин, Философские тетради, Партиздат, 1933, стр. 173.

⁴ Маркс, Капитал, Партиздат, 1935, т. I, стр. 25.

⁵ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 278.

рост производительности труда ведет к дальнейшему подъему материального и культурного уровня широких масс в отличие от капиталистического мира, где этот рост влечет за собой дальнейшее обнищание пролетариата.

Это обнищание, принявшее столь катастрофический характер в наши дни, в период второй империалистической войны, вообще присуще капиталистическому способу производства и с особой силой сказывается в эпоху кризиса капитализма. В эту эпоху усиливаются все виды наступления капитала на рабочий класс и особенно те утонченные методы эксплуатации, которые проводились и проводятся под видом «рационализации» производства.

Рационализаторские мероприятия по улучшению производства, по повышению производительности труда, по снижению себестоимости и т. п. проводятся и в СССР, но у нас они носят совершенно иной характер. У нас плодами рационализации пользуются сами же трудящиеся массы, являющиеся хозяевами производства, работающие на себя и поэтому проявляющие столь широкую инициативу в проведении многочисленных рационализаторских мероприятий. В капиталистическом мире рационализация производства проводится эксплуататорами и имеет целью еще больше увеличить прибыль капиталистов и еще резче усилить накопление нищеты на другом общественном полюсе. Пути рационализации в социалистическом и капиталистическом мире, таким образом, диаметрально противоположны и отражают противоположность двух этих борющихся антагонистических систем.

Освещению интересной проблемы о путях капиталистической рационализации в сопоставлении с особенностями социалистической рационализации посвящена недавно вышедшая книга М. Розман «Капиталистическая рационализация и рабочий класс».

В первой главе автор правильно характеризует основное различие между капиталистической и социалистической рационализацией. Капиталистическая рационализация в период общего кризиса капитализма достигается, главным образом, за счет интенсификации труда. Это особенно относится к периоду, наступившему с начала жесточайшего кризиса 1929—1932 гг., когда широкое развитие получили формы рационализации, требовавшие лишь незначительных капиталовложений или не сопровождавшиеся никакими капиталовложениями (увеличение агрегатов на одного рабочего, введение немеханизованного потока). Все эти формы так называемой «кризисной рационализации» повлекли за собой резкое усиление эксплуатации пролетариата. Автор прав, когда подчеркивает, что и в период общего кризиса капитализма рационализация сопровождается известным обновлением основного капитала и прогрессом в области техники. Но этот прогресс сильно тормозится монополистическим капиталом и протекает крайне неравномерно как в отдельных странах и отраслях, так и за отдельные периоды. Это обстоятельство не меняет, однако, того основного положения, что рационализация в эту эпоху, и особенно с начала мирового экономического кризиса 1929—1932 гг., происходит

преимущественно за счет резкого усиления интенсивности труда рабочих. Автор отмечает последствия этой рационализации для рабочего класса — рост безработицы, сокращение заработной платы, декалфикацию значительных кадров рабочих, — ведущие к общему снижению жизненного уровня пролетариата.

В отличие от капиталистической, правильно подчеркивает т. Розман, социалистическая рационализация влечет за собой рост богатства трудящихся всей страны, подъем их материального и культурного уровня, повышение культурно-технического уровня рабочих до уровня работников инженерно-технического труда, подготавливая тем самым условия перехода от социализма к коммунизму. Не удивительно поэтому, что у нас рационализация производства осуществляется при помощи социалистического соревнования, высшим выражением которого является стахановское движение.

Если вводные замечания автора в основном правильны, нельзя все же согласиться с отдельными положениями, выдвинутыми им. Вряд ли можно считать удачным, например, указание, что «одним из важнейших факторов роста хронической недогрузки производственного аппарата и постоянной массовой безработицы является широкое развитие капиталистической рационализации» (стр. 5). Автору, конечно, неизвестно, что важнейшим «фактором» является здесь загнивание капитализма, которое предопределяет особенности современной капиталистической рационализации, в свою очередь усиливающей последствия загнивания капитализма.

Общие указания, приведенные автором в вводной главе, более детально развиты в последующем изложении. Так как задачей автора является анализ рационализации с точки зрения влияния ее на рабочий класс, он останавливается в дальнейшем преимущественно на следующих проблемах: методах организации труда, рационализации технологического процесса и современных системах оплаты труда.

Обращаясь к проблеме организации труда в связи с капиталистической рационализацией, автор прежде всего дает краткую (слишком краткую) характеристику системы Тэйлора. Отмечая, в соответствии с характеристикой тэйлоризма, данной Лениным, с одной стороны, научные элементы этой системы, а с другой — те специфические черты, которые превращают ее в утонченную зверскую форму капиталистической эксплуатации (проведение хронометража работы наиболее сильных и ловких рабочих, применение подкупа отдельных рабочих, завуалированная форма штрафов), т. Розман подчеркивает, что система Тэйлора открывает новый период в капиталистической рационализации производства. Однако автор не дал нам историко-экономического анализа этой системы, что столь необходимо для понимания сущности ее.

Несколько полнее изложена автором система Форда, которая нашла применение в период развития крупносерийного массового производства роста типизации, специализации и нормализации. Введение методов работы непрерывным потоком сильно изменило орга-

низацию производства: группировка рабочих и механизмов по отдельным цехам или мастерским уступила место распределению рабочих в порядке последовательности процессов работы. Такая организация привела к росту выработки рабочего, но главным образом за счет бешеной интенсификации его труда. Интенсификация эта, правильно отмечает автор, вызвана не самыми методами работы, а капиталистическим характером их применения. Внедрение поточно-конвейерной системы в США, Германии и других странах сопровождалось, помимо интенсификации труда, декартификацией широких слоев рабочих.

Далее автор излагает методы рационализации технологического процесса в отдельных отраслях промышленности: машиностроительной, каменноугольной и текстильной. Он справедливо указывает, что рационализация технологического процесса протекала неравномерно в разных странах и отраслях промышленности, причем особенно сильно сказалась эта неравномерность в новых отраслях промышленности (автомобильной) и старых (каменноугольной, текстильной). К сожалению, и у самого автора можно отметить значительную «неравномерность» в освещении отдельных отраслей промышленности, не всегда объяснимую состоянием соответствующих материалов. Совсем бегло автор коснулся рационализации в машиностроении, ограничившись несколькими краткими замечаниями об автомобильной промышленности и немного более детальными указаниями о станкостроении. Введение штамповки, а затем замена ее в ряде случаев литьем повлекли за собой значительное сокращение рабочей силы в автостроении, так как обусловленный этими процессами рост производительности труда в 2,5—5 и более раз сделал «излишней» часть рабочих. К тому же результату привели усовершенствования станков, обслуживающих автостроение и другие отрасли промышленности. Эти усовершенствования шли в нескольких направлениях: по линии увеличения скоростей станков, введения все большего количества станков, производящих одновременно несколько однородных операций, автоматизации управления станками и внедрения новых типов станков. Автор приводит ряд примеров, иллюстрирующих рост интенсивности труда в результате применения указанных усовершенствований.

Несколько полнее освещены в рецензируемой работе рационализация и механизация производства угольной промышленности. Автор правильно подчеркивает, что снижение издержек производства в результате рационализации в угольной промышленности с ее крайне низким основным капиталом шло по линии наступления на рабочий класс. Сильно развилась механизация добычи угля за послевоенный период, хотя она протекала неодинаково в разных странах по темпам роста, по видам ее (тяжелая и легкая), по степени охвата отдельных процессов производства (подрубка, погрузка и др.). Механизация вела к резкому вытеснению рабочих угольной промышленности из производства и к дальнейшей интенсификации труда. Безработица в этой отрасли росла особенно сильно потому,

что рационализация и механизация развивались здесь в период, когда угольная промышленность находилась в состоянии хронической депрессии (после первой империалистической войны).

Гораздо полнее описана автором рационализация в другой отрасли промышленности, тоже переживавшей за послевоенный период хроническую депрессию,— в текстильной. Здесь рационализация не сопровождалась значительным переоборудованием производственного аппарата, и здесь ярче всего сказались существенные капиталистической рационализации и ее влияние на процесс обнищания пролетариата. Автор приводит много интересных иллюстраций, как замещение мюлей вальцевыми ватерами в хлопчатобумажной промышленности, рост автоматизации качества, увеличение числа станков, обслуживаемых одним рабочим, внедрение в прядение приборов высоких вытяжек, применение суперпачатка на ткацком станке и др. привели к росту производительности и, особенно, интенсивности труда.

Удачным следует считать анализ современных систем оплаты труда в капиталистическом мире, опирающихся на новейшие методы «научной» организации труда и помогающих капиталу усиливать интенсивность труда. В нашей экономической литературе мы редко встречаем сводное описание этих систем. Охват рабочих современными потогонными системами заработной платы в ряде капиталистических стран достигает 30—35%. Автор вскрывает, как «поощрительные» «премиальные» системы заработной платы вроде системы Хелси, Роузена, Эмерсона, Тэйлора, Ганта, Бедо, Рефа и др., базирующиеся якобы на «научных» методах нормирования, являются на деле утонченными методами хищнической эксплуатации рабочего класса. Особенно подробно и интересно освещена автором наиболее распространенная в настоящее время «поощрительная» система Бедо — это изоциренное сочетание интенсификации труда и завуалированного урезывания заработной платы, эта самая жестокая форма эксплуатации пролетариата. Недаром она вызвала наибольшее возмущение среди рабочих масс.

Автор, подводя общие итоги роста производительности и интенсивности труда в связи с капиталистической рационализацией, подчеркивает, что в период общего кризиса капитализма решающим фактором роста выработки рабочего является огромное увеличение интенсивности труда. М. Розман сопоставляет данные о темпах роста выработки рабочего в капиталистических странах и у нас и приходит к выводу, что мы скоро должны догнать в этом отношении США, от которых мы пока все еще значительно отстаем. Говоря об особых методах и путях повышения производительности труда в СССР, автор подробно останавливается на стахановском движении в нашей стране, показавшем многочисленные образцы высокой производительности труда, часто превышающие уровень производительности труда в странах капитализма.

В дальнейших главах автор обобщает и развивает отмеченные уже в предыдущем изложении данные о влиянии капиталистической рационализации на процесс декартификации

рабочих, на рост безработицы и на снижение заработной платы.

В заключительных двух главах автор дает верную оценку, с одной стороны, роли агентов буржуазии в рабочем классе, рьяно защищающих капиталистическую рационализацию, а с другой — ответ рабочего класса на рационализацию. Вожди социал-демократии и реформистских профсоюзов, стремясь всячески облегчить буржуазии осуществление рационализации, обманывают рабочих, уговаривая их, что необходимы временные жертвы, которые будут, мол, впоследствии перекрыты благодаря колоссальному росту производительности труда, и что рационализация является шагом вперед к... социализму! Так «успокаивают» возмущенных рабочих всякие Гарновы, Грины, Ситрины и др. Но на эти уговоры «вождей» рабочий класс капиталистических стран ответил героической борьбой против наступления на его жизненный уровень путем всяческих рационализаций. Широкая стачечная борьба развернулась за послевоенные годы и в годы кризиса в США, Англии, Германии, Франции, Италии, Японии и других капиталистических странах. Борьба велась против тех последствий, которые несла рабочим капиталистическая рационализация, и против ненавистных им потогонных систем заработной платы.

В рецензируемой работе, в основном, правильно освещен круг вопросов, связанных с капиталистической рационализацией и влиянием ее на рабочий класс. Однако при характеристике капиталистической рационализации следовало бы более четко подчеркнуть ряд дополнительных основных противоречий ее: рационализацию производства в условиях нарушения ее основного принципа — полного использования производственной мощности — и на фоне анархии, царящей во всем народном хозяйстве капиталистических стран.

В заключение отметим следующее улучшение в рецензируемой работе. В книге, вышедшей в разгар второй империалистической войны, следовало бы, хотя бы в виде особого приложения, указать поправки, которые внесла война в проведение рационализации, и изменения, происшедшие в связи с нею в положении рабочего класса капиталистических стран. Что касается рационализации, то она в ограниченных размерах продолжалась и во время войны — в целях «экономии» рабочей

силы — и сопровождалась еще большей интенсификацией труда рабочих, оставшихся на предприятиях. Но в условиях войны капиталистам не было особой надобности прибегать к этой завуалированной форме эксплуатации труда. Военная обстановка развязала руки предпринимателям и дала им возможность открыто проводить самую хищническую эксплуатацию. Все завоевания рабочих, добытые в тяжелой и длительной борьбе, были сразу отменены в воюющих странах и в ряде нейтральных. В воюющих странах была проведена милитаризация труда. При бешеной интенсификации труда рабочее время удлинено на военных предприятиях в Англии, Германии, Японии и др. до 12—16 час. и больше. В Англии рабочая неделя в ряде случаев доведена до 84—90 час. Применение сверхурочных и ночных работ, даже для женщин и детей, приняло небывалые размеры. Отпуска (там, где они еще существовали) были отменены. В предприятиях, работающих на «оборону», отменен воскресный и праздничный отдых. Несмотря на эти каторжные условия труда, заработная плата во многих случаях резко снизилась. Это особенно следует подчеркнуть в отношении Франции, где рабочие получали за дополнительные часы (свыше 45 час.) лишь 60% тарифных ставок заработной платы. В довершение всего в воюющих и многих нейтральных капиталистических странах фактически проводится «организованный голод» широких масс населения, потребление которых строго регламентировано.

На фоне ужасающего обнищания пролетариата капиталистических стран еще ярче выступают завоевания рабочего класса СССР. Мирная политика советского правительства содействует еще большему материальному и культурному росту населения страны социализма. Несмотря на введение восьмичасового рабочего дня, вызванное необходимостью дальнейшего укрепления хозяйственной и оборонной мощи Советского Союза, рабочий день в нашей стране продолжает оставаться самым коротким в мире. Трудящимся нашей страны, работающим не на эксплуататоров, а на себя, на благо социалистического общества, вполне ясно, что удлинение рабочего времени и борьба за качество продукции ведут к созданию социалистического изобилия и тем самым ускоряют переход от социализма к коммунизму.

М. КР.

Экономика социалистической промышленности

«Экономика социалистической промышленности», Институт экономики Академии наук СССР, под ред. докторов экономических наук Е. Л. Грановского и Б. Л. Маркуса, М., 1940, Соцэпгиз, стр. 593, тир. 25 000, ц. 9 р. 25 к.

(Реферат общественного обсуждения)

Выпущенный в начале 1940 г. Институтом экономики Академии наук учебник по экономике социалистической промышленности подвергся широкому общественному обсужде-

нию на совещании преподавателей экономики социалистической промышленности и отраслевых экономик промышленности московских вузов. Учебник получил положительную оцен-

ку участников обсуждения, давших вместе с тем ряд критических замечаний по отдельным главам и по книге в целом.

Выступивший с кратким сообщением доктор экономических наук Грановский остановился на условиях, в которых происходила подготовка учебника.

Основная трудность создания его, по словам т. Грановского, была связана с весьма значительным отставанием научно-теоретической разработки проблем экономики социалистической промышленности. Поэтому авторам учебника пришлось заново научно разрабатывать ряд проблем экономики социалистической промышленности. Решения XVIII съезда ВКП(б), давшего широчайшую перспективу развития народного хозяйства, вооружили авторский коллектив и заставили его продумать все основные проблемы курса по-новому — под углом зрения решения основной экономической задачи СССР.

Вторая трудность заключалась в том, что экономика социалистической промышленности как научная дисциплина по существу только еще создается и границы ее не установлены точно. Нет четкого разграничения между этой дисциплиной и другими, в частности, народнохозяйственным планированием и отраслевыми курсами по экономике промышленности. Это ставило перед авторами и редакторами сложный вопрос — как предупредить дублирование ряда смежных дисциплин. Решить этот вопрос было трудно ввиду того, что и смежные дисциплины не имеют пока еще четких границ и учебники по этим дисциплинам почти отсутствуют. Коллектив авторов «Экономики социалистической промышленности» старался дать в учебнике лишь то, что является специфическим для курса экономики промышленности.

Переходя к вопросу о структуре курса, т. Грановский указывает, что обсуждаемый учебник отличается от существующей программы по экономике промышленности. Так, в частности, вопросы сырья трактуются в ряде глав учебника (например, в связи с производством оборотных фондов, в главе о производственной программе, в связи с географическим размещением и, наконец, в особой главе, посвященной использованию оборотных фондов производства). Авторы учебника избежали ошибки программы по экономике промышленности на 1939/40 г., где производственная программа рассматривается в отрыве от отраслевой структуры промышленности.

Вышедший учебник, указывает, т. Грановский, предназначен для всех экономических вузов. В большинстве экономических вузов курс рассчитан на 120 академических часов. На промфакультетах плановых вузов, готовящих специалистов по планированию промышленности, где на курс экономики промышленности дается 240 час., кроме учебника в первую очередь по методике планирования промышленности должна быть привлечена значительная дополнительная литература. При подготовке учебника авторы ориентировались на то, чтобы дать в нем учащимся необходимый минимум знаний.

В заключение т. Грановский обращает внимание на условия прохождения экономики промышленности в плановых вузах. В программе этих вузов по экономике промышленности имеется тема «Развитие отраслей промышленности», которой уделено 28 час. Но эта программа охватывает, примерно, 10 отраслей и, следовательно, на экономику каждой отрасли приходится в среднем по 2,8 часа. При этом, согласно программе, лектор должен рассказать о производственной программе, о развитии технической базы, о концентрации, специализации и кооперировании, о комбинировании и размещении данной отрасли. В какой степени, ставит вопрос т. Грановский, целесообразно в плановых институтах, которые готовят специалистов по планированию промышленности, давать в течение этих 28 час. 10 «экспресс-курсов» по экономике различных отраслей? Не целесообразнее ли строить программу для плановых институтов таким образом, чтобы, оставив 100 час. для общего курса экономики промышленности, остальные 80 час. уделить более серьезному изучению экономики одной определенной отрасли промышленности, по которой специализируется студент.

Принявший участие в обсуждении т. Будницкий (Московский Горный институт им. Сталина) отмечает, что высшая школа впервые получила действительно серьезную, грамотную книгу по экономике социалистической промышленности и что по этой книге можно строить курс. Учебник, по мнению т. Будницкого, является также основой для пересмотра программы и написания учебников по отраслевым экономикам промышленности.

Вместе с тем он отмечает, что учебник не лишен недочетов. Главный из них, по мнению т. Будницкого, заключается в том, что в ряде глав чрезмерно много описательного материала и недостаточно анализа. Отсюда, — говорит т. Будницкий, — вытекает и другой недостаток: некоторые главы слишком велики по объему. В качестве примера он приводит главу «Этапы развития социалистической промышленности», главу о размещении промышленности, об основных фондах и др.

Тов. Будницкий отмечает также, что в учебнике недостаточно полно освещены технико-экономические вопросы отдельных отраслей промышленности. Некоторые положения обесцениваются неполнотой освещения. Так, дается баланс электроэнергии, потребляемой промышленностью, транспортом и коммунальным хозяйством, без указания, к каким годам относятся эти данные (стр. 161). Между тем известно, что структура энергобаланса и удельный вес отдельных потребителей электроэнергии меняются.

В заключение т. Будницкий подчеркивает, что, несмотря на ряд недостатков, учебник принес большую пользу преподавателям экономики промышленности. Это, по его словам, отмечалось преподавателями и студентами Горного института, оценивавшими книгу по окончании учебного года.

Наиболее ценным в этом учебнике, по мнению т. Берри (Московский инженерно-экономический институт им. Орджоникидзе), является то, что в нем правильно отражены

решения XVIII съезда ВКП(б). Решения съезда, в частности в связи с основной экономической задачей, лежат в основе всех рассмотренных в учебнике вопросов — это бесспорно важная заслуга авторов и редакции учебника. Вторая серьезная заслуга заключается в том, что учебник дает богатый описательный материал. Учебник должен дать конкретное освещение развития и современного состояния промышленности СССР, и если в нем много таблиц, много фактического материала, много цифр, это все положительно характеризует учебник. Хуже обстоит дело с анализом. Переходя к разбору отдельных глав, т. Берри отмечает разработку в них ряда новых теоретических вопросов, в частности в главах о производственной программе (гл. II) и развитии технической базы промышленности (гл. III). Нигде в нашей литературе не был еще дан анализ отдельных факторов производства и не была установлена связь между изменением их роли и динамикой продукции. В учебнике сделана, кроме того, попытка экономического анализа структуры промышленности и выявления системы взаимосвязей между различными отраслями промышленности. Тов. Берри обращает внимание на ненужные усложнения в главе об отраслевой структуре. В то же время в ней обойден ряд моментов, в частности плохо разработан вопрос о втором подразделении. Этот вопрос упоминается лишь в одной схеме; не показано соотношение между первым и вторым подразделениями. В главе о развитии технической базы промышленности представляет интерес анализ роли стахановского движения в техническом прогрессе. Автор этого раздела выдвигает положение о том, что рационализаторская деятельность стахановцев идет по пути развития наиболее передовых тенденций современной техники. Эта мысль убедительно подтверждается всем приведенным в главе материалом. Здесь интересен показ развития техники в условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Тов. Берри несогласен с тем расположением материала о сырьевой базе, который дан в учебнике. Он считает необходимым дать специальную главу о сырьевом хозяйстве промышленности, так как при расположении материала о сырье по ряду глав студент не получает стройного представления о сырьевой базе. Необходима также отдельная глава о развитии капиталистической промышленности. Значительно больше внимания следовало бы также уделить вопросам планирования. В конце каждой главы две-три страницы посвящены планированию, но эти страницы совершенно не исчерпывают важнейших вопросов планирования. В главе о специализации и кооперировании говорится только о планировании кооперирования. Между тем не менее важным является и планирование специализации. Можно привести из практики нашей промышленности немало примеров неудачной специализации, являющейся результатом пренебрежения к необходимости ее планирования.

В заключение т. Берри указывает, что глава о специализации и кооперировании наталкивает на вывод о том, что главная опас-

ность на данном этапе — это универсализм предприятия. Между тем, по его мнению, наибольшую опасность представляет именно тенденция крайне узкой специализации.

Давая общую положительную оценку учебнику, т. Миньков (Наркомат заготовок) отмечает, что планирование в учебнике дано в виде придатка к основным темам. В некоторых же главах и этого нет, как, например, в главе о капитальном строительстве. Недостаточно показана органическая связь вопросов планирования и экономики. Кроме того, обойден ряд важнейших вопросов планирования. Например, в главе о производительности труда и заработной плате не сказано подробно о планировании производительности труда, рабочей силы и др. Ни в одной главе по-настоящему не освещен вопрос о вредительстве в области планирования. Тов. Миньков обращает внимание на то, что во второй главе при разработке проблем сельскохозяйственного сырья недостаточно уделено внимания зерну. Между тем, говорит т. Миньков, не приходится доказывать, что вопросы развития зерновой базы имеют исключительное значение для роста всей промышленности. Заготовки зерновых, составляющие 75% всех заготовок сельскохозяйственного сырья, должны были бы получить освещение в учебнике.

Несмотря на отдельные недочеты, говорит в заключение т. Миньков, совершенно бесспорно, что практическим работникам, преподавателям и студентам этот учебник даст полную возможность по-настоящему работать над вопросами экономики промышленности и восполнить пробел, существовавший до сих пор.

Тов. Гюнтер (Московский Инженерно-экономический институт им. Орджоникидзе) высказался по поводу главы о капитальном строительстве. Он считает неверным данное в ней определение стоимости капитальных работ в промышленности. Там говорится: «Объем капитальных работ — это программа строительного производства, исчисленная в сметной стоимости» (стр. 337). В строительстве, указывает т. Гюнтер, следует различать две стороны: чистое строительство (т. е. строительное производство) и оборудование и его монтаж. Поэтому стоимостью капитальных работ в промышленности является сумма стоимости чистого строительства (т. е. сооружений зданий) и стоимости машин и прочего оборудования. Это первая неточность в определении. Далее, указывает он, когда говорится о капитальных вложениях в восстановительный период, отмечается, что почти все капиталовложения в промышленность шли на капитальный ремонт. Это совершенно правильное положение. Однако нельзя было ограничиться суммарными цифрами. Чтобы показать процессы расширенного воспроизводства, следовало бы привести данные по отдельным годам. Ведь характерно, что в 1925 г. на новое строительство было затрачено только 12,3%, а в 1928 г. — уже 21% всех капиталовложений. Эти цифры показательны, и о них в учебнике следовало бы сказать.

Недостаточно, отмечает т. Гюнтер, выяснены роль и значение строительства в деле

ввода в действие новых основных фондов. Там, где говорится о скоростном строительстве и о темпах строительства, приводятся только общие места и ничего не говорящие фразы. Можно было привести совершенно конкретные данные, которые показывают, что в случае, если строительство ведется в течение 3 лет вместо 1 года, стоимость его удорожается самое меньшее на 26%, и ряд других весьма показательных и необходимых для учебника данных. В отношении механизации строительства в дореволюционной России указывается, что низкая заработная плата в России (особенно в сезонных отраслях, к которым относилось и строительство) лишала капиталиста стимула механизировать трудоемкие строительные работы. Но это, как известно, лишь одна сторона дела.

Тов. Гюнтер обращает также внимание на недостаточное освещение вопросов малой механизации и ее эффективности. В частности, говорит он, не приводятся конкретные показатели по малой механизации. Он отмечает далее, что в главе ничего не говорится о строительстве в зимних условиях. Между тем вопрос этот, тесно связанный с себестоимостью строительства, нельзя было обойти. Ничего не говорится также о целом ряде эффективных нововведений в области зимнего строительства, применяемых в СССР и не известных ни Германии, ни США. Не использованы даже интереснейшие материалы созданного Центральным научно-исследовательским институтом промышленного строительства расширенного совещания по вопросам зимнего строительства.

Говоря о сборном строительстве, автор останавливается, главным образом, на деревянных сборных деталях, ничего не говоря о высокой эффективности сборного монолитного, железобетонного строительства. Ничего не говорится и об экономических условиях, о наиболее эффективном применении, скажем, сборного металла-каркаса. А сейчас для промышленного строительства эти вопросы имеют огромный экономический интерес.

Тов. Гюнтер, цитируя то место в учебнике, где говорится о крупноблочном строительстве (стр. 357), отмечает, что редакция его дает основание для совершенно неправильного вывода. Там говорится следующее: «Для получения от крупноблочного строительства полного эффекта требуется широкое применение и максимальное использование строительных механизмов». Это еще далеко не все. Когда в 1937 г. осуществлялось крупноблочное строительство московских школ, механизация была на высоком уровне, но вместе с тем строительство обошлось дорого, ибо дело не только в применении механизмов. Важен широкий фронт работы — только тогда крупноблочное строительство оправдывает себя.

С педагогической точки зрения было бы весьма ценно, если бы в некоторых главах учебника по основным показателям были даны соответственные диаграммы.

Тов. Опацкий (Московский институт инженеров мукомольной промышленности и элеваторного хозяйства) подчеркивает, что экономика промышленности как дисциплина находится в процессе формирования, и это не

могло не сказаться на характере учебника. Мне кажется, — говорит т. Опацкий, — что студенту учебник не всегда прививает методы глубокого экономического анализа. Это, быть может, не вина авторов, а результат неизученности ряда вопросов. Возьмем, к примеру, вопросы оптимального размера предприятия. То, что есть в учебнике, не подготавливает студента к анализу их. Следовало бы дать более глубокий анализ на примере двух-трех отраслей.

Говоря о главе, посвященной развитию технической базы, т. Опацкий признает ее весьма интересной. Однако, по его мнению, она не даст студенту представления о том, как ему критически подойти к анализу различных направлений в технике. Один из недостатков этого учебника и заключается в том, что в нем не дан подробный анализ отраслевой структуры промышленности и отсутствует анализ взаимосвязи между отраслями внутри промышленности. В учебнике имеется и ряд мелких ляпсусов, которые следовало бы учесть при повторном издании.

Тов. Чиликин (Московский кредитно-экономический институт Госбанка СССР) отмечает, что учебник уже сыграл большую роль. Эффективность его преподаватели экономики промышленности ощутили по успеваемости студентов, которая заметно повысилась по сравнению с прошлым годом.

Сравнивая обсуждаемый учебник с учебником, выпущенным Комакадемией в 1931 г., т. Чиликин отмечает, что последний был, по существу, сборником статей. В новом же учебнике соблюдена пропорциональность отдельных глав, в которых равномерно освещены различные вопросы. В новом учебнике, говорит т. Чиликин, следует отметить ряд достоинств с учебно-педагогической точки зрения. Значительный конкретный материал, содержащийся здесь, систематизирован, и студенты положительно отзываются об учебнике с точки зрения его усвояемости. Язык учебника вполне доступен, материал распланирован удачно. Студенты указывают, однако, что приведенный в учебнике материал слишком обширен и не везде, где это нужно, в нем даются обобщающие формулировки. Обычно, — говорит т. Чиликин, — студенты жаловались на то, что преподавание экономики промышленности подменялось изучением вопросов, относящихся к предмету политической экономии. Поэтому одна из важнейших задач, которая стояла перед составителями учебника, заключалась в том, чтобы отразить специфику курса экономики промышленности, дать анализ отраслевой структуры, а также выявить взаимосвязь отраслей. С этой точки зрения в учебнике, по мнению т. Чиликина, дано все необходимое. В ряде глав преобладает описательный материал и не заострено внимание на конкретных узловых проблемах каждой отрасли.

Коснувшись главы «Размещение промышленности», т. Чиликин указывает, что студентов интересуют такие проблемы, как Курская магнитная аномалия, перспективы использования ее рудных ресурсов и т. п. Но на страницах, посвященных размещению черной металлургии, читатели находят лишь одно упо-

минание о том, что в третьей пятилетке начинается использование колоссальных запасов железной руды Курской магнитной аномалии. При этом о ней говорится, как о «дополнительной» базе черной металлургии Центра. Естественно, у читателей возникает вопрос о том, что такое металлургия Центра, что представляет собой дополнительная база, какая база является основной. Надо заметить, что вообще о металлургии Центра даны весьма скудные сведения: о тульских и липецких месторождениях ничего не сказано. Подчеркивая это, т. Чиликин высказывает пожелание, чтобы во втором издании учебника больше внимания уделено было отраслевым проблемам.

Присоединяясь к замечаниям о том, что вопросы планирования недостаточно освещены в учебнике, т. Чиликин отмечает, что, поскольку в экономических вузах нет специального курса отраслевого планирования, в учебнике должны быть освещены вопросы отраслевого планирования, в том числе и методики его. В какой-то мере должны быть освещены также вопросы экономики предприятия и внутризаводского планирования.

Тов. Чиликин обращает внимание и на то, что в учебнике мало внимания уделено организационным вопросам. Необходимо будет усилить освещение их, не ограничиваясь при этом вопросами организации управления, но и охватив проблемы организации производства.

Тов. Клименко (Московский инженерно-экономический институт им. Орджоникидзе), присоединившись к положительной оценке учебника, данной выступавшими товарищами, считает, что стремление к наиболее полному освещению конкретных отраслевых проблем привело в учебнике к недостаточной концентрации внимания на ведущих, узловых проблемах промышленности. Переходя к оценке отдельных глав, т. Клименко останавливается на главе о производственной программе. Здесь ставится ряд новых вопросов, дается четкая характеристика отраслевой структуры, межотраслевых связей, анализ роли отдельных факторов производства и др. Но анализ сдвигов в отраслевой структуре, по мнению т. Клименко, здесь недостаточен. Так, в учебнике говорится, что у нас обеспечено расширенное воспроизводство оборудования, необходимого для самого машиностроения, но это положение совершенно не доказано. Можно указать еще много случаев, когда выдвинутые интересные положения не подтверждаются необходимым конкретным материалом. Так, в одной из лучших глав учебника — о развитии технической базы промышленности — недостаточно показаны сдвиги в металлургии. Одной из наименее удавшихся, с точки зрения т. Клименко, является глава о производительности труда. В ней нет четких определений, вопрос о факторах станочной производительности труда освещен неполно, материал недостаточно систематизирован. Подобной же оценки заслуживает, говорит т. Клименко, и глава о кооперировании: она громоздка, изобилует рядом «заумных» формулировок. В учебнике имеются некоторые фактические ошибки. Так, в главе

о размещении упоминаются Каширский электровозный завод и Курский локомотивный завод, которых не существует, а также Казанский завод пассажирских вагонов, который даже еще не начинали строить.

Ряд глав учебника, — говорит т. Городецкий (Московский технологический институт мясной промышленности), — написан интересно: чувствуется исследовательский подход в освещении отдельных проблем; в ряде глав дан нигде не публиковавшийся материал. Но с точки зрения учебно-педагогической учебник не свободен от недостатков. Прежде всего бросается в глаза отсутствие четких обобщений в отдельных главах. Это не педагогично, потому что даже опытному читателю не всегда ясно, к какому выводу приходит автор. Некоторые недостатки учебника связаны с тем, что авторы стремились исчерпать все основные вопросы экономики промышленности. В отдельных главах преобладает описательный материал вместо иллюстраций, которые помогают анализу вопроса.

Тов. Городецкий присоединяется к выдвинутому т. Берри предложению о целесообразности включения в учебник главы о капиталистической промышленности. Ни в одном курсе, — говорит он, — не дается анализа капиталистической промышленности. Между тем нельзя готовить экономистов, не знакомых с важнейшими вопросами капиталистической промышленности, особенно в связи с войной.

Тов. Кац (Московский инженерно-экономический институт им. Орджоникидзе) считает, что учебник заслужил ту положительную оценку, которая была дана почти всеми выступавшими на обсуждении. По его мнению, учебник ценен тем, что он является связным и серьезным изложением всех основных вопросов экономики промышленности. Характерны, отмечает т. Кац, примеры, которые приводились на совещании, того, что учебником пользуются многие оперативные работники.

Однако, несмотря на эту в общем положительную оценку, учебник не лишен серьезных недостатков. Крупнейшим из них является то, что в нем крайне мало освещены вопросы планирования: методика планирования в целом и, в частности, методика производственного планирования. Мало того, вопросы планирования органически не связаны с остальными изложением, а даны как бы в виде придатка к отдельным главам.

В учебнике встречается много повторов, которые, по мнению т. Каца, связаны с неправильным построением отдельных глав. Так, т. Кац считает неправильным построение главы об этапах развития промышленности. Автор этой главы пытался охватить все вопросы, связанные с развитием промышленности. В итоге получилось скопление по поверхности и дублирование материала, данного более подробно в других главах. В то же время некоторые важные вопросы обойдены. Так, например, в главе об этапах развития промышленности говорится о военной промышленности в царской России, но даже не упоминается, что во время войны здесь была создана химическая индустрия. Это также результат того, что автор пытался охватить все вопросы. Автор этой главы говорит о техни-

ческой отсталости российской промышленности, но анализа этой отсталости почти не дает. Приводя известное положение о высоком уровне концентрации производства в России, автор не показывает, как сочеталась глубокая техническая отсталость страны с высоким уровнем концентрации.

Тов. Бурштейн (Промышленная академия им. Сталина) отвергает упреки в недостаточном освещении проблем планирования, адресованные составителям учебника. Он считает, что

авторы использовали и осветили все, что в этой области может считаться общепризнанным. Дискуссионные же вопросы планирования нельзя вводить в учебник.

В заключительном слове т. Маркус (один из редакторов учебника) отметил ценность критических замечаний, высказанных на совещании, и указал на необходимость использовать опыт преподавателей экономики промышленности при подготовке второго издания учебника.

Г. МОВШОВИЧ

КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Об учебнике экономики черной металлургии

С. М. Вейнгартен. Экономика и планирование черной металлургии СССР, Металлургиздат, М. 1939, стр. 464, тир. 5 560, ц. 13 р. 25 к., пер. 1 р. 75 к.

Книга т. Вейнгартена выходит в переработанном виде третьим изданием. Впервые она вышла в 1933 г. под названием «Очерки экономики советской черной металлургии». В предисловии к первому изданию автор писал, что книга его «не претендует на законченный и систематический курс». Второе издание книги, вышедшее в 1937 г. в значительно расширенном объеме (в двух томах), представляло систематический курс, приспособленный к вузовской программе. В соответствии с этим изменилось и название книги: «Экономика черной металлургии СССР».

В рецензируемом издании, вышедшем под названием «Экономика и планирование черной металлургии СССР», по сравнению с предыдущим значительно усилены разделы, посвященные организации и методологии планирования. Так как объем книги по сравнению с предыдущим изданием был значительно уменьшен, автору пришлось сильно сократить остальные разделы, опустив ряд деталей.

Рецензируемая книга разбивается на 12 отделов, из которых каждый включает несколько глав. Первый отдел посвящен черной металлургии капиталистических стран, второй — историческому обзору развития металлургии в капиталистической России и СССР. Эти два отдела по существу являются вводными. В остальных отделах рассматриваются основные вопросы экономики и планирования черной металлургии СССР, причем во многих случаях, при трактовке тех или иных проблем (например, комбинирования производства, географического размещения и т. д.), автор широко привлекает для сравнения материалы, относящиеся к капиталистической металлургии.

Книга С. М. Вейнгартена производит хорошее впечатление благодаря сжатости, ясности и последовательности изложения и в этом отношении несомненно отвечает требованиям, предъявляемым к учебнику. Значительную помощь в усвоении материала оказывают многочисленные иллюстративные расчеты и диаграммы, подтверждающие положения, выдвинутые автором. Как положительную сторо-

ну книги надо отметить также, что проблемы экономики черной металлургии рассматриваются автором не изолированно, а в связи с общими проблемами социалистического хозяйства.

Наряду с этими несомненными достоинствами приходится отметить и ряд серьезных недостатков: некоторые проблемы экономики черной металлургии освещены автором неправильно; во многих частях материал книги несколько устарел; в совершенно недостаточной степени учтено то новое, что внес в разработку важнейших теоретических и практических проблем социалистического хозяйства XVIII съезд партии; в книге встречается ряд противоречий.

В первом отделе, посвященном капиталистической металлургии, наименее удовлетворительно составлен раздел «Основные тенденции развития техники в черной металлургии» (стр. 26—27). У читателя создается впечатление, что в капиталистической металлургии почти не наблюдается технический прогресс. Совершенно правильно отмечая, что новые, революционизирующие металлургическую технику идеи (например, кислородное дутье, бесслитковая прокатка и т. д.) почти не находят применения в капиталистической практике, С. М. Вейнгартен умалчивает о больших достижениях металлургии передовых капиталистических стран (в частности США) в отношении качества продукции, снижения расхода сырья и топлива, научных методов контроля производства и об огромных сдвигах в технике прокатного производства, связанных с внедрением непрерывных широкополосных станов.

Такая постановка вопроса воспитывает в студентах вредное зазнайство и пренебрежение к новому в зарубежной технике. Эта черта — к сожалению, довольно распространенная среди работников нашей промышленности — отмечалась и на страницах «Правды». Указывая, что для многих производственников характерно еще кичливое отношение к достижениям технической мысли за рубежом, «Правда» писала: «Загнивающий, дряхлый,

обреченный на неизбежный уход с общественной арены капиталистический строй все еще, однако, в состоянии в некоторых отраслях промышленности, транспорта добиваться серьезных технических достижений¹.

В отделе шестом «Техническое развитие черной металлургии» совершенно неудовлетворительно освещен вопрос о химизации производства. Тов. Вейнгартен огулом зачисляет «по ведомству» химизации все без разбора технические сдвиги в металлургии вплоть до обогащения углей для коксования (которое осуществляется чисто физическими методами) и использования доменного газа в качестве топлива. При таких условиях понятие химизации расплывается и теряет конкретное значение.

Значительное место в этом разделе т. Вейнгартен уделил проблеме прямого восстановления железа, причем он явно преувеличил значение этого процесса для ближайших перспектив развития металлургии. По словам т. Вейнгартена, «металлургия находится на грани переворота, который должен произойти в результате разработки нового метода получения металла» (стр. 191). По Вейнгартену, дело зашло уже очень далеко, так как нужны специальные предупреждения о том, что нельзя «выбросить доменную печь из арсенала металлургических агрегатов» и что доменная печь «повидимому (!) сохранит свое значение в металлургии, хотя бы потому, что в ней мы получаем литейный чугун» (стр. 192).

Все это просто не серьезно. Тов. Вейнгартен должен знать, что идея прямого восстановления железа вовсе не нова, и не только потому, что оно применялось в древности и в средние века до изобретения доменной печи, но и потому, что попытки вернуться на новой научной основе к прямому восстановлению железа и устранить окольный путь от руды к железу через чугун начаты более ста лет назад. Еще в 1822 г. француз Шено вел опыты с прямым восстановлением; в 1846 г. он запатентовал свой метод получения губчатого железа, а в 1855 г. на всемирной выставке в Париже получил за него большую золотую медаль². Тем не менее мы и сейчас не ближе к вытеснению доменной печи, чем сто лет назад.

За последние годы в области прямого восстановления железа достигнуты значительные успехи. Процесс этот, несомненно, в ближайшее время будет довольно широко применяться при переработке некоторых видов руд и получении некоторых специальных видов продукции. Но в обычных условиях этот метод с работой доменных печей не конкурирует.

Тов. Вейнгартен не говорит самого главного. Ведь продукт установок прямого восстановления хотя и представляет собой по химическому составу (по содержанию углерода) железо, а не чугун, все же загрязнен посторонними включениями, и его приходится переплавлять. Поэтому количество стадий металлургического процесса не сокращается, и с экономической точки зрения принципиаль-

ной разницы между доменными печами и внешними установками прямого восстановления нет. Ведь и в древности, чтобы получить из железной губки хорошую сталь, приходилось подвергать ее чуть ли не десяткам сложных процессов переработки.

Путанно изложена также проблема древесно-угольной металлургии. Тов. Вейнгартен указывает на сокращение в капиталистических странах, в частности в Швеции, выплавки древесно-угольного чугуна и даже утверждает, что это производство «в ближайшем будущем должно еще более сократиться» (стр. 201).

Перейдя к советской металлургии, т. Вейнгартен совершенно правильно указывает, что на Урале выплавка древесно-угольного чугуна имеет широкие перспективы развития, так как дороговизна древесно-угольного чугуна окупается дешевой переработкой его в сталь (благодаря применению мартеновского процесса вместо электроплавки). Однако никаких попыток выяснить, почему столь неодинаков путь развития древесно-угольной металлургии в капиталистических странах и в СССР, т. Вейнгартен не делает.

Неувязки на этом не кончаются. Говоря о перспективах электродоменного производства (стр. 251), т. Вейнгартен заявляет, что чугун, полученный из электродомен (аналогичный по качеству древесно-угольному чугуну), нельзя перерабатывать в мартеновских печах, так как он при этом загрязняется, и что его придется переплавлять в электропечах. Отсюда автор делает вывод о неэкономичности электродоменного производства. Но как тогда увязать этот вывод с высказываниями автора о древесно-угольной металлургии?

Наиболее серьезный пробел отдела, посвященного техническому развитию металлургии, заключается однако в том, что в нем не нашло отражения стахановские методы работы. Лишь в разделе «Мартеновское производство» в последнем абзаце (стр. 221) говорится в общих выражениях о стахановском движении, которое «опрокинуло старые технические нормы и открыло новые пути повышения мощности мартеновских печей». В других же разделах нет и этого.

Серьезные ошибки допущены т. Вейнгартеном в освещении вопросов географического размещения черной металлургии и выбора размеров металлургического предприятия.

Начнем с того, что он неудачно и неправильно осветил процессы географического размещения черной металлургии в капиталистических странах. Конкретный пример, который привел т. Вейнгартен,— это образование в начале XX века крупной металлургии в районе Чикаго (США). Тов. Вейнгартен повторяет распространенное в нашей литературе³, но тем не менее совершенно неправильное мнение, будто установление Американской стальной корпорацией системы цен «плюс Питсбург» (по этой системе металл независимо от того, где он был произведен, продавался по ценам, установленным для ста-

¹ «Правда» от 22 мая 1940 г., передовая.

² См. В е с к, Die Geschichte des Eisens, В. IV, Vranschweig, 1897, SS. 883—884

³ См. например статью Г у т ц а й т а, «Новая специализация прокатных станков», «Плановое хозяйство» № 1, 1940, стр. 40.

рого центра Питсбурга плюс фрахт от Питсбурга до потребителя) имело целью воспрепятствовать созданию металлургии в районе Чикаго. Автор считает, что создание металлургии в этом районе произошло вопреки желанию Стальной корпорации, как результат борьбы, в которой Стальная корпорация потерпела поражение. Тов. Вейнгартен так и пишет: «борьба закончилась созданием крупного металлургического производства в Чикагском районе» (стр. 300).

В действительности же, при наличии в Чикагском районе развитого металлопотребления, система «плюс Питсбург» делала постройку там металлургических заводов наиболее выгодной: при одинаковых издержках производства чикагские заводы получали при этой системе цен непомерную сверхприбыль, взвешивая с местных потребителей стоимость фрахта. Стальная корпорация принимала наиболее деятельное участие в создании чикагской металлургии, построив там огромные заводы, в том числе крупнейший в мире металлургический завод Гэри. Да и было бы странно, если бы Стальная корпорация не извлекла выгод из благоприятной ситуации, созданной ею же самой. Совершенно ясно, что в данном случае Стальная корпорация использовала свое монопольное положение не против других металлургических компаний, а против потребителей металла.

Тов. Вейнгартен толкует совершенно неправильно приведенный им пример из капиталистической практики. Но эти ошибки не ограничиваются. Многие его формулировки не отвечают капиталистической действительности.

По словам т. Вейнгартена, «размещение капиталистической металлургии подчиняется закону прибыли, реализуясь в ожесточенной конкурентной борьбе» (стр. 302). Такой точке зрения соответствует и следующее положение автора: «В условиях капитализма вложение капиталов для эксплуатации того или другого месторождения возможно только при условии, если эксплуатация данного горнорудного предприятия или данная руда гарантируют отдельному предпринимателю среднюю норму прибыли» (стр. 137)⁴.

Можно предположить, что т. Вейнгартен представляет себе современный капитализм в «идиллическом» образе капитализма эпохи свободной конкуренции, что он совершенно забыл о монополиях, об империализме, о войне. На самом деле сейчас выбор пунктов строительства металлургических заводов производится большей частью не отдельными предпринимателями, а правительствами капиталистических стран, действующими на основе соображений военно-хозяйственного порядка, не имеющих ничего общего со средней нормой прибыли данного предприятия. Если отдельные капиталистам это невыгодно, их щедро компенсируют государственным субсидиями и льготами. Стоит посмотреть, где и как строились и строятся в последние годы металлургические заводы в Японии, Италии, Германии, чтобы сразу стало ясно, что в ряде случаев географическое размещение капитали-

стической металлургии определяется соображениями военной подготовки, часто в полном противоречии с изложенными т. Вейнгартеном принципами. Иначе и не может быть в отношении отрасли, имеющей такое колоссальное военное значение.

Нельзя согласиться также с постановкой т. Вейнгартеном вопроса о географическом размещении промышленности, в частности черной металлургии, в СССР. Правильно указывая, что «в основе экономической политики диктатуры пролетариата лежит принцип равномерного размещения промышленности по всей стране» (стр. 303), автор склонен в сущности противопоставлять этот принцип приближению промышленности к сырью и топливу. Правда, т. Вейнгартен приводит известное высказывание В. И. Ленина о необходимости приближения промышленности к сырью⁵. Но дальше он утверждает, что, «развивая нашу промышленность и размещая ее по нашей стране в соответствии с сырьевыми возможностями (?), мы, естественно, должны завозить сырье и топливо в те районы, где это сырье и топливо отсутствуют» (стр. 304). В этой фразе заключается противоречие. Что означают слова «в соответствии с сырьевыми возможностями», если тут же говорится о необходимости завозить сырье туда, где его нет?

Указание Ленина о необходимости рационального размещения промышленности получило развитие в резолюции XVIII съезда ВКП(б), где говорится, что «в размещении нового строительства в третьей пятилетке по районам СССР необходимо исходить из приближения промышленности к источникам сырья и районам потребления в целях ликвидации нерациональных и чрезмерно дальних перевозок, а также — дальнейшего подъема в прошлом экономически отсталых районов СССР»⁶. Недаром здесь обе задачи — приближение к источникам сырья и подъем в прошлом экономически отсталых районов — поставлены рядом, ибо в действительности никакого противоречия между этими задачами нет. Нелепо допускать, будто промышленность в СССР может быть размещена без учета сырьевой базы. Политика Советского правительства — в систематическом изучении природных богатств всех районов страны, в том числе самых отдаленных и экономически наиболее отсталых, в планомерном использовании этих природных богатств с наибольшим эффектом для всей социалистической экономики. Советское правительство уделяет особое внимание изысканию местных сырьевых и топливных ресурсов, могущих служить базой для создания разнообразных производств. Но это не имеет ничего общего со строительством предприятий в отрыве от сырьевой базы.

После XVIII съезда ВКП(б) нельзя говорить о вопросах географического размещения социалистической промышленности вне связи с решениями съезда о комплексном развитии районов СССР. Решения эти открывают новую, блестящую страницу в теории размещения производительных сил социали-

⁴ Сохраняем стиль автора.

⁵ См. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 434.

⁶ Резолюция XVIII съезда ВКП(б), стр. 5.

стического общества. Именно на базе этих решений т. Вейнгартен должен был построить весь раздел, посвященный географическому размещению металлургии.

Точно так же и в разделе о специализации производства т. Вейнгартен не учел в достаточной степени решений XVIII съезда, имеющих принципиальное значение. Правда, он отмечает необходимость увязки специализации с районной потребностью в металле, но он должен был бы в более определенной форме отразить указания XVIII съезда ВКП(б), предложившего: «В промышленном строительстве не допускать постройки предприятий с чрезмерно-узкой специализацией» и «обеспечить на основных металлургических базах страны прокат всех наиболее ходовых сортов металла»⁷.

По вопросу о размерах металлургического предприятия в предшествующем издании книги т. Вейнгартена (1937 г.) было указано, что в черной металлургии минимальные размеры предприятия определяются пропускной способностью блюминга. Это соответствовало распространенному в то время среди наших металлургов представлению о том, что мощность металлургического предприятия должна быть не меньше 1—1,5 млн. т стали в год. В новом издании т. Вейнгартен изъясил эту формулировку, заменив ее общими фразами о том, что «при определении размера того или другого предприятия необходимо считаться с рядом условий» (стр. 269), что «металлургические предприятия не могут быть одинакового размера во всех районах» (там же) и т. д. Конкретных путей строительства средних и небольших предприятий автор не указал, если не считать упоминания о перелычных заводах, которые должны строиться в районах, не располагающих железорудной базой.

Отголоски старой «теории блюминга» в книге остались. На стр. 233 говорится, что при прокате труб по методу Штифеля, когда металл должен пропускаться через блюминги, «минимальный размер завода определяется мощностью блюминга». Но тогда, разумеется, это относится ко всем производствам, где нужен блюминг, а не только к трубному. А на стр. 265 оказывается, что и капиталистические предприятия не избежали этой фатальной участи, что и они подчинены этому «закону»: «В черной металлургии капиталистических стран в настоящее время сложился определенный минимум размера предприятия... Этот минимум определяется мощностью одного блюминга...»

Тов. Вейнгартен, очутившись в плену этой предвзятой точки зрения, даже не замечает, насколько она противоречит фактам. Он сам на стр. 268 сообщает, что на 93% предприятий американской металлургии занято меньше чем по 1000 рабочих. Какие уж тут блюминги! А в капиталистических странах Европы предприятий, мощность которых соответство-

вала бы пропускной способности современного блюминга, вообще почти нет. И что это за подозрительный «закон», который с одинаковой легкостью (хотя бы и с разными обоснованиями) применяется к капиталистическим и социалистическим предприятиям?

Если т. Вейнгартен хочет быть последовательным, то совершенно непонятно, почему он дает «амнистию» перелычным заводам, имеющим доменного производства. Ведь блюминг — это среднее звено между сталью и готовым прокатом, не имеющее никакого отношения к чугуну. Логически рассуждая, автор должен был бы прийти к выводу, что и перелычные заводы нельзя строить меньше, чем на 1—1,5 млн. т стали в год. А нелепость такого вывода совершенно очевидна. Тов. Вейнгартен неправ. Блюминг вовсе не является самой важной частью современного металлургического завода, и быть единственным фактором, определяющим размеры металлургического завода, он не может. У нас строятся и несомненно будут строиться заводы, мощность которых гораздо меньше 1—1,5 млн. т, а вопрос о том, как будет организован на этих заводах прокат — с блюмингом ли и с каким именно — не имеет принципиального значения для определения размеров предприятия.

Односторонне и потому неправильно поставлен т. Вейнгартеном вопрос о ведущей роли машиностроения в реконструкции социалистического хозяйства и, в частности, черной металлургии. «Техническая реконструкция машиностроения», — пишет он, — накладывает свой отпечаток на развитие техники черной металлургии. Техническая реконструкция машиностроения определяет развитие потребности в качественном металле, ферросплавах, качественном литье и т. д., что в свою очередь определяет линии развития металлургической техники» (стр. 170).

Иными словами, т. Вейнгартен рассматривает машиностроение лишь как потребителя металлургии. Но ведь это только одна сторона дела и притом менее важная. Ведущая роль машиностроения в технической реконструкции определяется тем, что оно является поставщиком машин для всех отраслей народного хозяйства, что развитие машиностроения определяет возможность расширения и технического перевооружения всех других отраслей. Возможность технической реконструкции металлургии также зависела в первую очередь от того, что наши машиностроительные заводы научились изготовлять оборудование для сверхмощных домен, гигантские блюминги, огромные турбины и электромоторы. Не сказав об этом, т. Вейнгартен упустил из виду главное.

При всех отмеченных недочетах книга т. Вейнгартена является все же весьма полезным пособием не только для студентов, но и для широкого круга работников черной металлургии, желающих ознакомиться с экономикой своей отрасли.

⁷ Там же, стр. 31 и 18.

НОВЫЕ КНИГИ

(Краткие аннотации)

ТРУДЫ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

КАРЛ МАРКС, *Формы, предшествующие капиталистическому производству* [Ин-т Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б)], М., Госполитиздат, 1940, стр. 52, тир. 150 000, ц. 50 к.

Эта работа является частью большой рукописи Маркса, написанной им в период с августа 1857 г. по март 1858 г. Рукопись эта представляет огромный интерес. В ней подведен итог почти пятнадцатилетней работе Маркса в области политической экономии. Здесь Маркс изложил («не для печати, а для уяснения вопросов самому себе») систему своих экономических взглядов. Рукопись выпущена ИМЭЛ на немецком языке под названием «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». В настоящее время готовится русский перевод ее.

Опубликованная часть рукописи посвящена анализу форм собственности: восточной, античной, германской, а также анализу отношений собственности при феодализме и процессах, создавших предпосылки капиталистического строя. Маркс дает яркое освещение отношений собственности в разные эпохи истории человечества.

Впервые эта работа была опубликована в журнале «Пролетарская революция» (№ 3 за 1939 г.) ИМЭЛ.

ЛЕНИН В. И., *Шаг вперед, два шага назад* (Кризис в нашей партии), М., Госполитиздат, 1940, стр. 236, тир. 150 000, ц. 3 р. 50 к., в пер. Указатель имен: стр. 230—236.

Настоящее издание печатается по тексту двухтомника В. И. Ленина «Избранные произведения», т. I, изд. 1940 г. Читатель найдет здесь также часть предисловия к сборнику «За 12 лет», относящуюся к работе «Шаг вперед, два шага назад». Кроме того в виде приложения дается ответная статья В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад» на статью Р. Люксембург «Организационные вопросы русской социал-демократии».

Библиография произведений И. В. Сталина (1902—1939), Саранск, Морд. ГИЗ, 1940, стр. 158, тир. 5 000, ц. 75 к.

Публикуемая библиография произведений товарища Сталина включает основные произведения, статьи, письма, телеграммы и приветствия товарища Сталина. Вначале дан печатный сборников работ товарища Сталина,

куда вошли важнейшие статьи и речи. Остальные произведения даются в хронологическом порядке.

Публикуемая библиография впервые была напечатана в журнале «Пролетарская революция» № 4 за 1939 г.

ЭКОНОМИКА ВТОРОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

ВИШНЕВ С. М., *Экономические ресурсы Германии*. Экономическая база Германии в новой европейской войне (Ин-т мирового хозяйства и мировой политики), М., Соцэкгиз, 1940, стр. 168, тир. 20 000, ц. 3 р. 80 к. в пер.

Центральное место в книге занимают вопросы о возможности снабжения вооруженных сил и обеспечения тыла в условиях войны в Германии. В вопросе о снабжении вооруженных сил учитываются прежде всего производственные мощности тяжелой (и военной) индустрии, наличие рабочей силы, энергетических ресурсов и сырья. В области же обеспечения тыла основное внимание уделено вопросу продовольственного снабжения. Считая, что экономические показатели, выраженные в абсолютных цифрах, как правило, не характерны, автор преимущественно применяет сравнительный метод, основанный на сопоставлении данных за различные периоды или же для различных стран. В частности, проводится сопоставление основных данных по современной Германии, Англии и Франции. В приложении даны: методика определения производственных мощностей, возможности использования предприятий машиностроения и металлообрабатывающей промышленности в военное время, а также возможность переключения военно-химических производств на военные нужды.

ЭКОНОМИКА ПРОМЫШЛЕННОСТИ

НЕКРАСОВ Н. Н., *Газификация в народном хозяйстве СССР*, М.—Л., Госпланиздат, 1940, стр. 136, с черт. и карт., тир. 3 000, ц. 5 р. 50 к.

Обрисовав в первой главе книги газовое хозяйство капиталистических стран, автор посвящает остальную часть книги промышленности и подземной газификации углей в СССР. Он знакомит с промышленным использованием природного газа по районам и с газогенераторным хозяйством Советского Союза.

Особая глава посвящена вопросу газификации советских городов.

В книге имеются таблицы и диаграммы, характеризующие запасы газа в СССР, динамику добычи газа по районам, структуру использования доменного газа, распределение газогенераторов по отраслям промышленности и др.

ЛЮБИМОВ Е. П., Комплексная механизация работ в забое, Свердловск — Москва, Гос. научно-техн. изд. лит-ры по черн. и цветн. металлургии, 1940, стр. 54, с граф. и черт., тир. 3 300, ц. 1 р. 75 к. Предисловие инж. Р. В. Буткевича, стр. 3—5.

В книге освещаются вопросы механизации и автоматизации основных процессов горно-рудной промышленности — бурения и уборки взорванной массы, а также вопросы многостаночного обслуживания и внедрения женского труда. Наиболее полно разбирается новый механизм горнорудной промышленности — реверсивный автоподатчик, его конструкция и принцип действия. Отдельные главы посвящены организации работ в забое до и после комплексной механизации, а также промышленно-экономической эффективности применения комплексной механизации.

ТЮЛЬПАНОВ С. И., Основная экономическая задача СССР и лесная промышленность (Научно-методич. кабинет при Лесотехн. акад. им. С. М. Кирова), Л., 1940, стр. 112, тир. 300, бесплатно.

Книга знакомит с учением о двух фазах коммунизма и с основной экономической задачей СССР в период перехода к коммунизму. Автор показывает борьбу за передовую технику производства. Он освещает проблему уровня производительных сил СССР, дает анализ экономического уровня передовых капиталистических стран и рассказывает о связи основной экономической задачи СССР с проблемой повышения производительности труда и проблемой уровня технического развития. В последних главах рассматриваются вопросы третьего пятилетнего плана лесной промышленности, вопросы, связанные с основной экономической задачей, с монополией внешней торговли, с борьбой двух систем и проблемой создания резервов.

ДЕСЯТЧИКОВ Б. А. и **ПОНОМАРЕВ П. М.** Социалистическая реконструкция ремесленно-кустарной промышленности Узбекской ССР, Ташкент, Гостехиздат УзССР, 1940, стр. 188, с илл., тир. 2 000, ц. 5 р. в пер.

Задача книги — обобщить опыт социалистического преобразования ремесленно-кустарной промышленности Узбекской ССР и наметить практические пути для подъема промкооперативной промышленности республики. Исходными данными для работы служили различные литературные и архивные источники, материалы переписей, данные плановых органов, ведомственные отчеты, а также материалы, полученные авторами в результате непосредственного обследования этой отрасли.

ЭКОНОМИКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

КОТОВ Г. Г., Сталинское учение о коллективизации сельского хозяйства, М., Сельхозгиз, 1940, стр. 76, тир. 50 000, ц. 50 к.

Брошюра излагает основные положения сталинского учения о коллективизации сельского хозяйства. Она знакомит читателя с основами ленинско-сталинского кооперативного плана, с колхозной формой социалистического хозяйства в деревне, с сельскохозяйственной артелью как основной формой колхозного движения на данном этапе развития. Брошюра рассказывает о политическом и организационно-хозяйственном укреплении колхозов.

Сельское хозяйство Саратовской области на ВСХВ, Саратов, Саратов. обл. изд., 1940, стр. 112, с илл., с портр., тир. 5 000, ц. 4 р. 25 к., в пер.

Работа написана коллективом научных работников Саратовского планового института и других вузов Саратова. Общая редакция принадлежит С. И. Азеву и А. И. Смирнову. В работе рассказывается о социалистическом сельском хозяйстве Саратовской области и о тех достижениях, с которыми область пришла к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1940 г. Отдельные главы знакомят с победой колхозного строя, с совхозами области, механизацией сельского хозяйства и с подъемом животноводства и плодоводства в области.

ПОЗНОРИХИН Ф. Л., Социалистическая Адыгея на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1940 г., Майкоп, Адыгнациздат, 1940, стр. 64, с илл., тир. 3 000, ц. 1 р.

Книга рассказывает о возрождении адыгского народа благодаря ленинско-сталинской национальной политике. Она знакомит с достижениями колхозной Адыгеи к 1940 г., с ее лучшими хозяйствами, представленными на выставке. В книге даны цифровой материал и таблицы, иллюстрирующие рост отраслей сельского хозяйства Адыгеи.

АНФИЛОФЬЕВ А. С., Целинский зерносовхоз Ростовской области (Всес. с.-х. выставка), М., Сельхозгиз, 1940, стр. 68, с илл., черт. и портр., тир. 8 000, ц. 1 р. 50 к.

Книга рассказывает об опыте лучшего орденосного зерносовхоза Ростовской области, участника Выставки 1939 и 1940 гг. Работа знакомит с организацией совхоза, с его борьбой за высокий урожай. Особые главы посвящены описанию машино-тракторного парка совхоза и его эксплуатации, использования земельных угодий в совхозе и культурно-бытового обслуживания рабочих.

Всепобеждающая сила коллективного труда (Опыт скоростного мелиоративного строительства) [Кировск. обл. Ком-т ВКП(б)], Киров, Кировск. обл. изд., 1940, стр. 84, с илл. и портр., тир. 5 000, ц. 2 р. 35 к., в пер.

Книга представляет собой сборник очерков об опыте скоростного мелиоративного строительства, проведенном колхозниками Кировской области. Она рассказывает о пользе болот и возможности их освоения и знакомит как с ролью и участием партии, советов и комсомола в скоростном строительстве, так и с организацией скоростного мелиоративного строительства.

Размещение севооборотов в хлопковых колхозах Узбекистана, И. К. Баранов, В. В. Старов, Л. Н. Исаев, Н. Н. Мишин, А. Н. Тихомиров. Под ред. Л. Н. Исаева. (НКЗ УзССР, Научно-исследов. станция по организации

территорий (НИСОТ), Ташкент, Сельхозгиз, УзССР, 1940, стр. 124, с черт. и карт., тир. 1 500, ц. 4 р. 85 к.

Авторы книги обобщают опыт научно-исследовательской станции по организации территории Наркомзема УзССР в размещении севооборотов в хлопковых колхозах, отличающихся друг от друга своими природными и организационно-хозяйственными условиями.

Книга знакомит с задачами и содержанием работ о введении севооборотов, с размещением полей севооборота и бригадных участков, с упорядочением внутриколхозной ирригационной и дорожной сети при введении севооборотов.

ЭКОНОМИКА ТРУДА

ЛЕОНТЬЕВ А. Социализм и труд, М., Госполитиздат, 1940, стр. 76, тир. 100 000, ц. 75 к.

Книга в популярной форме рассказывает о роли труда в стране социализма, о социалистической дисциплине труда и о необходимости беспощадной борьбы с дезорганизаторами производства.

ГУЛЯЕВ Г. И., Многостаночное обслуживание на автозаводе им. Сталина (Нар. Ком. среднего машиностроения, Центр. Дом техники), М., 1940, стр. 32, с илл. и черт., тир. 2 000, ц. 2 р.

Брошюра посвящена анализу состава норм времени в условиях массово-поточного производства. В ней дан анализ неиспользованных резервов времени на автозаводе и приведены общие предпосылки многостаночного обслуживания. Брошюра рассказывает о сокращении времени ручных приемов, об изменении машинного времени при многостаночной работе.

Многостаночники-фрезеровщики авиапромышленности (Стахановцы оборонной промышленности), М., Оборонгиз, 1940, стр. 68, с черт., ц. 2 р.

В книге освещен опыт авиазавода по организации одновременного обслуживания нескольких фрезерных станков. Описаны принципы организации и методы работы многостаночников, приведены основные указания для проектирования приспособлений, дающих возможность рабочему обслуживать несколько станков одновременно.

Передовые текстильщики о своей работе. К пятилетию стахановского движения, М.—Л., Гизлегпром, 1940, стр. 68, с порт., тир. 5 000, ц. 1 р. 50 к.

Сборник очерков, выпущенный в связи с пятой годовщиной стахановского движения, ставит своей целью показать новых людей, их производственные успехи, образцы нового, социалистического отношения к труду и методы стахановской работы. В сборнике помещены очерки знатных текстильщиц Е. В. и М. И. Виноградовых, тт. Маслениковой, Говноблевой и др.

Опыт стахановцев Воскресенского химкомбината, М.—Л., Госхимиздат, 1940, стр. 76, с черт., тир. 1 500, ц. 1 р. 75 к.

Стахановцы Воскресенского химкомбината делятся опытом своей работы в цехах серной кислоты, суперфосфата, фосфоритной муки и преципитата, а также опытом организации ремонтных работ, проведенных в отдельных цехах завода. В сборнике имеются таблицы

месячной выработки суперфосфата на одного рабочего в тоннах за 1935—1938 гг. и схема выработки кремнефтористого натрия за 1933—1939 гг.

СОЛОМОНОВ М., Стахановское движение на мукомольном комбинате им. Цюрупы (Наркомзаг Союза ССР), М., Заготиздат, 1940, стр. 64, с илл. и портр., тир. 3 000, ц. 1 р. 40 к.

Книга знакомит с прошлым и настоящим комбината, с развитием социалистического соревнования и стахановского движения среди работников его. Изложены основные рационализаторские мероприятия и освещена общественно-партийная жизнь на комбинате. Значительная часть книги посвящена передовым людям комбината — их биографиям и методам работы.

ПЛАНИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

КУРСКИЙ А. Д., Третья сталинская пятилетка, М.—Л., Госпланиздат, 1940, стр. 104, тир. 10 000, ц. 2 р.

Ознакомив читателя с итогами второй пятилетки и с задачами третьего пятилетнего плана, автор освещает вопросы производства в период третьей пятилетки (по отдельным отраслям), капитального строительства и размещения производительных сил. В брошюре даны перспективы дальнейшего повышения материального и культурного уровня трудящихся.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Советское Приморье (сборник), Владивосток, Дальневосточн. Гос. изд., 1940, стр. 175, с илл., тир. 15 000, ц. 3 р. 20 к., пер. 2 р. 80 к.

Сборник дает сведения об истории края, о его богатствах, экономике и изменениях, происшедших в жизни края в период Советской власти и особенно за годы сталинских пятилеток. Специальные статьи посвящены Владивостоку (статья С. Баляскина) и боям у озера Хасан (статья командарма II ранга Г. Штерна).

УНАНЯНЦ Т. П., Мировая туковая промышленность, М.—Л., Госхимиздат, 1940, стр. 184, тир. 1 000, ц. 7 р. 50 к., пер. 1 р. 75 к. Библиография: стр. 181—184.

В книге дан обзор мировой туковой промышленности. Читатель знакомится здесь с производством, торговлей и потреблением минеральных (азотных, фосфорных и калийных) удобрений. Краткая характеристика месторождений селитры, фосфоритов и калийных солей, исторический очерк возникновения туковой промышленности в капиталистических странах, этапы развития и ее современное состояние — таково содержание книги.

НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УЧЕТ

ЛИВШИЦ Ф. Д., Банковая статистика, М., Госфиниздат, 1940, стр. 212, тир. 4 000, ц. 7 р. 50 к., пер. 1 р. Библиография «Важнейшие источники дореволюционной статистики»: стр. 205—209.

Автор знакомит с задачами банковской статистики, с организацией статистического уче-

та в банках СССР, со статистическим аппаратом и отчетностью. Он дает балансовую статистику советских банков и статистику отдельных банковских операций — кредитования и финансирования, кассового исполнения бюджета, статистику кредитных, финансовых и кассовых планов и статистику труда в банке.

РУБИНОВ М. С. и СЛУЦКИЙ И. Б., Учет капитальных затрат, Л.—М., Коиз, 1940, стр. 200, тир. 2 000, ц. 15 р.

Книга дает основные понятия о капитальных вложениях, об организационной структуре строительства и основных принципах организации его учета. Авторы знакомят читателя с учетом труда и зарплаты, предметов труда (материалов и оборудования для установки), с учетом основных фондов и производства, с калькуляцией строительных и монтажных работ. Даны учет капиталовложений и их финансирование, учет фондов и резервов.

В конце книги приведены практические упражнения для иллюстрации теоретического материала, изложенного в книге.

ГРИГОРЬЕВ А. Н., Анализ баланса железной дороги. (По основной деятельности), М., Трансжелдориздат, 1940, стр. 224, тир. 3 000, ц. 8 р. 25 к., в пер.

Книга представляет собой развернутую характеристику построения, содержания и значения баланса железной дороги. Автор приводит конкретные примеры методов анализа баланса железной дороги.

ПРОКОФЬЕВ И. М., Основы калькуляции сельскохозяйственной продукции в совхозах, М., Сельхозгиз, 1940, стр. 172, тир. 10 000, ц. 3 р., в пер.

В книге вскрывается значение калькуляции и перечисляются ее виды. Освещены вопросы включения в плановую калькуляцию заработной платы, затрат на материалы, амортизации и затрат на ремонт. Отдельные главы посвящены калькуляции продуктов растениеводства, животноводства и обслуживающих производств.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сборник постановлений Центрального Комитета ВКП(б) и Совета народных комиссаров Союза ССР по вопросам заготовок и закупок

сельскохозяйственных продуктов (Наркомзаг Союза ССР), М., Заготиздат, 1940, стр. 80, тир. 25 000, ц. 1 р. 75 к.

В сборник входят постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Изменения в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов» от 7 апреля 1940 г., постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о заготовках продуктов полеводства и животноводства за 1939—1940 гг.

Итоги сортоиспытания за 1938 год. Урожайность сортов зерновых культур (Госкомиссия по сортоиспытанию зерновых культур при НКЗ СССР), М., Сельхозгиз, 1940, стр. 476, тир. 2 600, ц. 60 р., в пер.

Эта работа представляет собой сборник статистических материалов, состоящий из таблиц урожайности за 1938 г. и двух приложений: первое — данные о среднем урожае важнейших сортов по сопоставимым ортоучасткам и годам, второе — показатели точности опытов (математические таблицы). Таблицы урожайности составлены по всем сортам, испытывавшимся в 1938 г., и по всем ортоучасткам. Участки разгруппированы по естественно-историческим подзонам на основании предварительного сельскохозяйственного районирования, произведенного в республиках, краях и областях инспекторами Госкомиссии и местными земельными органами. По каждой подзоне, представляющей однородную в естественно-историческом отношении территорию, по каждому сорту выведены средние показатели урожайности — в сопоставлении с наиболее распространенным в данной подзоне сортом, принятым за стандарт.

Торфяной фонд РСФСР. Торфяные болота Ярославской области, по состоянию на 1 января 1939 г. (Нар. ком. зем. РСФСР. Отдел торфа и Центральн. торф. опытная станция), (изд. 2-е, доп. и испр.), М., 1940, стр. 120, тир. 500, бесплатно.

Изданный Отделом торфа НКЗ РСФСР справочник торфяных болот с указанием их местоположения и количественной и качественной их характеристики имеет целью оказать помощь наркоматам, промышленным предприятиям и плановым организациям в деле расширения добычи торфа для нужд промышленности и сельского хозяйства.

Опечатка, замеченная в № 10

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
34	6 сверху	империалистической	империалистской

Содержание

	<i>Стр.</i>
Передовая — Краткий курс истории ВКП(б) и экономическая наука	3
Э. Брегель — Вопросы методологии политической экономии в работах Энгельса	12
М. Рыльский — Энгельс и «Капитал» Маркса	36
Г. Забродский — К вопросу о полном соответствии производственных отношений характеру производительных сил при социализме	51
Я. Кронрод — За творческую дискуссию, против схоластики!	65
А. Ноткин — Соотношение средств производства и предметов потребления . .	80
С. Хейнман — Об излишках рабочей силы и о производительности труда . . .	102
С. Трубников — Подготовка квалифицированных рабочих в промышленности СССР	130
Л. Берри — К вопросу о специализации и кооперировании в машиностроении	142
Б. Сухаревский — Проблемы воспроизводства основных фондов в промышленности СССР	154
А. Сергиевский — О рационализации перевозок массовых товаров личного потребления	182
Л. Мендельсон — Предистория циклических кризисов	191

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ

И. Писарев — Некоторые вопросы теории социалистического учета	203
Ф. Лившиц — Некоторые итоги года теоретической работы московских статистиков	215

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Сидоров — Хорошее пособие для изучающих политическую экономию . . .	230
М. Б. — Пути капиталистической рационализации	232
М. Кр. — Экономика социалистической промышленности	235
Г. Мовшович — Об учебнике экономики черной металлургии	240
Новые книги (Краткие аннотации)	244

Ответственный редактор **Б. Л. Маркус**

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, тел. К 1-25 81

Сдано в набор 11/XI 1940 г. Подписано к печати 23/XII 1940 г. Формат 70 × 107 Объем 15½ п. л.
Уч.-изд. 20 л. Союзгиз № 43 Заказ тип. 1563 А32807
Тираж 9850 экз. Техническое оформление И. Широкова

Открыта подписка на 1941 год

НА ЖУРНАЛЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Ежемесячный журнал.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. 48 руб.
» 6 » 24 »
» 3 » 12 »

Цена отдельного номера 4 рубля.

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО и МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Ежемесячный журнал.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. 48 руб.
» 6 » 24 »
» 3 » 12 »

Цена отдельного номера 4 рубля.

КРАСНЫЙ АРХИВ

Двухмесячный исторический журнал.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. 30 руб.
» 6 » 15 »

Цена отдельного номера 6 рублей.

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Выходит 4 номера в год.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. 48 руб.
» 6 » 24 »
» 3 » 12 »

(Журнал выходит в переплете).

Цена отдельного номера 12 рублей.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Двухмесячный библиографический бюллетень.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. 30 руб.
» 6 » 15 »

Цена отдельного номера 5 рублей.

АРХИВНОЕ ДЕЛО

Выходит 4 номера в год.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. 10 р. — к.
» 6 » 5 » — »
» 3 » 2 » 50 »

Цена отдельного номера 2 р. 50 к.

Подписка на все журналы Соцэкива принимается всеми предприятиями связи (городскими и районными отделами, всеми почтовыми отделениями и агентствами), а также письмоносцами и общественными Уполномоченными по распространению печати.

Цена 8 руб.

СОЦЭКГИЗ

с 1. 1-1961 г.
Допл. — р. 80 н.

Открыта подписка на 1941 год

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ГОД
ИЗДАНИЯ
12-й

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Отв. редактор **Б. Л. ШАРКУС**

12
НОМЕРОВ
В ГОД

ЖУРНАЛ РАЗРАБАТЫВАЕТ
на основе марксистско-ленинского учения проблемы политической экономии, экономической политики, проблемы методологии и истории экономических наук, вопросы истории народного хозяйства СССР.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН
на научных работников, преподавателей и слушателей высших учебных заведений, партийный и советский актив, работников хозяйственных организаций и т. д.

Подписка принимается всеми предприятиями связи (городскими и районными отделами, всеми почтовыми отделениями и агентствами), а также письмоносцами и общественными уполномоченными по распространению печати.